

А. ИМЕРМАНИС, Г. ЦИРУЛИС
«ТОБАГО» МЕНЯЕТ КУРС
ТРИ ДНЯ В КРИСПОРТЕ
«24-25» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.

МОСКВА ~ 1973

А. ИМЕРМАНИС
Г. ЦИРУЛИС

«ТОБАГО»
МЕНЯЕТ КУРС
~
ТРИ ДНЯ
В КРИСПОРТЕ
~
«24-25»
НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Рисунки И. Чуракова и А. Колли

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Авторизованный перевод с латышского Юрия Каппе

Имерманис А. А. и Цирулис Г. Е.

И51 «Тобаго» меняет курс. Три дня в Криспорте. «24-25» не возвращается. Приключенческие повести. Авторизованный пер. с лат. Ю. Каппе. Рис. И. Чуракова и А. Колли. М., «Дет. лит.», 1973.

352 с. с ил. (Б-ка приключений и научной фантастики).

События, описываемые в приключенческой повести «Тобаго» меняет курс», относятся к периоду присоединения Латвии к Советскому Союзу. В центре повествования — команда торгового латвийского судна «Тобаго», находящегося во время этих событий в океанском плавании. «Три дня в Криспорте» — приключения советских моряков в зарубежном порту. «24-25» не возвращается» — повесть о поиске преступника.

И 0763—520 573—73
101(03)73

С(Лат)2

Иллюстрации.
© Повести «Три дня в Криспорте» и «24-25»
не возвращается»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г.

«ТОБАГО»
МЕНЯЕТ КУРС

Авторам приключенческих романов во всем мире нередко задают вопросы: происходили ли в действительности события, описанные в книге? Существуют ли живые прототипы героев произведения? Чтобы избежать прямого ответа и возможных нежелательных для себя последствий, писатели в капиталистических странах имеют обыкновение помещать в начале книги предупреждение, что, мол, всякое сходство персонажей романа с реальными лицами совершенно случайно и непреднамеренно. Мы же, советские писатели, стремящиеся к типичности литературных образов, напротив, всегда питаем надежду, что читатель в героях произведения узнает себя, своих современников. Это, разумеется, не значит, что мы претендуем на полную историческую достоверность всех изображенных в повести событий. Но тем не менее в основу сюжета повести легло действительное происшествие.

В связи с этим уместно напомнить молодому поколению читателей, что в Латвии до лета 1940 года господствовала власть капитала. В исторические июльские дни сорокового года, когда волей трудового народа буржуазная Латвия стала социалистической республикой и вошла в состав Советского Союза, многие торговые корабли Латвии находились в заграничном плавании. В это время ряд стран Европы уже был охвачен пожаром второй мировой войны, фашистские подводные лодки бороздили моря и океаны, торпедируя корабли даже нейтральных стран, перевозившие грузы для Англии и ее союзников. Таким образом, возвращение на родину национализированных судов латвийского торгового флота стало не легким делом для их экипажей, если учесть, что их возвращению чинили всякие препятствия оставшиеся за границей представители буржуазного правительства и недавние судовладельцы, старавшиеся любыми средствами удержать свою собственность, ставшую законным достоянием народа. Англия и США оказывали им в этих преступных намерениях всевозможную поддержку.

В ту пору находился в дальнем плавании и крупнейший грузовой теплоход Латвии «Герцог Екаб». Известие об установлении в Латвии народной власти застало его в Тихом океане на пути в порт Кальяо и было с энтузиазмом встречено командой. Но откликнуться на призыв нового правительства и немедленно взять курс на родину не было возможности — слишком мал был запас топлива, пресной воды и продовольствия.

В порту Кальяо и начались злоключения латвийских моряков. Полицейские власти попытались наложить арест на судно, экипажу запретили сходить на берег, морякам предлагали американское подданство, сулили всяческие блага. Когда же все эти происки оказались безуспешными, морякам пригрозили тюремным заключением за «коммунистическую агитацию». И вот в этих нелегких условиях команда приняла единственно правильное решение. Под покровом ночи вооруженную охрану высадили в шлюпку, и «Герцог Екаб» с погашенными огнями покинул порт. Побег удался. Через несколько недель плавания теплоход прибыл во Владивосток, где отважных моряков встретили как героев.

Познакомившись подробнее с этим событием и участниками дерзкой операции, мы решили использовать некоторые его обстоятельства для сюжета повести, в которой хотели показать, какие чувства движут людьми, получившими вдали от родины известие о том, что отныне они — свободные граждане государства трудящихся. Какими путями пришли к единому решению люди, разные по характерам и воззрениям на жизнь? На этот вопрос нам и хотелось дать ответ, когда мы писали повесть. Обстановка на «Тобаго» существенно отличается от условий, в которых оказалась команда «Герцога Екаба». Борьба экипажа за «Тобаго» была намного труднее хотя бы потому, что на борту оказались также хозяин судна и его дочь Алиса, ее жених Паруп и некий таинственный беглец — персонажи, которые помогут читателю составить представление о политических силах, действовавших в Латвии летом 1940 года.

Повесть «Тобаго» меняет курс» мы посвящаем отважным морякам, которые, преодолев все препятствия и лишения на своем пути, возвратились на родину — в Советскую Латвию.

Авторы

Германская подводная лодка всплыла совершенно неожиданно.

До этой минуты ничто не предвещало опасности.

«Тобаго», гордость торгового флота Латвии, спокойно взрезая форштевнем простор Атлантического океана, нес навстречу американскому берегу восемь тысяч тонн консервов, спичек и первосортных яиц, двадцать восемь человек экипажа, трех пассажиров и одного беглеца, за- таившегося в туннеле гребного вала.

«...Шестьдесят четыре мили. Сила ветра: 3 балла, волнение: 1 балл. Видимость хорошая. Особые происшествия: никаких. Вахту сдал в 00 час. Первый штурман Нордэкис».

Он выпрямился и аккуратно закрутил колпачок авто- ручки. Второй штурман Карклинь, по обыкновению, за- паздывал. В ожидании смены Нордэкис стал маши- нально перелистывать вахтенный журнал. Он открывал- ся торжественной записью: «Сегодня «Тобаго» спущен на воду в доке судостроительной верфи братьев О'Дэво- рен». Государственные мужи, предоставившие Квиесису крупный заем, в полном составе явились на церемонию приемы судна. Об этом рассказывала другая запись: «12.00. Под звуки государственного гимна на борт поды- маются глава государства д-р Карл Ульманис, министр общественных работ Альфред Берзинь, министр финан- сов Экис...» В последующие три месяца в жизни судна

ничего особого не произошло. Но вот и первое чрезвычайное происшествие: «08.32. Из Штеттина получена радиogramма о том, что вчера, при прохождении Одерского канала, за борт упал наш старший механик Свадруп. При проверке оказалось, что сообщение соответствует действительности». Позднее Свадруп рассказывал, что среди ночи он проснулся и вышел подышать свежим воздухом, но вдруг у него закружилась голова, и он потерял равновесие. Пришел в себя, лишь очутившись в холодной воде, до берега доплыл полуживой. Зато матросы божились, что к берегу он поплыл умышленно, дабы опохмелиться бутылкой пива после изрядной пьянки в компании штурмовиков.

Нордэкис, как большинство людей на судне, не परिवаривал форму морского айзсарга и вечное хвастовство Свадрупа своим патриотизмом. Воспоминание о происшествии с инженером ненадолго подняло настроение. Однако уже десять минут первого, а Карклинь все не идет. Нордэкис обратился к матросу, который от безделья выводил пальцем сердечки на запотелом окне штурманской рубки:

— Пожалуйста, подите к штурману Карклиню и напните о его обязанностях.

Подчеркнутая вежливость в обращении с людьми была почти единственным, что осталось у него от университетских времен. С того дня как он решил из интеллигентного безработного стать простым матросом, Нордэкис старался не вспоминать о своем академическом прошлом. Однако он считал, что образование предъявляет известные требования к человеку, и никогда не опускался до вульгарной брани, которой в минуты гнева не гнушался даже капитан Вилсон.

Явился Карклинь. В левой руке он держал форменную фуражку, правой продира л свалявшиеся во сне волосы.

— Из-за тебя ни черта не выпался. Во сне все время бегал, тебя искал, чтобы ты шел на вахту. И знаешь, где наконец нашел? В каюте у Алисы. Только не помню — в кровати или под кроватью, тут меня как раз будил этот проклятый Зандовский.

— Я предпочел бы ничего не знать о ваших пошлых снах, — не повышая голоса, отозвался Нордэкис и вышел из рубки.

Ночь была теплая. Отсюда, сверху, судно радовало глаз изящными вытянутыми линиями. Мачта была такой высоты, что топовый фонарь, казалось, без всякой опоры раскачивался в черном небе. Небольшая волна с тихими вздохами билась о борта. Сдержанно постукивали мощные дизели.

Опершись на поручни, Нордэкис с наслаждением втянул в себя горьковатое, насыщенное водяной пылью дыхание океана. На фоне черных волн светло-серый корпус судна выглядел почти белым. Отчетливо вырисовывались огромные буквы ТОБАГО — ЛАТВИЯ, которые должны были на далекое расстояние оповещать всех о нейтральной принадлежности судна.

И все же Нордэкис перед уходом в плавание наведлся в страховое общество «Эрглис». Жене он про это не сказал, не хотел понапрасну волновать. Марта со дня на день ожидала ребенка. Возможно, сегодня он уже стал отцом.

Радист еще не спал. Из освещенного иллюминатора радиорубки слышалась танцевальная музыка, время от времени прерываемая монотонным попискиванием радиомаяка. Пела Зара Леандер. С тех пор как на судне появилась Алиса, Артур целыми днями транслировал модные песенки о любви.

Мелодия оборвалась на резком диссонансе. Минутная стрелка стенных часов подошла к красному сектору — трехминутному периоду, когда все радиооператоры обязаны слушать, не подаст ли кто сигнал бедствия. Поверх черной сеточки, стягивавшей волосы, Артур надел наушники. В этом необычном головном уборе он напоминал мотогонщика, который должен взять опасный поворот, — такое напряжение было написано на его лице.

Нордэкис вошел на цыпочках и тихо прикрыл за собой дверь. Радист не обернулся. Он что-то торопливо записывал.

— Есть новости? — спросил Нордэкис.

Радист не отвечал. Карандаш в его пальцах бегал по бланку, точно живое существо. Потом пальцы расслабились, и карандаш снова превратился в безжизненную деревяшку.

— «Кэйптаун» тонет... Слишком далеко от нас.

— Стало быть, новостей нет. — И Нордэкис вышел. О телеграмме из Риги Артур сказал бы сам.

Окна кают-компания были освещены. Нордэкис прошел мимо. Он и так представлял себе, что там происходит. У Парупа наверняка уже заплетается язык. Под вопросом может быть только причина — от коньяка или шампанского? Квиесис, как всегда, обходится двумя-тремя рюмками, но пьянеет от своих коммерческих планов. А бедняга Вилсон делает вид, будто он счастлив принимать гостей за капитанским столом.

У фальшборта Нордэкис заметил юнгу Зигиса. Хотел было отправить мальчишку спать, но махнул рукой — пусть помечтает.

Зигис не мечтал, он предавался воспоминаниям.

Впервые Зигис увидел море, когда ему было четырнадцать лет. В день рождения мать повезла его в Булдури. Отец остался дома мастерить игрушки. Вечером мальчуган с восторгом рассказывал о своих впечатлениях отцу. Малышом Зигис всегда заливался слезами, когда мать уносила из дома этих забавных дергунчиков. Потом он подрос и стал понимать, что для семьи дергунчики не игрушки, а хлеб. Но пришел час, когда и этого хлеба не стало. Отца уложили в гроб — вместе с орденом Лачплесиса и деревянной ногой. Гроб унесли. В тот самый день унесли и последние игрушки. Зигис должен был подыскивать себе настоящую работу. Поначалу мать даже слышать не желала о море. Потом она вспомнила, что капитан Вилсон приходился им каким-то дальним родственником. Он повел Зигиса к судовладельцу господину Квиесису. До сих пор Зигис только с улицы любовался такими домами. Теперь же он стоял в окружении зеркал, ковров и картин, среди громадных кожаных чемоданов, в которые нарядно одетая девушка укладывала платье за платьем. Оказалось, что нарядная девушка всего-навсего служанка. Вошел господин Квиесис и сердито отправил ее помогать барышне делать прическу. Затем судовладелец сурово посмотрел на мальчика и покачал головой — такого первый же шквал сдует с палубы. В эту минуту появилась Алиса. И Зигис все-таки получил место юнги на «Тобаго»...

Хотелось пережить настоящий шторм и, рискуя жизнью, мужественно спасти Алису. Но где-то в глубине души копошился страх. Больше всего пугала война. Каждый вечер в кубрике рассказывают о плавающих минах и торпедированных кораблях, про людей, которые,

не добравшись до берега, умирают от голода и жажды. А что, если и над ними стряется такая беда?

Океан безмолвствовал. В просветах рваных облаков бледно мерцали редкие звезды. У темного горизонта дотлевало зарево заката — багровое, с фиолетовым обводом. Внезапно сигарообразная тень перечеркнула фиолетовую полосу. В следующий миг яркая вспышка, за которой тотчас последовал грохот выстрела, вырвала из темноты очертания подводной лодки.

Матросский кубрик располагался в носовой части. В спокойные дни здесь было более или менее уютно. Уют придавали фотографии близких и виды Риги, красовавшиеся над койками; одежда, в особенности поло-сатые тельняшки и яркие косынки, местами прикрывавшие металлическую наготу переборок. И даже однообразный плеск волн, порой застилавших иллюминаторы форпика занавесками белой пены.

Едкий дым «Добельмана» клубился над головами игроков.

Галениек, чернявый парень лет тридцати, сидит без рубашки. Упавшие на лоб тонкие пряди волос от соленых океанских брызг стали похожи на проволоку. Блики от лампы в такт качке скользят по широкой груди, и вытатуированный на ней парусник словно плывет по волнам света. Якорь на правой руке в непрерывном движении — Галениек с такой силой хлещет картами по столу, точно от этого зависит удача в игре. Звонко брякнулся на пол пустой кофейник.

— Можно бы и потише! — Над верхней койкой показалась голова Августа.

С той поры, как в его руки попал «Таинственный корабль» — две тысячи страниц, да еще напечатанных готическим шрифтом, товарищи прозвали моториста Августа Кругосветным Путешественником. Он путешествовал с койки на койку. Днем поближе к иллюминатору, ночью — к лампе. Первые страницы книги хранили на себе масляные отпечатки пальцев. А потом заболел Цепуритис, и Августа назначили в вахту Свадрупа. В присутствии старшего механика дозволялось читать только инструкцию по эксплуатации двигателя.

— Не нравится, так убирайся в читальню,— рыкнул боцман.

Зальгабалс был разгорячен не менее остальных. Сейчас красное темя боцмана вполне могло бы заменить левый ходовой огонь корабля. Сам он никогда не брал карт в руки — боялся проиграть. Болтали, что в чулке у жены Зальгабалса уже хранится первый этаж собственного домика.

— Мне-то что, я из-за Цепуритиса.

— Поговори у меня еще! Ага, опять моя!

Галениек собрал взятки и посмотрел на койку, где под тремя одеялами тяжело вздымалась грудь Цепуритиса. Лицо желтое, седая пакля волос облепила покрытый испариной лоб. Уже не так громко, как до этого, Галениек сказал:

— Вылезай-ка, фриц, клистирный шприц!

Курт Ландманис не обиделся. Всегда чисто выбритые скулы, четыре смены робы, любовь к порядку — типичный немец. А раз немец, значит, фриц, даже если ты отказался репатриироваться в гитлеровскую Германию.

Игра продолжалась. Боцман заглядывал через плечо третьего партнера. Вообще-то Антон играть не умел, но если товарищам не хватало третьей руки, он безропотно проигрывал последний сантиметр. На этот раз ему удалось собрать все четыре туза. Боцман уже прикинул, сколько бы он выиграл на месте Антона. Видя, что тот собирается побить неправильно, Зальгабалс отдернул руку моториста и сам выхватил и бросил на стол даму трэф.

Антон покраснел. Румянец залил простодушную физиономию, слился с рыжими волосами и веснушками.

— Ты его слушай больше, дуралей,— злился Галениек. — А ты, боц, не суйся. Когда чихнут, можешь сказать: «Будь здоров», а дальше — твое дело маленькое.

— Воды, воды!.. — раздался слабый голос.

Антон тотчас вскочил и пошел с кружкой к больному. Цепуритис, скинув одеяло, метался в жару по койке. Антон попробовал приподнять голову старого моториста. Глаза Цепуритиса были закрыты.

— Воды!.. Воды надо отнести! — И он отвернулся к переборке.

Антон снова сел на свое место.

— Бредит... Ничего не поймешь. Жаль человека.

— Это у него после Гонконга, когда Цепуритис еще на англичанине плавал.

— Малярия дело не шутейное,— заметил боцман.— Говорил ему, чтобы на берегу сидел, да разве он послушает умного совета? А теперь другие за него работают.

— Так ведь Антон любит жертвовать собой для других,— улыбнулся Курт.— Почему ты хочешь лишить его удовольствия?

— Вечно вы меня подначиваете... На старой «Кримуде» одному мне было не справиться, а тут новые дизели...

— Мы что — играем или лекцию слушаем? — перебил его Галениек.— Кому сдавать?

Антон виновато взял карты. Взглянув на свои карты, Курт скривился и швырнул их на стол.

— Без меня.

Еще не подняв прикуп, Галениек залихватски крикнул:

— Пропадай все пропадом — рискну!

Распахнулась дверь.

— Немецкая подводная лодка! Все к шлюпкам! — выкрикнул Зигис. Как ни хотел парнишка, чтобы его слова прозвучали по-морскому лихо, однако голос предательски дрогнул.

Антон уже хотел вскочить из-за стола, но злой взгляд Галениека приказал его к месту.

— Ты чего орешь, малый! — Галениек схватил кофейник и замахнулся.— Пузыри ведь еще не пускаем.

— Это как знать.— Август радостно спрыгнул с койки.— А что, если в трюме вовсе не яйца, а гранаты?

— Я твой проклятый роман сейчас раз — и за борт! — пригрозил боцман, но сам подался к двери.

Послышалась сирена. Протяжный вой проникал в каждую щель, заставляя вибрировать все переборки.

— Ты не злишь, Галениек, я тут ни при чем.— Антон надел спасательный пояс.

Все заторопились наверх.

— Пачкуны несчастные, какую игру мне испортили,— пробормотал Галениек.

Он нехотя поднялся. Подобрал листок с записью игры, сунул в карман, отправился вслед за товарищами.

Сирена жалобно оборвалась. Кубрик наполнила тишина. Тяжкая, мучительная. И в ней, как далекий вопль о помощи, прошелестел шепот Цепуритиса:

— Пойти надо... человек... Нельзя же бросать человека!..

Но его никто не слышал.

Первым про больного Цепуритиса вспомнил Антон. Веснушки на его бледном, перепуганном лице пылали, точно аварийные сигнальные лампочки. Антону казалось, что минуты «Тобаго» сочтены. И именно этот страх перед неминуемой гибелью заставил его вспомнить о брошенном товарище.

Кто бы мог подумать, что после пяти дней потогонной лихорадки Цепуритис еще может столько весить? И до чего неловко тащить это большое, рукастое и ногастое тело! Нет, одному не управиться — не волочить же, как мешок с костями, еще живого человека. Но когда на трапе раздалися шаги, лязгнула дверь, Антон обомлел от страха.

— До каких пор будешь тут чикаться, баранья голова!

В кубрике стоял Галениек, а не немец с автоматом. И Антону показалось, что теперь у него хватило бы сил и без помощников вынести Цепуритиса на палубу.

«Хотите избавиться от своей малярии — перемените климат, вам нужен другой воздух, — сказал когда-то Цепуритису врач из больничной кассы. — Я на вашем месте поселился бы в Сигулде».

Цепуритис многое сделал бы на месте врача — поселился бы в Сигулде, не позволил бы дочке работать в ночном ресторане. Но Цепуритис не был врачом. На его зарплату моториста кормились четыре души. Цепуритис поблагодарил за совет, вручил талон за визит и вернулся на судно.

В известной степени врач оказался прав — свежий ночной воздух вернул Цепуритису сознание. Он дышал тяжело, словно вытасченный из воды утопающий. Открыл глаза. Пелена, мешавшая мозгу воспринимать внешние впечатления, спала.

Цепуритис приподнялся на локтях. Обзор расширился. Вон подводная лодка телеграфит прожектором какой-то приказ. За ее приближением следят из-под спасательных шлюпок странно растолстевшие матросы.

— Сейчас подойдут вплотную, — читал боцман сигналы. — Приказывают спустить трап с левого борта.

— Наверно, вспомнили про оставленного в Латвии

соотечественника.— Голос принадлежал, конечно, Галениеку.— Тебе, Курт, теперь только перешагнуть через борт и прямая дорожка в фатерланд.

Матрос не отвечал. Он просто не знал, как на это ответить. Даже для себя он не находил окончательного ответа, когда пробовал осмыслить, где же его, Курта Ландманиса, настоящая родина. В Германии, где родились его предки? В Латвии, где родился он сам? Или в другой стране, где он когда-нибудь бросит якорь и где родится его сын? И так же как не мог он остановить свой выбор ни на одной из девушек, встречавшихся во многих гаванях, Курт не мог дать себе ответа и на этот вопрос. Видно, правда, что для моряка родина — весь белый свет, любой гостеприимный берег.

— Я же говорил, они станут обыскивать судно! — напомнил Август.— Вы еще увидите, что мы везем не только шпроты и яйца!

Цепуритис вздрогнул. Тревога была пока смутной, хотелось верить, что он просто не может отделаться от кошмара.

— Где мы? — Голос был слаб, но внятен.— Сколько я проспал?

— Пять дней капитан тебя хиной кормил,— ответил юнга и невольно прыснул.— Мы уж думали, концы отдашь.

Сколько времени человек может выдержать без воды? Два дня, четыре, пять? Он не знал, на который день умирают от жажды. Он знал одно: дорога каждая минута!

— Помоги встать!

Ноги не слушались. Он зашатался... и пошел! Тревога толкала его вперед, помогала напрячь силы. Хорошо еще, что можно опираться на поручни трапа. Никогда путь до машинного отделения не был таким длинным. Одна палуба, вторая, третья. В уши ударила могильная тишина — машины застопорены, команда сгрудилась на палубе у спасательных шлюпок. А он чуть не бросил товарища!

Цепуритис открыл низкую дверцу. В коридор гребного вала мотористы залезали только при авариях.

Туннель казался бесконечным. К черту предосторожности! Цепуритис хотел позвать, но вдруг сообразил, что он не знает даже имени этого человека.

— Алло!

Исковеркав звуки, на зов откликнулось глухое эхо. Старик торопился вперед, даже дверь не прикрыл за собой. Может, еще не поздно...

— Алло! Это я, Зайгин отец!..

Цепуритис достиг убежища. Выгородка пуста. Пуст был и глиняный кувшин, который он оставил беглецу пять дней тому назад. Тяжкая пустота в голове мешала сообразить, что на судне человек не может пропасть бесследно.

Он был уже за углом, когда раздался сухой треск первого выстрела. «Вальтер»... Он сам два года не расставался с пистолетом этой системы, излюбленным оружием большинства офицеров разведки.

Момент побега был тщательно продуман. Сейчас в кинотеатрах кончится сеанс. Улицу запрудят прохожие. Лавина людей вклинится между ним и преследователями. На бегу он бросил взгляд на часы над ювелирным магазином. Но если их стрелки врут хоть на одну минуту — все пропало!

Позади рванули воздух «вальтеры». До жути хотелось оглянуться, прикинуть расстояние до преследователей. Оглянуться, потерять секунду — это означало смерть.

Выстрелы все ближе, ближе. Как на поле боя. Но там рядом всегда свои; здесь же любой может обернуться врагом. Достаточно раздаться крику: «Держи его!» — и все бросятся вдогонку, преградят путь. Пока что преследователи не кричали, полагаясь на свое оружие. Где-то рядом свистнула пуля и угодила в витрину магазина. Он нагнулся, петляя, перебежал через улицу. Как раз вовремя, чтобы смешаться с толпой, вылившейся из дверей «Радио-Модерна». Люди говорили о картине. Сейчас они жили Гарри Пилем, радовались его счастливому побегу из тюрьмы. Никому из них и в голову не приходило, что рядом с ними сейчас шагает настоящий беглый узник. Людской поток вынес его на Елизаветинскую. Впереди путь свободен. Хотелось опять пуститься бегом. Нельзя! Нельзя привлекать внимание. Он заставлял себя идти шагом. Это было трудно. Он оглянулся. Позади в людской толчее обозначилось волнообразное движение. Там преследователи плечом и локтями прокладывали себе путь.

Он невольно перешел на бег. И сразу же раздался крик. Крик, которого он так опасался. Его заметили. Сбавлять шаг уже поздно. Только вперед, сколько хватит сил, вперед! Но силы иссякают. За спиной — топот. Наверное, люди думают, что ловят вора. Неизвестно, как бы они поступили, если бы знали правду. Промелькнул плакат: «Красная кошка» — фарс с участием знаменитых комиков Тео Лингена и Пауля Кемпа. В следующий момент все четыре двери кинотеатра «Парк» распахнулись, извергли на улицу зрителей. Публика улыбалась — она весело провела время. Люди расплеснулись во всю ширину улицы, смешались с теми, кто вышел из кино «Астра», уже нельзя было разобрать, кто куда движется. На этот раз он не повторил ошибки. Он старался идти не быстрее окружающих. Впереди было еще два кинотеатра — еще несколько мгновений передышки, прежде чем возобновится погоня смерти за жизнью. «Сплendid-Палас». Американский фильм «Шпион Икс». В главной роли — Марлен Дитрих. И опять несколько сот человек, которые создадут барьер между ним и преследователями... Кинотеатр «Маска». Стоило увидеть афишу, как стало ясно, что шансы на спасение резко упали. Картина в двух сериях. Проклятье! Сеанс, еще не кончился. Через тонкую стенку слышны выстрелы, свистки, леденящие душу крики. Нет, крики раздаются здесь же, на улице.

Он рванулся вперед. У министерства юстиции стоит

долговязый полицейский. Еще не поняв толком, что происходит, блюститель порядка выхватил свисток. Всполошенные трелью люди высыпают из Молочного ресторана, из «Эспланады». Полицейский тоже присоединился к погоне — одна его рука расстегивает кобур револьвера, другая размахивает резиновой дубинкой. Силы на исходе!.. Сейчас настанет конец!

Впереди вспыхнул прожектор. Машина! Хотя бы оказался старый «форд» или «минерва» — с широкой подножкой! Слава богу! Рискую угодить под колеса, он метнулся к автомобилю, вскочил на подножку. К стеклу при-

жалось лицо. Белокурые волосы и потешно широкий нос. Беглец сунул руку в карман, точно там лежал его «вальтер». «Жми на газ, застрелю!» Лицо отпрянуло вглубь. Лимузин дернулся вперед. Отливом замирали крики погони.

Через несколько кварталов он убедился, что улица пуста, велел сбавить скорость, соскочил. В киоске купил английскую газету и долго не мог отдышаться, спрятав лицо за щитом «Дейли Мейл». Но вот наконец дыхание пришло в норму. Пересек полутемный парк. Снова вернулось хладнокровие, вернулась способность до мелочей воспринимать окружающее. На Эспланаде ребята играют в мяч. Сидят на лавочках старушки, вспоминают молодость и пересушивают публику, хлопающую дверями кафе «Рококо». В боковой аллее цветочница предлагает прохожим цветы, которые ее сын ночью крал на этой же аллее. У фонтана девицы ожидают своих кавалеров, возле памятника Барклаю де Толли парни ожидают своих девиц. У них нет денег, чтобы назначить свидание в кафе. Однако все они верят, что когда-нибудь обязательно разбогатеют. Разве имеет смысл жизнь без денег?

Его жизнь имела смысл. Был смысл и бежать, хотя это могло кончиться смертью. Не ради себя рисковал он получить пулю в затылок. Он шел на риск, чтобы спасти других. Теперь надо попасть в «Максим-Трокадеро», к Зайге. Надо предупредить, спасти товарищей от провала. Он пересек улицу.

Швейцар «Максим-Трокадеро» судил о посетителях по обуви. Это она в первую очередь появлялась на ступеньках, ведущих в подвал. Туфли были безусловно заграничного фасона, в руках иностранная газета. Швейцар распахнул дверь, даже не взглянув на простой костюм посетителя, распухшее, в синяках лицо.

Следы побоев сразу заметила гардеробщица. Кроме них, Зайга не видела ничего. Перед собой, справа, слева — во всех зеркалах, которые были призваны отражать маски жизни, а теперь показывали жизнь без маски. Зайга почувствовала себя виноватой в том, что случилось с ним.

За его спиной вяло бурлил иной мир. Фальшивый свет, фальшивые улыбки, фальшивые слова. Бардамы изображали страсть и прижимались к толстым животам кавалеров, к их толстым бумажникам. Деревенские отцы

семейств изображали из себя кутил и пытались утопить в вине страх перед женами, перед дурной болезнью. Женщины изображали наивных девушек, девицы изображали многоопытных женщин. И все прочувствованно вторили оркестру, напевая сочиненное в Чиекуркальне аргентинское танго: «Я знаю, слова твои лживы...»

— Письмо не настоящее, почерк подделан. Мы провалились. Надо предупредить остальных! Ты должна скрыться, Зайга!

Они сидели в темном углу гардероба. Их скрывали дорогие габардиновые пальто, плащи, длинные дамские жакеты.

Но к утру и здесь останется лишь общипанный лес вешалок с номерками на крючьях. Надо искать более надежное убежище.

— На пароходе тебя никто не найдет. Я отведу тебя к отцу.— Зайга подала ему чей-то синий пыльник.— Надевай, этот всегда сидит до закрытия.

Городские улицы уже стихли, а в порту кипела лихорадочная работа. Они остановились у большого судна. «Тобаго» — кричали огромные буквы на борту. Белая струя пара, взлетающая над трубой, и гул машин говорили о том, что корабль уйдет сегодня ночью. Скрежетами краны, гремели цепи, грохотали бочки. Люди приходили и уходили, несли и катили, командовали и бранились. Перед отплытием ругаться не запрещалось никому — лишь бы скорее спорилась работа. Штурман ругал кранового машиниста. Машинист ругал формана грузчиков. Тот — своих артельных. Грузчики кляли ломовиков, которым оставалось отыгрываться только на спинах своих коняг. И даже лошади присоединяли к общей суматохе свое ржание.

По трапу непрерывно шли люди. Ковыляли матросы, уже успевшие «попрощаться» с Ригой. Торопились девушки в надежде урвать еще несколько минут свидания перед разлукой. С достоинством шагали таможенные чиновники. Под тяжестью кожаных чемоданов гнулись носильщики. Кок и юнга сновали взад-вперед, перетаскивали на палубу только что привезенные продукты. Несколько назойливых нищих безработных матросов осторожно крались наверх, чтобы получить последнюю подачку на камбузе.

В таком столпотворении любой мог без труда про-

никнуть на корабль. Зайга вбежала по трапу на судно. Вскоре она уже опять стояла рядом.

— Отец согласен, он ждет тебя. Вон тот, седой, видишь?.. Я побежала.

— Зайга!

— Что? — нетерпеливо обернулась она.

— Плещ.

Они расстались. Зайга нырнула во тьму, он выплыл в море света. Под ногами пружинит трап, и вот он уже на палубе. Моторист затащил его в тень.

Захлопнувшаяся крышка люка отсекала шумы гавани. Крутые лесенки, темные переходы, снова лесенки. Согнувшись, они двигались по тускло освещенному коридору гребного вала. Вот небольшая ниша — его убежище. Немного погодя Цепуритис принес кувшин с водой, каравай ржаного хлеба, такелажный нож. Обещал скоро прийти опять. Это было пять дней тому назад. Вечность тому назад...

И ему пришлось трудно.

Трудно сидеть в тесном углублении между переборками, где нельзя даже вытянуться во весь рост. Мир сжался до тесного, низкого туннеля с ржавыми стенками, с тусклыми лампочками, захватанными масляными пальцами. Орудием пытки стал бесконечно длинный гребной вал. Он все крутится и крутится, от его бегучего блеска резь в глазах, от непрерывного гула — резь в ушах.

Трудно сутки за сутками томиться бездельем, не зная, сколько еще их впереди. Дни слились в нескончаемую тоскливую череду. Вначале была газета, но ее страницы постепенно ушли на самокрутки. Содержание он помнит наизусть, оно не обратилось в пепел. Пепел остался от поверженной Франции. Германия объявила беспощадную подводную войну Великобритании. А Ульманис собирался самолично открыть в Даугавпилсе праздник песни. Из последнего клочка он выкроил ровную полоску, но даже в швах подкладки не удалось наскрести табака на сигарку.

Трудно без еды. Хлеб, порезанный на бесчисленные ломтики, давно съеден. Подобраны с пола последние крошки.

Но страшнее голода была жажда.

Пустой кувшин лежал на полу. Бессмысленно лиш-

ний раз подносить его к губам. Сухой, распухший язык давно впитал малейшие следы влаги.

Снова и снова он тревожно смотрел на люк, за которым исчез Цепуритис. Неужели отец Зайги больше не придет? Он с трудом поднялся на ноги. Придерживаясь за стенки коридора, подошел к стальной дверце и прислушался. Тишина.

Он поглядел на часы. Три. Наверху сейчас ночь, и почему-то вдруг возникла уверенность в том, что идет дождь. Казалось даже, что сквозь рокот машин можно разобрать, как барабанят тяжелые капли.

Высунувшись из люка, он запрокинул голову и жадными губами ловил воображаемую влагу. Но дождя не было и в помине. И ночь тоже еще только спускалась над океаном. Стоял поздний июньский вечер, хранивший в себе отблеск долгого летнего дня.

Палуба казалась покинутой, вымершей. Из светового фонаря над машинным отделением бил свет. Он поспешил выбраться из предательского потока. Однако назад в люк не полез.

Не напившись, он не вернется в свое убежище. Должна же где-то быть вода. В спасательной шлюпке! Когда грохнул орудийный выстрел, он уже отвязывал брезентовый чехол. Взыла сирена. Запылали прожекторы. Палуба ожила.

Путь к люку отрезан. Он юркнул в тесный проход. По обе стороны коридора видны двери. Двери! За ними вода, хлеб, спасение! Но за ними есть и люди! А людей он должен опасаться. Не только из-за себя, но и из-за Цепуритиса. Необходимо проскочить коридор, найти путь вниз, вернуться в туннель.

Он не сделал и двух шагов, как в противоположном конце коридора открылась дверь. Вошел человек в форме командного состава.

Положение безвыходное. Он рванул первую же дверь, захлопнул ее за собой и, словно забаррикадировав, прижался к ней спиной. Он еще не успел опомниться от волнения, но глаза его уже были прикованы к графину на столе. Вода!

Он прильнул губами к стеклянному горлышку, судорожно стиснув его пальцами. Он пил, пил, пил. И жизнь, булькая, вливалась в тело.

Взгляд скользнул по каюте. Лампа под розовым аба-

журом. Полка с книгами. Национальные латышские занавески — перед койкой и на иллюминаторе, черный круг которого пересекают два прожекторных луча. Рядом с койкой на плечиках женское платье. Платье. Почему на пароходе — платье?

За тонкой стенкой каюты плещутся волны. Волны и должны плескаться — иначе они не были бы волнами. Плеск убаюкивает. Алиса прикрыла веки — всего лишь на миг. Волна тотчас обратилась в маятник стенных часов. Он то удаляется, то приближается. Взад-вперед, взад-вперед. Однообразен ритм его движения. Туда и назад. Иначе остановились бы часы. Без движения остановилась бы и жизнь...

Мысли путаются. Алиса заставляет себя открыть глаза. Она не должна засыпать. Она хочет наконец разобраться в своей жизни, понять ее.

Ее жизнь — нет, она не была океаном с крутыми волнами. Она была спокойной рекой и текла по прямому руслу. Старательно укрепленные привычные берега не позволяли ей разлиться, как бы ни хотелось того. И во избежание наводнения избыток вод всегда своевременно отводили в новое русло — такое же ровное, так же хорошо защищенное. Мать умерла рано, и отец отправил Алису в Швейцарию. Все годы в женском пансионе она мечтала лишь об одном — о свободе. Вставать, когда заблагорассудится, носить пестрые нарядные платья, а не ненавистную форму с накрахмаленным белым передником. Хотелось бегать по лесу, лазать по горам, а вместо этого приходилось под присмотром классных дам совершать променады по бульварам. Книги и те опостытели из-за одного того, что их украшал штамп пансиона — «Допускается для чтения благородных девиц». И вот она часами, при свете карманного фонарика, читала под одеялом о всяких приключениях. А потом так же долго мечтала о побеге из пансиона, об опасных, захватывающих похождениях. Бежать, однако, не понадобилось. Помогла война. Приехав на летние каникулы к отцу, Алиса уже не вернулась в Швейцарию — путь через рушащуюся под бомбами Польшу оказался закрытым. Но и в особняке на улице Аусекля девушка не нашла свободы. В девять часов ее будила Эрна: «Ванна готова!» Тепленькая, та-

инственно зеленая от хвойного экстракта вода. Эрна приносила пеньюар. В спальне Алиса находила отглаженную юбку и блузку, начищенные туфли. Одевшись, она садилась причесываться. Жесткая щетка в руках Эрны мягко скользила по длинным волосам. Алиса обожала свои волосы. Как ей хотелось причесываться самой! Ее ничуть не радовало то, что день начинался с Эрны и кончался Эрной. Но Алиса знала, что при ее положении без горничной обходиться нельзя. Однажды Арнис, неисправимый фантазер, затащил Алису куда-то на танцульку. Там она увидела Эрну. Горничная, забыв обо всем на свете, отплясывала с каким-то парнем. Парень был без галстука, разгорячен, его потная рука с трауром под ногтями плотно лежала на элегантном, кремовом платье Эрны. Эрны? Нет! На ее, Алисином платье! Платье было позаимствовано из обширного гардероба Алисы. Алису обуяла безотчетная злость. То ли из-за того, что теперь платье придется отдавать в чистку, то ли из-за того, что Эрна даже не оглядывалась на хозяйку... В кремовом туалете Эрна выглядела настоящей светской барышней. Алиса на мгновение попыталась представить ее барышней, а себя горничной. Быть может, тогда и она танцевала бы так же самозабвенно, как Эрна. Но в гостях у министерш и на балах в офицерском собрании никто никогда не забывался. Там все было рассчитано — каждая улыбка, каждое слово, каждое движение. Чтобы пришло ощущение непринужденности, Алиса благосклонно позволяла угостить себя рюмкой-другой вина. От вина становилось весело. Зато наутро побаливала голова. Не хотелось открывать глаза. Она и так знала, что у кровати стоит Эрна и держит наготове японское кимоно, что потом ванна, одевание, завтрак с отцом, прогулка по магазинам, а вечером опять куда-то в гости. Только трудно вспомнить, куда на сей раз. В голове пусто. И жизнь тоже пуста. Пуста до бессмыслия.

Затем Алиса узнала, что отец собирается за океан. Вот она, негаданная возможность вырваться из оков обыденного. Правда, отец всячески отговаривал ее, пугал подводными лодками, минами, штормами, но именно это и соблазняло Алису. Манил далекий берег, неведомые города, люди. И первые дни на судне она чувствовала себя почти счастливой. Прежде всего оттого, что не было Эрны. Отец, разумеется, настаивал на том, чтобы

взять с собой горничную, но Алиса не сдалась. Теперь она сама вставала, сама одевалась, сама причесывалась. Тут не было ни магазинов, ни званых вечеров, ни тысяч иных мелочей, из которых состояла ее жизнь в Риге. На судне Алиса наслаждалась свободой. Она была свободна, как вечно мятущиеся волны, что приходили неизвестно откуда и катились неведомо куда. Это была настоящая жизнь!..

Хотя вряд ли настоящая... Настоящая жизнь, возможно, была у капитана Вилсона, когда он стоял на мостике и задавал курс кораблю. У матроса, который скатывал из шланга палубу. У моториста, высунувшего на миг голову из люка машинного отделения, чтобы хлебнуть хоть каплю прохлады. Да у кого угодно на судне, только не у нее.

Настоящая жизнь, быть может, начнется, когда она выйдет замуж за Парупа. Алиса еще не знала толком, выйдет ли она за него, так же как не знала, нравится ли он ей вообще. Паруп видный мужчина — в тот раз, на «балу прессы» Алиса обратила на него внимание еще до того, как их познакомили. Элегантный костюм, безукоризненные манеры, превосходный танцор. Он умел делать тонкие комплименты. Правда, иногда они звучали слишком красиво, и тогда у Алисы возникало чувство, будто она глотнула приторно-сладкого, липкого ликера. Сам Паруп никогда не пил ликер — только коньяк или шампанское, но зато в изрядном количестве. Он мог себе это позволить, ему принадлежали три великолепных дома на Мариинской. Эти дома так заворожили отца, что он фактически даже не спрашивал — согласна ли Алиса. В конце-то концов, чем Паруп хуже прочих ее поклонников? То, что он попивает, может, как раз хорошо. Будет сидеть в ресторанах или коротать время в гостях с такими же пьяницами, как сам. А у нее будет полная свобода... Свобода, а для чего она? Для тех же прогулок, магазинов, визитов к приятельницам, театральных премьер и балов? Нет, и это нельзя назвать настоящей жизнью.

Настоящая жизнь, настоящая жизнь... Словно Алиса имела представление о том, что это за штука. Она лишь иногда рисовала ее себе такой, какой хотелось бы. Уже в полусне она предавалась туманным грезам. Мысли Алисы были слишком расплывчаты, далеки от действительности, чтобы назвать их иначе. Она пыталась вооб-

разить, что «Тобого» не принадлежит ее отцу, что она тайком пробралась на судно и спряталась в трюме, что в Сантаринге ей придется продать обручальное кольцо, чтобы прожить первую неделю и снять комнату. На этом фантазия Алисы иссякла. Что будет дальше, она не могла себе представить. И поэтому все, что будет впереди, чудилось ей дремучим лесом, полным неведомых опасностей и испытаний. Алиса сомневалась, сможет ли она пробиться через темную чащу. У нее было лишь смутное предчувствие, что за этими джунглями она найдет свободу, настоящую жизнь.

Трудно постичь смысл жизни. Алиса устало отдалась баюканью монотонного плеска волн. Ей приснился дремучий лес. Непроходимый, заросший лианами, жуткий. В руках у нее вдруг оказался топор. Она прорубалась сквозь непроходимые джунгли. Она должна пробиваться вперед, должна двигаться, иначе жизнь остановится. Руки покрылись мозолями и нестерпимо болели... Болели до слез. Топор выпал из рук, она сдалась. Неожиданно дерево накренилось и упало, бухнув пушечным выстрелом...

...Алиса очнулась. Некоторое время она лежала неподвижно, силясь сообразить, приснился ей этот выстрел или прогремел наяву.

Завыла сирена. Значит, все-таки что-то произошло. Алиса откинула одеяло, села в постели, натянула халатик. Однако с койки не вставала. Выстрел, сирена, тревожная дробь шагов над головой, команды, которые выкрикивал такой знакомый голос капитана Вилсона, — все это как нельзя лучше отвечало ее грезам. Вот и воплотились туманные сны в ощутимую явь, от которой ее отделял лишь тонкий полог.

Когда отворилась дверь каюты, Алиса невольно вздрогнула. Через щель в занавеске она увидела осунувшееся, заросшее жесткой щетиной лицо, лихорадочно горящие глаза. Человек этот не из экипажа судна. Он пришел из неведомого мира, где гремят выстрелы и воют сирены. Алиса боязливо съежилась. Незнакомец вселял в нее страх, он был воплощением всех бесчисленных опасностей, подстерегавших ее за пологом, в дремучих джунглях жизни.

Незнакомец ринулся к столу, схватил графин с водой, стал пить. Алиса не представляла себе, что человек мо-

жет пить так жадно. По мере того как неизвестный утолял свою звериную жажду, лицо его принимало все более человеческое выражение. Погасли безумные огоньки в глазах, черты смягчились. Совсем другое лицо, и вовсе не такое страшное... Ввалившиеся щеки, темные круги под глазами, две страдальческие складки около рта. И все еще пьет!.. Капли стекают по подбородку, как у беспомощного младенца, и от этого к Алисе постепенно возвращается присутствие духа...

Человек допил графин до конца и осмотрелся. И снова его лицо выглядит иначе. Загорелое, открытое, мужественное. Если бы не эта длинная щетина, оно, наверно, было бы даже привлекательным...

Алиса встала и отдернула полог. Страх окончательно покинул ее.

— Что вы ищете в моей каюте? Что вам тут нужно?

Человек не отвечал. Осторожно, не торопясь он поставил графин на место, словно сейчас это было главным. Да, в самообладании у него недостатка не было. Ясные глаза его вдруг расширились, потемнели. Следуя за его напряженным, встревоженным взглядом, Алиса увидела на тумбочке свои золотые часики.

— Двенадцать... всего только двенадцать! А на моих уже поздняя ночь,— произнес незнакомец.

В его голосе слышалось такое глубокое и искреннее недоумение, что Алиса пришла в полное замешательство. Она забыла, что незнакомец так и не назвал причину своего дерзкого вторжения и объяснила:

— Мы же плывем на запад. Каждые сутки теряем по одному часу.

— На запад?

— В Сантаринг. А вы разве не знаете?

— Так далеко? А старик...— Он запнулся и умолк.

Вой сирены прекратился. Странно завязавшийся разговор оборвала напряженная пауза. Алиса собралась было повторить свой первый вопрос, как раздался то-ропливый стук в дверь.

Алиса посмотрела на дверь, затем на незнакомца. Взгляд у него был спокойный, повелительный, почти гипнотизирующий. Еще не поздно открыть — не углубляться в дремучий лес, идти дальше торной дорогой, проложенной для нее отцом. И все же она подчинилась, спросив через закрытую дверь:

— Кто там?

— Я, Артур — радист...

Во время тревоги радист обязан находиться в радиорубке. Судно могут торпедировать. От своевременно посланного в эфир сигнала SOS зачастую зависит жизнь экипажа. Артур знал об этом. И все-таки он в эту минуту находился не на своем посту, а у двери Алисы. Виной тому была фотография. У всех моряков над койками приклеены снимки красивых женщин. Если своей девушки нет, ее место занимает какая-нибудь актриса. Свой идеал Артур вырезал год тому назад из журнала «Атланта». Со снимка улыбалась девушка в белой спортивной блузке, белых шортах, с теннисной ракеткой в руке. Лишь много позднее Артур узнал, что эта современная фея — дочь его хозяина. Дверь каюты Алисы была из толстых дубовых досок, но Артур видел сквозь нее. Видел волнистые белокурые волосы девушки, тонкое, красивое лицо. Ради этого лица он был готов забыть о служебном долге.

— Вы еще тут, мадемуазель Алиса?.. Бегите скорее к спасательным шлюпкам... Немецкая подводная лодка...

— Бегу... Спасибо, Артур, большое спасибо!

Шаги удалились.

— Немедленно ступайте к шлюпкам! — повелительно произнес неизвестный.

— А вы?

— Мне нечего терять. Однако лучше, чтобы меня не видели. Вы обещаете молчать?

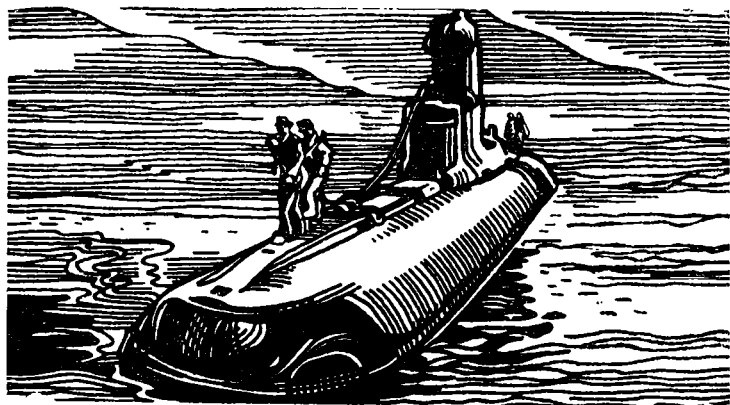
— Ладно, оставайтесь, — только и смогла сказать Алиса.

Она вытащила из-под койки пробковый жилет, бросила на прищельца пытливый взгляд и вышла, заперев за собой дверь. Она сама еще не знала, как поступит дальше. Но на всякий случай ключ положила в карман.

Лицо капитана Вилсона напоминало навигационную карту. Годы и заботы исчертили дубленую кожу бесчисленными линиями, словно острый карандаш нанес на нее все курсы, какими плавал матрос Вилсон, штурман Вилсон и капитан Вилсон. Вот уже двадцать лет как он командует судами Квиесиса. Поначалу старым трехмачтовиком «Виестуром», возившим лес до тех пор, по-

ка самого не изрубили на дрова. Затем «Кримулдой», водоизмещением в пять тысяч тонн. Когда Квиесис продал «Кримулду» и другие устаревшие суда, чтобы обзавестись новым, современным «Тобаго», четыре капитана стали не нужны. Вилсон никогда не забывал, что Квиесис отдал предпочтение именно ему. Да и как тут забыть, если хозяин сам к месту и не к месту напоминает о своем благодеянии. Из-за этого не раз приходилось соглашаться на второсортное горючее, что было выгодно судовладельцу, но машинной команде доставляло лишние неприятности. Из-за этого приходилось до-

поздна томиться в кают-компании и терпеливо слушать невнятное бульканье слов и хлопанье пробок. Если бы его команда знала, как капитанский мундир бывает подчас схож с ливреей лакея!

Команда не знала этого.

Матросы на «Тобаго» всегда представляли себе старого Вилсона только таким, каков он был сейчас, на мостике.

Широко расставленные ноги поддерживают массивный корпус. Серебристая борода. Капитанская фуражка с золотой оковкой по козырьку. И суровый, устремленный вдаль взгляд.

Удерживая «Тобаго» в клещах прожекторов, немецкая лодка приближалась малым ходом.

С немцами у капитана были старые счеты. В первую мировую войну он участвовал в сражении с германской эскадрой в проливе Моонзунд и ему пришлось вплавь добираться до берега с контуженной рукой. И по сей день он ей верил больше, чем судовому барометру.

Субмарина была большая. Один из тех подводных крейсеров, что гитлеровцы понастроили специально для дальних набегов. У орудия и пулемета стояли матросы в касках. Капитану Вилсону хотелось выругаться, крикнуть, чтобы подходили осторожнее, но он удержался. Плевать немцам на свежепокрашенные борта «Тобаго». Лучше отдать кранцы. А потом пришлось спустить и штормтрап.

Первым на борт «Тобаго» поднялся немецкий морской офицер в чине капитан-лейтенанта. Моложавый. Форма словно только что отутюжена. Латунные пуговицы надраены до блеска.

За ним по трапу влезли четверо вооруженных автоматами матросов. Механическим, отработанным движением направили стволы на Вилсона и Нордэкиса. Молча застыли в ожидании дальнейших приказаний командира.

— Погасить иллюминацию!— рявкнул капитан-лейтенант.— Англичан захотели привлечь?!

— Боцман, будьте добры, вырубите прожектор.— После грубого окрика офицера вежливый тон Нордэкиса прозвучал явным протестом.— Нашим гостям свет не угоден,— добавил он, словно извиняясь.

Прожектор погас. Одновременно исчезли снопы света, направленные с подводной лодки. Зажатая меж двух черных кораблей полоса воды выстреливала вверх белой пеной. Она обдавала боевую рубку лодки и стекала по ней светящимися каплями обратно в океан.

— Занять пост у радиорубки! Следить за командой! Проверить груз!— расставлял своих людей капитан-лейтенант. После чего обратился к Вилсону:— Попрошу предъявить судовые документы.

— Вы можете просмотреть их в кают-компании,— проворчал на корявом немецком языке Вилсон.— Там и владелец судна, господин Квиесис.

Кают-компания «Тобаго» в комфортабельности не уступала гостиной в особняке Квиесиса. Вращающиеся кресла, обитые мягкой красной кожей. В нише полукруглый диван, пианино. Украшенный народной латышской резьбой громадный буфет со специальными гнездами для бутылок и превосходного сервиза. Два фикуса в бочонках. Все это далеко выходило за пределы требований капитана Вилсона и его помощников. Но Екаб Квиесис любил комфорт. В данном случае его вкусы были решающими. Чтобы чувствовать себя тут вполне по-домашнему, Квиесис собственноручно повесил большую картину в тяжелой золотой раме. Картина эта была для него все равно что для верующего — икона. Она увековечивала первую собственность судо-

владельческой династии Квиесисов — четырехмачтовый барк «Роза Турайды».

Екаб Квиесис в пижаме, поверх которой был небрежно накинута серый фланелевый пиджак, удобно расположился в кресле. Его поза и весь вид выдавали в нем человека, который знает, чего хочет, и, несмотря на свои шестьдесят лет, он казался полным энергии и далеко идущих планов. Багровое, круглое лицо с мешочками под глазами наводило на мысль о том, что Квиесис умеет иногда забывать о делах, дабы предаться развлечениям и чисто человеческим слабостям. Одной из своих слабостей он считал любовь к Алисе.

Как только дочь ступила в освещенный круг, Квиесис сразу же заметил тревогу на ее лице.

— Отчего ты так бледна, Алиса? — озабоченно осведомился он.

Алиса нервно крутила в пальцах ключ от каюты. По пути в кают-компанию она уже наполовину решила рассказать отцу про неизвестного. До сих пор у нее не было тайн от отца. Но сейчас у буфета стоял Паруп.

— Бледность идет вашей дочери, — сказал он, откупоривая шампанское. — Ваше здоровье, дорогая!

Он поднял бокал и с наслаждением осушил его маленькими глотками. Потом, словно завершив важное и нелегкое дело, удовлетворенно вздохнул и опустился на диван.

— Илгмар, вы опять пьяны, — с упреком заметила Алиса.

— Пьян?.. — Паруп недоуменно уставился на Алису. — Ничуть! Просто кружится голова — от вашей красоты, от этого внезапного приключения посреди океана, от... И, возможно, еще от этого божественного напитка... Вам известен секрет красоты Афродиты? Она родилась из пены шампанского...

В тоне Парупа была какая-то развязность, небрежность, как и в дорогом, но помятом костюме, свободно сидевшем на его стройной фигуре, как и в небольших, черных усиках, которые выглядели приклеенными к его одутловатому лицу кутилы.

Алиса протянула Парупу бокал:

— Налейте и мне.

Запрокинув голову, она залпом выпила вино. Шампанское придаст ей уверенности.

— Сперва напугалась немного... Уже заснула, а тут вдруг сирена.

— Бояться нечего, детка. Осмотрят судно, и все.

— И каюты?

— Каюты? Этого еще не хватало! — осклабился Квиесис. — Мы же не везем английских агентов... Проверят груз, и дело с концом. Оружие не транспортируем, в английские колонии не заходим. Сейчас больше всего можно заработать на продовольствии. Паруп, вы не пожалеете...

— Заработать? — Паруп, не сводивший глаз с Алисы, махнул рукой. — Вот уж о чем я сейчас меньше всего думаю...

Квиесис довольно улыбался. Любовь — не главное в жизни. Сегодня любишь, завтра — нет. Любовь не имеет устойчивой ценности. Брак должен основываться на устойчивых ценностях. Устойчивую ценность имеет недвижимое имущество, дома Парупа. А в том, что Паруп еще и любит Алису, ничего худого нет. Квиесис рад этому. Он тоже любит Алису. Он человек бескорыстный. Он всегда старается заключать сделки, выгодные не только ему, но и партнерам. А этот рейс выгоден всем. У Алисы появится любящий муж. У Парупа будет жена, с которой не стыдно показаться в любом обществе. Молодая, красивая, светски воспитанная, образованная. И тесть, помнящий об интересах своих детей. В его руках дома Парупа будут давать доходы не только в виде квартирной платы. Они помогут приумножить основной капитал семьи. Один только нынешний рейс удвоит его, потому что в трюмах «Тобаго» товары не чужой фирмы. Каждая банка консервов, каждый коробок спичек, каждое яйцо принадлежат ему, Квиесису! В них вложены все его свободные деньги, все, до последнего сантима. И те, что Парупу удалось выжать из банка по трем ипотекам. Ничего, в Сантаринге они заработают как следует — в военное время цены с каждым днем вздуваются все выше, к риску наскочить на мину теперь прибавилась наценка за прорыв подводной блокады. А в Ригу они доставят полные трюмы сахара. На этот дефицитный товар покупателей хватит. Только бы поспеть к сезону варки варенья, и можно будет диктовать свои условия.

Об условиях закупки в Сантаринге Квиесис не беспокоился — у шурина на плантациях тростника было вдоволь. Шурин слыл патриотом. Дважды в неделю он приезжал в Сантаринг и исполнял там обязанности латвийского консула. Помимо всего, у шурина были сильно развиты родственные чувства. Он сумеет оценить то, что его единственная племянница проделала дальний и опасный путь только затем, чтобы познакомить дядюшку со своим будущим мужем. Как патриот и любящий дядя шурин не откажется продать сахар по себестоимости. Достаточно сопоставить разницу в ценах и грузоподъемность «Тобаго», которая равна десяти тысячам тонн, чтобы прийти к выводу, что жизнь прекрасна. Квиесис довольно улыбался.

Появление немецкого капитан-лейтенанта не погасило его улыбки. Улыбка всегда способствует хорошим отношениям. За круглым столом ведут только дружеские разговоры — торпедами стреляют издалека.

Капитан-лейтенант тоже улыбнулся. В салоне он неожиданно превратился из сурового, неприступного вояки в благовоспитанного человека. Пройдя мимо Квиесиса, уже поднявшегося с кресла, капитан-лейтенант в первую очередь приложился к ручке Алисы.

— Какая приятная неожиданность! Уже более месяца я не видел ни одной представительницы прекрасного пола.

— Моя дочь, — поспешил представить ее Квиесис, вполне прилично говоривший по-немецки. — Позвольте познакомить вас с ее женихом...

Однако Квиесису не пришлось называть имени Парупа.

— Паруп!

— Фон Ригнер!

Изрядно выпивший Паруп уже сердечно тряс руку капитан-лейтенанту; потом, пошатываясь, повел своего знакомого в угол салона.

— Как видите, мир тесен. — Ригнер без труда перешел на латышский. — Признайтесь, вы и не предполагали, что мы так скоро встретимся снова, причем поменявшись ролями...

— Я выполнял свой долг... Так же, как вы теперь.

— Тогда вы вели себя, как джентльмен по отношению к джентльмену, — сказал Ригнер. — И я должен запла-

тить вам тем же. Вам лучше не возвращаться в Латвию, во всяком случае до поры до времени. Поживите годик за границей и не вешайте нос. Ничто не вечно. Поняли?

— Вот документы,— холодно сообщил капитан Вилсон.

— Не откажите выпить с нами, господин фон Ригнер,— предложил Квиесис.

— С превеликим удовольствием! За счастье вашей дочери!— И Ригнер прищелкнул каблуками.

— За Германию, за ее воинов, истинных рыцарей, за вашу победу!— ответил Квиесис и высоко поднял тонкий хрустальный бокал.

Паруп не поддержал тоста. Он даже не пил и лишь тупо смотрел перед собой. Казалось, он вот-вот свалится и заснет.

Нетактичное поведение будущего зятя могло оскорбить немца. Квиесис старался отвлечь внимание Ригнера.

— Еще по одной, а, господин фон Ригнер?

— Охотно! Я предлагаю выпить за...— начал было капитан-лейтенант, но тут распахнулась дверь, и автомат немецкого матроса втолкнул в нее Цепуритиса.— В чем дело, Нольке?

— Задержали в туннеле гребного вала,— доложил матрос.— Пытался спрятать какой-то кувшин.

— Это мой моторист, Цепуритис,— сказал Квиесис.

— Что было в кувшине?— спросил Ригнер.

— Пустой, господин капитан-лейтенант. Это и подозрительно.

— Чепуха,— ухмыльнулся Квиесис.— Но как вы, Цепуритис, вдруг оказались внизу? Мне говорили, что вы больны, даже с койки встать не можете...

— Сам не знаю, господин Квиесис... Когда у меня приступ малярии, я и сам не знаю, что со мной делается... Наверно, пить захотелось, схватил кувшин и побежал за водой... А почему как раз в туннель, того и сам не скажу...

— Наверно, надеялись, что Свадруп припрятал там бочонок пива, припомните-ка,— засмеялся Паруп.

Это была шутка в его вкусе. Однако в смехе Парупа Алисе почудился какой-то стеклянный оттенок.

— Я не знаю.— Цепуритис говорил с трудом.— Не виноват я... На ногах едва стою...

— Можете идти,— сказал Ригнер, затем приказал своему матросу: — Обыск судна прекратить! Всем вернуться в лодку!

— Слушаюсь, господин капитан-лейтенант.

Когда дверь за ними закрылась, к Ригнеру вернулась обычная светскость.

— Если не возражаете, я немного побуду с вами... Так редко случается посидеть в кругу старых друзей, за сервированным столом, поболтать и забыть о жестокости войны. Надеюсь, вы меня поймете, фрейлейн?

Алиса не ответила. Она даже толком не расслышала вопрос. Она думала о человеке, запертом в каюте. Теперь она начинала догадываться, почему он вылез из своего убежища и ворвался к ней. Чтобы избежать встречи с гитлеровцами! Как хорошо, что она его не прогнала!

— Да, кстати, господин Квиесис, я возлагаю большие надежды на вашу поддержку. Если бы вы помогли мне продовольствием...— Заметив гримасу Квиесиса, Ригнер улыбнулся: — О нет, это не ультиматум! С врагами — один разговор, с друзьями — совсем другой. За все будет уплачено. Английскими фунтами. Контрибуция с «Дачис оф Кент».

— Могу предложить консервы, рижские шпроты, кильки высшего сорта, свежие яйца...

— Я не так богат, чтобы переводить фунты стерлингов на консервы. Мне нужно свежее мясо, овощи, хлеб... За яйца благодарю, мои парни честно заработали себе хороший омлет.

— Господин фон Ригнер, не требуйте невозможного,— протестовал Квиесис.— Судовой груз в вашем распоряжении, пожалуйста! Но продавать паек команды...

Ригнер встал.

— Если хотите, чтобы мы остались друзьями...— Он взглянул на Парупа.

Тот пожал плечами.

— В дела я никогда не вмешиваюсь. Но по собственному опыту могу сказать, что дружба дороже нескольких кило говядины.

Квиесис вздохнул.

— Если точка зрения моего компаньона такова, то я уступаю. До Сантаринга как-нибудь перебежусь. В конце концов, война требует жертв. Даже от тех, кто хочет

жить мирно... Так что, господин фон Ригнер, по третьей — за нашу сделку?

— Благодарю. Я должен вернуться к своим обязанностям. Счастливого плавания!

Как только Ригнер, сопровождаемый капитаном, покинул кают-компанию, натянутая улыбка исчезла с лица Алисы.

— Какая мерзость! — прошептала она, потом заметила у Парупа невыпитый бокал. — Что с вами, Илгмар?

— Со мной? — Паруп взял рюмку и стал глядеть на поднимающиеся пузырьки. — Просто замечтался. До чего все-таки несносна жизнь! Сегодня ты на гребне, а завтра тебя накроет волна, и — конец. Только нельзя отчаиваться. На жизнь надо смотреть через рюмку, и она будет так же прекрасна, как вы, Алиса.

По судну пробежала дрожь заработавших дизелей. Все почувствовали облегчение. Квиесис встал и подошел к иллюминатору. С палубы доносились команды капитана Вилсона. Качка стала ровнее, смягчился плеск волны. Убедившись в том, что немецкая подводная лодка скрылась из виду, Квиесис закурил и вернулся к столу.

— Слава богу, ушли, — заговорил он. — Повсюду из себя разыгрывают господ эти проклятые немцы! Мы еще легко отделались, но сколько потеряно времени!

— Только что ты называл их рыцарями, — заметила Алиса.

— От слова меня не убудет... Кто-кто, а мы, латыши, хорошо знаем цену этим рыцарям. Настоящие бандиты! Удивляюсь, как это вы можете водить с ними дружбу, Паруп?

— Дружбу? Вот насмешили! Дружу я только с вином и прекрасным полом.

— А у меня сложилось впечатление, что вы добрые знакомые, — сказала Алиса.

— Как раз наоборот: мы враги... При случае расскажу. Стоит ли расстраиваться?.. А теперь, мои обожаемые дамы и господа, позвольте обратиться к вам с небольшой речью... Мир охвачен войной, а мы все-таки покинули свое отечество и отправились в далекий путь. Вы, дорогая, едете навестить своего седого дядюшку; вы, господин Квиесис, как истый патриот Латвии, хотите установить и расширить наши торговые связи с заморскими странами. А я? Что толкнуло навстречу опасностям меня?

Мной руководит только любовь! И потому я чуть-чуть захмелел сегодня — от вашей близости, Алиса, от счастья! Вы извините неисправимого романтика, дорогая, но дольше молчать я не в силах. Будьте моей женой! Пусть капитан нас обвенчает, пусть океан станет нашим свидетелем!

Алиса вздрогнула. Когда Паруп начал свое торжественное обращение, она даже не предполагала, к чему он клонит. Она совсем забыла, что обручена, да еще с этим человеком, который без кривлянья не может сказать и двух слов.

— Bravo! — крикнул Квиесис. — Вот это в моем духе — по старой морской традиции!

Алиса понимала, что надо и ей что-то сказать. И вдруг обручальное кольцо стало нестерпимо тесным, до боли сдавило тонкий, холеный палец.

— Так внезапно... — Алиса запнулась. — Я ведь еще и не знаю вас по-настоящему... Я вас... еще не...

— Придет, со временем все придет: и любовь, и счастье, — отечески увещевал ее Квиесис.

— Но так сразу... на судне... У меня даже нет подвенечного платья... — пыталась возражать Алиса.

Она хорошо знала отца. Тот всегда придавал большое значение ритуалу.

— Пожалуй, ты права! Действительно, ни к чему такая спешка, еще и дядя обидится — как это вдруг без него. А это нам ни к чему... Ты у меня, дочка, все-таки умница! Свадьбу сыграем в Сантаринге. Пусть все будет, как полагается — церковь, цветы, подарки, поздравления, снимки в газетах! Денег жалеть нечего — пригласим весь тамошний свет, коммерсантов, дипломатов...

— А по-моему, на судне лучше, — возразил Паруп. — Это сделало бы нашу любовь безбрежной, как океан... И еще вопрос, найдется ли в Сантаринге лютеранский пастор.

— Велика важность! — Квиесис был не слишком набожен. — В религии — как в валюте, важна сущность. Лат или пезо — деньги остаются деньгами. Наши предки верили в Потримпа и Лайму... Итак, благословляю!

Величественным жестом Квиесис надавил кнопку звонка и не отпускал ее до тех пор, пока в двери не появилась стюардесса Валлия — миловидная курносая шатенка.

Впервые эту должность на судах Квиесиса занимала женщина. Квиесис вообще не признавал на корабле женщин, а хорошеньких в особенности. От них только и жди всяческих осложнений. Но роскошный салон «Тобаго» действительно требовал женских рук. Совершенно очевидным это стало на банкете в честь властей, когда прислуживавший за столом юнга чуть не опрокинул майонез на брюки адмиралу Спаде. Валлия, раньше служившая официанткой у «Максима-Трокадеро», прекрасно сознавала свое исключительное положение на судне. Все ей были нипочем — Галениек, с которым дочь болдерайского рабочего быстро нашла общий язык, капитан, строгий тон которого она не принимала всерьез.

И сейчас Валлия даже не думала поторапливаться. Ее рабочее время кончается вместе с уборкой стола после ужина. Просунув голову в дверь, стюардесса всем своим видом выражала недовольство тем, что ее потревожили среди ночи.

— Шампанского, Валлия! И позовите капитана!

— Есть же на столе.— И она показала на три бутылки, из которых одна была только почата.

— Деревенщина! Когда празднуют помолвку, должны пробки в потолок лететь и вино рекой литься!

Валлия пожала плечами, достала из буфета еще бутылку и с треском откупорила ее. Рикошетом пробка чуть не угодила в капитана Вилсона. После тьмы на палубе яркий свет кают-компания заставил капитана зажмуриться, отчего он выглядел особенно рассерженным.

— Черт побери, мне надоели эти дурацкие шутки! — возмущенно пробасил он.

— И как раз вовремя! — подхватил Квиесис.— Капитан Вилсон, вы как старый друг дома должны узнать первым... В Сантаринге играем свадьбу, можете поздравить!

Лицо капитана тотчас обрело радостное выражение. Словно опасаясь, что Квиесис может не поверить его лицу, Вилсон несколько раз повторил:

— Весьма рад!.. Весьма, весьма рад!..

Он тяжело опустился во вращающееся кресло. Потом вспомнил, что принято поздравлять невесту. Будь Алиса его дочерью, Вилсон не отдал бы ее Парупу ни за три дома, ни за десять, ни за все дома Риги. Но Алиса была дочерью Квиесиса. Вилсон знал, каково бывает на душе,

когда хочется ругаться, а надо натягивать на лицо улыбку. Не зря он служил у Квиесиса в капитанах уже двадцать лет. Столько же, сколько лет Алисе.

Он поднялся и неуклюже пожал руку девушке:

— Желаю вам счастья! От всей души!

— Спасибо, капитан,— тихо отозвалась Алиса и, опустив голову, вышла из кают-компаний.

— За вечно юную любовь! — провозгласил тост Паруп, не смущаясь отсутствием невесты.

— За новую фирму «Квиесис и Паруп»! Мои пароходы, ваши дома!

— Начиная с этой минуты, можете спокойно говорить: мои пароходы, мои дома.

— Не шутите?

— Вы же знаете мой взгляд на имущество. Но, если боитесь, что говорю под парами шампанского, можем хоть сейчас...

— Брачный контракт? Ну, что вы, что вы! — всплеснул руками Квиесис.— Впрочем... Стоит ли терять время? Капитан Вилсон, попрошу вас принести гербовую бумагу и засвидетельствовать наши подписи.

— Да, капитан! — крикнул Паруп Вилсону вслед.— В честь радостного события прикажите выдать команде водки. По шкалику на человека!

Отблеск заката погас. Океан отливал черным смолистым гляncем. С переменной ветра облака понемногу рассеивались. Все больше звезд качалось на волнах. Они пропадали, когда форштевень взрезал воду, и вновь возникали где-то далеко за буруном от винта. «Тобаго» со скоростью двенадцати узлов плыл к Сантарингу — навстречу пальмам и нефтяным вышкам, навстречу плантациям шурина Квиесиса, навстречу свадебной фате и колокольному звону.

После пережитой тревоги люди на «Тобаго» были настроены мрачно. Известие о неожиданном угощении пришлось как нельзя более кстати.

— Ну, так за здоровье Алисы! — сказал Август.

Он поднес кружку к губам, но тут же поставил ее: на тысяча двести третьей странице таинственный корабль наскочил на подводную скалу, и хотелось поскорее узнать, что с ним станет дальше.

— Дурак, пил бы лучше за свое здоровье,— посоветовал Галениек, набивая трубку. В иностранных трактирах, где и крохотный бутерброд не по карману, он привык выпивать без закуски.— У будущей мадам Паруп здоровья и без тебя хватит. У кого деньги, у того и здоровье. Что, Цепуритис, старый филин, разве не так?.. Она не дурна, знает за кого выходить. Будь Паруповы дома моими, она уже сегодня спала бы на моей койке.

— Врешь!— горячо возмутился Зигис.— Алиса не такая!..

Галениек покрутил кулаком перед носом мальчишки:

— Видишь, что это? Это тебе не фига! В ухо захотел, а?

— Оставь малого в покое, Галениек! — прикрикнул Цепуритис на буяна все еще слабым голосом, хотя приступ малярии уже миновал.

— Нашелся заступник! На ногах едва стоит, а туда же — других защищать лезет.

— Ну, давай, братва, за здоровье Алисы! — сказал Август.

Таинственный корабль опять летит на всех парусах, и по этому случаю не грех пропустить глоточек. Тревожила только сизая тучка, появившаяся у горизонта в последней строке на тысяча двести восьмой странице — не подстерегает ли там новая опасность?

— Не знаю, как вам, а мне лично Алиса нравится куда больше Парупа или даже самого Квиесиса,— заметил Курт.

— Только на юбки и заглядываешься... Где ты еще найдешь такого хозяина, как наш?! — вспыхнул боцман.— Не всякий станет тебе водку подносить.

— Я раз плавал с одним хозяином, так он каждый праздник выставлял на стол по бутылке рома. Да еще и сам подсаживался и наливал ребятам. Зато стоило сорваться резьбе на старой гайке, так расплачиваться приходилось нам. А не нравится — ступай ищи себе другую посудину.

— Ты нас, Цепуритис, не агитируй,— отмахнулся боцман.— Не все одинаковые. Бьюсь об заклад, что Квиесис нас еще к дочке на свадьбу пригласит. Он — наша, морская косточка. Покойный Ян Квиесис сам на баркасе плавал. Ну, так поехали... Будем здоровы!

Боцман не спеша выпил свою долю, крикая после каждого глотка. Вообще-то он был трезвенник, но когда выдавали водку бесплатно, мог выпить и за троих. Заметив у Антона полную кружку, он подсел к нему.

— Ты же непьющий, Антон! На кой черт тебе портить нутро? Давай лучше я за тебя...

Антон придвинул к нему кружку.

— Пожалуйста, боцман, если вам так хочется...

К боцману кружка не попала — ее отгородил трахнувший по столу кулак Галениека.

— Антошка ты непутевый! Чего даешь себя на мякине провести... Пускай сам пьет! Какой он моряк, если заложить не может?! — И Галениек еще раз стукнул кулаком по столу.

— Ну, братва, так за тех, кто борется с тайфуном! — Август взял кружку и запрокинул голову. От шума, поднятого Галениеком, он вздрогнул, и водка пролилась на книгу. Это его взбесило: — Уйметесь вы там внизу когда-нибудь? У корабля уже все мачты поломало, а они знай себе накачиваются!

— Какой еще корабль? Какие мачты? — недоуменно уставился на него Антон.

— А ты что, не знаешь, какую муру он читает? — сказал боцман. — Ей-богу, разорву твою книжонку и в галюне повешу.

— Не ваше дело, что я читаю, — огрызнулся Август. — Что захочу, то и буду читать, хоть этого... ну... Шекспира. И вообще убирайтесь отсюда в матросский кубрик! Чего вам надо в машинной команде?

— Тебя еще не хватало! Валяется, как хряк, по чужим койкам! — За матросскую честь Галениек готов был подраться хоть с лучшим другом. — Эй, Курт, берись за ноги, вытащим черного на палубу!

Никто не заметил, как в двери появился старший механик Свадруп.

Свадрупу не спалось. Его каюта находилась на ботдеке, рядом с кают-компанией. Переборки на судне тонкие. Обрывки разговоров, а больше — тонкий перезвон хрусталя не давали покоя. Одеяло казалось сделанным из наждачной шкурки. Под головой не подушка, а мешок с шишками. Душила обида. Досадно, что Вилсон имеет

право расслаиваться с Квиесисом, а он, единственный человек, на которого хозяин судна может положиться, он не приглашен!

Свадруп встал, натянул брюки и вышел. Едва он приблизился к фальшборту, как из темноты раздался насмешливый голос:

— Гляди опять за борт не свались. Тут до ближайшего кабака вплавь не доберешься!

Ему намекали на это чертовое происшествие в Штеттинском канале. Свадруп сжал кулаки. Он вспомнил, как барахтался в холодной воде канала, отчаянно вопил, но судно преспокойно уплывало. Старший механик был глубоко убежден, что эти негодяи нарочно прикинулись глухими. А теперь издеваются. Судя по голосу, это Карклинь. Он мастер поглумиться над другими. А считается офицером, человеком твоего круга. Нет, больше этот номер не пройдет!

Чтобы попасть на ходовой мостик, надо пройти мимо кают-компаний. Дверь ее неожиданно распахнулась. Свадруп ткнулся в чью-то грудь и чертыхнулся.

— Чудеса на белом свете! — воскликнул Паруп. — Я пьян, а вы качаетесь. Надо отметить это открытие! Не желаете ли выпить со мной? Алиса ушла, Квиесис ушел, я чувствую себя заброшенным, как плот в океане.

— Проваливайте ко всем чертям со своим плотом!

Свадруп терпеть не мог Парупа. По его мнению, будущий зять Квиесиса был шалопаем и беспринципным человеком. Инженер презирал людей, которым безразлично, с кем пить и что пить. Но с другой стороны, это будущий зять хозяина.

— Я тороплюсь на мостик, — добавил Свадруп.

— Нет, как хотите, а некрасиво! Я вас любезно приглашаю к столу, а вы меня посылаете ко всем чертям... Да и зачем лезть на мостик? Я слышал, у вас в машинном есть такие укромные местечки, где можно подкрепиться.

— А ну, пустите!.. Вы совершенно пьяны.

— К этой цели я стремлюсь уже десять лет. Но не так-то легко достичь совершенства... Для этого надо хлестать кувшинами, как ваш моторист Цепуритис, немцы нашли его пьяным в стельку... Он часто предпочитает для таких развлечений туннель вала?

— Что вы мелете?

Свадруп вырвался от Парупа. Что еще за новости — Цепуритис был внизу? Симулянт проклятый! Из всей команды «Тобаго» наибольшую неприязнь Свадруп питал к Цепуритису.

Оттолкнув Парупа, старший механик побежал к кубрику мотористов.

Ярость накалила Свадрупа добела. Он не заметил, как Август кубарем скатился вниз, как благоговейно поднялся Антон, как Зигис притаился за боцманской спиной. Он видел лишь койку, на которой лежал Цепуритис. Свадруп подскочил и сдернул одеяло с больного.

— Наконец я тебя застучал! Прикидывается, что вот-вот дух испустит, на вахту не заступает, а когда начальство не видит, шляется по машинному отделению! Марш к машине!

Цепуритис и не пытался возражать. Неуверенным движением поднялся и, еле шевеля руками, стал одеваться. Он знал, что отстоять вахту сил не хватит. Однако лучше пусть его считают здоровым, чем начнут доискиваться, зачем понадобилось больному человеку лезть к гребному валу.

Свадруп продолжал извергать потоки брани. Ругался он сочно, выразительно, с наслаждением, почти счастливый от возможности излить до конца давно накопившую ненависть. Моряки угрюмо молчали. Они еще не очухались от внезапного налета механика.

Первым, собрав все свое мужество, подал голос тихоня Антон:

— Господин механик, дозвоьте ему еще полежать... Я и один справлюсь, будете всем довольны.

— Не ваше дело! Если у человека хватает сил пьянствовать, хватит сил и работать... Ну, долго еще дожидаться?

— Ну да, пора и честь знать,— успокоительно сказал боцман.— Пока без сознания лежал, никто же тебя не подымал, это ты должен признать, Цепуритис. Не вечно же Антону за двоих тянуть.

— Сейчас вахта не Цепуритиса,— заметил Август.

— Не философствуй, Густ! — оттолкнул боцмана Галениек.— Старик больной, никуда он не пойдет, и кончен разговор! Малярия — не похмелье, которое можно вылечить бутылкой немецкого пива.

«Деликатный» намек угодил не в бровь, а в глаз. Сва-

друп взорвался и заорал так, как, наверно, не орал, бултыхаясь в Штеттинском канале.

— Черт побери, что тут еще за базар! — прогремел за дверью бас капитана Вилсона. — Выпьют на десять сантимов, а орут на десять латов. Вы на порядочном судне, разрази вас гром, а не на...

То, чему он противопоставлял порядочный корабль, было высказано уже по эту сторону двери. Взглянув на осекшегося на полуслове Свадрупа, на усмехающиеся лица моряков, полуодетого моториста, он сразу смекнул, в чем дело, и строго сказал:

— Господин Свадруп, вы мне нужны. А вы, черти полосатые, чтобы сию минуту все были по койкам! Понятно?

Отпирая дверь своей каюты, Алиса вздрогнула. Она совсем забыла о неизвестном. Как это могло произойти? Ведь он ни на минуту не выходил у нее из головы! Сперва она думала, надо ли рассказать о нем отцу. Затем — не английский ли он агент. И что случилось бы с судном, с отцом, со всеми, если бы гитлеровцы обнаружили постороннего человека в каком-то там «туннеле гребного вала», если бы она не спрятала его в своей каюте? Но разговор перешел на matrimониальные темы, и неизвестный выпал из памяти Алисы. И вот он снова перед ней. Навалившись грудью на стол, он спал глубоким сном. Одна рука утомленно повисла, другая сжимала край стола.

Теперь Алисе всё стало ясно — на какой-то миг он ускользнул из ее мыслей, но в подсознании оставался все время. Именно этот чужой загадочный человек в перепачканной одежде заставил ее искать отговорки и не дать согласия Парупу на немедленную свадьбу. Невольно она начала сравнивать их. А смог бы Илгмар Паруп без сантима в кармане отправиться за границу, сутками скрываться в темном туннеле, ворваться в чужую каюту и одним духом опорожнить графин воды? Алиса позавидовала жажде этого человека. Испытала ли она хоть раз в жизни такую жажду? Выйти замуж за Парупа означало бы раз и навсегда захлопнуть дверь в эту жизнь, знакомую Алисе только по книгам и школьным мечтам.

Неизвестный беспокойно заерзал. Голова его упала на книгу. Алиса приподняла ему голову, чтобы вытащить

из-под нее томик. Волосы были в пыли, но под ее слоем пальцы ощутили мягкие пряди. «Даже мягче моих!» — удивленно подумала Алиса. Она открыла книжку и удивилась еще больше — это были стихи Верлена на французском языке. Томик был взят с полки; черные следы пальцев говорили о том, что незнакомец читал книгу.

Мужчина опять пошевелился, голова его отыскивала новую точку опоры. Теперь лицо незнакомца повернулось вверх.

Алиса посмотрела на это лицо с темными тенями под глазами, глубокими страдальческими морщинами и убежала из каюты. Тут же вернулась запереть дверь. Может, это и покажется подозрительным, но ключ она все-таки забрала с собой. Алиса готова была надавать себе пощечин. Только о́жа способна на это, она, не испытывавшая за всю свою жизнь настоящего голода! Если у человека там не было воды, то, наверно, и пищи тоже.

В кубрике уже спали. Один Цепуритис по-прежнему сидел на краю койки. Поставив ноги на табурет, подперев руками голову, он напряженно думал. Пытался понять, что произошло за эти пять дней, выпавших из его жизни, но так ни до чего и не додумался.

Расспросить товарищей? На судне любое пустячное происшествие пережевывают неделями. Лишь бы подвернулся повод позубоскалить. Небось и о его неудачном походе в туннель гребного вала скоро заговорят на всех латвийских пароходах и бог весть чего не приплетут заодно. Впредь надо будет действовать особенно осторожно, чтобы не усиливать подозрения.

И все же Цепуритис встал с койки. Тревога пересилила доводы разума. Шагнув к двери, он заслонил Августу свет. Тот сразу же оторвался от книги:

— Ну, кого там черт дернул?.. Ах, это ты, Цепуритис.

— Спал бы, парень, тебе ведь в восемь на вахту. А при Свадрупе не задремлешь. Там тебе совсем другие книжки читать придется, чтобы поладить с ним.

— Да я скоро, — неожиданно согласился Август, — охота только узнать, чем глава кончится.

Цепуритис взял со стола кусок хлеба и сунул в карман. Август проводил его взглядом:

— Куда тебя несет? Напорешься еще на капитана, тогда и вовсе худо будет.

— Мне и так уже худо, — сказал Цепуритис. — Жари-

ща здесь — дышать нечем. Мне врач свежий воздух прописал. — И, видя, что Август снова уткнулся в книгу, вышел.

Цепуритис начал с ботдека. У второй шлюпки он заметил болтающийся кончик, которым принайтовливают чехол. Он отвязал остальные, приподнял чехол и заглянул в шлюпку. Никого. Он снова закрепил чехол.

Стараясь держаться в тени, Цепуритис продолжал свой обход, изнемогая от слабости. Он обшарил каждый темный уголок, шкиперскую, послушал, нет ли кого в цепном ящике. Тихо. Задержался у капа машинного отделения, но не полез туда. Постучал в освещенный иллюминатор к Валлии.

— Не спишь еще, Валлия?

Стюардесса высунула голову.

— Что я вижу — Цепуритис опять на ходу! — В голосе ее не осталось и следа от давешней заносчивости. — Пока они наверху, никакого покоя нет.

— Да, ты ведь всегда была полуночницей, — сказал Цепуритис. — Помню, моя Зайга вечно жаловалась, что у нее глаза закрываются, а тебе хоть бы хны, и черный кофе не нужен... Кстати, нет ли у тебя под рукой кружки кофе? Меня после этой лихорадки жажда мучит — мочи нет.

— Для вас — в любое время, — усмехнулась Валлия и, наливая стакан, продолжала в манере официантки: — Одно кофе-гляссе, извольте! Что еще, сударь? Осмелюсь предложить вам нашего отменного латвийского бекона?.. Бери, бери, Цепуритис, господа зажрались, простое сало не едят, всегда остается на столе.

Цепуритис хотел было отрезать кусок, пошарил в карманах, но тут же вспомнил, где оставил свой такелажный нож.

— Ну, а что вообще слышать на хозяйском конце?

— Фрейлейн свадьбу справляют.

— А я-то думал и взаправду что случилось...

— Ты, видать, тоже взялся за Августову библию... Что может случиться на нашем пароходе? Пьют да мечтают, как бы пожирнее кусок отхватить. Не пойму, как капитану не тошно в этой компании...

Цепуритису не удалось вернуться в кубрик незамеченным. На полпути его остановил Паруп.

— А-а, человек невиданной жажды! Рад, очень рад!

А чего ж это на сей раз без кувшина? Или оставили его на всякий случай в туннеле? Ха, ха, ха... — рассыпался оптимистичным смешком.

Парупу в эту ночь не везло с собеседниками. Темнота поглотила безмолвную фигуру Цепуритиса. Паруп задумчиво наморщил лоб. Затем решился и без стука вошел в каюту Валлии.

У самой кают-компания Алиса резко замедлила шаг. Надо быть осторожной, нельзя возбуждать подозрение. Из кают-компания уже все разошлись. Пустые бутылки на столе, словно под хмельком, едва заметно наклонялись в такт качке судна. Подрагивал в своих гнездах фарфор.

Потом Алиса расслышала голоса. Один из них принадлежал Парупу, второй — стюардессе. Кюта Валлии находилась рядом с кают-компанией. Отец пожелал, чтобы прислуга в любое время суток была под рукой.

Паруп разговаривал шепотом. Поначалу Алиса ничего не могла разобрать.

— Оставьте в покое мою шею! — неожиданно воскликнула Валлия. — Вы, наверное, спьяну спутали меня с бутылкой.

— Спьяну? Ничего подобного! Просто захмелел от твоей близости. Поверь, Валлия, мне безразлично, во что облачена красота — в бархат и шелк или в скромное платье прислуги.

— А еще того лучше — совсем без ничего, да? Знаю таких ценителей красоты еще по «Трокадеро»... А не угодно вам красивую пощечину?

Алису передернуло, как если бы она сама получила пощечину. Слезы обиды навернулись на глаза. Именно потому, что она не любила Парупа, было так оскорбительно сознавать, что и в нем нет любви к ней, что восторженные слова — пустой фейерверк, который он готов зажечь в честь любой, что она для Парупа — лишь бутылка шампанского высокой марки, с этикеткой фирмы Квисис. Вино выпьют, бутылку с красивой этикеткой выставят на буфете и пьянство будет продолжаться.

А бурный диалог в каюте Валлии все развивался. Алисе хотелось спрятаться, заткнуть уши, убежать. Усилиями она заставила себя подойти к буфету. Рассеянно взяла хлеб, какие-то консервы. Вспомнив, что ношу ее никто не должен видеть, завернула все в газету.

Соседняя дверь распахнулась.

— Убирайтесь вон! Я хоть и простая прислуга, но в любви пусть вам другие прислуживают... — Валлия без лишних церемоний выставила гостя из каюты.

Алиса попыталась прошмыгнуть мимо. Не успела. Паруп заметил ее.

— Алиса! — позвал он и подскочил к ней, загородив проход.

Разговаривать с ним, выслушивать оправдания было выше ее сил. Она чувствовала себя так, словно сама попала на каком-то грязном деле. Выключатель чернел рядом на переборке. Она нажала его и в темноте выскользнула из кают-компании.

Плавно покачивается пол каюты. Вместе с полом качается стол. Со столом — голова. Он снова в туннеле. Хлеб съеден, вода выпита. Кажется, его присутствие пока не открыто. Дни катятся за днями, друг не приходит. Пить! Опять мучит жажда, опять мерещится дождь, опять он отчетливо слышит журчание струй...

Сильный толчок качнул стул, разбудил спящего. Он недоуменно озирается — пустой графин, часы, настольная лампа, открытый иллюминатор, книга. Пелена сна спадает с глаз, но недоумение не проходит. Вокруг уютная обстановка. Память постепенно возвращает его к событиям последних часов. Только одного нельзя понять: почему эта девушка на койке рыдает?

Сверток выпал из рук Алисы. Хлеб! Он перекачивает по ковру, точно бросовая чурка. Неизвестный бережно положил на стол буханку, отдернул до конца полог и присел рядом с Алисой.

— Не надо... Что с вами? Расскажите!

Он совсем забыл, что находится в чужой каюте и что ему самому грозит опасность.

Алиса тоже не отдавала себе отчета, что с ней творится, с кем она разговаривает. Она ощутила человеческое тепло — то, что сейчас для нее было нужнее всего. Она могла излить свою обиду, и это приносило большее облегчение, чем слезы.

— Мне так тяжело!

— Вам?! Какие могут быть невзгоды у человека в вашем положении?

— В моем положении...— повторила с горечью Алиса.— Да, у меня есть все — деньги, платье, служанка и обеспеченное будущее, как говорит отец. У меня есть все, о чем пишут в романах... даже богатый жених, который умеет сыпать красивыми словами о любви. Но стоило отвернуться, как он уже увивается за первой попавшейся юбкой. Если бы вы знали, как это противно.

— Вы его очень любите?

— Этого забулдыгу?! В том-то вся беда, что не люблю и все-таки должна выйти за него замуж. Меня продают за три каменных дома. И отец считает, что устроил мое счастье, что я должна быть благодарна... Бывают минуты, когда я мечтаю бросить все, начать новую жизнь.

— За чем же дело стало?

— Ну, так скажите, что мне теперь делать? Что?

— Сказать напрямик, без обиняков, что не любите, не хотите.

— Не могу... Вам этого не понять. Судовладельческая контора Квиесисов существует уже сто лет. Каждый приемник вкладывал в нее свои силы и средства. Что могу вложить я? Только себя. Я не имею права забывать о том, что моя фамилия Квиесис...

— Жаль... Хотя меня это и не касается, но, по-моему, вы достойны лучшей участи.

— Это вы-то меня жалеете? — Алиса вдруг вспомнила, кто сидит подле нее.— Простите, я думаю только о себе. Я вам тут кое-что принесла... Пожалуйста, ешьте! Вот консервы. Ах, забыла, что нечем открыть. Одну минутку, я сбегую.

— Не надо. У меня есть нож.

Он ловко вскрыл жестянку, отломил хлеба и, вылавливая ножом шпроты, молча принялся за еду.

Алиса старалась смотреть в сторону, но не могла оторвать взгляда от крепких белых зубов, с такой жадностью вгрызавшихся в хлеб, точно это было редкое лакомство. Ей вспомнился обильный стол, за которым она только что ужинала.

— Вкусно? — спросила Алиса, чтобы разрядить неловкое молчание.

— И как еще! В тюрьме такого не дают.

— В тюрьме? Нет, в самом деле вы?..

— О нет! Просто поэтическое сравнение... Насколько я понимаю, вы никому обо мне не рассказывали?

Алиса отрицательно покачала головой.

— Почему вы этого не сделали? Вы же с самого начала могли меня выбросить отсюда.

— Сама не знаю... Видела, как вы пили... И потом, ваш взгляд... Просто не хватило смелости прогнать...

— Я вам скажу — почему. Потому что мы с вами оба в одинаковом положении. Я в западне, и вы тоже. Ваша западня, разумеется, весьма комфортабельная, и все же... Вам не от кого ждать пощады. Меня-то хоть вы пощадили. У вас добрая душа.

— Ерунда, — отмахнулась Алиса, но от теплой искорки, вспыхнувшей в его синих глазах, стало как-то легче, забылись свои горести. Она отвела взгляд, без видимой связи с предыдущим спросила: — Скажите, вы никогда не занимались альпинизмом? Ну, скажем, в Швейцарии, или Италии?

— Альпинизмом? Нет. И никогда не бывал на швейцарских курортах. Но по горам полазить пришлось — в Пиренеях. — Он нахмурился. — Да, это был гибельный поход. И никто не высылал спасательных партий на розыски засыпанных снегом и замерзших... А почему вы спросили?

— Просто так.

Алиса покраснела, словно ее уличили в бестактности. Со школьных лет сохранилась привычка искать убежища от постылой действительности в красивых мечтах. И в самом деле, приятно представить, как они вместе карабкаются на неприступную вершину: завывает буря, она висит над краем пропасти, но не боится, потому что второй конец веревки держат его сильные руки... Тут Алиса сообразила, что даже не знает имени этого человека.

— Вы, может, скажете, как вас зовут? А то неловко как-то. Мы культурные люди. Где вы учились французскому? — Она кивнула на томик стихов.

— Меня зовут Павил... А языку с грехом пополам научился во Франции.

— Во Франции! — У Алисы засияли глаза. — Париж, Лувр, набережная Сены с букинистами, карнавалы в Латинском квартале... Я никогда не была там, но столько мечтала о Париже!

Павил пожал плечами.

— Не знаю. Возможно, все это так и есть, но я-то видел Францию из-за колючей проволоки, и, поверьте, при

таким ее созерцанием она не слишком отличается от нашей дорогой Латвии.

— Откуда в ваших словах столько горечи? Как вы туда попали? Если, конечно, можно об этом спрашивать.

— Можно ли? — Павил усмехнулся. — Излишняя деликатность при данных обстоятельствах. Но это длинная история, и я не уверен, что вы все в ней поймете. Лучше не стоит...

— Ну конечно, если вам не хочется... Да, извините, я же забыла назвать свое имя.

— Алиса Квиесис? Пойдите-ка, не ваш ли портрет был на обложке «Атпуты»? Одному моему товарищу в батальоне прислали с родины. Я тогда еще подумал — хорошенькая, да, наверное, пустышка. Не обижайтесь, мы тогда как раз вышли из боя и были заляпаны глиной и кровью, а вы словно только что умытая «Борзилом» и в целлофан завернутая. Ну точь-в-точь — фифочка с рекламы...

— На что тут обижаться. Но и не совсем уж я такая. Могу без передышки играть два часа в теннис и на лыжах ни от кого не отстану.

— И вы считаете, этого вполне достаточно?

— Не знаю, я ничего другого не умею. В вашей жизни, наверно, требуется гораздо больше...

За иллюминатором перекачивалась Атлантика. Где-то в глубине океана рыскала немецкая подводная лодка, гитлеровцы стояли на «товось» у торпедных аппаратов, глаз перископа выискивал новую жертву. Но между подлодкой и «Тобаго» легло уже много миль.

— Я так рада, что вам больше не грозит опасность, — сказала Алиса.

— То есть как?

— Теперь, раз уж немцы вас не обнаружили. Ведь вы английский агент, правда?

— А может, большевистский?

— Я серьезно говорю, а вы шутите. Откровенно говоря, я не могла вас прогнать из-за одного того, что... Мне страшно хотелось знать, кто вы такой. И теперь...

— Теперь вы это знаете?

— Да, вы сами случайно проговорились. Воевали во Франции, попали в плен, убежали из лагеря, а потом... дальше я не знаю.

— Тогда придется рассказать дальше. Потом я вер-

нулся в Латвию и попал в плен к вам. Потому что картинка из «Атпуты» все время хранилась у меня в нагрудном кармане, у самого сердца, и не давала покоя. Потому я спрятался на «Тобаго»... У вас богатая фантазия, сударыня.

— Ирония ваша неуместна. Я должна знать, кто вы такой. Вы этого не хотите... нет, простите, вы просто меня не поняли. Для меня вы существо из другого мира, а мне важно знать, что за жизнь в этом другом мире! Хочется быть уверенной в том, что люди там другие, думают не только о своих деловых интересах. Ведь вы латыш, вас никто не заставляет воевать против немцев, и все-таки...

Алиса пробовала нащупать ответ на свой самый главный вопрос. Она была взволнована и от волнения заговорила громко.

— Говорите тише,— сказал Павил.— Наверно, вам будет не очень приятно, если узнают о моем посещении.

— Ах да... Ну конечно,— спохватилась Алиса.— Я все в облаках витаю, а вы человек разумный — думаете о делах практических. Но вам ведь больше незачем прятаться. Правда? Самым правильным было бы сейчас сказать отцу.

— Нельзя. Я не столько думаю о себе, сколько о хорошем, порядочном человеке, спрятавшем меня на судне. Готов поспорить, что в Сантаринге господин Квиесис прикажет ему собирать монетки.

— Отец так не поступит, он не такой!

— А вы вполне убеждены в этом? — Павил посмотрел девушке прямо в глаза.

Алиса молчала. Достаточно ли хорошо она знает отца, чтобы поручиться за него?

— Вот видите, лучше не рисковать.

— Я все-таки...

Рука Павила прикрыла ей рот.

— Тсс, кто-то идет!

Все это время он ни на миг не забывал об опасности и был начеку.

— Дверь! — вспомнила Алиса, вскочила и защелкнула задвижку.

Раздался стук — сдержанный, деликатный.

— Кто там?

— Я! — Это был голос Парупа.— Отворите, господин Квиесис!

Алиса покачала головой. По тому, как он постучался, никак не подумаешь, что Паруп вдрызг пьян.

— Господина Квиесиса здесь нет!

— Нет? Что тут сегодня творится? Все шиворот-навыворот... Встретил Алису, хотел засвидетельствовать свою любовь поцелуем в щечку, а оказалось, это не она, а Валлия...

— Ступайте проспитесь!

— Куда мне идти? Моя каюта исчезла...

Шаги удалились.

— Кто это? — спросил Павил шепотом. В его голосе слышалась странная настороженность.

— Партнер отца по какой-то коммерции. — Алисе было неловко признаться, что она собирается замуж за такого пьяницу. И все же она заставила себя произнести это. — Нет, вы должны знать правду. Это... это мой будущий муж.

— Ну, тогда хорошо. — Тревога исчезла с лица Павила. — Голос показался мне знакомым. — Он поднялся: — Благодарю за угощение!

— Куда вы?

— Попытаюсь проникнуть в свой туннель. Там, правда, не так уютно, однако...

— Пойдите! — удержала его Алиса. — Не воображайте, что я ничего не понимаю. Я знаю — Цепуритис...

И она рассказала о происшествии с мотористом во время осмотра судна.

— Ну, слава богу! — сказал Павил. — Стало быть, он болен? И все-таки встал, пошел искать меня! А я-то, честно говоря, предполагал худшее.

— Несчастный случай?

— И об этом подумывал... Но было бы куда больнее, досаднее узнать, что он просто трусил и в последний момент сбежал на берег. В моем положении редко на кого можно положиться. А если и этот человек подведет... Видите, выходит — надо верить людям.

— А мне вы верите?

— Пока что нет повода не доверять вам.

— Тогда оставайтесь. Тут будет надежнее.

— Почему?

— Такое у меня предчувствие. Я не знаю, кто вы и что вам грозит, но Паруп как-то подозрительно усмехнулся по поводу того, что рассказал Цепуритис.

— Паруп?

— Ну, тот, что сейчас стучался... Тише! Слышите, он опять идет! Он может так прошляться всю ночь и не отыскать своей каюты. Вам надо остаться, Павил, тут вас никто не будет искать,— шепотом уговаривала Алиса.

— А если меня все-таки увидят? Подумайте о себе! — шепнул Павил в ответ.

— Именно о себе я и думаю. Раньше я только мечтала о приключениях. Но вот наконец есть случай хоть на минуту стать человеком из другого мира... Не лишайте меня этого удовольствия!.. Может, вас смущает то, что я...

— ...женщина? — договорил он за нее.— И это...

— Неужели вам не приходилось провести ночь под одной крышей с женщиной, не думая о том, что рядом с вами женщина?

Павил усмехнулся.

— Нет, отчего же. Помню, мы с Кэй... была у нас в подразделении англичанка-санитар. Меня ранили, она приползла за мной, но до своих не добрались. Воронка от снаряда, в которой мы залегли, была теснее этой койки... всю ночь над нашими головами свистели пули, мизинца было не высунуть. Прижались друг к другу и лежали... Но тогда было другое — нас окружали враги.

— А теперь? Вообразите, что вы на фронте, что тут окоп.

— В своей фантазии вы не так уж далеки от действительности! — улыбнулся Павил.— Ладно, пусть будет по-вашему. Попытаюсь вообразить, что вы — маленькая Кэй из нашей разведгруппы... Спокойной ночи! — Павил потушил свет.

— А я? Что должна вообразить я? — раздался немного погодя в темноте голос Алисы.— Кто вы такой, Павил? Я должна это знать.

— Вы же сами сказали — человек из другого мира.

Над океаном раскинулось голубое небо. Свежий ветер выпестрил темно-синюю воду белой бахромой. На ход «Тобаго» он не влиял. Хотя судно и отвешивало поклоны набегающим валам, однако уверенно плыло вперед. Солнце подымалось все выше, добралось до шлюпочной палубы, заглянуло в радиорубку.

Артур бросил взгляд на часы, вскочил с койки и вклю-

чил приемник. Чуть было не проспал время связи! Это случилось с ним впервые.

Артур привык к строгому порядку. Любовь к порядку привил ему отец — унтер-офицер 6-го пехотного полка. Лишь благодаря своей дисциплинированности Артур во флоте дослужился до помощника радиста на эсминце «Вирсайтис», а потом получил место на «Тобаго».

Сейчас Артур впервые чувствовал себя выбитым из колеи. Спать он улегся в третьем часу, до этого выпил, долго не мог уснуть. Никогда водка не казалась ему такой горькой — пить пришлось за супружеское счастье Алисы. Алисы, ради которой он вчера во время тревоги бросил свой пост, ради которой готов был сделать все, что угодно.

В наушниках запищала морзянка. Рассеянно записывая текст радиogramмы, Артур смотрел на календарь. Вон аккуратно обведенное красным карандашом число и приписка: «День рождения Алисы». Артур грустно покачал головой. Пожалуй, теперь не совсем удобно идти поздравлять Алису...

Нордэкис прохаживался у двери радиорубки. Когда Артур вышел, штурман прежде всего посмотрел, есть ли у того что-нибудь в руке. Ага, листок бумаги.

— Вам радиogramма из Риги, господин Нордэкис.

— Родился?

— Как вы догадались? — удивился Артур.

— Родился!.. Благодарю от души, Артур! Вы ведь не откажете в любезности выпить в Сантаринге бокал вина за здоровье моего сына?

Нордэкис ни минуты не сомневался, что родился сын. Должен же кто-то осуществить все планы, которые самому выполнить не удалось. Он поможет ему занять место в жизни, за которое когда-то дрался сам. Его сыну не придется колесить по свету! Интересно, как Марта окрестила их ребенка?

Нордэкис развернул полоску бумаги:

чувствую себя хорошо назвала Алисой

Алиса? Что за чепуха... Когда до него дошло, что родилась дочь, Нордэкис ушел на ют. Облокотившись на планшир, он долго смотрел на взбаламученную винтом воду. Широкий бурун убегал в сверкающий океан. Но уже через несколько метров пена пропадала, ничто боль-

ше не нарушало равновесия в природе. Складки на лбу Нордэкиса постепенно разгладились.

Он представлял, как в разных странах покупает своей дочке кукол, ленты для волос, платица. Он видел рижскую набережную, с которой ему машет белокурая кроха — его дочь, его Алиса! Девочка похожа на Марту, иначе и быть не может! И ему никогда не придется жить в страхе — как бы почтальон не принес извещение: «Пал за отечество...» Хорошо все-таки, что в эту эпоху вражды и войн родилась дочка! — утешал себя Нордэкис.

Карклинь заметил Нордэкиса издали. Притворился, будто не видит его, и крикнул матросу:

— Курт, доложите капитану, что надо объявить тревогу и спустить шлюпку. Штурман Нордэкис упал за борт. Иначе он никогда в жизни не опоздал бы на вахту.

— Прошу извинить за задержку, — сказал Нордэкис. — Я получил телеграмму от жены.

— Ну, наконец-то! Поздравляю счастливого отца! Назови в мою честь мальчишку Эвалдом, наверняка вырастет молодцом.

— Дочь, — сказал Нордэкис.

— До-очь? Ну, знаешь, это лучше пяти канадских близнецов... Послушай, тебе ведь здорово повезло. Пойдут кавалеры, глядишь, старику бутылочку поставят, чтобы не путался под ногами. А там, годков через шестнадцать, может, и я еще попробую приударить...

Они пошли в штурманскую рубку.

У штурвала, небрежно скрестив ноги и прислонившись спиной к стенке, стоял Галениек. При ровной небольшой волне, как сегодня, он придерживал штурвал одной рукой. Матрос охотно закурил бы, но в присутствии капитана не решался. Как назло, нос щекотал ароматный дым папиросы Квиесиса.

Квиесис был гладко выбрит и в отличном настроении. Одно движение, каким он растегнул воротничок и снял фуражку с эмблемой своего пароходства, говорило о том, что он весьма доволен погожим деньком, собой, жизнью вообще. Судовладелец обласкал взглядом надраенные приборы и механизмы в хорошо оборудованной рубке и лишний раз наслаждался сознанием, что все это принадлежит ему, Екабу Квиесису.

— Сколько прошли сегодня за ночь, капитан Вилсон? — спросил он.

Тот вопрошающе взглянул на штурманов.

— Почти восемьдесят миль. Да к тому еще жена Нордэкиса дочку родила,— ответил Карклинь и поспешил исчезнуть.

— Вот, дьявол! — Сообразив, что это, по-видимому, не самая подходящая форма для поздравления, капитан крепко пожал руку Нордэкису.

— Поздравляю, поздравляю, господин Нордэкис! — сказал Квиесис. — Будь мы сейчас в Риге, я не отказался бы от чести стать крестным отцом. Но такая уж у нас, моряков, судьба. Будете посылать телеграмму жене — не забудьте присовокупить и мои поздравления.

На ходовой мостик поднялся Зигис с большим ржавым ключом в руках.

На приличном расстоянии за ним следовали все свободные от вахты члены команды.

— Тебе тут чего, чертенок? — накинулся на него капитан. — Сколько раз повторять, что нечего тебе тут делать!

— Меня штурман Карклинь послал, — оправдывался Зигис. — Дал ключ и велел срочно завести компас, не то, говорит...

— Хватит с меня этих штук Карклиня! Что тут — судно или балаган?.. Ладно, Зигис, ступай к боцману, пусть даст тебе путное занятие.

— Господин капитан, разрешите войти. — На пороге стоял Артур.

— Давайте, давайте! — вместо капитана добродушно позвал его Квиесис. — Принесли последний биржевой курс?

— Нет, господин Квиесис, я к штурману... Извините, господин Нордэкис, у вас родился мальчик.

— Что вы сказали? — переспросил Нордэкис и выпустил из пальцев перо.

— Еще одного? Вот, чертовщина! — воскликнул Вилсон.

— Близнецы! Вот это хорошо, — сказал Квиесис. — Нашему отечеству нужны работающие руки!

— Двое сразу? Ничего не понимаю, — бормотал Нордэкис.

— Я тоже не понимаю, как со мной случилось, — заикался Артур. — Передали Алоиз, а я записал... Просто опечатка вышла...

— Мальчишка! Ах, черт, все-таки мальчишка! — ли-
ковал Нордэкис.

Капитан в недоумении покачал головой, еще раз
взглянул на первого штурмана, все понял и улыбнулся.
Потом посмотрел на радиста и опять превратился в суро-
вого повелителя «Тобаго».

— Между прочим, Артур, вчера мне доложили, что во
время тревоги вас не было на посту. Это тоже была опе-
чатка?

— Я только на секунду... Хотел предупредить...

Вилсон перебил его:

— Где вы были, меня не интересует. А служба, разра-
зи вас гром, остается службой! И, чтобы впредь вы не но-
сились как влюбленный дельфин, запрещаю вам в Санта-
ринге сходить на берег! Понятно?

Артур залился краской. Ни слова не сказав, он круто
повернулся и выбежал из рубки. Оттуда донеслись слова
Квиесиса:

— За что вы его так строго, капитан Вилсон? Сами
разве молодым не были? Что худого, если парень влю-
бился в Алису?

Щеки Артура пылали. Теперь окрестят его влюблен-
ным дельфином. Дойдет до Алисы. Как потом показаться
ей на глаза?

Подняв голову, он увидел Алису.

— Доброе утро, Артур,— поздоровалась она.— Где
вы успели так сильно загореть? Да, а почему вы больше
не транслируете песенки? Без музыки скучно.

— Вам нравится... та, что я вчера?..

— Ну конечно. Разве песни о любви могут не нра-
виться? Ваш выбор вполне в моем вкусе.

Она улыбнулась, и Артур опять почувствовал себя
счастливым.

Алиса еще долго смотрела вслед радисту. Какая у не-
го легкая жизнь! Крути целыми днями пластинки. Какую
захотел, такую и ставь. Кого полюбит, на той и женится...
Когда Алиса подошла к фальшборту, над палубой уже
неслось: «Кто целовал хоть раз красавицу латышку, то-
му ее вовеки не забыть...»

Тут, наверху, ветер рвал и трепал ее платье. В лицо
поминутно летели соленые брызги. Алиса крепче вцепи-
лась во влажные скользкие поручни. Сегодня ее двадцать
первый день рождения, день ее совершеннолетия. Ко-

рабль упорно прокладывает в волнах себе путь, и человеку надо жить так же! Исполненная решимости, она отпустила поручни. Нужно поговорить с отцом, сейчас же!

— А-а, здравствуй, детка! Как выпалась?.. Поздравляю, сегодня у тебя большой день!

— Спасибо. Ты не забыл?

— Ничего не забыто. По брачному контракту твои личные расходы в год...

— Я не пойду за Илгмара, — перебила его Алиса.

— Вот те на... Что еще за капризы? Лучшего мужа тебе вовек не найти!

— Отличный муж! Поглядел бы ты, как он вчера вечером вокруг Валлии увивался!

— А я-то подумал, что-нибудь серьезное, — сразу повеселел Квиесис. — А что тебе мешает ответить тем же? Тогда он быстренько образумится. Скажем, хотя бы с радистом. Симпатичный парень, влюблен в тебя по уши.

— Ты все шутишь, а мне не до шуток.

— Откуда у тебя такие старомодные взгляды? Выйдешь за Парупа, подаришь фирме наследника, и тогда поступай как угодно... Я тебе обеспечил блестящее будущее, а ты недовольна. Насчет Парупа не волнуйся, я его приструню...

Алиса лежала на койке и делала вид, будто читает. Она нервничала — почему сегодня стюардесса копается так долго?

В косых лучах солнца кружились пылинки, потревоженные тряпкой Валлии. Валлия тоже нервничала. Не так уж приятно заниматься уборкой в присутствии хозяйской дочки. Обычно Алиса в это время прогуливалась по палубе, а сегодня ее, наверно, немного укачало. Однако аппетит барышни каким-то странным образом не страдал. Даже совсем наоборот. Яичница с ветчиной, картофельный салат с ранними огурцами, сыр и колбаса — все съедено подчистую. Даже хлеба не осталось.

Пожав плечами, Валлия взяла поднос, огляделась, не забыла ли чего, и вдруг заметила нечто такое, что никак не подходило к каюте барышни. На столе, из-под книжки, торчал большой такелажный нож. Точно такой, как у Цепуритиса.

— Спасибо, Валлия, можете идти, — сказала Алиса.

— Сию минуту ухожу. — Валлия взяла со стула халат.

— Что вы делаете?

— А что? Хотела в шкаф повесить...

— Оставьте, я сама.

— Дело ваше.— Валлия улыбнулась и вышла.

Алиса вскочила, закрыла дверь на задвижку и выпустила Павила из шкафа.

— Стюардесса ничего не заподозрила? — спросил Павил, расправляя затекшую спину.

— Потому что я не дала повесить халат? Чепуха! Для нее главное — поскорее отделаться.

— А для вас?

— Не понимаю...

— Вы не хотите от меня отделаться поскорее?

— Опять вы шутите... Я даже заказала Артуру музыку, чтобы мы могли спокойно разговаривать. Бедняга! Представляете, он в меня влюблен! Слышите?

«Ясноокая, милая, тебя я люблю...» — дрожала на громкоговорителе драпировка в такт голосу Мариса Ветры.

— А вы еще жалуетесь,— сказал Павил.— Один признается в любви по радио, другой преподносит три дома и сердце...

— Сегодня я говорила с отцом.

— Вот это я понимаю!

Алиса отмахнулась.

— Ничего вы не понимаете. У меня не хватило духу сказать все до конца. Как подумаю, что меня ждет в Сантаринге...

Первую половину дня Паруп, как правило, проводил в своей каюте. Сегодня он пошел в кают-компанию. Ему хотелось встретить Валлию.

— Что я вижу! — воскликнул Паруп входя.

— Бутылку, что ли? — ухмыльнулась Валлия, продолжая накрывать стол к обеду.

— А что? Самый простой коньяк превратится в нектар, если его поднесет такая красавица, как вы.

— Вы и так качаетесь.

— Я? Я только применяюсь к обстановке. Корабль качается, и я качаюсь вместе с ним. Еще поэт Фрицис Барда сказал, что жизнь — качели.

— Глядите, как бы совсем не закачало,

— Вашим алым губкам не идут такие слова. Бог дал женщине рот не для того, чтобы говорить, а для поцелуев.

— А мужчине руки для того, чтобы распускать их? Отстаньте, вы мне всю посуду перебьете!

— Ах так?! Чем я хуже вашего кавалера Цепуритиса? — Он налил себе коньяку, ни на миг не отрывая взгляда от Валлии.

— Никакой он мне не кавалер. А если бы пришлось выбирать между вами...

— Не похоже. О чем же вы вчера так мило шептались? Вы же не станете мне сочинять, что он пришел ночью поговорить о своей малярии...

— Господин Паруп, вы бы поменьше интересовались мной и побольше своей невестой.

— Что вы хотите этим сказать?.. Ах да, сейчас она придет обедать.

Паруп пересел на другой стул, подальше от Валлии, опорожнил рюмку.

— Ты девочка смышленная. Встретимся попозже.

— Алиса не придет.

— Что это с ней стряслось?

— А вам очень охота знать?

Паруп не успел ответить.

— Когда вы наконец научитесь правильно складывать салфетки? — раздался с порога голос Квиесиса. Разговор с Алисой испортил ему настроение. — Деревенщина! Вы, наверное, думаете, что кормите свиней.

— И не ошиблась бы, — шепнула себе под нос Валлия и захлопнула за собой дверь.

— Дорогой тесть, вы не романтик. Для чего женщине уметь складывать салфетки? Если она умеет вовремя постелить постель...

— Хорошо, что вы сами заговорили об этом... Паруп, до меня кое-что дошло. Зарубите себе на лбу: я люблю свою дочь и не позволю причинять ей боль. Никому! Хотя бы у вас было десять домов!

— У меня больше нет домов.

— Вы напились как свинья!

— Я не советую вам так непочтительно говорить о свиньях. Свиньи после смерти становятся беконом, и тогда никто не считает для себя унижительным набивать ими живот, корабельные трюмы и свои карманы... Да,

...а, вот живем, грубим друг другу и забываем, что теперь мои дома — наше общее имущество.

Словно желая уничтожить неприятный привкус во рту, Паруп выпил.

Напоминание подействовало. Лицо Квиесиса приобрело более любезное выражение.

— Не, дорогой Илгмар, к чему сразу обижаться? Разве я не понимаю мужскую натуру? Сам в ваши годы, бывало... В «Альгамбре» у меня были такие красотки, скажу я вам, прямо жемчужинки... Но все — честь по чести... Я скорее заткнул бы ей рот сотенной, чем позволил бы слухам дойти до жены. Семейное счастье всегда на первом месте! Попросите у Алисы прощения, и все будет в порядке... Ну, где же она? Валлия!

В кают-компанию вошла стюардесса.

— Позовите мою дочь!

— Ее сейчас не надо тревожить... Ее укачало.

Пробили склянки. Вахта сменялась. Из своего окна Валлия хорошо видела кап машинного отделения. Вскоре в нем показались сменные мотористы. Первым на палубу вышел, обтирая руки смоченными в солярке концами, старший механик Свадруп. За ним вечный молчальник Риепша с полотенцем на шее. По цвету полотенца трудно было сказать — мылся ли он сам или собрался стирать полотенце. Самым последним — Август. Без книги в руках вид у него был непривычный — словно пароход без трубы.

Цепуритиса не было, наверно, еще лежал больной. Чего же он расхаживал ночью и выпрашивал о новостях? Цепуритис никогда не был падок на сплетни. А тут вдруг пристал. Ну точно как Паруп со своими расспросами. И что у них, у обоих, на уме? Здесь дело не чисто!

В кают-компании слышался перезвон вилок и ножей. Суп еще рано подавать. Пускай с закусками управятся. Сало, наверно, опять останется — носи только взад-вперед без толку. Она и так выставила вчерашний кусок. Лучше бы Цепуритису отдала. Да, а почему он все-таки отказался? Хотел же отрезать, еще нож искал в кармане... А ножа не было. Не было большого такелажного ножа, с которым старый моторист никогда не расставал-

ся. Страшно, очень странно. И почему до вре-
немцы поймали Цепуритиса в туннеле?

Мысли Валлии перенеслись в каюту дочери Квиесиса. Чей нож лежал на столе у Алисы? И вообще там что-то неладно. Почему сегодня Алиса во время уборки не пошла гулять, а следила за каждым ее движением? Почему жаловалась на морскую болезнь, а ела за двоих? Почему не дала повесить халат в шкаф?

Вопросы цеплялись один за другой. Они спутались в тугой узел, который развязать было трудно. Но интуиция подсказывала Валлии, что разрубить его можно при помощи все того же ножа.

Звонок. Ее требуют в кают-компанию. Ничего, пождут! Не умрут, если суп принести на пять минут позже. Сейчас гораздо важнее другое.

С растрепавшимися от ветра волосами Валлия вбежала в кубрик к мотористам.

— Цепуритис, дай мне свой нож!

Цепуритис облегченно вздохнул. Увидев Валлию, он приготовился к худшему.

— Нож? — равнодушно повторил он. — Не знаю, потерял, наверное. Возьми у Августа.

Но на трапе Цепуритис догнал ее:

— Это что еще за шутки?

— Ты лучше скажи, где твой нож?

— Ты что-то знаешь, Валлия! Ты от меня что-то скрываешь.

— Так же, как и ты.

— Говори, где мой нож?

Выражение лица Цепуритиса напугало Валлию. По тону вопроса она поняла, что тут не до шуток.

— Ну ладно уж, скажу. Тот, кого ты искал в туннеле, теперь в каюте у Алисы. Выстругивает твоим ножом рожки прохвосту Парупу.

— Валлия, если б ты знала... — Но в глазах Цепуритиса снова появилась тревога. — Ты никому не рассказала?

— А я разве похожа на трепачку?

— Тогда, ради бога, помалкивай! Если узнают, кто он такой...

— Я-то промолчу, за меня не беспокойся. Только ты Парупа берегись. Он что-то почуял.

Если смотреть с ходового мостика, океан выглядит

почти миролюбиво. На самом же деле ветер разогнался почти до штормового. Волны то вздымают судно на свои широкие спины, то снова сваливают в глубокие провалы. На баке волны перекатывают через борт, и целые водопады низвергаются на палубу. Их должны были преодолевать все, кто после вахты хотел попасть в кубрик. Галениека окатило с головы до пят. Вода стекала по волосам, рукам, брюкам.

Курт потянулся к своему рундучку, чтобы сменить промокшую робу на сухую.

— Скотина, дверь хоть прикрыл бы! — рявкнул на него Галениек. — А еще порядком хвастается...

— Не привязывайся, я закрыл.

— Спокойно, ребята, спокойно, я сейчас... Вот заткнуть бутылку — это занятие не для меня, а дверь закрыть — в любое время.

Лишь теперь матросы заметили, что вошел Паруп. По его лицу тоже текли струйки, совсем как шампанское из переполненного бокала.

Матросы выжидательно молчали. Обычно господа в кубрик не заходили. Тем более в такую погоду.

— Это матросский кубрик, — заметил на всякий случай Курт. Ему показалось, что Паруп спяну заблудился.

— Мне все равно кто — простой матрос или адмирал, лишь бы компания была. Я человек не гордый.

— Смотри-ка, насосался! Сейчас грохнется! — шепотом сказал кто-то за спиной Галениека.

Паруп, кажется, тоже услышал реплику. Стараясь сохранять равновесие, он пристально заглянул по очереди каждому в лицо. Затем достал из кармана коньяк. Зашатался, но на сей раз не устоял. Бутылка выпала из рук, покатилась. Паруп посмотрел ей вслед с веселой ухмылкой.

— Вот здорово, что заранее сел! — бормотал он. — Теперь незачем вставать на четвереньки... Спокойно, ребята, щас я ее... На судне ничего пропасть не может.

Он заполз под одну койку, под другую, наконец нашел.

— Удрать хотела, — упрекнул Паруп бутылку. — Не выйдет, милашка! За это я тебя щас выпью без лимона.

Он попытался встать, но не смог. Галениек поднял его за шиворот. Бутылка опять скатилась на пол.

— Тут вы себе собутыльников не найдете! — проворчал Галениек и распахнул дверь.

— Щерещур вы больно гордые. Ну ничего, поищу в другом месте.— И Паруп, ковыляя, удалился.

— Господин Паруп, вы свой коньяк позабыли,— догнал его Курт.

— Благодарствую! Что такое человек без выпивки? То же, что морре без воды!

— Глядите не захлебнитесь! — пожелал ему Галениек и с шумом захлопнул дверь.— Ну и шприц же ты, фриц! — налетел он на Курта.— Кой черт тебя дернул отдать этому болвану коньяк? Сейчас бы в самый раз крепенького хватить. После душа-то.

Галениек силился стянуть с себя промокший свитер.

— Это же его коньяк,— оправдывался Курт.

— Нашелся защитник частной собственности! Я те покажу сейчас порядок! — Галениек изготавился к внушительной речи, но заметил юнгу, который в отчаянии балансировал с бачком супа в вытянутых руках.— А-а, обед! Дружба с коком — залог здоровья... Тыфу ты, дьявол!

Судно накренилось.

Галениек, сдергивая свитер, потерял равновесие и ударился о стол.

Неожиданный толчок имел и другие последствия. Зигис, словно его толкнули невидимые руки, споткнулся и налетел на Галениека. Половина похлебки вылилась на пол, изрядная порция — матросу на брюки.

— Я тебе! — взревел Галениек.

Он схватил парнишку за шиворот и в ярости начал хлестать мокрым свитером.

— Перестань! — Курт вырвал у него из рук свитер.

— Чего лезешь, фриц? Его морда что — тоже частная собственность? Последние штаны мне изгадил!

— Не волнуйся, Галениек. В супе так мало жира, что пятен не останется. Ручаюсь!

Галениек помешал ложкой остатки похлебки, попробовал и тут же выплюнул:

— Свинство! Дружба с таким коком — гарантия третьей стадии чахотки...

— Да, харчи сегодня, как в богадельне.

— В чем дело, черт подери! — Кулак Галениека грохнул по столу.

— Валлия чего-то говорила...— начал было Зигис, но, вспомнив, как ему сейчас всыпали, насутился и умолк.

— А ну, малый, выкладывай! И не хныкать, а то опять по уху схватишь.

— Правильно, без хорошей лупцовки еще никто моряком не стал,— подхватил боцман, входя в кубрик.

— Ты только посмей его тронуть,— пригрозил Галениек.— Будешь со мной иметь дело! Чего тебе надо, боц?

— Ребята, пошли задраим люки. Радист получил штормовое предупреждение... Сделаем, а тогда и на боковую можно.

Курт и два других матроса поднялись и стали надевать клеенчатые куртки, но Галениек прикрикнул на них:

— Сидеть! Никуда мы не пойдем! Задраивать люки, чтобы хозяйские шпроты не уплыли, а нас тут помоями кормить будут. Пускай ищут дураков в другом месте!

— Валлия сказала, что ночью немецкие матросы перетаскивали на лодку продукты,— не утерпел Зигис.

— Ах, вот где собака зарыта!— крикнул Галениек.— Шагу отсюда не ступлю!

— Постой, Галениек, не бунтуй,— сказал Курт.— Пошли к Цепуритису. Послушаем, что он скажет.

— Нашел Соломона-мудреца,— проворчал Галениек, но возражать не стал.

При всей своей буйной натуре Галениек признавал опыт и трезвый ум старейшего моряка на «Тобаго». У команды вошло в привычку обращаться в трудных случаях за советом к Цепуритису.

С Цепуритисом они столкнулись в двери.

— Мы с Антоном пришли поговорить насчет харчей,— сказал моторист спокойно, но тут же заметил на полу растоптанную сигарету с золотым мундштуком:— Паруп к вам тоже заходил?

— Нашел чему удивляться. Компанию искал. Мы его послали к чертям, он прямехонько к вам, черномазым, и отправился. Пьян-пьян, а дорогу знает.

— У него на уме что-то другое,— глубокомысленно заметил Антон.— Он и вниз приходил к нам. Ради одного удовольствия человек не пойдет у машин пачкаться и глазеть на гребной вал.

— Он в коридор залезал? — переспросил Цепуритис.

— Ну да, говорю тебе... Я даже знаю зачем.

Во взгляде Цепуритиса мелькнула тревога.

— Говорят, он будет совладельцем «Тобаго»,— продолжал Антон.— Вот и хочет посмотреть — так ли хороша эта посудина, как хозяйская дочка.

— Факт, кому охота покупать кота в мешке,— согласился боцман.— Послушай, Цепуритис, образумь ты этого Галениека. Я и пожаловаться мог бы, да сами знаете — не из таких я. Втолкуй ты ему... Квиесис не виноват.

— А я разве говорю, что он виноват? — сказал Цепуритис.— Мы сами виноваты, раз позволяем плевать себе в рожу.

— Ну нет! Не позволим! — отрезал Курт.— Порядок должен быть. Это мой последний рейс. В Сантаринге списываюсь на берег и гуд бай!

— Не воображай, что там молочные реки и кисельные берега,— сказал боцман.— На родной-то стороне оно лучше всего.

— Плевал я на такую родину! — бушевал Галениек.— Пристроюсь на приличный пароход, буду получать нормальный харч, а не эту баланду, военную надбавку, все, как положено. Пусть меня Квиесис...

— Ты об одном себе только думаешь,— сказал Цепуритис. Он знал слабые стороны Галениека.

— У каждого своя голова на плечах,— ответил Галениек.

— Глотка у тебя есть, а не голова. Орать он за десятерых, а если надо у Квиесиса по столу кулаком стукнуть, так небось пороху не хватит.

— Чего?! — вскочил Галениек.— Думаешь, у меня кишка тонка? Подначить хочешь, да?! Да хоть сейчас пойду к Квиесису. Я вам всем покажу!

— Только по-хорошему,— поучал боцман.— Ежели господина Квиесиса лучше попросить...

— Просить? Я попрошу — кулаком по столу!

На почетном месте в конце стола сидел капитан. Но, вопреки общепринятому морскому этикету, роль хозяина взял на себя Квиесис.

— Ну, вот и дождались... Посмотрим, господа, чем нас сегодня кок порадовал.— Он снял крышку с миски и принялся к пару.— Опять шницель по-венски! Прямо тоска разбирает по «малому верманскому». Как вышли в море — ни одного настоящего латышского блюда.

— Какая разница, было бы сытно,— проворчал капитан и взялся за вилку.

— У нас, у морских айзсаргов, кока в два счета выдрессировали бы,— сказал старший механик и услужливо пододвинул Квиесису горчицу.

— Было время, когда я был бы рад и собачьему шницелю и не слишком допытывался бы — национальное это блюдо или нет,— вспомнил Нордэкис.

— Было когда-то... — отрезал Свадруп. — Теперь вождь все упорядочил. Работать не хочешь — ступай за дарма лес рубить!

— Делегация от команды,— сообщила Валлия. — Пустить, господин капитан?

Квиесис и тут поспешил выскочить:

— Пригласите, пригласите! Пусть войдут.

Галениек и не думал дожидаться разрешения. Он уже стоял на пороге. Увидел стол, уставленный едой, и побагровел от злости. Курт вошел тоже, снял берет и поклонился. Антон был последним. Он робко, бочком, протиснулся в дверь и стал у стенки.

— Мы... — начал Галениек.

— Знаю,— самодовольно подхватил Квиесис. — Хотите от имени команды поздравить мою дочь. Валлия, налейте моим отважным матросам по бокалу.

— Поздравить?.. Совершенно точно... — промямлил Антон. — Только мы еще... у нас... так сказать...

— Не хватает духу через губу переплюнуть, так помалкивай... — перебил его Галениек. — Мы требуем харчей получше, капитан.

— Господин капитан,— твердо, но спокойно поправил его Вилсон.

— Господин или не господин, брюхо от этого полнее не станет. Вы тут вон как, — Галениек кивком показал на стол,— а мы должны слюни глотать.

— Здесь питаются пассажиры,— сдерживая себя, пояснил капитан, но тут же его прорвало: — Черт побери, здесь, в конце концов, судно или...

— Позвольте мне, капитан Вилсон,— перебил его Квиесис. — Друзья, вы достаточно давно знакомы со мной, чтобы знать, что для своей команды мне ничего не жаль. Но я беспомощен перед насилием.

— Правильно! — не уловил его мысль Свадруп. — А с бунтовщиками у нас разговор короткий!

— У меня никогда не бывало разногласий с командой и не будет,— продолжал Квиесис.— Когда выходили из Риги, мы запаслись всем, чтобы до самого Сантаринга хватило. Но тут немцы пристали с ножом к горлу. Так сказать, кошелек или жизнь. А разве я мог рисковать вашими жизнями? Пришлось уступить и отдать часть продовольствия. Но вам волноваться нечего. Мы с капитаном рассчитали, что на теперешнем пайке до Сантаринга дойдем. Там я, разумеется, позабочусь, чтобы разницу вам выплатили деньгами, даже в английской валюте. Надеюсь, вас это устроит?

— Урра!— крикнул Паруп.— Теперь держись сантарингские девчонки и трактирщики!

— Спасибо!— злобно отрезал Галениек.— Водки нам уже поднесли, а на закуску водичка, да? Мы треем...

— Анархист окаанный, разгильдяй!— рявкнул капитан.— Вам только бы требовать! Сказано вам, что до Сантаринга ничего сделать нельзя.

— Но ведь у господина Квиесиса есть же консервы, яйца,— простодушно возразил Антон.— Полные трюмы.

— Так ведь это экспортный товар.— Голос Квиесиса стал еще елейнее.— Сами видели, что в Риге все было оприходовано по книгам. Груз должен быть доставлен в порт нетронутым, это первая заповедь любого моряка. Неужели вы не можете понять, что означает для Латвии экспорт? Особенно в военное время...

— Как тут не понять... дорожке платят,— ответил Курт за всех.

— На вашем месте я бы лучше помолчал,— сказал Квиесис,— если бы не ваши собраты, нам не пришлось бы теперь затягивать пояса потуже... Неужели у вас совершенно нет патриотических чувств?— обратился он к Галениеку и Антону.

— Патриотам тоже жрать надо!— не оправдал его надежды Галениек.

— Довольно!— заорал Квиесис.— Капитан Вилсон, прикажите им сию же минуту убраться отсюда.

Десерт сегодня никому не доставил удовольствия. Даже Паруп, который обильно sprysнул его коньяком, выглядел странно тихим и озабоченным.

Оставшись вдвоем с Квиесисом, Вилсон долго не мог собраться с духом. В конце концов он заговорил:

— Пожалуй, не стоило так...

— Да, немного нескладно получилось,— согласился Квиесис.— Зря я вспылil. Может быть, вам кажется, что мои слова насчет экспорта прозвучали несколько смешно. Но ведь это же будущее нашего народа, наше благополучие. От простых матросов нельзя, конечно, требовать, чтобы они это поняли. Если уж моя плоть от плоти, дочка, не желает понимать, что я ей хочу только добра...

— Вы здесь, конечно, хозяин...

Квиесис вздохнул.

— Прямо-таки ума не приложу, что делать... Быть может, попробовать что-нибудь закупить на встречном пароходе?.. Но кто продаст в военное время?

— Есть выход, черт подери!— воскликнул Вилсон.— Если бы мы могли сделать небольшой крюк и зайти за продовольствием на остров Хуана.

— К этим испанским душегубам? Надеюсь, вы не всерьез? Там даже за воду дерут втридорога! Думаете, вы были бы сегодня капитаном «Тобаго», если бы я не сэкономил каждый лат?..

Капитан промолчал.

— Да-а, и все-таки жаль ребят,— проговорил Квиесис после паузы.— Труд моряка не из легких, на простокваше далеко не уедешь... Что вы скажете, капитан, если мы продукты кают-компаний отдадим в общий котел? У вас не будет возражений? Впрочем... это ведь капля в море. Кроме того, мой зять может запротестовать... Заботы, заботы, вот и все, что у меня есть в этой жизни. Да, какое сегодня число? Что? Сегодня ведь родилась моя Алисонька! Вот видите, каково мне живется— даже о дне рождения собственной дочери забыл.

«День рождения Алисы».

Уже в который раз Артур смотрел на запись в календаре. Глядясь в темную шкалу радиоприемника, он тщательно причесался и надел форменную фуражку. И все же не решался. Неловко получится, если он придет с поздравлением и застанет там Парупа. Потом он вспомнил ласковую улыбку Алисы при встрече на палубе, ее просьбу транслировать песенку о любви. Нет, Алиса наверняка ждет его поздравления! И вообще

неизвестно, любит ли она этого пьяницу. Скорей всего, она выходит за него только ради отца. И Артур, словно желая придать себе храбрости, сдвинул козырек набекрень, выключил музыку и, схватив со стола радиogramму, выбежал из рубки.

Весь путь до каюты Алисы радист проделал бегом. Он чувствовал, что стоит ему замедлить шаг, как храбрость покинет его. Запыхавшись, он подскочил к двери. В каюте слышались тихие голоса. Слов было не разобрать, но один из говоривших был мужчина. Ясно — Паруп, кому же еще тут быть! Но Артур решил не отступать. Как бывает со всеми застенчивыми людьми, на него тоже находили приступы упрямой решимости.

Он постучал — громче, чем следовало бы.

Изнутри тотчас отозвалась Алиса:

— Кто там?

— Вам радиogramма.

— Сейчас, только оденусь.

Прошло довольно много времени, пока Алиса открыла. Ни по одежде — Артур обратил внимание, что ее серая юбка и черный свитер без единой морщинки, — ни по аккуратной прическе нельзя было сказать, что Алиса лежала. Остановившись в полуоткрытой двери, она протянула руку за радиogramмой. Через ее плечо Артур как бы невзначай заглянул в каюту. Ему была видна только половина помещения. Никого нет. Наверное, Паруп сидит на койке. Артур вдруг снова почувствовал себя глубоко несчастным.

— Извините, не хотел вас потревожить, — пробормотал он и повернулся, чтобы уйти.

Алиса остановила его:

— Артур, не могла бы я вас попросить...

— Ради бога, мадемуазель Алиса!

— Мне... я... Мне как-то нехорошо от этой качки. Говорят, в этих случаях помогает табак. Вы не могли бы угостить меня папирсой?

«А, так Парупу лень подняться», — с раздражением подумал Артур, однако вслух сказал:

— С величайшим удовольствием!

Он принялся шарить по карманам. Признаться, что он некурящий, означало утратить часть мужского достоинства.

— Я сию минуту. Оставил в рубке, — солгал он.

Когда Артур вернулся с выклянченными у кого-то папиросами, Алиса все еще перечитывала радиogramму.

— Не пойму,—пожала она плечами.—«Сердечно поздравляю с днем рождения тчк желаю идти в жизни солнечными дорогами зпт исполнения всех мечтаний тчк будьте всегда такой же чистой и доброй зпт как сейчас зпт и помните зпт что у вас есть верный друг Артур»,—читала она.—Понятия не имею, кто такой Артур. Может, по ошибке?

— Ошибок у меня не бывает,—гордо заявил Артур, но, вспомнив о недоразумении с новорожденным Нордэ-киса, покраснел.—Я сам осмелился, мадемуазель Алиса. Вы уж не сердитесь, что я так, без цветов...

— Спасибо, Артур, вы доставили мне большую радость.—И Алиса протянула ему руку.

Окончательно смутившись, Артур вложил в ладонь девушки пачку папирос.

На обратном пути Артур по меньшей мере трижды споткнулся. Он не смотрел ни направо, ни налево. Перед собой он видел только улыбающееся лицо Алисы. Как ласково она ему улыбнулась!.. Эх, не будь на свете этого Парупа, который сейчас барином расселся в каюте Алисы и дымит принесенными им, Артуром, папиросами...

— Эй, маэстро SOS! Жажду новостей из возлюбленной и далекой страны моих предков. Вы ведь еще слышите Ригу. Что сообщают?

— Как вы сюда попали?—Артур, увидев перед собой Парупа, больше ничего не понимал.

— А где же мне быть? Ночных кабаков, к сожалению, поблизости нет.

— Вы же только что были в каюте у Алисы. Слышал ваш голос и еще бегал, как дурак, за папиросами...

— Что-о?!—Паруп ни с того ни с сего оттолкнул Артура в сторону.

Алиса закрыла дверь на задвижку.

— Я все-таки волнуюсь,—сказал Павил.

— Почему?

— Мы так увлеклись разговором... Даже не заметили, когда кончилась музыка. Давайте хоть теперь разговаривать потише.

Алиса протянула ему папиросы.

— Угадала? Я все время чувствовала, что вам чего-то не хватает.

— Какая вы хорошая.— Павил с жадностью закурил.— Ну и кстати, желаю вам много, много счастья!

— Представляете — отец забыл, жених забыл, а этот парень вспомнил.

— Я тоже буду помнить этот день.

— Почему?

— Потому что впервые спокойно закурил после всех треволнений.

— Вы шутите.

— Да, шучу. Но это означает, что мне хорошо,— насколько может быть хорошо человеку в моем положении.

— Вам со мной хорошо? Вы опять шутите, Павил?

— А вы разве сами не видите? За это время вы стали для меня самым близким человеком...— он улыбнулся,— на всем судне. Сколько вам сегодня стукнуло?

— Двадцать один.

— Возраст, когда человек начинает самостоятельную жизнь...

— Да, пора начинать. Но одной мне будет трудно бороться.

— Бороться... Одно это слово в ваших устах — уже половина победы.

— Вы все шутите, а я говорю серьезно. Если бы рядом со мной был человек, на которого можно опереться... Порой мне хочется, чтобы до Сантаринга было еще далеко, чтобы мы плыли долго, долго...

— Откровенно говоря, и у меня об этом путешествии останутся приятные воспоминания. Благодаря вам. Но каждый корабль должен когда-нибудь прийти в свою гавань,— закончил Павил твердо.

— А где ваша гавань? Павил, вы по-прежнему мне не доверяете?

— Быть может, скажу, когда будем в Сантаринге. Может быть...

Дверь каюты затряслась. Кто-то колотил в нее кулаком.

— Кто там?— Алиса вздрогнула.

— Илгмар. Отворите!

— Не могу, я в постели.

Алиса на цыпочках метнулась к шкафу. От волнения она никак не могла его отпереть — пальцы дрожали. С силой дернула ключ, он сломался.

Однако Павил уже нашел себе другое укрытие — за шторой, отгораживавшей туалетный угол.

Паруп продолжал барабанить.

— Все равно! Откройте! Немедленно откройте! Не то я выломаю дверь! — бешено кричал он. — Считаю до трех. Если не откроете, то...

— То что? — холодно спросила Алиса и демонстративно распахнула дверь настежь.

Сквозняк потянул в коридор синеватый табачный дым.

Паруп грубо схватил Алису за локоть. Ничто в нем больше не напоминало восторженного поклонника.

— И ты еще смеешь меня упрекать, бегать к папеньке жаловаться! А сама? Дурака из меня строишь? С другим в постели, а корчит из себя святошу, не хочет за меня замуж... Мало еще меня знаешь, да? Ну, так сейчас узнаешь!

— Илгмар, вы совершенно пьяны!

— Трезвее, чем когда-либо!

Он потащил Алису к шкафу.

— Где ключ? Открой!

— Там никого нет. — Алиса с вызывающим видом стала у шкафа. — А даже если и был бы — это моя каюта!

— Где ключ? Дай сюда! Я не с такими расправлялся!

Паруп выворачивал Алисе руку, пытаясь отнять у нее ключ.

Не из-за сломанного ключа Алиса так отчаянно сопротивлялась. В ней все восстало против грубого насилия.

Павил выскочил из-за шторы и сильным ударом отшвырнул Парупа к стене. С трудом удержав равновесие, Паруп хотел было броситься на противника. Лицо его исказила злоба. Однако в следующее мгновение он уже овладел собой. Grimаса ненависти исчезла, ее сменила обычная маска — он снова обратился в прежнего безобидного шалопая и гуляку.

— Похоже, я в самом деле перехватил лишнего. Дорогая моя, прошу видеть во всем этом только порыв

ревности и лишнее доказательство моей любви... Я знаю, как в подобных случаях должны поступать джентльмены. Буду весьма признателен, если вы на минуточку выйдете. Я постараюсь уладить этот неприятный инцидент.

— Убирайтесь вон! Никуда я не уйду!

— Алиса, и все-таки будет лучше, если ты оставишь нас вдвоем,— странным, чуть хрипловатым голосом сказал Павил.

Он впервые назвал Алису на «ты». И это обращение взволновало девушку больше, чем все остальное. Она смущенно вышла из каюты.

— А теперь можем поговорить,— сказал Павил.— Значит, вас зовут Паруп. Или это имя тоже не настоящее? Быть может, у вас в кармане опять письмо из Франции?

Его кулаки были сжаты, тело напряжилось, как перед прыжком.

Паруп предупредительно поднял руку.

— Не валяйте дурака, Дрезинь. В кармане у меня пистолет. Поверьте, с двух метров я не промахнусь, как те, от кого вы удрали.

— Вы этого не сделаете. Не в ваших интересах застрелить меня в каюте Алисы.

— Да, это ваше счастье,— усмехнулся Паруп.— Вижу, вы не дурак, а с умным человеком легко найти общий язык... Садитесь, Дрезинь, и слушайте внимательно! Я собираюсь жениться на Алисе. Но она наивная девушка и верит сказкам про Красную Шапочку, и злого волка, и в прочую ерунду. С нее станет даже не пойти за меня, если вы меня выдадите... Но вы будете держать язык за зубами.

— Нет!

— Спокойнее, Дрезинь, спокойнее! Вы будете молчать, поверьте мне. Ведь вы же в моих руках. Могу приказать запереть вас и продержать под арестом до возвращения в Латвию. А что вас там ожидает, полагаю, говорить вам незачем... Но я не стану этого делать. Не сделаю потому, что я умный человек. И вы тоже образумьтесь... Однажды вам повезло — я был слишком неосторожен. Теперь я готов с лихвой расплатиться за эту ошибку. Я буду молчать, и это избавит вас от крупных неприятностей — вы же будете молчать, чтобы не

доставить мне совсем пустячных огорчений. Обычно с преступниками не вступают в джентльменские соглашения, но на сей раз...

— С негодяями тем более.

— Ну хорошо, если вам не жаль своей шкуры, то подумайте немного о других. Это же ваша профессия, если не ошибаюсь... Вы тоже допустили ошибку, нельзя было так недооценивать противника. Нам было известно, что отец Зайги Аугустлеи моряк, и, поскольку «Тобаго» снялся с якоря сразу после вашего побега, было не слишком трудно догадаться, чего искал Цепуритис в туннеле вала. Вы допустите, чтобы его посадили на несколько лет за укрывательство преступника? Вот видите, теперь вы убедились, что нам не обойтись друг без друга... Вы молчите? Вот и отлично, ничего другого вам не остается. Только придумайте, что сказать Алисе. Пускай я выпрашивал у вас прощение, рыдая, вешался вам на шею, все, что угодно. Алиса поверит — от пьяницы можно все ожидать.

Ходить по палубе становилось все труднее. Вдоль и поперек были протянуты шторм-тросы, чтобы держаться за них, когда через борта перекатываются волны. Все свободные от вахты матросы задраивали люки трюмов. Зигис в своем чересчур широком плаще выглядел совсем ребенком.

— Погляди-ка! — дернул он Галениека за рукав.

— Не вертись под ногами, малый! — отмахнулся от него Галениек. Но тут он заметил одинокую фигуру, появившуюся из средней надстройки. Человек, шатаясь, полез по трапу вверх.

— Опять надрался в стельку, — усмехнулся Курт.

— Тебе-то что, на свои деньги пьет, не на твои, — отозвался боцман.

На палубу обрушилась здоровенная волна.

Паруп тем временем забрался на ботдек. Через несколько шагов он столкнулся с Квиесисом. Хотел молча разминуться с ним, но хозяин судна задержал будущего зятя:

— Знаете, Илгмар, у нас на редкость удачное плавание! Сегодня в нашей семье опять праздник. Давеча вспомнил, что сегодня у Алисоньки день рождения. Ве-

лел коку испечь торт. Совсем было запомнил, в мои годы это простительно. А вы поторопитесь поздравить ее, женщины очень чувствительны к таким мелочам.

— Я только что от нее.

— Я тоже сейчас зайду... Хочу только сперва набросать радиogramму шурина в Сантаринг. Пусть там все приготовят к свадьбе.

...В радиорубке, как обычно, раздавалась музыка. Артур сидел на койке и подпевал: «Люблю тебя, люблю тебя, люблю утром, вечером...»

— Ну, какие вести с далекой отчизны?—открывая дверь, спросил Паруп. Он, не дожидаясь разрешения, вошел и прислонился к стене:— Беленькое все в том же градусе?

— Вот и вся ваша забота... Счастливый человек!

— Что такое счастье? Рюмка. Только что была полная и вдруг пуста. А потом приходит похмелье.

— Не пейте так много.

— Можно подумать, что я от радости... Когда у человека горе, то есть два выхода—или его утопить, или самому утопиться. Я отдаю предпочтение первому.

— Вы и горе? Да будь у меня такая невеста, как Алиса...

— Алиса? Забирайте, отдаю ее вам. За полцены, как подержанную вещь.

— Вы... вы не стоите ее улыбки!

— Красиво сказано. Своей невинной улыбочкой она всех нас вокруг пальца обвела. Еще сегодня утром я считал ее ангелом. Любил ее, боготворил, хотел весь мир принести к ее ногам... Теперь все втоптанно в грязь... Не скрывайте, Артур, вы ее тоже любите и вы имеете право узнать правду, разделить со мной эту горькую чашу. Ваше здоровье! И закурим— мои сигареты. Вы не мне принесли тогда папиросы, а другому, ее любовнику.

— Вы врете!

— Я? Ни в жизнь! Может, я и пьяница, но в вине истина. Алиса лгала— мне, вам, всем. И не с кем-нибудь из команды спуталась, нет! Везет из самой Риги! Скрывала в своей каюте, как... Если бы вы знали, Артур, как это больно. Против такой боли есть лишь одно лекарство— забвение, которое дает бутылка... Да и вам надо бы сменить репертуар.

Паруп остановил проигрыватель и поменял пластин-

ку. У двери он обернулся, чтобы убедиться в произведенном эффекте. Из репродуктора лилась тоскливая мелодия «...в твоих очах коварство вижу я», а на койке сидел радист — сгорбившийся, уткнув лицо в ладони.

Все было разыграно безукоризненно. Что и говорить — у Дрезиня рот теперь заткнут накрепко. Но отчего же не отыграться, если это можно сделать, оставаясь в тени? Теперь этот безнадежно влюбленный болван из ревности все выболтает Квиесису или капитану, и Дрезиня изолируют. Пользоваться слабостями людей всегда было специальностью Парупа. Паруп ничуть не скрывал от себя, что по-прежнему боится Дрезиня. Именно такой бунтовщик и может завоевать симпатии романтической Алисы... Теперь она его больше не увидит. Никогда! Одним выстрелом удалось убить двух зайцев и к тому же не испортить отношений с Алисой.

Каюта качалась.

Когда Алиса входила, ей пришлось ухватиться за косяк, чтобы не упасть. Дверь моталась, и надо было опереться в нее плечом, чтобы запереть на задвижку. Алиса чувствовала изнеможение, нервы были натянуты до последней степени. Она не понимала, почему Павил попросил ее выйти, о чем им было говорить друг с другом. Ее охватила тревога. Как Паруп ни старался объяснить свой поступок ревностью, она больше не верила ни одному его слову. Она успела заметить, как звериная ненависть на какой-то миг исказила лицо Парупа и — что было самым страшным — почти такое же выражение мелькнуло во взгляде Павила. Еще немного, и она осталась бы подслушивать за дверью. Однако на это она не пошла.

Алиса оторвалась от двери и шагнула вперед. Сейчас Павил выйдет ей навстречу, возьмет за руки и расскажет все.

Но он молчал, даже не пошевелился. Он сидел, навалившись грудью на стол; голова опущена, рука свисает до пола — точно как в ту ночь, когда Алиса застала его спящим.

— Что произошло, Павил? — окликнула она его. — Ну, говори же.

Дрезинь не отвечал.

Алиса посмотрела на него. Лицо, наполовину прикрытое рукой, вдруг показалось чужим. Что она знает об этом человеке? Ничего. Она ему поверила, и именно поэтому его молчание, скрытность были особенно обидны.

Алиса тронула Павила за плечо.

— В чем дело? Ответьте хотя бы!— У нее не повернулся язык еще раз обратиться к нему, как к близкому другу.— Вы что, заснули?

Дрезинь не отзывался.

Нет, он не заснул. И все-таки слова Алисы, ее вопросы доходили до него как сквозь сон.

Гораздо громче и назойливей звучал другой, злобный голос:

«Кто из латышских коммунистов воевал в Испании?.. Кто еще из латышей сбежал из французского концлагеря?.. Кто прятал тебя в Риге?.. Кто?.. Кто?..»

...Охранка. Окна закрыты плотными шторами. Под потолком яркая лампа. В комнате только два стула. На одном он вроде бы только что сидел, но теперь лежит на полу. Его бьют — выдавай товарищей, явки. Он упрямо молчит. Он больше не ощущает боли. Гораздо мучительнее вопрос, на который надо ответить тут же, немедленно: «Кто предал? Кто?»

Снова удары. И потом все кончилось. Когда к нему вернулось сознание, оказалось, что истязателям тоже нужна была передышка. Следовательно куда-то пропал. Из соседней комнаты доносится смех. И потом еще что-то имя, имя Зайги. Смеются над Зайгой. И вдруг он снова спокоен — он знает, кто предал. Не свой. Это дело рук провокатора! И он знает, кто этот провокатор. Но товарищам на свободе это неизвестно. Необходимо предупредить товарищей. Надо добратся до Зайги, рассказать!

Вот он идет по вечерним улицам Риги под охраной агентов политического управления, вырывается, бежит. Вдогонку летят пули. Если попадут — конец. Но это его не страшит, все мысли сосредоточены на одном — надо предупредить! Пока еще не поздно!..

— Ты знаешь, кто этот негодяй?— неожиданно сказал Павил.— Паруп провокатор, агент охранки.

— А ты? А ты кто такой?

— Коммунист.

Ну, вот и сказано. Иначе нельзя. Он закурил последнюю папиросу и глубоко затянулся.

— Присядь, Алиса, я расскажу все... С самого начала.

Трудно было слушать Алисе. Провокатор... Коммунист... Чем коммунист лучше агента политического управления? Слова Павила доносились словно сквозь густой туман. Но постепенно туман начал рассеиваться. Она увидела перед собой людей, которые покидают свою родину, преодолевают сотни преград, чтобы попасть в чужую страну. И там, на чужой земле, они сражаются и умирают. Не ради своей выгоды, а чтобы помочь незнакомым товарищам, чтобы бороться за свою правду, за идею. А те, кто остались в живых, возвращаются на родину, где им грозит тюрьма. Возвращаются не ради своего блага, а чтобы помогать другим. Вот как выглядит мир, из которого пришел Павил.

Алиса подняла голову и вглядывалась в Павила, словно увидела его впервые. И тотчас, будто для контраста, в ушах раздался медоточивый голос Парупа: «Моя дорогая, прошу считать этот порыв ревности лишним доказательством любви...»

— Если бы ты знала, к каким средствам они прибегают... (Алиса снова слушала Павила.) Пришел один к Зайге...

— Это кто такая?— Вопрос Алисы прозвучал тревожнее, чем она того хотела.— Впрочем, если не желаешь, можешь не говорить.

— Зайга — дочь Цепуритиса, жена моего боевого друга... На этом они и построили свою провокацию. Этот мерзавец сказал, что он сражался в Испании... Он показал Зайге письмо от мужа.

— Письмо?

— Поддельное. Зайга не знала этого. Она доверилась, назвала кое-кого из товарищей. На следующий день меня арестовали.

— Какая низость! Но она-то как могла поверить? Ведь можно почувствовать, с каким человеком имеешь дело...

— А ты? Ты почувствовала?

И тут Алису осенила страшная догадка:

— Этот человек был...

— Да. Это был Паруп.

...Артур, казалось, окаменел. Оцепенение, в которое привели его кощунственные слова, не проходило. Долго ему еще переживать горечь тяжкого разочарования. В голове — пустота. Он был не в силах думать, не мог даже остановить диск радиолы, и тупая игла уже в **который** раз обегала последнюю бороздку.

В таком состоянии застал радиста Квиесис. Зато судовладелец был в превосходном расположении духа. Чем сильнее дует попутный ветер, тем скорее судно достигнет Сантаринга. А это ли не повод для радости? В такой день, как сегодня, на «Тобаго» никто не имеет права вешать нос. Хлопнув Артура по плечу, Квиесис сказал:

— Не принимайте близко к сердцу, Артур, вы разве не знаете капитана Вилсона? И, в конце концов, я ведь здесь хозяин! Обещаю вам, что в Сантаринге вы получите отпуск на берег... А теперь за дело! Тут вот **радиограмма** моему шуруну. Пусть готовят свадьбу.

— Свадьбу?— Артур в недоумении взглянул на Квиесиса.— А разве еще будет свадьба?

Вопрос вызвал в Квиесисе раздражение. Он вспомнил, что Артур даже не поднялся навстречу хозяину судна.

— А почему бы ей не быть?— резко спросил Квиесис.

— Да господин Паруп сказал... В каюте у мадемуазель Алисы...

Тут Квиесису стало ясно, почему Артур не встал, когда он вошел. Напился! Потому он так по-идиотски ворочает глазами, потому и несет всякую ерунду. Пьян в стельку!

— Что сказал?.. При чем тут каюта?.. Мало того, что Паруп сам целыми днями пьянствует, так еще мне команду спаивает! Проспитесь, господин радист, я такого не потерплю на своем судне!

Артур не отвечал. Лишь пластинка все крутилась и крутилась на последнем аккорде.

Квиесис выдернул вилку из штепселя. Облегченно вздохнув, радиола наконец умолкла.

— И чего вы без конца наяриваете свои шлагеры! Как какой-нибудь...— Квиесис вспомнил меткое сравнение капитана,— как влюбленный дельфин. И других заставляете слушать. Осточертело!.. Уж лучше бы ра-

дио настроили. Хоть послушали бы, что на свете творится.

Артур все еще не мог понять, что понадобилось от него Квиесису. Он вообще ничего не понимал. Он, как лунатик, встал и включил радиоприемник. Потом увидел у себя в руках листок с текстом. Ах да, ему велели передать радиogramму в Сантаринг. Он включил передатчик и, тупо глядя перед собой, принялся работать ключом.

Квиесис рассеянно смотрел в окно. Что там наболтал этот Паруп? Свадьбы не будет?.. Неужели действительно Алиса после разговора с ним еще посмела сказать, что не хочет замуж? Не может быть! Это же абсурд — теперь, когда брачный контракт, слава богу, уже подписан. Ну ничего, он вышибет из нее эти капризы...

Из репродуктора слышался голос. Наверно, какая-нибудь лекция, последние известия передают позднее. До рассеянного слуха Квиесиса доходили лишь отдельные слова. В них не было ни смысла, ни содержания. Отрывистое попискивание ключа говорило гораздо больше. Тире, точка, два тире... Радиogramма летела в Сантаринг. Получит ли ее шурин сегодня до ночи? Может, он сейчас у себя на плантации?.. О чем это рассказывает диктор?

— Что?— воскликнул Квиесис.— Что он несет?! Этого не может быть!

Передатчик замолк. Рука Артура неподвижно сжимала телеграфный ключ.

— К черту этот писк, будь он неладен!— Квиесис, казалось, рехнулся.

Он кинулся к приемнику, стал вертеть ручку настройки, хотя станция и без того была слышна хорошо, прижался ухом, отскочил назад.

А в тишину, как удары молота, падали слова диктора — потрясающие, непостижимые:

— Повторяем: в Латвии установлена власть трудящихся. Жители с цветами встречают советские танки. Коммунистическая партия вышла из подполья. Освобождены все политические заключенные. Массовые демонстрации. Сформировано народное правительство. В ближайшее время ожидается национализация предприятий.

— Что же теперь будет?— тихо спросил Артур.

Квиесис был не в состоянии отвечать. Ему не хватало воздуха. Да и сам он еще ничего не мог толком понять — так внезапно оглушил его этот удар. Точно неожиданно рухнул дом и похоронил человека под развалинами. Теперь Квиесис лежал, придавленный к земле, силился дышать, силился постичь свершившееся. Да, так что же, в сущности, произошло? В какой момент зашаталась почва под ногами? А не был ли первый толчок год тому назад, когда русские военные корабли бросили якоря в Лиенае и Вентспилсе? Но тогда ведь все знали, что это ненадолго. Зря, что ли, премьер-министр ездил в Германию, вел переговоры с Гитлером? Ничего особенного не грозило, полагали, что в худшем случае придут немцы, выставят русских и наведут порядок. Все должно оставаться по-старому... Придут! И пришли, да только не немцы.

Голова налилась тяжестью.

— Что будет? Не знаю, что будет... Вдруг он взорвался: — Большевики разденут нас донага, вот что будет! Будь проклят этот час!

Квиесис в бессилии упал на койку радиста. Снаружи бушевал шторм, по радио передавали какой-то марш. Артур не спеша застегнул тужурку. Какое имеет значение все это?..

Квиесис заметил, что Артур направился к двери. Ему было жутко остаться одному, один на один с ужасными словами, которые, подобно лязгу танковых гусениц, все еще гремели в ушах.

— Останьтесь, Артур! Куда вы идете, Артур?

— Я?.. Я к капитану, господин Квиесис... доложить...

— Да, правильно... надо поговорить с капитаном Вилсоном... с Парупом... надо обсудить, как быть дальше, — беспомощно бормотал Квиесис.

Надо поговорить с Парупом. Паруп теперь его компаньон, пускай тоже пошевелит мозгами... Квиесис вздрогнул. Паруп... Ведь у Парупа теперь отнимут дома... Бедный Паруп... Бедная Алиса... Такой выгодный брак, и теперь все идет прахом! От этой мысли у Квиесиса закололо в левом боку — у Парупа отберут дома, на-ци-о-на-ли-зи-ру-ют. А «Тобаго»? Что будет с «Тобаго»?!

Вот когда он ощутил всю жестокость удара. Не чей-то дом рухнул. Рухнул его собственный дом.

— Мой корабль!— простонал Квиесис.— Все пропало! Пропал труд всей жизни!

Радист сочувственно смотрел на хозяина, на его внезапно осунувшееся лицо, выражение которого непрестанно менялось — полное недоумение, отчаяние, ненависть, боль, оупение. Наконец щеки Квиесиса вновь обрели естественный цвет. Слава богу, что судно не в Риге, как дома Парупа, а на полпути в Америку. Туда до него не добраться. Пока что «Тобаго» его собственность! А если команда потребует немедленного возвращения на родину, что тогда? В Риге эти проклятые большевики ведь отберут «Тобаго», так же как, наверное, уже успели присвоить остальные пароходы... Этого допустить нельзя!

Команда ничего не должна знать! Во всяком случае до поры до времени.

— Артур, мальчик мой!..

— Да, господин Квиесис?

— Давай подумаем вместе, что теперь делать...

— Да, господин Квиесис... Ума не приложу. Это просто ужасно...

— Нам всем грозят ужасы. Но мы, латыши, не отступаем перед бедствиями. До последнего дыхания исполняем свой долг. И мой святой долг коммерсанта — выполнять обязательства. В Сантаринге ждут груз. И я доставлю его, что бы там ни было! После этого отпущу команду на берег. Пусть их убираются в красный рай, если хотят! Я никого не лишу этой радости.

— Правильно, господин Квиесис, так я им и передам, что в Сантаринге каждый может действовать как хочет.

— Подождите, Артур, вы еще молоды, плохо знаете людей. Этот сброд может додуматься до того, что захочет в виде подарочка прихватить с собой «Тобаго», чтобы подмазаться к новым властям... Я о себе не думаю, Артур, много ли надо старому человеку... Я думаю об Алисе. Я буду беден, как церковная крыса, не смогу даже платья купить моей ненаглядной Алисе... Артур, ведь вы ее любите... Неужели вы будете в состоянии равнодушно смотреть, как она терпит нужду? Помогите ей!

— Ради мадемуазель Алисы я все... Но что я могу сделать?

— Вам ничего не надо делать, мой мальчик, ничего-

шеньки. Вы только не смейте никому рассказывать... И без этого никакого сладу нет с командой. Они способны отобрать у меня судно!..

Эта мысль была невыносима. Забыв, что перед ним радист, Квиесис изливал свою боль:

— Мое судно! Самое лучшее, самое современное в Латвии! Я продал «Кримулду», продал «Намейкиса», продал все, чтобы купить «Тобаго». Он мой, он кусок моей плоти!— Тут он опомнился.— Артур, так вы обещаете? Я полагаюсь на вас!

— Да, господин Квиесис... Но я не имею права... В море, на судне ничего нельзя делать без ведома капитана... Я обязан доложить капитану...

— Никому! Даже Алисе! Вилсон мне друг, но у него нет вашего характера, нет вашей школы. Вы умеете ставить интересы отечества превыше всего, а он еще может проболтаться. Попадет это судно в лапы большевикам или нет — зависит от нашей выдержки... Я знаю Алису, она этого не забудет, она сумеет отблагодарить вас.

Квиесис был убежден, что говорит правду. В конце концов, небольшой романчик Алисы с этим симпатичным парнем сравнительно скромная плата за такое судно, как «Тобаго».

Казалось, Артур все еще колеблется.

— В чем дело, Артур? Или, может, я ошибся? Вы не любите Алису?

— Но Алиса... она не любит меня... у нее есть другой...

Квиесис горько усмехнулся:

— Чепуха! Паруп вам больше не конкурент. Неужели вы действительно думаете, что моя дочь способна выйти замуж за этого пьяницу?

— Нет. Но тот, кого она прячет в своей каюте...

Перспектива визита к Алисе порядком смущала Вилсона. Басням про любовника он не верил. Скорее, барышня из милосердия взяла какого-нибудь безбилетника к себе в каюту. Разве мало таких, кто не может найти себе работы в Латвии? Вилсон сам полвека тому назад так же пробрался на корабль и пустился на поиски счастья. В пути никто его не кормил, и уже на вто-

рой день пришлось вылезти из убежища, пойти с повинной к капитану... Теперь он сам капитан. Вилсону отнюдь не хотелось вмешиваться в Алисину затею. Однако отказаться от выяснения, в чем там дело, он не имел права — хозяин остается хозяином...

— Ну, что вы мешкаете, капитан Вилсон? Скорее! — сердито подгонял его Квиесис.

В Квиесисе все кипело. Даже родной дочери он не позволит стать на его пути! В этот момент он совсем забыл, что сам недавно предлагал Алисе расплатиться с Парупом той же монетой. Он знал лишь одно — поведение дочери угрожает его единственному шансу сохранить судно. Спрятать в каюте любовника и еще позволить уличить себя! Просто непростительно! И особенно при нынешних обстоятельствах, когда так много зависит от отношений Алисы с радистом.

— Открой, Алиса! Я все знаю!

В минуты гнева голос Квиесиса мог вселить страх в кого угодно.

— Я не открою. — Алиса ответила спокойно, но твердо.

Квиесис испытующе посмотрел на капитана.

— Мадемуазель Алиса, прошу вас, будьте благоразумны, — сказал Вилсон. — В противном случае я буду принужден сломать дверь. Господин Квиесис имеет право потребовать этого... Даю вам слово, вашему пассажиру ничто не угрожает.

— Что делать? — прошептала Алиса.

Дрезинь пожал плечами.

— А что нам еще остается? Надо открыть... Очень жаль, что так получилось, что тебе из-за меня...

— Павел! — перебила его Алиса, но Дрезинь уже успел отпереть дверь.

В каюту, словно разъяренный вепрь, ворвался Квиесис.

— Какой позор! Какой позор! Разве я так тебя воспитывал?! Тебя любит порядочный человек, а ты бог знает с кем!..

Лишь теперь он метнул взгляд на Дрезиня. Измученное заросшее лицо, помятый костюм — нет, он никак не походил на любовника.

— Я... я запрещаю тебе! Ты кому веришь больше, своей дочери или тому мерзавцу?

— Паруп — дело прошлое! Он тебе больше не жених.

— Значит, ты уже знаешь, что Паруп шпион, агент охранки... И ты не откажешь Павилу в убежище только потому, что он коммунист?

— Коммунист?! Большевик?!— Глаза Квиесиса налились кровью. Сейчас это слово казалось ему воплощением всех зол.— Алиса, ты сошла с ума! Убежища? Ха, ха! Чего только нельзя вбить тебе в голову!..— Приступ ярости Квиесиса постепенно переходил в истерику.— Он же специально пробрался на «Тобаго», чтобы подстрекать мою команду! Он красный комиссар! Ему поручили отобрать у меня судно! Но пока еще оно мое! Мое, мое, слышите? Пока еще я здесь хозяин!

Команда утомилась. Не от аврала — задрать люки дело привычное. Гораздо труднее было переносить все усиливающуюся качку, которая не давала ни поспать спокойно, ни раздеться, ни выспаться как следует. Даже если и удавалось задремать, мускулы все равно оставались в напряжении — того гляди, свалишься с койки. На вахту люди шли неотдохнувшие, изломанные.

Матросы были злы, неразговорчивы. Тошнило от спертого влажного воздуха кубрика, разлитой похлебки и кофейных луж, сырой одежды, раскиданной в беспорядке. Даже сменившийся с вахты Курт больше не убирал свои резиновые сапоги на место — все равно через минуту они будут путешествовать по всему кубрику.

В первый момент матросы не обратили внимания на Августа, который еще в дверях возбужденно крикнул:

— Слушайте! Слушайте, эй, вы! Только что зайца нашли. Вы бы посмотрели на него! Парень — будь здоров! Тайком границу Латвии перешел. Из тюрьмы удрал. Разделался с десятком фараонов. Прыгнул в Даугаву и доплыл до «Тобаго». И теперь влип.

Август лишь мельком слышал о Дрезине, но ему очень хотелось подать новость в ореоле романтики.

— Твой таинственный корабль уже отправился на дно?— без энтузиазма поинтересовался Курт.— Что у тебя за новое чтиво?

— Я твои проклятые книги насмолю и заткну ими тебе глотку!— разозлился боцман.

— Ну, чего вы ерепенитесь,— оправдывался Август.— «Таинственный корабль»— мура! Заяц-то коммунистом оказался!

— Кто?

— Да говори ты толком, книжная душа!— прикрикнул на него Галениек.

— Сколько раз вам говорить? Тот, кого Квиесис велел посадить под замок.

— Посадить? Кого?— не понимал Курт.

— Ну того... Сказал же, коммуниста.

— Кто тебе наплел все эти басни?

— Да про это уже вся Европа знает! Алиса рассказала Валлии, Валлия Цепуритису, он — мне...

— Трепешься! С каких пор Алиса такая умная?

— Так его нашли у нее в каюте. Сама прятала, а теперь на попятную...

— Ясно,— сказал Галениек.— Разве можно на баб полагаться? Лучше бы к братве пришел.

— А куда ему деться? Все равно здесь будет жить, когда кэп определит его на работу.— Курт задумался.— Робу я ему мог бы дать, а сапог у меня самого одна пара.

— Да вы что — спятили!— Август потерял терпение.— Никуда его не выпустят. Повезут обратно в Ригу и сдадут полиции. Его посадят!..

— Это ты Зигису расскажи, я не сегодня родился,— перебил его Галениек.— Сам отсидел шесть месяцев за контрабанду. Но меня поймали в порту. В море человек может делать что хочет...

— Контрабанда — другое дело. Это чистая коммерция,— сказал боцман.— А от политики — руки прочь. Хоть на суше, хоть на корабле, все одно! От политики — подальше.

— А я тебе говорю, что у них этот номер не пройдет!— распалялся Галениек.— Это им не плавучая тюрьма, а порядочный латвийский пароход!

— А Цепуритис что про это говорит?— спросил Курт у Августа.

— Что ему сказать,— развел руками боцман.— Закон есть закон.

— Ну, это мы еще поглядим!— Галениек поднялся.— В море человек есть человек. Пошли, братва, к Цепуритису, надо выручать малого!

...Каюта Квиесиса была самая роскошная на судне. Иначе и не могло быть. И Квиесис гордился этим. Он гордился треугольным письменным столом орехового дерева, помещавшимся в углу под иллюминатором; трехстворчатым зеркальным шкафом, сделанным лучшими краснодеревщиками; широкой кроватью, заменившей тут обычную для остальных кают койку. Но больше всего Квиесис любил похвастаться драпировкой, которую самолично выбирал в лучшем магазине Дублина: и шторы, и обивка кресел, и портьеры, и покрывало на кровати—все было из синего шелка, напоминавшего залитое солнцем море.

И на этом великолепном покрывале, как был, в костюме и ботинках, лежал и беспокойно ворочался Квиесис.

Океан то и дело пригоршнями швырял воду в иллюминатор. Упругие брызги зарядами дрови стреляли по толстому стеклу, и у Квиесиса было такое чувство, будто он не в запертой каюте, а в крепости, осажденной противником.

В дверь постучали.

— Отец!

Опять Алиса!

— Отец, открой дверь!

— Я сейчас не могу с тобой разговаривать. Не могу и не желаю.

— Открой!—крикнула Алиса.—Открой, иначе... я сама не знаю, что сделаю, если...

— Что ты от меня хочешь? Даже на своем судне нет больше покоя. Все в заговоре, все бунтуют!

Квиесис отвернулся и закрыл ладонями уши. Некоторое время еще смутно слышался стук, потом все стихло.

Квиесис сел, скинул пиджак. Ему было нестерпимо жарко. Пылали щеки, уши, виски. Лоб покрылся испариной. И каюта качалась. Это не морская болезнь, нет, море ему нипочем. Квиесис поглядел на ковер. В глазах замельтешило, красный узор завертелся вихрем, превратился в пламя.

Алиса просто ненормальная. Чего она там только не наговорила! Впору подумать, что она влюблена в этого красного. Эх, лучше бы насчет этого не заикаться! Вот Алиса и взбеленилась. Теперь угадай, что она выкинет

назло отцу. Разве Квиесис не знает свою дочь? Кто еще мог бы так вскинуть голову и заявить: «Да, я люблю его. Сперва сама не признавала этого, а теперь поняла!»

Ничего-то девчонка не знает, ничего не понимает в жизни. Интересно, что бы она делала, если бы узнала, что «Тобаго» — это теперь все, что у них осталось, что в нем единственная надежда спастись от нищеты? Она бы живо отвернулась от того, кто уже протянул руку и собирался прикарманить ее добро. Ей бы и в голову не пришло полюбить человека, для которого цель жизни в том, чтобы все отнимать у других, в том числе и у нее. Проклятые коммунисты! Мало того, что они уже отняли отечество, так теперь, того гляди, отнимут и судно. Они даже его семью разрушают.

Если бы можно было довериться Алисе! Тогда бы она сама больше не мучилась и отца не изводила. Вдвоем им было бы гораздо легче. Но рассказать ей правду он не смел. Алиса женщина. Женщины легко распускают язык. Нет, нет, лучше повременить. Когда-нибудь настанет день, и она поймет, что отец вовсе не злодей. Она еще попросит у него прощения за сегодняшнюю дерзость.

В дверь опять постучали. Квиесис не отзывался. Пускай стучит, все делается ради ее же блага.

Но стук не прекращался. Он становился все настойчивее, не давал покоя.

— Ну, кто там опять? — в конце концов не выдержал Квиесис.

Одновременно заговорили несколько мужских голосов. Квиесис уже было собрался отпереть дверь, но вовремя понял, что явились представители команды с требованием освободить Дрезина.

Взбешенный этой неслыханной наглостью, он снова улегся на кровать.

Паруп не был моряком. Качаться от нескольких бутылочек шампанского или оттого, что весь корабль под тобой ходуном ходит, — это все-таки совершенно разные вещи. И нельзя сказать, чтобы качка особо благоприятно воздействовала на его внутренности. Становилось тошно уже от одного того, что горизонт вдруг проваливался куда-то в преисподнюю, а через мгновение снова

чернел где-то над головой. Найти хотя бы одну неподвижную точку, за которую можно уцепиться взглядом! Но все, даже командный мостик и мачты, даже нос корабля и трапы, скользило, скакало, падало и опрокидывалось. Тут уж действительно лучше напиться по-настоящему.

И все же Паруп, судорожно хватаясь за поручни, пробирался к радиорубке. В последнее время она притягивала его как магнит.

При взгляде на Артура хотелось развернуться и из всех сил треснуть по этой дурацкой роже. Ничего себе, славную кашу заварил радист! Правда, этот простофиля не виноват, что столь тонко задуманное предприятие окончилось неудачей. Свою роль он сыграл, как настоящая марионетка. Виноват он сам, Паруп. Надо было предвидеть, что Дрезинь полезет на рожон. Дрезинь — коммунист, а от таких можно ожидать все, что угодно, только не нормальных поступков. Да, снова допущена ошибка. И непростительная, если принять во внимание его долголетнюю службу в политическом управлении.

Во всем этом одно хорошо — больше не надо прикидываться. Алиса обозвала его шпионом, и теперь он выложит свои козыри. Пусть называет как угодно, но женой его она все-таки станет. Он-то сумеет найти способ, как прижать эту избалованную девчонку.

— Привет, маэстро! Как видите, даже ураган не может меня удержать от столь приятного визита.

— Хотите радиограмму отправить? — беспокойно спросил Артур.

— Я и радиограмма? С каких это пор? Просто скучно. Хотелось послушать, что нового в возлюбленной стране предков.

— Не знаю. Приемник испортился.

— Так, так, не везет любителям музыки. А коротковолновый?

— Тоже... все полетело... И никак не могу найти причину. Не работает, хоть ты что тут... Боюсь, что до Сантаринга останемся без связи, — сказал Артур. Радист был бледен.

С трудом передвигая ноги, Паруп вошел в кают-компанию. Достал из буфета коньяк и впервые в жизни осушил бутылку до дна — методично, рюмку за рюмкой.

Оказывается, гораздо легче прикидываться пьяным, чем по-настоящему напиться. Мысль продолжала работать четко, четко до тошноты. Совсем как в тот вечер, когда ему так безумно хотелось забыться после разговора с Ригнером. Неужели предсказание немца так скоро сбылось?

Он откупорил вторую бутылку, наполнил рюмку, уже поднес к губам, но поставил обратно на стол. Какой смысл пить? Лучше пойти к Квиесису и попробовать добиться какой-то ясности. Надо послушать, что тот скажет. Он и сквозь ложь разберет правду.

Стучать пришлось долго, пока Квиесис открыл.

— Входите, Илгмар, входите! Нам надо поговорить, я как раз собирался к вам... Алиса моя единственная дочь, я должен заботиться об ее счастье. Она вас не любит...

Паруп принялся шагать по каюте. Пол уходил из-под ног. Стало быть, стряслось то, о чем предупреждал Ригнер! Как ни были туманны его намеки, Парупу, сотруднику политического управления, они сказали достаточно много. Он был лучше Квиесиса информирован о закулисной политике и знал о заговоре в правительстве Ульманиса, целью которого было освободиться с помощью Германии от русских гарнизонов. Совершенно очевидно было и то, что Советское правительство, если только узнает об этом, предпримет контрмеры. К тому же внутреннее положение в Латвии было настолько напряженным, что хватило бы одного советского танка, чтобы годами копившаяся ненависть прорвалась наружу, чтобы взметнулось пламя, в котором сгорит и он и Квиесис. Вот почему после разговора с Ригнером он всякий раз с опаской прислушивался — нет ли новостей из Латвии. Испорченное радио, неуклюжая ложь Артура и теперь внезапное решение Квиесиса сказали все. Его не проведешь на таких дешевых трюках, как отцовская забота о счастье дочери. Плевать Квиесису на Алисино счастье, его интересовали только дома Парупа. Кто мог предвидеть, что от этих домов, доставшихся ему в прошлом году от тетки, так быстро останется один пшик? Что они превратятся в мыльный пузырь раньше, чем он успеет их выменять на половину парохода с бесплатным приложением в виде Алисы? Все-таки надо было приложить больше старания и добиться

немедленного заключения брака... Оттяжка свадьбы до Сантаринга оказалась непоправимой глупостью. Но кто мог предвидеть, что даже посреди океана этот проклятый Дрезинь станет ему поперек дороги? Опять умно рассчитанный шахматный ход привел к потере фигуры... Теперь нельзя допускать ни малейшей ошибки. Следующий ход должен быть абсолютно точным. С Алисой дальше считаться нечего — теперь она пешка, и ею можно пожертвовать без сожаления. Но партия продолжается — остается судно. И на судне остается Дрезинь, противник вдвойне опасный при новой ситуации.

Паруп перешел к действию. Глядя Квиесису в глаза, он заговорил:

— Снимаю перед вами шляпу, дорогой Квиесис. Даже не подозревал, что вы такой идеальный отец. Наконец все-таки поняли, что Алиса меня не любит? А раньше, пока я еще был состоятельным домовладельцем...

Квиесис побледнел.

— О чем вы говорите? Что вам известно?

— Я много чего знаю... Знаю, для чего вы придумали с Артуром басню про испорченное радио. Меня не так просто обвести вокруг пальца. Не зря я работал в политическом управлении...

Эта необдуманная фраза позволила Квиесису вывернуться из неловкого положения. Квиесис поморщился. Он, казалось, был шокирован словами агента охранки. Политуправление? Вот и найден отличный предлог отделаться от Парупа. Нельзя же заявить напрямик, что, мол, бывший домовладелец автоматически переводится в бывшего жениха.

— Илгмар, как вы можете так скверно думать обо мне? Выходит, будто я зарился на вашу собственность. Я сам достаточно богат, чтобы обеспечить Алису. А вы должны понимать, что дочь судовладельца Квиесиса не может выйти замуж за агента политического управления. С царских времен слово шпиик звучит как ругательство.

Паруп иронически усмехнулся. Он был как раз в подходящем настроении, чтобы поговорить без обвиняков с бывшим тестем.

— Ругательство? Уж кому-кому, но не вам, господин Квиесис, так отзываться — пусть даже о царских шпи-

ках. Если бы, не они, то в девятьсот пятом году от «Розы Турайды» вашего деда не осталось бы даже запаха — так, одни шипы. И не было бы у вас теперь ни судовладельческой фирмы, ни этого гонора. Вы что, действительно не знаете, на чем держится наша «единая» Латвия? Если бы не существовало политического управления, вы не посмели бы кормить команду помоями — они бы выплеснули их вам на голову да еще самого сунули бы в котел. А вы еще говорите — шпики!.. Вы должны им ноги целовать! Лишь благодаря им вы имеете возможность ходить с чистыми руками и обтирывать ваши грязные сделки.

— Какое вы имеете право так говорить о моих делах?!

— Право компаньона.

— Нашелся компаньон! — прорвало Квиесиса.

— Ах вот оно что! Ладно, будем разговаривать вашим языком. Вас очень заботит счастье дочери. Вы не можете ее выдать за какого-то там Парупа, да? И чтобы не посылать радиogramму насчет свадьбы в Сантаринг, вы из отеческой заботливости приказываете Артуру испортить радиостанцию...

— О чем вы говорите? Вы ничего не знаете!

— Я все знаю! Такова моя профессия, которую вы только что изволили опорочить. У меня больше нет домов. Но и у вас...

— У меня есть «Тобаго».

— До поры до времени. Не забывайте, что на судне находится Дрезинь, Цепуритис — тоже красный. Стоит команде пронюхать...

— Артур будет молчать.

— Потому что он дурак. Умный человек действует, как ему выгоднее. Если бы я открыл матросам правду и освободил Дрезиня, большевики, по всей вероятности, согласились бы отпустить мои грехи.

— Вы не сделаете этого, Илгмар!

— Потому что мне выгоднее остаться вашим компаньоном. И как таковой советую вам освободить Дрезиня. На каком основании мы теперь будем держать его в заключении? Он больше не государственный преступник, скорее, даже национальный герой...

— Освободить? У вас от водки затмение в голове!

— Освободить... или освободиться. Разве это не од-

но и то же? Дрезинь чрезвычайно опасен, из-за него была поднята на ноги вся рижская полиция. С такими субъектами держи ухо востро.

— Что же делать? Скажите, что делать?

— Ахать и охать нечего. Пока водка не потеряла вкуса, не все потеряно. Жизнь, как качели,—сегодня вниз, завтра снова вверх... Дома я еще возвращу себе. У меня есть связи... Фон Ригнер — фюрер рижских «наци», я ему когда-то оказал большую услугу: благодаря моему предупреждению ему удалось спастись от ареста... Будет еще и на моей улице праздник! — Паруп умолк, затем намеренно резко сказал: — А ваш корабль будет плавать под красным флагом неизвестно в каких морях.

Квиесиса передернуло.

— Мой корабль! — стонал он. — Илмар, помогите, я готов все...

— Мне всего не надо, хватит и половины. Как совладельцу фирмы. Вы умеете делать дела, снимаю перед вами шляпу, но теперь этого недостаточно... Послушайтесь моего совета, и судно будет наше!

Какие бы события не потрясали жизнь судна, капитан Вилсон никогда не опаздывал к столу. В данный момент он сидел в кают-компании и пил чай. При появлении Квиесиса Вилсон помрачнел. Никогда еще роль приветливого хозяина не казалась ему такой трудной.

Похоже было, что Квиесис не обратил внимания на угрюмое молчание капитана. Он достал из буфета бутылку рома и наполнил рюмку на одну треть, затем протянул ее Валлии:

— Кипятку! Что-то меня потянуло на настоящий морской грог... Да-а, капитан Вилсон, — сказал он, отпив глоток, — никогда нельзя есть кашу с пылу с жару. Я все продумал. Вы тоже считаете, что я был слишком резок?

— Отдать приказание освободить его? Я готов в любую минуту!

— Освободить? Ни малейшего намерения!

— Команда недовольна, господин Квиесис...

— Именно об этом я и думаю... Если у человека урчит в животе, он всегда недоволен. Почему бы, в самом деле, не улучшить питание? Как вы сказали, сколько там выходит лишку до острова Хуана?

— Примерно пять часов хода. Завтра к утру будем там. Это было бы здорово!— обрадовался Вилсон, но тут же вспомнил:— А как же с ценами— ведь там они втрое выше?

Квиесис вздохнул.

— Порой люди теряют больше... Валлия!— позвал он.— Еще один грог!

Но Валлия уже была в дверях надстройки. Переждала, пока очередная волна скатится с палубы и пенистые потоки схлынут обратно в океан. Затем, придерживаясь за трос, побежала на своих высоких каблучках на бак и успела до следующего шквала нырнуть в кубрик.

— Ребята!— крикнула она.— Кто мне купит чулки-паутинки? Принесла хорошую новость.

— Что, выпустили его?— спросил Цепуритис.

Остальные промолчали. Но в их взглядах читался тот же тревожный вопрос.

Валлия мотнула головой.

— Нет. Но зато мы пойдем за продуктами на остров Хуана!

— Чудеса в решете,— сказал Антон.

— Потому что я трахнул кулаком по столу!— Галениек выпятил грудь.— Со мной, ребята, нигде не пропадете.

— Своим кулаком ты только мух пугать можешь,— засмеялся боцман.— Если бы не добрая душа господина Квиесиса...

— Так и сказали: «За продуктами»?— усомнился Курт.— Может, Квиесису там надо свои дела устраивать?

— Не веришь— спроси у Вилсона.— Валлия чувствовала себя обиженной.— Он сам был ошарашен. Ей-богу!

— Мне это дело не нравится,— задумчиво сказал Цепуритис.— На хозяина нашло вдруг сострадание... Кто знает, что это за остров.

— Я знаю!— воскликнул Август.— Когда тайфуном поломало мачты у таинственного корабля, его туда выбросило на берег. И тамошние испанцы еще хотели забрать в плен команду. А капитан тогда...

— Не трепись!— осадил его Цепуритис.— Ребята, вы понимаете? Остров Хуана— испанская колония!

— Ну и что с того?

— Дрезинь в Испании сражался с франкистами. На испанском острове его ждет смерть.

Высадить Дрезиня на острове Хуана — таков план Парупа. Квиесис внял совету. Но этого недостаточно. Необходимо оградить себя от всевозможных случайностей.

Паруп отправился к старшему механику. В каюте Свадрупа царил беспорядок. На полу валялись ботинки, ночные туфли, грязный комбинезон, окурки. Дверца шкафа была распахнута настежь и в такт качке билась о переборку. На вешалке моталась форма офицера морских айзсаргов.

Свадруп пил редко — только с горя или на радостях. Поимка коммуниста была для него праздником, который нельзя не отметить.

Когда Паруп разбудил механика, тот, еще совсем хмельной, испуганно вскочил.

— Лежите, лежите, — махнул рукой Паруп. — Стоять должна бутылка, а те, кто пьет, могут и полежать! Скажите, Свадруп, вы меня, наверное, считаете последним пропойцей, признайтесь!

— Если нутро выдерживает и есть три дома, отчего человеку не потешить себя, — брезгливо проворчал Свадруп.

— Оставьте мои дома в покое! Если я пью, то знаю почему. У нас в политическом управлении ничего не делается ради одного удовольствия, — начальственным тоном сказал Паруп.

— Вы... в политическом управлении?

— Так точно! Вы айзсарг, поэтому я могу вам открыться.

Свадруп вскочил.

— Извините, господин Паруп, но я просто никак не думал... На меня можете положиться во всем!

— Потому я и пришел к вам, Свадруп. Нам надо держаться вместе. На судне назревают серьезные события.

— На судне?

— Не перебивайте. Мы подойдем к острову Хуана, где этого коммуниста ждет расправа.

— Приятно слышать.

— Вам-то да, но кое-кому это может и не понравиться. Например, Цепуритису.

— Я давно говорил, что Цепуритис красный.

— Теперь — смотрите в оба! Если заметите что-либо подозрительное, немедленно ко мне. Если у меня будут какие-нибудь распоряжения...

— Вам только стоит приказать, господин Паруп.

— Хорошо... Скажите, Свадруп, на судне есть оружие?

— Шесть револьверов для офицеров. В оружейном шкафу.

— Значит, с моим будет семь... Вполне достаточно! А у кого ключ от шкафа? У капитана?

— У меня.

— Тогда все в порядке. Храните его как зеницу ока! И о нашем разговоре никому ни слова.

— Так точно, господин Паруп! Можете не сомневаться.

Когда ветер с воем ворвался в штурманскую рубку, Нордэкис недоуменно обернулся. Неужели Карклинь явился раньше времени?

В двери стоял капитан. На нем была поношенная вязаная телогрейка, под мышкой он держал шерстяное одеяло.

— Дует, — удовлетворенно заметил Вилсон.

— Дует, господин капитан, — подтвердил Нордэкис. — Пожалуй, баллов десять. Разрешите спросить, что обещают на сегодняшнюю ночь?

— У этого окаянного радиоспеца что-то стряслось с его механикой. — Капитан бросил одеяло на узкую кожаную софу и тяжело сел, раскинув ноги. — Да ничего страшного не будет, барометр подымается.

— А все-таки хотите ночевать здесь? Разрешите заметить, господин капитан, не лучше ли будет в каюте? Вас разбудят при малейшей...

— Черт подери вас всех! — вскричал капитан. — Что вы тут командуете, Нордэкис? С какой стати все раскомандовались? Почему на этом проклятом судне я не могу спать где хочу? Если вам больше нравится общество Квиесиса, Парупа и Свадрупа, можете сойти в кают-компанию. Я останусь здесь.

Нордэкис не отвечал. Сколько еще осталось до конца вахты? Он взглянул на часы.

— Пожалуйста,— обратился Нордэкис к матросу,— посмотрите, сколько на лаге!

Он вышел из рубки вместе с матросом. Ветер ухватил его за тужурку и принялся заталкивать обратно в рубку. Нордэкис не поддавался. Прижавшись к металлическому трапу, долез до главного компаса. Брезентовый чехол был сорван, но лампочка горела. При ее свете он взял отсчет курса «Тобаго». Вынул затычку из переговорной трубы.

— Сколько на румбе?— и прижался ухом к рас-трубу.

Рев шторма заглушил ответ рулевого. Нордэкис сделал еще одну попытку уточнить курс, потом махнул рукой. Поглядел на ходовые огни. Зеленый? Горит. Красный? Тоже. Палуба тонула во тьме, однако сверху хорошо были видны ее черные обводы на фоне вспененного океана.

Спустившись вниз, Нордэкис с трудом открыл дверь. Когда переступил через порог, она с треском захлопнулась. В полумраке тускло светилась картушка компаса, тлела папираса капитана.

— Дует?— сонно спросил тот.

— Дует, господин капитан.— И Нордэкис раскрыл вахтенный журнал, чтобы произвести очередные записи. Вскоре он поднял голову.— С попутным ветром делаем до четырнадцати узлов.

— Четырнадцать?— Капитан подошел к столу и склонился над картой. Он что-то высчитывал с циркулем и линейкой в руках.— Держать на два румба левее.

— Два румба левее!— скомандовал Нордэкис.

— Два румба левее,— повторил рулевой.— Есть два румба левее.

Могучий вал ударил «Тобаго» в борт, и судно сильно накренилось. Нордэкис с трудом удержался на ногах.

— Господин капитан, неужели мы действительно так уклонились от курса?— спросил он.

— Ни черта не уклонились. А вот теперь уклонимся. Ясно?!— По недовольному тону капитана видно было, что он не желает продолжать разговор.

— Кто из вас двоих пьян— судно или ты?— В руб-

ку влетел Карклинь, таща за собой промокнувшего до нитки юнга.—Прошу прощения, господин капитан, не знал, что вы здесь... Мне-то что, а вот этого морского волка при повороте едва к Нептуну не смыло. В последний момент поймал его за подтяжки.

— Ты что, Зигис, хочешь, как Свадруп?—сердито спросил его капитан.—Черт тебя подери, что сказал бы я твоей матери? Судно тебе не бульвар, тут надо с умом ходить.

— Господин капитан, разрешите сдать вахту,—громко проскандировал Нордэкис, затем, повернувшись к Карклиню, добавил тише:—С опозданием на десять минут. В следующий раз не премину записать в журнал о том, что штурман Карклинь снова опоздал.

Слова Нордэкиса все-таки дошли до слуха капитана. Он раздавил папиросу о пепельницу, но, заговорив, тут же прикурил следующую.

— С журналом поосторожнее... Был на «Намейкисе» один штурман. Алкоголик, но остроумный, как черт. Стоило ему заложить, как капитан записывал: «Сегодня штурман явился на вахту пьяный». И так почти на каждой странице. А когда пришли в Ригу, то увидел последнюю запись в журнале: «Сегодня капитан Андерсон явился на вахту трезвый».—Вилсон улыбнулся, но тут же строго обратился к юнге:—Завернись в мое одеяло, Зигис, не то совсем окоченеешь... И не капай водой на пол, чтоб тебя нечистый!..

— Если человек опаздывает спяну, это еще более или менее понятно. Но когда штурман Карклинь не может оторваться от своих нелепых сновидений, то, извините, это непристойно.

— Давно уж махнул рукой на сны—все равно не сбываются. Приснилось, что ты спрятался под кроватью у Алисы, а оказалось—это был вовсе не ты, а другой тип... Как-то теперь бедная барышня чувствует себя в одиночестве?

— Не ваше дело,—проворчал капитан, но все же прибавил:—Трудно ей приходится, куда труднее, чем кое-кому.

— Хороша девка, да тоже не без изъяну,—сказал Карклинь.

— А что?

— Не тот папаша ей достался.

— Не забывайте, что говорите о владельце судна,— одернул его капитан.— И вообще прекратите сплетничать. Вы где — на судне или на базаре? Карклинь, положите на карте новый курс — на остров Хуана! А вы, Нордэкис, укладывайтесь спать.

— На остров Хуана? — сказал Карклинь и свистнул.

— Да. За свежими продуктами. Господин Квиесис был настолько добр... Черт возьми, что вы здесь торчите, Нордэкис?

Штурман молчал.

— Да отвечайте же! — не выдержал капитан.

— Простите, господин капитан, известно ли вам, что этот Дрезинь воевал в Испании на стороне республиканцев?

— Что вы хотите этим сказать? О чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, господин капитан, — ответил Нордэкис с ударением.

— Я не думаю, я выполняю приказание своего хозяина... А что делали бы вы на моем месте? — обратился он к Карклиню.

— Я — ничего, — усмехнулся тот. — Но судно может, скажем, сбиться с курса и пройти мимо того острова. Мало ли что может произойти, когда приходится плыть без радио...

— Вашим остроумием я сыт по горло! — рассердился капитан. — Пока я нахожусь на борту, бунтовать никто не посмеет. Ни вы, ни я, черт бы меня побрал!

В шкиперской иллюминатора не было. Дрезинь сидел в полной темноте. Судно переваливалось с борта на борт, с кормы на нос, и всякая всячина, находившаяся в шкиперской, стремительно перемещалась из угла в угол, и по пути все это каждый раз натыкалось на Дрезиня. Таким образом даже в потемках можно было почти безошибочно отличить жестяное ведро от киянки. Чтобы избежать этих столкновений, Дрезинь залез на большую бухту пенькового троса. Положение улучшилось, но ненамного — теперь он вместе с бухтой разъезжал по шкиперской, временами больно ударяясь о какие-то железные балки.

Волны с адским грохотом били в наружную обшивку. Можно было подумать, что весь огромный океан

надрывается из последних сил, чтобы сокрушить борта судна. Стальная дверь, сотрясаясь мелкой дрожью, глухо стонала.

Дрезинь удивлялся, что его не берет морская болезнь, хотя в море он был всего второй раз. К тому же, когда их батальон Интернациональной бригады эвакуировался из Барселоны, не было ни малейшего ветерка; тогда опасностью грозило не само море, а итальянские подводные лодки, скрывавшиеся под его зеркальной поверхностью.

По натуре Дрезинь был оптимистом. Когда его швыряло между переборками, он вспоминал о своем убежище в туннеле гребного вала, представлял, как он цеплялся бы за любой железный выступ, чтобы не свалиться на вращающийся вал. И вообще, что там говорить — в охранке было хуже. Правда, если Паруп сдержит обещание, то через некоторое время его, Дрезиня, снова водворят туда. А впрочем, сыщику будет не так просто осуществить свою угрозу. На судне находятся не только Паруп и Квиесис. Здесь есть и друзья. Алиса, Цепуритис, другие моряки, чьих имен Дрезинь не знал, но которые не допустят расправы над ним. «Тобаго» идет в Сантаринг. Наверно, и там найдутся люди, которые помогут бороться за его освобождение, как в свое время французы помогли бежать из концентрационного лагеря.

В худшем случае... Ну, что ж, и тогда тоже ни о чем жалеть не придется. Алиса слишком хороший человек, чтобы дать ей погибнуть. Брак с Парупом для нее был бы то же самое, что для него, Дрезиня, тюрьма. Замечательная девушка, только чересчур уж наивна. Вообразила, будто Квиесис восплает симпатией к коммунисту... Интересно, что она сейчас делает? Старается разжалобить отца, плачет, думает о своей жизни? Внезапно он ощутил тоску по Алисе. Нет, самому освободиться мало, надо помочь и Алисе вырваться из зарешеченного мирка Квиесиса и Парупа. Девушка стоит того.

Мощный толчок вышиб из головы Дрезиня все мысли и мечты. С судном творилось что-то непонятное. Бухта троса подскочила и снова поехала, но теперь уже в другую сторону. Качка усилилась и перешла в килевую. «Тобаго» резко изменил курс — очевидный факт.

Почему? С чего вдруг? Опять подводная лодка? Дрезинь напряг слух — тревогу не объявляли. Какой еще может быть повод для изменения курса посреди океана? Прошло минут десять... двадцать. «Тобаго» по-прежнему следовал новым курсом — курсом на юг. На юг? Дрезинь зажмурил глаза и попытался представить себе карту. Постепенно в памяти всплыли очертания континентов... В техникуме его раз поймали за распространением воззваний и до прибытия полиции заперли, под надзором самого директора, в преподавательской. Там на стене висела карта мира, каждый штрих на ней врезался в память на всю жизнь... Вот Восточная Африка... Полукружье Гвинейского залива... Почти прямая линия тянется через океан к Сантарингу... А на юг от этой линии...

Остров Хуана! От этой мысли Дрезиню стало не по себе.

Дверь штурманской рубки захлопнулась за Зигисом. Вокруг бушевал сущий ад. Кромешная тьма, шторм, океан. Мечтая дома о море, Зигис никогда не думал, что оно может быть таким устрашающим. Мины, подводные лодки и торпеды казались пустяками по сравнению с опасностью быть смытым в эту клокочущую бездну. Как же должна страдать от шторма, от всего Алиса! Когда Зигис направился к ней первый раз, волна едва не уволокла его в океан. Теперь, отчаянно цепляясь за поручни, за трос, за вентиляторы, за все, что могло послужить хоть малейшей опорой, он опять шел к ней. Он не мог не идти. Алиса просила за Зигиса отца, а сейчас ей самой трудно, и нет никого, кто помог бы ей.

Путь в несколько метров до входа в надстройку казался Зигису длиннее, чем весь Атлантический океан. Наконец и он преодолен. В коридоре сухо и тепло. Зигис пошел к каюте Алисы, оставляя за собой широкий мокрый след.

Он постучал. Один раз, еще и еще.

Тишина. Он нажал дверную ручку. Дверь была не заперта.

Графин с водой опрокинут. Со стола упала книга и мокнет в луже. Иллюминатор открыт настежь, и шторы отчаянно полощутся на сквозняке. От волн, разбиваю-

шихся о борт, в каюту залетают стайки соленых брызг. На койке — Алиса. Лежит, словно неживая.

— Алиса! — крикнул Зигис.

Девушка не отозвалась.

Зигис выбежал.

Шторм в Атлантике! Это уже не волны, а водяные горы, вздымающиеся в бескрайнем океане, для которого горделивый «Тобаго» Квиесиса — крохотный челнок. И все же он, поминутно зарываясь носом в лавину воды, упорно прокладывает себе путь к острову Хуана.

Шторм штормом, но не только он вызывал беспокойство команды. Никто в эту ночь не мог забыть, что за дверью на двойном запоре томится человек, которого на острове Хуана ждет пожизненная тюрьма, а возможно и смерть. Человек, который еще несколько часов тому назад был никому не известен, но о котором теперь думали все.

Люди не разговаривали. Они не привыкли облекать свои чувства в слова. Но по тому, как один, вернувшись с вахты, швырнул в угол плащ, как другой в смертельной усталости повалился на койку, но не мог сомкнуть глаз, по тому, как неподвижно стоял у дизелей Цепуритис и не расслышал сердитого окрика старшего механика, — по всему было видно, что и в людях бушевала буря.

Свадруп бесился. Обороты винта были так малы, будто его приводила в движение старинная паровая машина, а не новейшие безукоризненные дизели. И на этот раз дело не в топливе, не в шторме. Дело в машинной команде. Достаточно посмотреть на лица мотористов, чтобы понять, откуда этот черепаший ход. Конечно, это умышленный саботаж! Свадруп не мог обнаружить дефекта. Криком он мог только сорвать свою злость. Но Цепуритис ответил ему таким грозным взглядом, что у механика слова застряли в горле. Свадруп ожидал каждую минуту, что из переговорной трубки прогремит ругань капитана Вилсона за постыдно тихий ход. Но трубка молчала. Скорость так и не превысила шести узлов до конца вахты.

Когда Цепуритис вошел в кубрик, навстречу ему пахнуло горьким дымом. Люди сидели и мрачно курили.

Это было единственное, что они еще могли делать. Цепуритис присел на край койки.

— Закури,— сказал Курт, протягивая ему пачку «Трефа».

Цепуритис взял папиросу и поглядел на руки матроса. Товарищи подшучивали над Куртом, говорили, что он расходует треть своей зарплаты на мыло. Сейчас его руки были немыты. Галениек бросил одну папиросу, закурил другую, сплюнул.

— Я им посворачиваю шеи!— заорал он вдруг.

— Кому?

— Да обоим! А этому шпику в первую очередь!

— Ну-ну, полегче,— осадил его боцман.— Насчет угроз тоже статья в законе имеется.

— А то, что делают они— убийство! — не выдержал Цепуритис.— Насчет этого в твоём законе ничего не сказано? Ну, говори, заячья твоя душа!

— Ты что, очумел? Пусти!

Лишь сейчас до Цепуритиса дошло, что он трясет боцмана за шиворот.

— Не стоит, Цепуритис, боц не виноват,— сказал Антон и вздохнул.— Неужели так ничего и не придумаем? Жаль человека...

— А что? Если уж Алисе не удалось уломать отца... Что мы можем?

— Отказаться идти на этот проклятый остров, и делу конец!— воскликнул Август.

— Бунт? Как в твоих романах, да?— покачал головой Курт.

— Знаете, чем это пахнет?— Боцман обвел всех многозначительным взглядом.

Команда это знала. Она могла выдержать натиск океана и оказаться бессильной перед одним человеком. Потому что он был хозяин судна. Потому что в его руках деньги и власть. Потому что он хозяин команды, а людям надо работать и есть. Всю жизнь они отдавали свой труд хозяину. Это стало для них привычкой, и до сих пор такой порядок вещей казался им вполне нормальным. Но в нынешнюю ночь, когда каждый оборот винта приближал судно к острову Хуана и курс нельзя было изменить ни на градус, они по-иному взглянули на свою жизнь. То, о чем думали все, высказал Цепуритис:

— Эх, кабы наша власть!

...Артур не находил покоя ни на миг. Радиоприемник молчал, но Артуру казалось, что он слышит слова диктора. И все время одни и те же: «Повторяем. В Латвии установлена власть трудящихся... Повторяем. В Латвии установлена власть трудящихся... Повторяем. В Латвии установлена власть трудящихся...» Артур треснул кулаком по аппарату. Зачем он дал слово Квиесису молчать?

Зигис рассказал ему про переживания Алисы. Теперь он знал: Алиса любит другого. Человека, жизнь которого в опасности. Этого человека можно спасти. Все зависит от Артура. Если он будет молчать, она потеряет любимого человека. Если заговорит, она потеряет судно. А он? Для него Алиса так или иначе потеряна.

Артур достал фотографию. Ту самую, что вырезал когда-то из «Атпуты». Вся в белом, с ракеткой в руке, Алиса была красива и элегантна. Именно так должна выглядеть дочка судовладельца Квиесиса. Трудно представить ее в стареньком платьице, моющей пол в убогой квартире. Каково ей будет, если господин Квиесис потеряет «Тобаго»?

Он хотел убрать портрет, но что-то мешало ему это сделать. Глаза. Ее глаза. Они смотрели на Артура с упреком. Они говорили. Но что?

Нет, он не смеет молчать. Алиса должна знать все — пусть решает сама. В его жизни от этого, во всяком случае, ничего не изменится. Все равно у него не оставалось никакой надежды. Он осторожно спрятал портрет в карман и направился к двери.

Алиса не видела, кто вошел в каюту. Она лежала, зарывшись лицом в подушку, плечи вздрагивали.

— Мадемуазель Алиса,— шепотом позвал Артур.

— Что вам надо? Уходите!— Алиса даже не подняла головы.

— Послушайте меня... Это очень важно!

— Важно?— Нельзя было понять, смеется она или плачет.— А что теперь важно?..

В этот момент судно снова качнулось, волна ударила в иллюминатор, сбила со стола стакан. Осколки разлетелись по полу.

Артур подскочил к иллюминатору, силясь закрыть его.

— Надо закрыть... В такой шторм это опасно,— бормотал он.

— Пусть! Лучше утонуть, чем...

Артур оставил иллюминатор и бросился к Алисе.

— Но его же можно спасти! Потому я и пришел... Ваш отец...

— Отец? Вы думаете, я не сделала всего... Говорила, умоляла... Вы его не знаете. До этого разговора я тоже не знала его. Только бы его пароход уцелел, только бы наживиться... хотя бы ценою жизни других...

— Ваш отец...— снова заговорил Артур.

— Нет у меня больше отца!

— Господин Квиесис просил меня не говорить... ради вас... И ради вас, Алиса, я готов на все. Но я не могу... я не могу больше молчать! Вы любите Дрезиня. Его нельзя выдавать испанцам...

— Нельзя... Чего нельзя? Почему нельзя?

— Они не имеют права высаживать Дрезиня на остров Хуана. Теперь уже не имеют права! Сегодня по радио сообщили...

— Что? Ну, говорите же!

— В Латвии установлена власть трудящихся.

— Ну и что? — не понимала Алиса.

— А судно — это все равно что часть территории Латвии,— старался, как умел, пояснить Артур.— Если там выпустили коммунистов из тюрем, то и Дрезиня должны освободить. Теперь дело за командой.

— Артур! Правда?!

Алиса вскочила, обняла радиста, уткнулась лицом ему в плечо. Произошло чудо. Чудо, о котором она мечтала все эти полные мук часы. Павил, ее Павил спасен! Ни о чем другом Алиса не могла теперь думать. Она даже не соображала, что, вставая на сторону Павила, она тем самым выступала против отца, против всей той жизни, которой она жила до сих пор,— беззаботной, обеспеченной и сытой. Ей даже не приходило в голову, что во главе с Дрезином команда может лишить Квиесиса судна, что от следующего шага зависит не только судьба Павила, но и ее собственная. Только о Павиле думала она. Вне себя от волнения Алиса громко воскликнула:

— К матросам! Скорее к матросам!

Ночь. Шторм. И два человека, спотыкаясь, бегут по

палубе. Их поминутно окатывает океанская волна, с трудом они достигают бака.

— Цепуритис! Он спасен!— кричит Алиса с порога кубрика.

Паруп еще не спал.

Вдруг он услышал необычный шум. Прислушался. Донесся возглас: «Судно наше!» Ему стало все понятно.

Сейчас же к Свадрупу! Он подбежал к двери. Но в коридоре уже шумели матросы. Опоздал!

Паруп опустился на стул. Трясущимися руками достал из шкафчика коньяк. Бутылка — она не раз помогала скрыть его истинное лицо. Быть может, она спасет его и сейчас. Он наполнил две рюмки. Ждал — ничего другого не оставалось.

Шум в коридоре стих. Может, еще не все потеряно? Попробовать пробраться?

Паруп тихонько притворил дверь. Просунул в щель голову. Никого. Хотел выйти, но тут же отскочил назад. Однако Валлия успела заметить его.

— Товарищи!

Паруп вздрогнул, услышав это слово.

— Вот он, этот гад!

Моряки ворвались в каюту Парупа. Их было много. Куда бы Паруп ни направил взгляд — кругом были враждебные лица.

— Выпьем!— Его голос звучал неуверенно, хрипло.— В такой день нельзя не чокнуться. Прозит, друзья!

— Черт тебе друг!— крикнул Август.

Паруп выхватил пистолет. Галениек рванул его руку вверх, и пуля впилась в потолок.

Паруп схватил бутылку. Занес над головой. Хотел метнуть ею в противника. Промахнулся. В следующее мгновение его руки уже были скручены за спиной. Матросы расступились. Из каюты Парупу была одна дорога — под замок.

В полной форме айзсарга Свадруп влетел к капитану.

— Как вы можете спать, господин капитан?! На судне мятеж!

В одну минуту Вилсон был на ногах. Увидел растрепанные волосы старшего механика, побледневшее лицо, френч айзсарга. Хотел о чем-то спросить, но промолчал.

— Господин капитан, дорога каждая минута! Необходимо вооружить офицеров. Надо перестрелять бунтовщиков! До острова Хуана дойдем сами. А там...

Вилсон тяжелой походкой вышел из рубки.

Перегнувшись через поручни, капитан вглядывался в темноту, слушал возбужденные возгласы матросов.

— Черт побери, что тут творится?—крикнул он резко.

— В Латвии власть трудящихся!—отозвался чей-то голос.

— Ну, что я говорил?!—суетился Свадруп.—Если не будем бороться, нам конец!

Капитан протянул руку.

— Ключ от оружейного шкафа! Всех офицеров немедленно ко мне!

— А господина Квиесиса?

— Пассажирам тут делать нечего. В критические минуты за судно отвечает только капитан.

— Будет исполнено!

Свадруп убежал. Матрос хотел броситься за ним, но Вилсон загородил ему путь.

— Назад! Пока что я здесь командир!—Он повернулся к Карклиню:—Позовите этого проклятого радиста!

Вилсон тяжело сел. Как всегда при волнении, заныла левая рука. Та, что пострадала в Моонзундском проливе. В памяти почему-то снова всплыла Балтика, миноносец «Отважный», бурные митинги Февральской революции, матросские комитеты. После этого он демобилизовался, вернулся в Латвию, поступил на службу в пароходное общество Квиесиса.

Двадцать лет обеспеченной жизни. Впереди обеспеченная старость. Домик в Айнажах. Туда на лето будут приезжать внуки. Долгие зимние вечера можно будет коротать со старыми друзьями, вспоминая о пережитых штормах, о приключениях в далеких гаванях. Двадцать лет верной службы—сперва на «Виестуре», потом на «Кримулде» и теперь на «Тобаго»... Даже это дорогое судно доверил ему Квиесис. А сейчас? Как сейчас поступить ему, капитану Вилсону? Долг платежом красен,

верность за верность! И все же в глубине души Вилсон признавал, что чувствовал бы себя куда лучше, если бы в этот решающий час кто-то другой мог определить курс судну...

— Вы меня звали, господин капитан?

На пороге стоял радист.

— Это что еще за шутки? В первом же порту соберете свои манатки! И я позабочусь, чтобы вас не взяли ни на одно другое судно, ясно?— При всей строгости этих слов голос Вилсона звучал спокойно, почти утомленно.— То радио испорчено, то снова заработало. С новостями первым делом в кубрик! Что здесь, в конце концов,— судно или ярмарка? А капитану и полсловом не обмолвились. Рассказывайте все, как было!

— Простите, господин капитан... Но господин Квиесис...

Запинаясь, Артур сообщил о передаче из Риги, о своем обещании молчать. Теперь он полностью осознал свою вину. Теперь у капитана есть все основания для того, чтобы выкинуть Артура за борт. Но Вилсон ничего подобного не предпринимал. Он молчал. Это молчание казалось Артуру нестерпимо тягостным. Он повернулся и шмыгнул из штурманской рубки.

Капитан не заметил, как остался один. Значит, Квиесис ему все-таки не доверяет. После стольких лет! Быть может, Квиесис прав, может, он умнее, дальновиднее... Да, Квиесис знал, что за внешним равенством скрываются обычные отношения между господином и слугой. С той лишь небольшой разницей, что слуга дипломатично именовался господином капитаном. Но почему же и команда не доверяет ему, почему никто не пришел к своему капитану? Неужели он сидит между двух стульев и совершенно одинок на этом судне? Седой человек. Старый человек, у которого бóльшая часть жизни уже позади, сейчас снова оказался на распутье. Он должен решить не только свою судьбу, но и судьбы многих людей. Спасти для Квиесиса судно и для себя капитанское жалованье означало потерять родину... Нельзя полагаться только на себя, надо выслушать других...

Наконец наступила настоящая жизнь. Наконец Алиса решала сама— за себя и за других тоже. Наконец и в ее жизнь вошло нечто великое, возвышенное. Она

чувствовала себя свободной, совсем свободной. И как странно, что чуждое доселе понятие «Жизнь — наша! Судно — наше!» вселило в нее ощущение свободы.

— Судно наше!

Этот клич звучал в ушах Алисы, когда она подымалась за Цепуритисом на палубу. «Наше!» Ее и Павила, всех этих чудесных людей, от которых до сих пор ее отделяла невидимая стена... На палубе было темно. Через борт хлестала волна. Раньше ей было бы страшно. Теперь это доставляло радость. Хотелось стать наперекор стихии. Ведь она шла на помощь любимому человеку. В руке Алисы зажат ключ. Ключ от шкиперской, где заперт Павил. Ключ, который откроет дверь в другой, новый мир. И по этому миру она будет шагать рядом с Павилом!

За ней шли Галениек, Зигис, все, кого раньше Алиса знала лишь как матросов на ее пароходе, а теперь считала своими друзьями. Ветер распахнул тонкий жакетик, трепал волосы, швырял в лицо брызгами. Пусть! Только бы скорее, скорее!

На двери висел большой замок.

— Дайте ключ мне!— крикнул Цепуритис.

— Я сама!

Замок упал. Волна смыла его за борт. Дверь распахнулась. В темном четырехугольнике появился силуэт человека.

— Павил!

— Алиса! Ты!

Они обнялись — двое, которых свел вместе трудный час.

Павил через плечо Алисы увидел сгрудившихся моряков. Значит, не Алису надо благодарить за освобождение, а Цепуритиса и этих ребят? Но что общего у дочери судовладельца с командой?

— В чем дело, Цепуритис?

— Мы победили! В Латвии — рабочая власть! Судно наше!

Лишь теперь до сознания Дрезиня начали доходить слова Цепуритиса. Его освободила Советская власть. Власть трудового народа, за которую он боролся в Латвии, в Испании, во Франции. Павил глубоко вздохнул, словно желал убедиться, что мечта его жизни сбылась наяву, а не во сне. Он высоко поднял голову. Где-то над

палубой, как фонари над укрепленным фортом, светились окна штурманской рубки. Борьба не кончена, ее придется продолжать здесь, на судне.

— Ребята, пошли к капитану!

Капитан Вилсон принял решение. Он медленно спустился навстречу команде. Кое-кто из матросов в нерешительности повернули было обратно, другие отвели взгляды.

— Ну, говорите!— крикнул Вилсон.— Что здесь происходит?

Ему ответило несколько голосов наперебой.

— Черт подери, будет наконец порядок? Скоро все начнут совать нос, куда надо и куда не надо! В мое время на кораблях Балтийского флота выбирали комиссаров.

— Это измена родине!— простонал Свадруп.

— Можете пожаловаться господину Квиесису,— усмехнулся капитан.

— Дрезиня! Дрезиня комиссаром!

Вилсон оглядел Павила с головы до пят и наморщил лоб.

— Разве так должен выглядеть комиссар на личном судне? В моей каюте найдете бритву.

Вилсон остался один. Да, решение принято правильное. И все же на губах у капитана промелькнула грустная улыбка, когда он сквозь рев шторма услышал внизу голос Дрезиня:

— Наши братья в Латвии завоевали свободу. Это судно тоже часть нашей родины. Оно больше не принадлежит и никогда не будет принадлежать Квиесису. Однако захватить власть—это еще полдела. Ее необходимо удержать! Впереди еще много трудностей, но я убежден, что мы их преодолеем.

— Справа по борту—маяк,— доложил вахтенный.— Остров Хуана, господин капитан.

— Не господин, а товарищ капитан,— спокойно поправил Вилсон.— К черту этот проклятый остров! Штурман Нордэкис, что вы там копаетесь, где карта? «Тобаго» меняет курс!

Шторм стих неожиданно, и лишь тяжелая зыбь напоминала о ночном неистовстве океана.

«Тобаго», гордость торгового флота Латвии, продолжал резать форштевнем просторы Атлантики. На его

борт к берегам Америки плыли восемь тысяч тонн консервов, спичек и первосортных яиц, двадцать восемь человек экипажа, три пассажира и один беглец, волею команды ставший комиссаром корабля.

«...Шестьдесят миль. Сила ветра: 1 балл; волнение: 5 баллов; видимость: отличная. Особые происшествия: в связи с установлением в Латвии власти трудящихся управление судном взяла на себя команда. Капитаном оставлен Оскар Вилсон, комиссаром выбрали Павила Дрезиня, о чем в судовых документах сделана соответствующая запись. Вахту сдал в 8.00. Первый штурман Нордэкус».

Нордэкус, как всегда, аккуратно навинтил колпачок авторучки, дождался Карклиня и вышел из рубки. В глаза хлестнул залитый утренним солнцем океан. Широкая грудь его вздымалась, как после марафонского бега. Проходя мимо бывшей каюты Парупа, Нордэкус заглянул в иллюминатор.

Комиссар судна спал. По лицу его перебежали зыбкие блики. Солнечные зайчики то гладили подбородок Дрезиня, то блуждали по небритым скулам. Но вот лучик скользнул по векам спящего.

Дрезинь проснулся. Он увидел бритвенный прибор. Кисточка в засохшей мыльной пене, рядом лежит чистая бритва. Дрезинь усмехнулся. Хорошо, что ночью он не рискнул воспользоваться этим старомодным орудием капитана Вилсона. В такую качку ничего не стоило перерезать себе горло. Подходящий момент для самоубийства, что и говорить!.. Такая мысль могла еще прийти в голову, когда он сдыхал в туннеле без хлеба, без воды, без надежды. Или в шкиперской — когда он догадался, что его ждет расправа на острове Хуана. Ведь сегодня он был бы уже в лапах фашистов!.. Если бы команда не узнала об установлении Советской власти на родине и если бы судьба не столкнула его с Алисой!.. Коммунист, боец интернациональной бригады, комиссар корабля и... дочка богача.

Дрезинь улыбнулся и принялся за бритье.

Алиса спала глубоким сном. Шторм и события прошедшей ночи измотали ее, и она повалилась на койку, даже не в силах стянуть с себя мокрую одежду. Так же

после изнурительной вахты спали матросы — люди, которых она сегодня ночью впервые назвала товарищами. Алиса спала и счастливо улыбалась во сне.

Пробили склянки. Алиса открыла глаза. Какой беспорядок в каюте! Руки Алисы уже потянулись к кнопке звонка — пусть придет Валлия со щеткой и тряпками... Нет, она приберет сама. Это и будет началом новой жизни. Что бы ни ждало ее впереди — радости или горести, а справляться с ними ей предстоит самой. И прежде всего надо разделаться со старым.

Поджав губы, Алиса без стука решительно вошла в каюту Квиесиса. Вошла и опешила. В каюте царил такой же хаос, как и у нее. В кресле у окна, по-барски закинув ногу на ногу, сидел Август и что-то читал.

— Где отец?

Август смутился. Он ведь тоже был причастен к тому, что произошло. Хотя можно считать, что Квиесис еще легко отделался: в романах взбунтовавшаяся команда просто выбрасывает судовладельцев за борт акулам. Но с другой стороны, Алиса славная девушка, и Квиесис ее отец...

— Что с отцом, я вас спрашиваю.

— Ничего страшного. Господин Квиесис в шкиперской...

— Понимаю. В общем, ничего не изменилось. Были господами одни, теперь стали другие — вот и вся разница...

В первый момент Алиса даже не узнала Дрезиня. Чистый комбинезон. Гладко выбритое лицо помолодело и точно озарилось внутренним светом. «Оно и понятно: победитель!» — с горечью подумала Алиса.

Дрезинь протянул руку и шагнул к ней.

— Видишь, ради тебя я расстался с бородой... Как же мне отблагодарить тебя, Алиса?

— Отблагодарить? — горько усмехнулась она. — Я для вас... А вы сажаете отца под замок. Я еще понимаю — Парупа! Он заслужил...

— И Квиесис под замком?

— Да. Ведь он, как бы там ни было, мой отец. Свобода... я представляла ее несколько иначе... Неужели свобода для одних всегда за счет неволи других?..

А он-то думал, что может спать спокойно. Какой из

него комиссар, если он даже не знает, что происходит на судне!

— Это больше не повторится!

И он имел в виду не арест Квиесиса, а все, что может случиться, если он будет безмятежно спать. В борьбе за корабль опасны не только враги. Опасны и друзья, превратно понимающие, что такое свобода.

Когда Квиесиса выпустили, он долго стоял на пороге и мигал глазами, пока привык к яркому дневному свету. Потом, так же как с дневным светом, свыкся со своим новым положением на судне. Постаревший, осунувшийся, долго еще благодарил он Дрезиня тихим дрожащим голосом:

— Я понимаю, понимаю, власть меняется... Правильно, надо было прочистить мне мозги. Я теперь многое передумал, по-новому стал смотреть... А своей каютой я могу пользоваться? Или вы займете ее как комиссар корабля? До Сантаринга я могу и в салоне спать. Мы ведь идем в Сантаринг, не так ли?..

«Мы ведь идем в Сантаринг, не так ли?»— все еще звучало в ушах Дрезиня, когда он вышел на палубу. Свиные пленные гребни исчезли, точно солнце растопило снежные вершины валов. Но валы еще зыбились вокруг корабля, тяжелые, мутно-зеленые. Ждали подходящей минуты, чтобы вновь обрушиться на палубу. Вглядываясь в океан, Дрезинь продолжал думать о Квиесисе.

Раздумья эти прервало появление озабоченного Цепуритиса.

— Ну что?

— Свадрупу заступать на вахту, а он отказывается.

— Без него обойтись можно?

— С грехом пополам.

— Тогда лучше, чтобы он вообще не совался в машинное отделение. А если передумает, то приглядывайте за ним.

Цепуритис недоуменно покачал головой.

— Что же остальные станут делать, если Свадрупу можно без дела ошиваться? Галениек только того и ждет...

— За ребят не беспокойся. Потом поговорим с ними.

— Но уж к капитану ты, Павил, сразу сходи. Старик чертом глядит.

Дрезинь направился на капитанский мостик. Чем выше он поднимался, тем сложнее казалась ему его задача. Впервые он окинул взором сразу все судно. В нем же добрых сто метров длины! Трубы, вентиляторы и спасательные шлюпки, лебедки и прочие непонятные механизмы. Плавающий дом стоимостью в несколько миллионов. Его обязательно нужно сберечь для родины!

У штурвала, который Дрезинь представлял себе гораздо большим по размерам, стоял Зигис. Лоб юноши лоснился от пота. Все новые и новые капельки собирались над бровями. Чтобы повернуть штурвал, не требуется почти никакого усилия, именно потому и трудно удержать судно на курсе. Штурман Карклинь, иронически шурясь, поглядывал, как пыхтит паренек.

— Правее, еще правее!— командовал он.— Ты что, малый, думаешь, если руль взяли коммунисты, так правь только влево?

Вилсон стоял у окна и смотрел на волнующийся океан. Дрезинь видел только спину капитана. Спина сутулилась, серая фуфайка собралась в складки, точно лоб, сморщенный от забот.

Дрезинь поздоровался.

— Привет!— весело откликнулся Зигис и тут же вновь прильнул глазами к компасу. Но поздно— корабль успел отклониться от курса.

Слава богу, обошлось без окрика: Карклиню повернулся новый повод для иронии.

— Здравствуйте, товарищ комиссар! Как поживает товарищ Алиса?

Вилсон не ответил на приветствие и даже не повернулся.

— Товарищ капитан, я хочу от имени всей команды поблагодарить вас за ваше решение,— начал Дрезинь.

Вилсон молчал.

— Нам надо бы обсудить дальнейший курс...

Вилсон не выдержал и круто повернулся к нему.

— Со мной? Ушам не верю! А вот когда господина Квиесиса под замок сажали, так это вы не обсуждали! То, что он был хозяином здесь,— еще не преступление, дьявол вас разрази! И я бы другому не подарил, привали мне от отца такое наследство... По мне, пусть он

хоть трижды капиталист! Для капитана он — пассажир.

— Это произошло без моего ведома. Квиесис уже выпущен...

— Вот, вот! Гром тебя ушиби — это что, судно или притон анархистов? Каждый делает, что ему в голову взбредет, а мне об этом ни полслова... Может, капитаном уже поставили Зигиса, и вы пришли сказать, чтобы я отправлялся на камбуз чистить картошку? Скажите честно, Дрезинь, что у вас на уме?

— То же самое я хотел спросить у вас.

— Очень мило... Так вот, намотайте себе на ус: мне поручено привести судно в Сантаринг, и, независимо от того, кто его хозяин — Квиесис или другой, — я свой долг исполню! Я капитан и не могу делать то, что мне заблагорассудится.

— Мне кажется, было бы разумнее сначала связаться с Ригой.

— Это ваше дело. Но я сдам груз законным владельцам и вернусь на родину с чистой совестью. Я за порядок, Дрезинь. И предостерегаю вас: если хотите вообще что-нибудь доставить домой, не очень-то потакайте разным галениекам. Они вам все трюмы взломают и корабль вверх килем перевернут, если только отпустите вожжи...

Капитан взглянул на часы.

— На первый раз, Зигис, довольно, передай штурвал Зандовскому. Пора тебе позаботиться насчет обеда. И передай Валлии, чтобы накрывала в кают-компании на столько же приборов.

— Но ведь Парупа не будет.

— Зато будет товарищ Дрезинь.

— Я, признаться, думал вместе с командой...

— Мало ли что вы думали! Комиссар на корабле причисляется к офицерам... Должен быть порядок.

В кубрик утреннее солнце не заглядывало, и все же там царило праздничное настроение. Во всяком случае, пока не ворвался Галениек.

— Нет, вы подумайте, не только выпустил, но и каюту вернул! В трюм бы его надо! Туда, где его шпроты и спички. Чтобы протух там разом с экспортными яйцами.

— И меня выставил,—присоединился Август.— У такого окна, как в каюте Квиесиса, за один день всего «Фантомаса» можно проглотить. А тут пятьдесят страниц отмахал — и уже глаза болят.

Курт, кончив утюжить робу, аккуратно сложил ее.

— А я полагаю, что дело есть дело, без дисциплины теперь тоже нельзя,—отозвался он.— Раз выбрали Дрезиня комиссаром, пусть он и распоряжается. Ему лучше знать, что делать.

— Он?!—взвился Галениек.— Да у него просто ум за разум зашел! Квиесис его испанцам собирался выдать, а Дрезинь ему пятки лижет.

— Вот и мне сдается, что неправильно это,—поддержал его Антон.— Уж коли тот его на верную смерть посылал, так пускай теперь на своей шкуре узнает, что это такое.

— Это будет просто месть,—возразил Цепуритис.— А сейчас не время сводить личные счеты. Никому это не нужно, и меньше всех Дрезиню.

— Ну, если так...—тут же согласился Антон.— Мне ведь не жалко, пусть господин Квиесис живет в прежней каюте.

— Так какого же черта мы бунт подымали?—не унимался Галениек.— Господа так и остались господами, только еще один прибавился. Не будет из этого добра, я вам прямо скажу. Надо было Квиесису намять бока и закинуть подальше, хоть бы на тот же остров Хуана. Воздух был бы чище.

— Ты, Галениек, власть трудового народа, видно, так представляешь — не жизнь, а кабак без хозяина,—заметил Цепуритис.— Пей кто хочет, а платить не надо.

— А выпить бы не мешало,—послышался в дверях голос боцмана.— Ведь как-никак нынче чуть не государственный праздник. Когда праздновали помолвку хозяйской дочки с этим... и имя-то выговорить тошно. Зато он хоть знал, что людям для души надо...

— Правильно, теперь дело за Дрезинем,—сказал Антон.— Достанься эта Алиса мне, я бы уж развернулся!

— Говорят, у Квиесиса есть настоящий ямайский ром!—крикнул сверху Август. Он уже успел пристроиться у иллюминатора на койке Антона.— С индианочкой на бутылке.

— Никакой выпивки!— заявил Цепуритис.

— А что, разве вином баловаться запретил старик Маркс, а не Магомет?— проворчал боцман и, увидев Зигиса, добавил:— А к обеду оно не мешало бы...

Галениек жадно хлебнул ложку супу и тут же выплюнул.

— Тьфу! Ну и помои! Ничуть не лучше, чем при Квиесисе. А наверху небось обжираются. Пошли, братва!

Увидев в кают-компании Дрезиня, процедил сквозь зубы:

— Так и знал! Мы тут революцию делаем, а комиссары пенки слизывают.

— Ну, что я вам говорил? Если их к рукам не прибрать, они вам на голову сядут,— проворчал Вилсон, обращаясь к Дрезиню. Затем встал и резко сказал:— Во-первых, Галениек, вы должны были спросить у меня разрешения войти в кают-компанию, а во-вторых, что вам здесь надо?

— То же, что и вам. Хоть капитан, хоть матрос— каждый о своем брюхе думает. Если уж теперь наша власть, так и кормите по-человечески. Что за баланду нам Зигис принес? В рот взять тошно!

— Ну что ж, садитесь обедать с нами,— спокойно, не повышая голоса, предложил Дрезинь.— Валлия, подайте тарелки.

Антон в нерешительности топтался у двери. Галениек как ни в чем не бывало уселся и налил себе полную тарелку. От первой же ложки физиономия его вытянулась.

— Виноват, осечка... Один—ноль в вашу пользу. А кто нас заставляет давиться этой баландой? Трюмы полны консервов и яиц.

— Груз есть груз,— напомнил капитан.

— Господина Квиесиса разорить боитесь?

— Прошу прощения, гражданин,— вмешался Квиесис.— Я, конечно, понимаю, что мое слово теперь ничего не значит. Я ведь теперь только пассажир... Но этот груз принадлежит вовсе не мне, он давным-давно оплачен.

— Это мы еще выясним,— заметил Дрезинь.— А пока что...

— А пока что, впроголодь жить, да?— перебил его

Галениек.— Этот номер не пройдет! Или сам распорядись, или мы сами...

— Ну и неразбериха у тебя в голове, Галениек! «Распорядись»!.. Теперь все важные вопросы будем решать сообща. Сперва надо установить связь с Ригой, а там видно будет.

У двери крохотной радиорубки «Тобаго» сбилась чуть ли не вся команда. Даже Валлия пришла чистить свои ножи и вилки на ботдек. Галениек готов был выставить оттуда Артура, лишь бы самому пролезть внутрь. Но на этот раз без радиста не обойтись. И Галениек со вздохом пропустил капитана, Дрезиня и Нордэкиса. Хорошо, что дверь прижали и теперь ее не закрыть: можно хоть заглянуть.

Все взгляды были устремлены на Артура. Отстучав позывные, он настроился на волну Риги.

— Что это здесь, митинг?

Над трапом появилась голова юнги.

— Заткнись, а то...— рявкнул было Галениек, но, ощутив на плече тяжелую руку Цепуритиса, осекся и добавил беззлобно:— Сам не видишь? Человек работает, на новое правительство радио настраивает...

Артур нервничал. Ведь волна должна была обежать полсвета. Снова и снова посылал он в эфир позывные Рижского порта. Но Рига не отвечала. Вдруг Артур насторожился, рука его потянулась к карандашу. Все затаили дыхание.

Попискивание морзянки было слышно даже на палубе. Неужели это голос родины? Телеграфный код был понятен одному радисту, остальные же могли только следить за выражением лица Артура. Дрезинь заглянул через плечо Артура: на бланке ни единого слова. Артур сдвинул наушники и обратился к капитану:

— Нас вызывает Сантаринг. Спрашивают, когда придем. Что передать им?

Вилсон молчал. Теперь за судно отвечает не он один. Пожалуй, иногда не так уж плохо принимать решения сообща... Повернувшись к Дрезиню, он увидел, что тот пристально смотрит на него. Комиссар улыбнулся и покачал головой.

— Отстройтесь! Пусть не мешается. Когда надо будет, сами вызовем,— сказал капитан.— А как Рига?

— Трудно будет. Далековато для нашего передатчика.

— Гляди только, чтобы твоя шарманка не забарахлила, как в тот раз! — крикнул Галениек. — У нас теперь с такими разговор короткий!

Кровь прилила к лицу Артура. Вспотевшая рука нервно заработала ключом.

— Вызывайте, Артур, попробуйте еще раз! — подбодрил Дрезинь. — Надо же выяснить, куда нам идти.

— И так уж стараюсь. Просижу хоть до утра.

И Артур, взглянув на Дрезиня, вновь застучал ключом.

...Солнце перевалило через зенит и било прямо в глаза штурвальному, так что тот вынужден был надеть зеленые очки. Радист по-прежнему не отходил от передатчика. Люди мало-помалу разбрелись — кто в кубрик, кто в машинное отделение, кто куда. Остались лишь самые терпеливые. Август примостился на койке Артура. Стоило ему раскрыть книгу, как он сразу же забыл, где находится. В тени надстройки расположились заядлые картежники — Галениек, Курт и Антон. Хотя они и потеряли надежду услышать новости, однако переговаривались вполголоса.

Дрезинь смотрел то на игроков, то на океан, то на пальцы Артура, не расстававшегося с ключом. Темп морзянки заметно снизился — рука устала. У Дрезиня заныли ноги. Ему было уже невмоготу стоять над душой радиста и ждать, когда карандаш забегает по бланку. А дожждаться надо. Люди в команде разные. У каждого свои мысли, свои надежды. Каждый по-своему воспринимает события в Латвии. Долг комиссара — сплотить этих людей воедино. Задача нелегкая. И сделать это поможет голос родины, голос, который всем одинаково дорог... Он должен дожждаться.

А что, если Рига им предоставит самим решать судьбу судна? Как ему вести себя в этом случае?

Он почувствовал чью-то руку на своем плече. Легкую, ласковую руку.

— Алиса?

— Я!

И Дрезинь почувствовал, как рука девушки мягко, но настойчиво потянула его к выходу. Они вышли на палубу.

— Целый день сижу в каюте одна, и ты даже не зайдешь!

— Дел много. Надо решить очень важный вопрос. Артур пытается установить связь с Ригой.

— Рига... Если бы ты знал, как мне хочется туда... вместе с тобой.

— Теперь уже скоро.

— Это невозможно. Отец говорит, что нам там делать больше нечего. Скорее всего, мы поселимся в Сантаринге у дяди.

— Отец... А что скажешь на это ты сама?

— Вчера я была готова отца возненавидеть, а сегодня мне жаль его. Странно все-таки жизнь устроена: я делала все, чтобы помочь тебе, а ты в благодарность за это отнимаешь у моего отца «Тобаго».

— Иначе нельзя. Тебе не понять этого.

— Я понимаю... Мы молимся каждый своему богу, живем в разных мирах. Пока ты жил в моей каюте, мне казалось, что я смогу найти путь к тебе. А теперь ты стал таким чужим.

— Алиса! Вот увидишь, все...

— Не надо... Зачем обещать? Что ж, делай свое дело, я не буду мешать...

Алиса направилась к трапу.

Дрезинь хотел догнать девушку, но тут из радиорубки донесся ликующий возглас Артура:

— Есть! Связь есть!

Предостерегающе подняв руку, Артур вслушивался в точки и тире, еле пробивающиеся через эфир, раздраемый грозowymi разрядами, заполненный бесчисленными тресками и шорохами.

Но вот радостный блеск в его глазах потух, сменившись озабоченностью.

— Кто знает русский? Отвечает советское судно «Коминтерн».

— Цепуритис! — заорал Галениек. — Цепуритиса зовите!

Антон кинулся за Цепуритисом.

Старый моторист бежал, вытирая на ходу замасленные руки. Через минуту к двери рубки было уже не протиснуться. Казалось, вся команда, кроме рулевого, побросала свои посты. Цепуритис потянулся за бланком, но, смущенно взглянув на свою черную ладонь,

опустил ее и, наклонившись к столу, стал разбирать текст, беззвучно шевеля губами. Выпрямился, осмысливая про себя прочитанное, потом еще раз пробежал глазами радиограмму и только после этого, откашлявшись, хриплым голосом сообщил по-латышски:

— «Коминтерн» слышит нас хорошо... Они в Северном море. От нашего имени свяжутся с Ригой. Только, чтобы мы не потеряли их волну...

— Стучи: «Тобаго», Атлантика,— диктовал Дрезинь.— Команда просит уточнить по портовым документам, кому принадлежит груз, адресованный в Сантаринг... Ждем дальнейших указаний».

И вновь потянулись тягостные минуты ожидания. Артур весь превратился в слух. Давно остыл кофе и задохли бутерброды, заботливо принесенные Валлией.

— Ну, что?— то и дело просовывалась в рубку чья-нибудь голова. Но царившее тут безмолвие красноречиво говорило само за себя.

Наконец слабый писк морзянки в наушниках радиста заставил встрепетаться Дрезиня и капитана Вилсона. Бесстрастные точки и тире фразами ложились на бланк. Через минуту капитан уже читал радиограмму:

— «Рига призывает все суда возвратиться на родину. В случае нехватки продовольствия, воды и топлива заходить в ближайшие порты».

Команда собралась на баке.

Собрал ее сюда Дрезинь. Он прекрасно понимал, что посторонний человек не должен навязывать свою волю людям, которые впервые в жизни обрели право решать сами. Но, оказывается, решать собственную судьбу дело нелегкое. Никто не хотел сказать свое слово первым, все смущенно переглядывались. То ли дело раньше: прикажет тебе Квиесис или капитан, старший механик или боцман— и не надо ломать голову. Приказ есть приказ, выполняй и не рассуждай, если тебе дорог кусок хлеба.

— Орать вчера ночью «ура» да «долой» все были горазды,— ухмыльнулся Карклинь.— А теперь у всех языки отнялись. Кашу заварили, а расхлебывать неохота.

— Вопрос стоит просто,— сказал Дрезинь.— Идти

прямым ходом домой или держать курс на Сантаринг?

— На родину!— сказал Нордэкис. Он думал о Марте. Он уже видел, как жена с маленьким Алоизом на руках встречает его у причала.

— В Сантаринг!— сказал Галениек. Сейчас его манил глоток обжигающего сантарингского рома и не менее обжигающий взгляд сантарингской сеньориты. А родина от него никуда не уйдет.

— Мне все равно,— сказал Антон. Он считал, что товарищи поумнее его. Как они скажут, так и будет.

— На родину!— сказал Цепуритис. Он видел перед собой украшенные красными флагами улицы, демонстрации, митинги. Зайга теперь устроится на настоящую работу, а сам он сможет последовать советам врача.

— В Сантаринг!— без колебаний сказал Вилсон. Он думал о своем капитанском долге, о грузе, который он должен доставить владельцам.

Зигису, честно говоря, не хотелось сразу возвращаться домой. Что он расскажет соседским ребятам? Он ничего не успел повидать, кроме безбрежного океана. Доплыть почти до самой Америки и даже не увидеть своими глазами индейца!

Карклинь впервые в жизни не знал, что сказать. Высмеять товарищей дело нехитрое, а вот что самому предложить?

Дрезинь молчал. Он думал о том, что в Сантаринге у Квиесиса, кроме шурина, найдется достаточно влиятельных сторонников, которые наверняка постараются сделать все, лишь бы не отдать «Тобаго» трудящимся Латвии. Но удастся ли разъяснить команде, чем ей грозит такой поворот событий? Ребятам кажется, что самое трудное позади...

— Товарищи...— заговорил он, но его тут же перебил боцман:

— Кончай базар! Сказано ясно: если не хватает продовольствия, идти в ближайший порт. А ближайший порт — Сантаринг.

Вот этого-то Дрезинь больше всего и боялся. Он обвел взглядом хмурые лица моряков. Молчат. Значит, соглашаются. Впрочем, может быть, боцман и прав. Без провианта до Риги не дойти. Его и до Сантаринга-то еле хватит...

— Что ж, идем в Сантаринг!..

...Артур сидел на койке и перебирал пластинки. Взял одну, сдул пыль, прочел название и отложил со вздохом. «Кто целовал хоть раз красавицу латышку...», «Люблю тебя, люблю тебя...», «Нас танец уносит с тобой в небеса...». Давно ли эти мелодии, эти слова любви разносились над палубой? Два дня тому назад? А может быть, с тех пор прошли годы? Сейчас надо бы поставить «Смело мы в бой пойдем» или «Интернационал». Впрочем, его настроению теперь больше соответствовал бы похоронный марш. И дело не в переменах на судне — Артуру волноваться было не из-за чего. Особенно теперь, когда он восстановил свою репутацию радиста, связавшись с Ригой. Артура угнетало другое. Его лишили последней надежды. Алиса даже не поблагодарила его за спасение Дрезиня. Чего он добился? Место Парупа занято Дрезином. А он, Артур, по-прежнему в стороне. Чем он лучше граммофонной пластинки: хотят — заведут, хотят — об колено. Артур сгреб пластинки и открыл иллюминатор. За борт их — и кончен бал!..

Кто-то поднимался по трапу. Над палубным настилом показалась голова Алисы. Сейчас откроется дверь...

— Здравствуйте, Артур. Спасибо за все. Вы настоящий друг.

Артур вспыхнул.

— Ну что вы... Не за что... Вы, наверно, рады, что команда решила сначала зайти в Сантаринг?

— Мне это безразлично.

И действительно, лицо ее не выражало ни малейшей радости.

— Почему?

— Не знаю, чем все это кончится... Трудно мне. Да, кстати, отец просил передать в Сантаринг телеграмму. Хотя теперь, наверно, вы не можете без разрешения Дрезиня?..

— Посмотрим.— Он взял у нее листок и прочел написанное.— Какое там еще разрешение! Тут же никакой политики нет. Присядьте, я сейчас.

Довольный тем, что он может оказать Алисе еще одну услугу, Артур принялся работать ключом.

— Вы определенно что-нибудь перепутаете, Артур,— сказала Алиса.— Вы же не смотрите в текст.— Восхищенный взгляд радиста смущал и нервировал девушку.

Артур вспыхнул. Он заставил себя отвернуться от

Алисы. Едва он кончил выстукивать радиogramму, Алиса встала.

— Подождите, мадемуазель Алиса,— заговорил он.— Посидите немножко!

— Не могу,— сказала Алиса.— Отец ждет. Ему теперь так тяжело.

Артур грустно кивнул головой. Да, господин Квиесис ее отец. Товарищ Дрезинь ее возлюбленный. А кто же он для нее? Радист, о котором вспоминают лишь тогда, когда захочется послушать музыку, когда понадобится отправить радиogramму.

Артур скомкал листок с текстом и хотел его выбросить. Как зачарованный продолжал он смотреть на уходящую Алису. Девушка скрылась в двери спардека. В тот же миг исчезли чары. И тут Артур внезапно сообразил, что не имел никакого права передать радиogramму без разрешения капитана и Дрезиня.

Наконец Валлия разыскала Дрезиня. Он сидел у капитана и знакомился с судовыми документами. Наморщив лоб, борясь с зевотой. Он заметил, что Валлия взволнована. Оторвался от бумаг.

— Что случилось, Валлия? Уж не забастовку ли объявила?

Валлия даже не улыбнулась.

— И что особенного, если бы этого жирного борова заставить посуду мыть? Ты носишься с Квиесисом, как с писаной торбой. А старая лиса опять телеграммы шлет... Артур был у вас, товарищ капитан?

Вилсон отрицательно покачал головой.

— Вот видишь! Хорошо еще, что я смотрю в оба. Сперва Квиесис что-то сочинял в кают-компании, а потом барышня к Артуру прошмыгнула...

Дрезинь встретил Артура на полпути.

— Где телеграмма, которую Алиса велела вам передать?— вскричал он.

Артур втянул голову в плечи. Дрожащие пальцы протянули Дрезиню скомканный листок.

— Алиса не виновата,— бормотал он.— Я сам...

Дрезинь не слушал. О чем Квиесис сообщал в Сантаринг?

«Судно больше не принадлежит мне. Уплатить долги Американско-Сантарингской торговой компании не могу. Квиесис».

Текст телеграммы вполне невинный, даже слишком невинный. И как трогательно это звучит! Квиесис думает не о себе, он переживает за тех, кому задолжал... Одно из двух — или до неузнаваемости переменился за одни сутки, или... Ведь неспроста Квиесис не пошел к радисту сам, а послал Алису. Сообразил, что «влюбленный дельфин» ни в чем ей не откажет. А она? Она это знает еще лучше! Наверно, Алиса знает и о том, какая махинация кроется за этой невинной телеграммой.

«Так мне и надо,— ругал себя Дрезинь.— С самого начала было ясно, чего от нее можно ждать. Просто у Алисы добрая душа, вот и все. Ей было бы больно смотреть, как меня высаживают на остров Хуана. Теперь жертвой судьбы оказался ее отец. И она сделает все, чтобы помочь ему сохранить за собой судно. В конце концов, это вполне естественно... Но почему не бороться в открытую, почему она орудует за спиной?»

Дрезиня обуяла ярость. Он вбежал в коридор спардека. Чуть не проскочил мимо каюты Алисы. Рванул ручку. И время в тот же миг устремилось вспять. словно стрелка часов, которую крутят в обратную сторону. Стрелка замерла, время остановилось в прошлом. Дрезинь видел, как он вбежал сюда, как жадно глотал воду из графина, слышал недоуменный вопрос Алисы: «Что вам надо в моей каюте?» Он провел ладонью по лбу. Нет, нет, никаких воспоминаний! Ничего личного!

Дрезинь даже не постучался. Распахнул настежь дверь и вошел. Каюта пуста. Он неподвижно стоял, не в силах оторвать взгляд от находившихся тут предметов. Они все хорошо знакомы ему. Они все были его верными друзьями. Что бы ни произошло, как бы ни повернулись отношения между ним и Алисой, но часы, проведенные в этой каюте, он не может вычеркнуть из жизни. Не может да и не желает.

Валлия заметила отворенную дверь и невольно остановилась. Дрезинь не видел ее. Он стоял к двери спиной. Скупой свет, лившийся из темнеющего иллюминатора, резкими линиями обозначал его фигуру.

— Она у отца,— против обыкновения негромко проговорила Валлия.

Казалось, Дрезинь не расслышал. Немного погодя он вышел. Просто повернулся и вышел из каюты. Дверь осталась приоткрытой. Она слегка колебалась в такт качке судна, словно зазывая его обратно.

Горизонт укрыла темная гряда туч. Край океана чернел все гуще, но по небу еще пробегали золотистые сполохи. Будто его поджигали невидимые прожекторы.

Вокруг судна вода тоже пылала. Казалось, «Тобаго» плыл по горящей нефти.

Смутная тревога привела Дрезиня на ют. Он стоял, держась одной рукой за поручень, другой комкая радиogramму. Пустынная бумажонка таила в себе серьезную опасность. В чем состояла эта опасность, Дрезинь не знал. Он знал только одно — в Сантаринг идти нельзя. Сантаринг — ловушка. Дрезинь упрекал себя за то, что не выступил на собрании. Теперь у Дрезиня появилась надежда, что телеграмма Квиесиса поможет команде взглянуть на дело по-иному.

Солнце закатилось. На топе мачты и над бортами вспыхнули ходовые огни. Тьма сгустилась как-то сразу. Дрезинь на ощупь прошел в кубрик.

В предыдущую ночь было не до сна. День тоже прошел в тревогах. Можно было полагать, что хоть сейчас в кубрике тишина и покой. Но матросам не спалось. Да и кто мог сейчас заснуть, когда в жизни происходили такие перемены, когда вся она переворачивалась наизнанку! Они просто боялись проспать что-нибудь важное. Цепуритис хотел налить себе кружку кофе. Большой кофейник оказался пустым.

— Сбегай к Валлии, Зигис. Пусть еще сварит.

На трапе юнга остановился.

— Может, ты лучше сам, товарищ Цепуритис? Мне Валлия сказала, чтобы я больше на глаза не показывался. Говорит, она тоже человек и после девяти на других ишачить не собирается.

— Ну, мы это еще поглядим! — Галениек выхватил кофейник из рук Зигиса. — Кончились времена, когда можно было корчить из себя важную фрейлину. Теперь мы здесь господа!

— Постой, Галениек, не петушись! — прикрикнул на него Курт. — Дай девушке выспаться, ей весь день нет ни минуты покоя. Лучше растолкай кока.

— А что кок — не человек, по-твоему, да? — Галениек тяжело уселся. — Черт бы вас всех побрал!

Антон слез с койки.

— Я схожу на камбуз, сварю. Ты не знаешь, где у них кофе?

— Сиди, куда тебя несет? — Галениек загородил ему дорогу ногой. — Ты что, дурында, не соображаешь, что другие времена настали? Чем ты хуже остальных?

Август тоже несколько минут наблюдал поверх страниц за товарищами. Теперь он отложил книгу и подпер голову руками:

— Ей-богу, другой раз жизнь интереснее всякого романа. Еще вчера я тут был распоследним негром. А сегодня... — он соскочил с койки и ткнул пальцем боцмана в грудь, — а сегодня за кофе пойдешь ты! Вот так!

— Видал? Нашли лакея! — запротестовал Зальгабалс. — Теперь я тоже вроде как большевик.

Зигис разинул рот.

— Правда? Так, выходит, и я тоже... И Галениек, и Антон, и Курт...

— Ты помалкивай! — цыкнул на него Галениек. — Как это — немец и вдруг большевик!

— Всем вам до большевика — как отсюда до Риги, — покачал головой Цепуритис.

— Эх, хоть бы домой поскорее! — вздохнул Август. — Дьявольски охота поглядеть, как там сейчас. Расскажи, Цепуритис, ты ведь был в Ленинграде...

— Был, а что толку? Наш капитан никого на берег не пускал, боялся, что не вернемся.

— Ну, а грузики-то приходили на палубу. Что они за народ? — спросил Зигис.

— Народ, — ухмыльнулся боцман. — Гляди на меня: человек он всегда и есть человек, только власти над ним меняются.

— Нет, там, брат, и люди тоже другими стали, — серьезно заметил Цепуритис. — Они изменили жизнь, а потом жизнь изменила их. Помню, читал я где-то про танкер «Дербент». Новый, а машины отрегулированы плохо, тащился, как старая баржа... Так они там сами взялись, дизели разобрали, пришлифовали подшипники, вкалывали целыми сутками. Вот какие они — советские люди!

— Дурачье, куда они так торопились?— отмахнулся Август.— Меня бы и сам Квиесис не заставил.

— А почему бы и нет?— размышлял Антон вслух.— Если тебе как следует заплатят за сверхурочную.

— Так все дело в том, что никто их не заставлял и никто им ни копейки не приплачивал,— ответил Цепуритис.— Судно свое, сами и решили. И польза от этого не им одним, а всем...

— Тогда меня больше устраивают картишки. От них хоть победителям польза, а не всему миру.— Галениек достал из кармана засаленную колоду.— До вахты недолго осталось, кемарить не стоит.— Увидев в двери Дрезиня, он прищурился:— Ну, комиссар, перекинешься с братвой в картишки? Если нету денег, до Сантаринга поверим в долг.

— Если поверите до Риги— согласен. А если пойдем в Сантаринг, можем продуть весь пароход. Да вот, читай сам!— И Дрезинь кинул на стол телеграмму Квиесиса.

— Ну и что?— прочитав вслух телеграмму, сказал Антон.— Какое нам дело до долгов господина Квиесиса?

— Так он ведь и сам признает, что судно больше не его. Чего же вы боитесь, товарищ комиссар?— спросил Курт.

— Если бы я знал точно, чего боюсь, не пошел бы к вам, а сам повернул бы «Тобаго» обратно.— Дрезинь старался говорить спокойно.— Мне не нравится, что Квиесис заранее предупреждает своих друзей. Мало ли что они могут выкинуть. Сантаринг от Москвы далеко, да и время теперь военное. Они могут даже конфисковать «Тобаго», а ты потом доказывай им...

— А ведь и верно, ребята, чего мы там забыли, в этом Сантаринге,— поддержал его Цепуритис.

— Ты нас не запугивай чертовой бабушкой!— тут же огрызнулся Галениек.— Что они нам могут сделать, судно ведь наше!

— Правильно!— крикнул Август.— Поднимем красный флаг! Пускай только посмеют задержать против нашей воли. Мы у них там все окна повыбиваем, мы...

— Слышь, комиссар, кончай тянуть резину. Садись играть с нами или нет? Антон! Курт! За дело!

Но Курта уговорить на этот раз не удалось. Одну смену роботы он отдал Дрезиню, а та, что оставалась на

нем, была уже ни на что не похожа. Если он засядет за карты, то завтра будет нечего надеть.

Дрезинь немного постоял, наблюдая за игрой, потом повернулся и молча вышел.

Квиесис сидел в кают-компании. На своем обычном месте, в обычной позе. Судно шло в Сантаринг. И все-таки на душе было невесело. Не хватало Парупа, шампанского, почтительного голоса капитана Вилсона... Хорошо бы хоть прикрикнуть на Валлию. Но ведь не прикрикнешь. Кто он теперь на судне? Пассажир. Юнга Зигис — и тот теперь более важная персона, чем Квиесис... Да, Паруп... Сидит под замком. Ни коньяка ему, ни шампанского. Жаль. А ведь не дурак! Правильно говорил, что латышами управлять только палкой надо. Стоило чуть распустить их, как все пошло вверх дном, и в Латвии и на корабле. Куда девалось все уважение к порядку! Три слова по радио услышали — и нá тебе: вместо улыбок клыки оскаленные. Вилсон первый переметнулся. Старый болван. А кто не болван? Все они болваны! Вообразили, что «Тобаго» принадлежит им, а он, Квиесис, так и будет сидеть сложа руки и улыбаться? Валяйте похозяйничайте до Сантаринга!

Квиесис уже в который раз прикидывал, сколько осталось до Сантаринга. Считая себя морским волком, расстояния он мерил не днями и не часами, а вахтами. За каждую вахту судно проходит шестьдесят миль. Значит, до Сантаринга остается еще...

Квиесис самодовольно улыбнулся. Он представил себе шурина в момент получения радиограммы. Шурина сидит в кресле-качалке на веранде своей виллы. На столе тихо жужжит вентилятор. В тонком бокале с апельсиновым соком тает кубик льда. Негр соскакивает с неоседланного коня. Обнажая в улыбке белоснежные зубы, подает радиограмму. Шурина вскрывает бланк, читает. «Судно больше не принадлежит мне. Уплатить долги Американо-Сантарингской торговой компании не могу. Квиесис». Шурина не понимает, в чем дело. Неторопливо допивает апельсиновый сок. Сплевывает остаток льда. На раскаленном полу он мигом обращается в воду. Еще мгновение, и вода уже испарилась, пропала. Исчезают и складки на лбу шурина. Шурина человек

бывалый. Человек, который прочитывает газеты от первой до последней страницы — и биржевые сводки, и информацию о событиях в политике. Не зря его назначили консулом Латвии. Он все поймет. Ему ясно, что надо делать, чтобы спасти судно. Он не теряет ни минуты. Подходит к телефону. Звонит в одно учреждение, в другое. Четким, уверенным голосом отдает распоряжения. Затем садится в автомобиль и едет в Сантаринг...

«Тобаго» тоже идет в Сантаринг. Квиесис улыбнулся. Предаваться отчаянию не было ни малейшего основания.

Дрезинь спал беспокойно. Тревожные, отрывочные видения сменяли друг друга. Он видел, как «Тобаго» входит в Рижский порт. На набережной алые знамена, толпа, много знакомых лиц... Нет, это не Рига! Судно ошвартовалось в Сантаринге. Все лица сливаются в одно. В лицо с чертами Квиесиса. Квиесис благодушно улыбается. «Ну вот, дорогой зятек,— говорит он.— Вот мы и в Сантаринге. А ты говорил... А ты не верил...» Кто-то словно молотом вгонял эти слова, как гвозди, в его мозг.

Дрезинь проснулся с головной болью. Долго не мог понять, с чего бы это. Может быть, причина в дурацких сновидениях? Он вышел на палубу. Прохладная свежесть океана быстро проникла под спортивную рубашку и полотняные штаны. Холодок разогнал остатки сна. Дрезинь вспомнил о телеграмме. Он вошел в пустой камбуз, попил и вернулся на палубу. Затем для чего-то спустился в кубрик мотористов. Открыл дверь. Кто-то сладко похрапывал. Ровно вздымались полосатые тельняшки. Дрезинь опять вышел на свежий воздух. Через световой люк заглянул в машинное отделение. Антон неторопливо водил масляной тряпкой по блестящему металлу. Август, подтянув к подбородку колени, взгромоздился с ногами на табурет. На коленях лежала книга. Сверху трудно было понять, читает он или дремлет. Дрезинь пошел дальше. Маршрут ночного обхода вел его наверх. Капитанский мостик был погружен в темноту, лишь в штурманской рубке тускло светила лампочка на компасе. В бледном отсвете вырисовывалась тень человека. По небрежной позе можно было угадать в нем Галениека. Кроме вахтенных, все спали.

Спали глубоким, давно заслуженным сном. Лишь Дрезинь в бессоннице слонялся по судну. С бака на ют. С юта опять на бак.

Уже в который раз он проходил мимо кают-компаний. Большие иллюминаторы освещены. Дрезинь не придавал этому значения. Наверно, Валлия забыла выключить электричество. Этот свет как-то странно беспокоил и волновал. Дрезинь приподнялся на цыпочках и заглянул в кают-компанию. В кресле сидит Квиесис, удобно откинувшись на спинку, шелковая сорочка расстегнута, чтобы струя воздуха от настольного вентилятора освежала тело. Сидит и благодушно улыбается.

Эта улыбка подействовала на Дрезиню как выстрел. Смутное предчувствие опасности стало явным. Приглушенный ритмический стук дизелей превратился в грохочущие точки и тире радиотелеграфа.

«Судно больше не принадлежит мне. Уплатить долги Американо-Сантарингской торговой компании не могу... Уплатить долги не могу! Уплатить долги не могу!» — выколачивают дизели. Буква за буквой. Снова и снова. Каждый удар — оборот винта за кормой. Каждый оборот приближает к Сантарингу.

Дрезинь думал. Это раздумье было схоже с тяжким физическим усилием. Он силился вникнуть в Квиесисову улыбку. Старался понять, какая подлость притаилась за этими улыбочатыми морщинками. И тут он вдруг вспомнил, что Алиса по какому-то поводу упоминала о долгах отца. Это было в те сутки, когда он скрывался в ее каюте. Говорили много и о разном. Дрезинь искал выход из создавшегося положения, Алиса переживала кризис в своих отношениях с Парупом. В этих разговорах упоминание о долгах господина Квиесиса было какой-то третьестепенной деталью, и в одно ухо влетело, в другое вылетело. И вот этот маленький штрих вдруг приобрел противоестественные размеры. Что сказала Алиса, в связи с чем? Постепенно в запыленном оконце памяти забрезжил свет. Так вот к чему это было сказано! Алиса говорила о характере отца. И говорила она отнюдь не о долгах, а о том, что отец принципиальный противник влезания в долги. За исключением государственного кредита, предоставленного ему на приобретение «Тобаго», он никогда в жизни не подписывал ни одного векселя.

Дрезинь больше не слонялся по палубе. Он стоял неподвижно и почти не дышал. Квиесис не мог быть в денежном долгу перед какой-то Сантарингской компанией. Это не соответствовало его деловым принципам. Вывод напрашивался сам собой: история с долгами — хитрая уловка. С какой целью? Дрезинь вспомнил, что в разговоре с командой что-то было сказано насчет заклада «Тобаго». Так вот где собака зарыта! Шурин предупрежден по радио. Он, наверно, уже сфабриковал закладной акт, который и поможет Квиесису заполучить обратно свое судно. Никого не будет интересовать, кому судно принадлежит по закону — долг есть долг. Торговая компания предъявит иск, суд опишет пароход, наложит на него арест, начнется процесс, который может затянуться на много месяцев. А время работает на Квиесиса. Вмешается посол ульманисовского правительства, Америка будет отстаивать интересы своей компании. А команду распустят до окончательного решения суда. Что они будут делать на чужбине все это время? Без денег, без поддержки? Желторотый птенец Зигис и влюбленный по уши мальчишка Артур? Добродушный и робкий Антон, который так легко подпадает под чужое влияние? Взбалмошный Галениек, которого горячность раньше приведет за решетку, чем домой? Сколько месяцев придется отмаяться на чужбине застенчивому Нордэкису, пока он наконец увидит своего первенца? Что станет делать в Сантаринге Вилсон — капитан без парохода, капитан с запятнанной репутацией? Великий мечтатель Август? Педантичный Курт, который предпочел ежедневно стирать свою холщовую рубаху, лишь бы не надеть коричневую, гитлеровскую? Своенравная, занозистая Валлия?

Дрезинь отчетливо представлял, что их ожидает в Сантаринге. Будто все это уже произошло.

...Сантарингский рейд. «Тобаго» малым ходом движется вперед. От берега отделяется черная точка. Быстро вырастает. Катер. Воздух раздирает повелительный рев сирены. Солнце играет на стволах пулеметов. Катер швартуется к борту «Тобаго». Первыми на палубу поднимаются полицейские. В руках у них длинноствольные кольты. На борту появляется офицер. С ним гражданский чиновник. Из портфеля он достает скрепленные печатями бумаги. Официально равнодушным голосом

зачитывает их. Смысл всех этих документов укладывается в две фразы. По требованию Американо-Сантарингской торговой компании суд налагает арест на «Тобаго» до выплаты пароходством Квиесиса всей суммы долга вышеуказанной фирме. До окончательного решения суда команда увольняется, а судно будет находиться под охраной полиции...

Взмахом руки Дрезинь отогнал назойливое видение. Бой еще не проигран. Они пока что находятся в открытом море. Все еще поправимо — достаточно лишь повернуть судно носом на восток. На Ригу. Это единственный выход. И действовать надо, не теряя ни минуты. Горючего не так уж много, ждать до утра означает терять драгоценное топливо. Теперь каждую минуту надо считать за две — они ведь плывут не в ту сторону... Что делать? Будить команду? Дождаться, пока они стряхнут сон и протрут глаза, снова втолковывать и переубеждать, спорить до хрипоты? С одной стороны это было бы правильно, с другой — глупо и смешно. Собрание среди ночи! Пожалуй, тогда прав будет зубоскал Карклинь, представляющий себе Советскую власть как сплошную говорильню и благодать: знай болтай языком — вот и вся работа. На сей раз обойдется без болтологии. Его, Дрезиня, поставили комиссаром — он обязан действовать. И он будет действовать! На собственную ответственность. Хотя кое-кто и расценит это как самоуправство. Ну и пусть! Он знает, что делает.

Дрезинь направился к капитану. Добром или силой, но надо заставить Вилсона лечь на другой курс.

Нордэкис оторвался от карт и подошел к компасу.

— Сколько еще осталось? — спросил Галениек.

Нордэкис хотел было ответить, но заметил, что матрос курит. Минуту поколебался, но все же не выдержал:

— Товарищ Галениек, может быть, потрудитесь объяснить мне, почему вы курите у штурвала?

— А что, нельзя разве, товарищ штурман? — Галениек выпустил клуб дыма. — Раньше запрещалось, теперь запрещается, на кой черт тогда эти новые порядки?

Нордэкис пожал плечами.

— Не знаю, быть может, теперь разрешено. Хотя лично я не разрешил бы. Не обижайтесь, товарищ Га-

лениек, но, по-моему, у вас слишком вульгарное представление о новых порядках... На румбе?

Галениек доложил компасный курс.

— Так держать!— сказал Нордэкис и принялся разгонять рукой дым.— Я их представляю совсем иначе. Теперь перед людьми открываются совершенно новые возможности. О каких раньше мы даже мечтать не смели. Вы знаете, что я окончил университет?

— Впервые слышу.— Галениек снова сунул в рот папиросу.— Какой же черт дернул вас взять курс на море?

— По всей видимости, черт здесь наиболее подходящее слово. В то время я свой диплом мог употребить разве что на... Впрочем, обойдемся без грубых выражений. А теперь я получу работу по специальности. Я останусь на берегу вместе с женой и сыном! Вы представляете себе, что это будет за жизнь?

— Не верю.

— Что получу работу? Неужели вы действительно не понимаете, что теперь все будет по-другому? Теперь...

— Вы тоже стали другим, товарищ штурман,— сказал Галениек.

Больше он не сказал ничего. Нордэкис посмотрел на циркуль, который держал в руках, на картушку компаса, слегка покачивающуюся в котелке, на иллюминатор, за которым сиял, точно полная луна, топовый огонь.

— Возможно, вы правы. Нелегко будет без моря,— вздохнул он.— А вы, товарищ Галениек, разрешите поинтересоваться, что собираетесь делать дальше?

— О, у меня дел по горло! Первым делом мне надо сбегать к одному трактирщику. Этот буржуй в прошлый раз вышвырнул меня на улицу. Если бы я ему не заплатил, тогда не обидно. А то ведь за то, что пел «Ламца-дрица-ца-ца». Даже Цепуритис говорит, что она не революционная. Теперь он запоем у меня другую песенку! А тогда пойду в гости к Квиесису. Положу ноги на стол и скажу: «Ну, господин патриот, понял теперь, что такое власть трудящихся?»

— Грубо!— покачал головой Нордэкис.— Пройдет еще порядочно времени, пока вы сами поймете это.

— А куда мне торопиться?— усмехнулся Галениек.— Пока дотащимся от Сантаринга до Риги, всему еще выучусь.

Галениек выпустил из рук штурвал, чтобы прикурить потухшую папиросу, но тут же снова схватился за ручки. В двери стоял капитан.

Не произнеся ни слова, Вилсон вырвал папиросу у Галениека изо рта. Швырнул на пол. Растоптал.

— Не спите, товарищ капитан? — спросил Нордэкис. Вилсон не ответил.

— Курс? — потребовал он.

Нордэкис доложил.

— К черту этот курс! Галениек, право на борт! На борт, говорят тебе! — Вилсон сам ухватился за штурвал и крутанул его с такой силой, что только спицы замелькали. — Черт его знает, не судно, а карусель какая-то. То налево, то направо, то туда, то обратно...

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Идем назад в Ригу.

— В Ригу, товарищ капитан? — недоумевал Галениек. — Но мы ведь решили...

— Много чего вы наreshали! Кошке под хвост! И никаких товарищей здесь нет, зарубите себе это на лбу, есть только новые господа. Конечно, может, у товарища Дрезиня есть основания так поступать, — добавил он, желая несколько смягчить впечатление от своего выпада.

— Основания! Кто он такой, что у него свои основания? Мы решили, а он нам в рожу плевать! Это наша власть или его личная диктатура?

— Взять штурвал! — прикрикнул Нордэкис на разбушевавшегося Галениека.

— Пускай крутит тот, кому больше всех надо! — отрубил Галениек. — Я ему не слуга.

Нордэкис пожал плечами и, взяв штурвал, положил руль на курс. Он ожидал, что капитан разозлится и приструнит матроса. Молчание Вилсона означало, что в душе он согласен с Галениеком.

— Извините, товарищ капитан... — заговорил Нордэкис.

— Осточертели мне ваши деликатные фразочки, — прорычал Вилсон. — Вам тут не салон, а морское судно.

— Именно это я имею в виду, — твердо произнес Нордэкис. — И потому Дрезинь на этот раз поступил правильно, ни у кого не спрашивая совета. Я очень рад, что «Тобаго» пойдет прямым курсом на Ригу...

— У вас на уме только ваша Алиса или как там окрестили эту писклю... Успеете еще, нанянитесь, любящий папаша! А для меня груз в трюмах важнее ваших пеленок, понятно? За груз отвечает капитан, и я при любой власти обязан доставить его в Сантаринг!

— Капитан в первую очередь несет ответственность за судно.

— И потому можно орудовать за его спиной? Поднять среди ночи с постели и запросто приказать...

— Извините, товарищ капитан, но я, как и вы, полагаю, что у Дрезиня были веские основания не посчитаться с морским этикетом. Лучше пусть грузополучатели останутся без груза, чем мы без судна.

— Вы так считаете?— уже совсем спокойным голосом переспросил капитан Вилсон.

Квиесису никогда не удавалось заснуть раньше часа или двух ночи. Даже в лучшие времена. А теперь и подавно. От непрерывного курения во рту стояла горечь. Эта папироса последняя. Докурит и — спать.

Квиесис взглянул на струйку дыма. В неосвещенной каюте она казалась совсем белой. Белой и прямой, как дорога, которая постепенно расширяется. Как хорошо, что Алисонька вместе с ним на судне! Ничего больше не связывает его с Латвией — ни семья, ни имущество. Он чувствует себя еще достаточно молодым, чтобы найти в Сантаринге свою вторую родину...

Корпус судна дрогнул. Квиесис подбежал к иллюминатору. Ему почудилось, будто волны стали разворачиваться и менять направление. Нет, море оставалось на месте. Квиесис все понял. Разворачивалось судно. Его нос уваливал в обратную сторону от Сантаринга. Внезапно, без предупреждения, даже без митинга. Для этого может быть единственный повод — Дрезинь догадался о смысле телеграммы. Понял, что в Сантаринге игра будет проиграна.

Теперь проиграна его, Квиесиса, игра. Повертывается не только «Тобаго». Повертывается вся жизнь, его жизнь. Сердце вдруг стало останавливаться. Пришлось ухватиться за стол. Судно меняет курс. В Сантаринг не попасть. «Тобаго» не вернуть. Сердце забило снова. Вяло, с перебоями. Круговорот крови возобновился.

Вместе с жизнью возвращалась надежда. Слабая, но все-таки надежда. Надо переговорить с Алисой. Сию же минуту. В ее жилах тоже течет кровь Квиесисов...

— Алиса, нам надо поговорить, дорогая.— Эту фразу Квиесис повторял, как молитву. Повторял до тех пор, пока Алиса не проснулась. Рукой она заслонила глаза от яркого света.

— Я не могу... не хочу... после всего, что произошло,— срывалось с ее губ.— Остров Хуана! До смерти не забуду это жуткое слово! Какой отец пошел бы на это?.. Ты знал, что я люблю его, и все-таки...

Квиесис не уловил настроения Алисы. Он потел, волновался. Он чувствовал себя как на ответственном деловом заседании. Одно неосторожное слово — и ты на пороге банкротства.

— Паруп... Это он насовествовал. Заморочил мне голову начисто, когда сватался за тебя.

Унылый тон отца окончательно разбудил Алису.

— Да не он, а дома его заморочили тебе голову.

— Да, да, так оно и есть, признаюсь. Плохим отцом был я для тебя, Алиса. Но, слава богу, от Парупа теперь отделались. Теперь буду другим человеком.

— Ты?

— Да, теперь я понимаю, что едва не сделал тебя несчастной. Не по своей воле, Алиса, поверь, дорогая. Тогда я еще не знал, что за человек Дрезинь. Он такой отзвучивый, а главное — он тебя любит...

Алиса стремительно поднялась и села, обхватив колени руками. Попробовала расшифровать выражение отцовского лица.

— Что с тобой вдруг?

— Не знаешь разве? Они повернули «Тобаго» обратно на Ригу. Алиса, дорогая, мы должны что-то предпринять...

Алиса пожала плечами.

— Не знаю. Он уже не такой, каким был вчера.

— Опомнись! Про что ты говоришь? Ах да, ты о Павиле... Ничего, девочка, это все еще поправимо.

— Поправимо?

— Ну да, скажи, что я согласен. Пусть забирает судно... в счет твоего приданого... В Сантаринге сыграем свадьбу.

Алиса удивленно уставилась на Квиесиса.

— Ты согласился бы отдать меня ему?.. Коммунисту?.. Человеку, которого ты ненавидишь и не можешь не ненавидеть?

— А что же делать, милая? Мы должны попасть в Сантаринг! «Тобаго» нельзя выпускать из наших рук!.. «Тобаго» — это моя жизнь... Мало ли кому приходится мириться с немилым зятем? Надеюсь, ты меня поняла?

— Да, поняла. Жаль мне тебя.

— Хотя бы из жалости, все равно... Ведь ты не стала бы доискиваться, почему он берет тебя? Когдалюбишь — гордость неуместна. Поговоришь с ним?

— Это бессмысленно. Он не захочет. А даже если бы и согласился — что команда скажет?..

— Он согласится, он не смеет не согласиться. В этом наша единственная надежда. Он обязан тебе жизнью, он не имеет права отказаться. А с командой он все уладит... Одевайся, родная! Ты должна сейчас же пойти к нему! Нет, лучше прямо так, как есть...

— Товар в прозрачной целлофановой упаковке, — усмехнулась Алиса.

— Что ты сказала?

Алиса не ответила. Она плакала.

— Ну не плачь, иди же! — торопил ее Квиесис. — Хотя нет, это кстати, плачь! Заплаканные глаза значат больше, чем слова.

— Никуда я не пойду, — сказала Алиса. — Если хочешь, ступай сам.

Свадруп не знал, что решение о перемене курса принято без согласия команды — на первое собрание его тоже никто не позвал. Он знал лишь, что судно идет не в Сантаринг. Что оно идет в Латвию. В Латвию, где вместо вождя теперь хозяйничают разные цепуритисы. Тогда уж лучше вплавь к американскому берегу. Или на дно вместе с пароходом. Надежда на Квиесиса лопнула. Чтобы найти выход из нынешнего положения, нужна другая хватка. И такая хватка есть у Парупа.

Свадрупу не пришлось долго барабанить. Со вчерашнего дня Паруп не смыкал глаз. Шагал из угла в угол в своем застенке и ковал планы освобождения. Останавливался у иллюминатора и неподвижным взором всматривался в даль. В даль, скрытую непроницае-

мым мраком. В даль недосыгаемую — до тех пор, пока он здесь взаперти. Пока наверху у власти Дрезинь.

— Господин Паруп!

— Черт возьми, где вас носило столько времени? Что происходит на корабле? Куда мы идем?

— Все полетело к чертям. Господин Квиесис послал радиogramму, а они решили не заходить в Сантаринг.

— Идиот проклятый! Он всем нам могилу роет... Значит, груз они не повезут?

— Нет, конечно! Они совсем с ума спятили! Прямо к большевикам дуют.

— Сволочи! Этого допускать нельзя.

Паруп метался по тесному помещению. Ломал голову и ничего не мог придумать. На миг все затихло. Потом раздался его голос. Громкий, будто он снова почувствовал себя хозяином на судне.

— Горючее!

— Горючего у нас хватит.— Свадруп сперва не понял, но тут же сообразил:— Есть, господин Паруп! Будет исполнено, господин Паруп!

— Надо попасть в Сантаринг. Во что бы то ни стало, поняли?

В машинном отделении появился Свадруп.

— Бездельничаете, да? — проворчал он.— Подать журнал!

Август демонстративно засунул руки в карманы. Антон бросился исполнять приказание. В его глазах Свадруп по-прежнему был начальником. Как только книга была положена перед старшим механиком, он тут же с размаху запустил ее в угол — с перепугу Антон вместо вахтенного журнала схватил роман Августа.

— Распустились тут без меня, скоты! — ругался механик. Он открыл вахтенный журнал.— Одиннадцать узлов! Вот что получается, когда нет над вами палки.

Свадруп про себя твердо решил придерживаться миролюбивого тона, но характер и профессиональная гордость взяли свое.

В обычной обстановке Август сумел бы постоять за себя и за свою книжку. И Антон отважился бы пояснить, что после поворота «Тобаго» пошел против ветра. И Свадруп сам понял бы это. И мотористов поразил бы

неожиданный трудовой энтузиазм механика. Но неожиданная перемена курса теперь сбила их с панталыку. Судно повернуло на 180°. С чего вдруг? Какое чрезвычайное происшествие заставило капитана «Тобаго» взять прямой курс на родину? Но ведь тогда Дрезинь пришел бы поговорить, посоветовался... Долго гадать не пришлось. В машинное отделение влетел Галениек.

— Контрреволюция!— заорал он.— Дрезинь запретил идти в Сантаринг. Хочет уморить нас голодом.

— Наверно, забыл, что судно не его, а наше,— сказал Август.— Даже пираты устраивают военные советы.

Антон молча согласился с ним, однако сделал попытку заступиться за Дрезиня.

— Конечно, я не стал бы самовольничать,— сказал он.— Но ведь он комиссар. Мы выбрали его и...

— Не трепись, дурынка. Выбрали, а сейчас скинем к чертям. Пошли, ребята!

Август последовал за ним. Антон какой-то миг колебался затем тоже полез вверх по трапу.

Свадруп не удерживал их.

Уже два часа роба Курта полоскалась за кормой. Дольше оставлять ее в воде было нельзя, иначе океанская соль выест не только пятна. Курт не пошел за Галениеком, а отправился на ют. Вытащить штаны оказалось неожиданно трудным делом. Пеньковый трос почему-то превратился в ослизлого угря и выскальзывал из рук. Курт не сдавался. Наконец выволок робу на палубу. Распространился резкий запах нефти. Нефть?!

Курт понял беду. Он бросился бегом по палубе. У ближайшего люка остановился. Нельзя терять ни минуты. Соскользнул по поручням вниз. Пригнулся и по туннелю вала побежал в машинное.

— Товарищи! — Курт силился перекричать грохот.

Его слышали. Из ответвления прохода вынырнул боцман. Загородил путь.

— Чего тебе?

— Горючее вытекает!

— Ну и что?

— Надо найти причину! А то до Риги не дойдем.

— Тогда пойдем в Сантаринг, какая тебе разница?

— Вы... вы нарочно выкачиваете нефть за борт!

— Не валяй дурака, Курт.— Боцман взял матроса за локти.— В Америке заживешь припеваючи. Господин Квиесис не поскупится на благодарность, боцманом станешь... Подумай! Чего ты в Риге оставил? Сам же всегда говорил, что у тебя нет родины.

— Неправда. Может, раньше...— медленно произнес Курт.— Но со вчерашнего дня у меня есть родина! Пусто!— Он вырвался от боцмана.

— Кончай церемонию! Бей!— крикнул Свадруп.

В руке боцмана блеснул нож. Он резанул пустоту. Курт уже перемахнул через вал. Борьба означало упустить время. Время—это горячее. Без горячего до Риги не дойти. Он должен попасть в машинное. К товарищам! Курт ринулся вперед. Рядом вращается гребной вал. Оступись—и конец. Смелет на фарш. Курт не смотрит влево. Направо тоже не смотрит. А справа, из ниши, выскакивает Свадруп. В руке—занесенный для удара гаечный ключ.

Курт согнулся. По лбу течет что-то теплое и липкое. Кровь. Нет, это нефть, она вытекает и вытекает. Нефть—кровь корабля. Она не должна вытекать. Не должна! Надо остановить ее, не то остановится корабль.

Курт открыл глаза. Сквозь багровый туман он разглядел склонившегося над ним боцмана. Он напряг последние силы. Удар ноги угодил боцману под ложечку. Тот потерял равновесие, ударился о стену.

— Держи его!— крикнул Свадруп.

Поздно. Курт успел проскочить мимо.

«Тобаго» идет домой. Завтра, впервые за этот рейс, солнце поднимется из океана прямо по носу. Впервые за этот рейс у Дрезиня спокойно на душе. Усталый и довольный, он повернулся на бок. Зарылся головой в подушку. Что-то мешает. Щетина на подбородке и щеках. Успела уже вырасти. Весь день не было свободной минуты. До многого руки не доходят, где уж тут заботиться о красоте.

Алиса. А не лучше ли поговорить с нею? Теперь, когда Квиесис проиграл, когда последствия телеграммы не угрожают судьбе «Тобаго», Дрезинь может думать об Алисе без злости... Разве тогда, в туннеле вала, томясь голодом и жаждой, он не заподозрил Цепуритиса в пре-

дательстве? А оказалось, моторист лежал без памяти в лихорадке. Людям надо верить. Разве Алиса не человек? Дрезинь вспоминал все сделанное для него Алисой, и вдруг ему захотелось поверить в то, что она не знала о коварном смысле невинной на вид телеграммы.

Если бы не Алиса, он сейчас был бы на острове Хуана. Судно продолжало бы свой путь к Сантарингу. Теперь «Тобаго» идет на родину. А Алиса? Для Алисы там тоже будет родина? Сегодня утром она сказала, что останется в Сантаринге... На душе снова стало тревожно. Борьба за судно вроде бы завершилась. Теперь надо начинать борьбу за Алису. Борьбу нелегкую, долгую. То, что Алиса сделала, было сделано для него лично. К новой жизни надо прийти сознательно...

Дверь распахнулась. В одно мгновение каюта оказалась битком набитой. Перед Дрезинем стояли все те, кто еще недавно ворвался сюда, чтобы потребовать расправы над Парупом. Все до одного. Галениек, Антон, Август, Валлия. Даже малыш Зигис. Даже товарищ Цепуритис. Шумят, орут, перебивая друг друга.

— Будет!— рявкнул Галениек.— Почему ты должен сидеть в комиссарском кресле? Ничуть не хуже мог бы сидеть и я или Антон. Хватит командовать одному! Раз уж Советская власть, тогда выберем порядочный совет. Как он решит, так и будет. Тогда не то что в Ригу, а хоть на Камчатку попрем!

— Спасибо!— неожиданно сказал Дрезинь.

Лишь сейчас до него дошло нечто очень важное: раз товарищи находятся сейчас здесь, значит — победа. Победа дня сегодняшнего над днем вчерашним. Вчера они еще послушались бы того, кто приказывает. Сегодня они хотят сами решать и действовать. Их взволновала вовсе не смена курса, а другое. Со вчерашнего дня на судне возникла новая сила. Сила, сплотившая воедино этих таких разных людей. Сила, заставляющая рассудительного Цепуритиса шагать плечом к плечу с необузданным Галениеком. Сила коллектива. И если его самого вдруг смоем волной за борт, то и без него они найдут верный курс.

— Спасибо,— повторил он.

Сбитый с толку Галениек смущенно умолк. И Дрезинь уже совсем спокойно стал разъяснять, какую ловушку уготовил им Квиесис.

— Да неужели все так и получилось бы?— усомнилась Валлия.— Он, конечно, мошенник, но такое... Точь-в-точь как в романе.

— Чего ты смыслишь в романах?— оскорбился Август.— Там все бывает как на самом деле в жизни. Я всякие читал, но до такой заковыристой комбинации не додумался бы даже Уоллес.

— Вы мне не верите?

— Почему же...— заговорил Антон.

Дверь распахнулась. В каюту, шатаясь, ввалился Курт. Льяные волосы разделяла темная полоса.

Первым к нему подскочил Антон.

— Курт, да это же кровь!

— Горючее! Они спускают горючее!

— В машинное!

Дрезиню показалось, что он прокричал это слово во весь голос. Он бежал впереди, даже не оглядываясь, бегут ли товарищи за ним. Теперь все зависит от быстроты.

Вот он уже возле машинного отделения — на пять шагов впереди остальных. Он распахивает дверь. Он слышит шаги товарищей. И вдруг не слышит ничего.

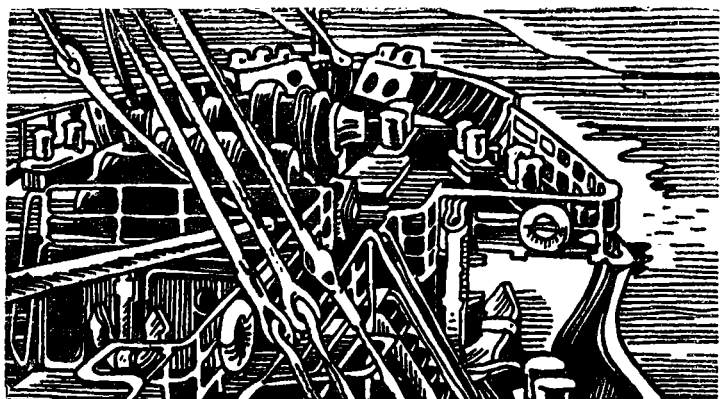
Дверь захлопнулась. Галениек опоздал. Дверь заперли изнутри. Массивную стальную дверь. Дверь, от которой сапог Галениека отскочил, как яичная скорлупка от борта корабля. Дверь заперта. По ту сторону оказался Дрезинь.

Они остались по эту сторону. Нет ни руководства, ни времени на размышления. Да и раздумывать-то не над чем. Дрезинь прав — в Сантаринг идти нельзя. Только в Ригу! Еще вчера казалось, что для такого перехода не хватит продовольствия, пресной воды. Теперь они готовы отдать половину воды за нефть. За нефть, льющуюся в океан. С каждой секундой уровень в цистернах падает. Остановить! Чтобы остановить, надо попасть в машинное отделение. Не теряя ни секунды!

В ушах еще слышался приглушенный стон Дрезиня. Потом взвыла сирена. Она не стонала. Пронзительной трубой звала она на борьбу. Хлестала. Гнала вперед.

— Взломать надо,— сказал Антон.— В шкиперскую надо за инструментом!

Запор сломан, шкиперская открыта. Парупа нет.

Сейчас им не до Парупа. Топоры сейчас важнее. Все, что из стали. Сталь против стали. Удар за ударом. Дверь машинного не поддается.

— В туннель вала!— крикнул Цепуритис.

...На палубе они оказались вдвоем. Галениек и Август. Остальные куда-то исчезли. Только по-прежнему воеет сирена. Судно в опасности!

Галениек мчался по темной палубе. Рядом бежал Август. Словно врата преисподней светился люк машинного отделения. Галениек ударил ногой по стеклу. Осколки полетели вниз, в глубину.

— Канат!— крикнул Галениек.

Август подбежал с пеньковым тросом.

— Держи!— И Галениек бросил свободный конец.

Но Август не думал оставаться наверху. Завязал за поручень и скользнул в люк вслед за Галениеком. Когда с мостика прибежал капитан Вилсон с оружием, они были уже в машинном. Вилсон видел только клубок человеческих тел. Стрелять нельзя.

Темнота. Удушливая, тяжелая. Такая тяжелая, что и глаз не открыть. И тяжелее всего то, что Дрезинь понимает, где он находится. Знает, что надо бороться. Знает, что должен встать. Знает, но подняться не может.

Рядом гудит мотор. В гудение вплетается равномерный стук. Дрезинь понимает— работает помпа. Помпа выкачивает в океан нефть. Дрезинь видит, как океан покрывается переливчатой пленкой. Чувствует, что все

потеряно, и все-таки не может вырваться из забытья — слабость одолевает и утаскивает в бездну беспамятства.

И тогда сквозь шум прорываются два слова:

— Товарищи, помогите!

Дрезинь открыл глаза. Его зовут на помощь.

Двое катаются по полу. Боцман и Август.

— Товарищи, помогите!

Дрезинь увидел Галеника. Галениек звал на помощь. Впервые в жизни Галениек боролся не только за себя, но и за других. Борьба была трудной. Упершись спиной в стену, Галениек отбивался от двух нападаю-

ших — Парупа и Свадрупа. Отбивался ногами, кулаками. А телом прикрывал кран цистерны.

— Товарищи, помогите!

Товарищи пробиваются на подмогу. Мощные удары сотрясают дверь. Дверь выдерживает. До двери пять метров. Один прыжок! Бесконечная даль для Дрезиня.

Дрезинь преодолевает это расстояние. Ползком. Без сил. Силой воли. Приподнялся на четвереньки. Дотянулся до тяжелой стальной задвижки. Вцепился в нее обеими руками. Всем своим весом повис и оттянул.

Дверь открыта. Кто-то перепрыгнул через Дрезиня. Кто-то споткнулся, побежал дальше. Кто-то больно наступил сапогом на руку.

«Хорошо,— подумалось Дрезиню,— что никто не думает обо мне. Хорошо, что они думают о главном».

Шум борьбы затих.

...Из забытья Дрезиня вырвали голоса.

— Ну, комиссар, как делишки?— наконец дошло до его сознания.— Совсем тебя прихлопнули или только наполовину?— спрашивал голос Галениека.

— Что с горячим?— еле слышно спросил Дрезинь.

— До Риги хватит,— усмехнулся кто-то. Это был Карклинь.— А что касается продовольствия, то вы как убежденный большевик можете морить себя голодом, но лично я категорически отказываюсь. Раз уж не везем груз в Сантаринг, то хоть надо попробовать, каковы на вкус национализированные яйца.

— Все отлично,— ответил Дрезинь и открыл глаза.— Помогите встать.

К нему протянулось много рук. Он стоял. Сперва неуверенно, потом утвердился на ногах.

— Черт побери!— обрадовался капитан.— Теперь хоть можно пожать вам руку. Пока лежали влжку, неудобно было. Сухопутная крыса оказалась мудрее меня, старого морского волка. И все же придется менять курс. Пока вы лежали тут камбалой, мы сообща решили, что надо сделать крюк и зайти на остров Хуана.

Дизели работали на холостом ходу. «Тобаго» чуть заметно продолжал еще двигаться вперед. Затем сила трения преодолела инерцию хода. Судно стало. Вокруг расстился залитый солнцем океан. Над ним занялся

голубой день. Только справа на горизонте повисла туча. Не туча — остров Хуана...

Почти вся команда высыпала на палубу. Даже Курт с забинтованной головой суеился тут. Галениек и Август сбрасывали в шлюпку кожаные саквояжи. Из спардека, ковыляя, вышел Свадруп в полной форме морского айзсарга. Багажа у него не было. Сожалений и того меньше. Он боролся и потерпел поражение.

Боцман не слишком уповал на будущее. Он прихватил с собой все свои пожитки. Из люка он вышел с парусиновым мешком на спине, в руке тащил деревянный сундучок. Шел, низко опустив голову, ни на кого не глядя. Перелез через фальшборт и по штурмтрапу спустился в шлюпку.

— Что там Квиесис ковыряется?

— Не может расстаться со своим пароходом...

Артур наблюдал за этим зрелищем сверху. Ему было не до шуток. Сейчас покажется Алиса. Покажется и навсегда уйдет из его жизни. Сейчас он увидит ее в последний раз. Ну, что он торчит здесь? Чего ждет? Каждое слово, доносившееся снизу, причиняло острую боль. Прибаутки Галениека терзали душу. Артур поймал себя на безумной мысли. Бежать к капитану! Сказать, что он тоже покидает судно.

Нет, Артур не побежал к капитану. Стиснул зубы и не двигался с места. Словно стиснутые зубы, белели косточки пальцев, судорожно сжимавших поручень шлюпдека. Покинуть судно?.. Товарищи не усомнились в нем, посчитали своим. Путь до Риги далек. Через минные заграждения и зону действия германских подводных лодок. Без радиста им будет трудно. Свой пост однажды он оставил ради Алисы. Своих товарищей он не бросит! Даже не пришла проститься. Он тоже не пойдет. На сей раз он будет гордым. Обойдется без слов, без вздохов, без тоскливых взглядов. Расстанется с ней, как корабль растает с берегом.

Дрезинь пошел к Алисе прощаться. Чем скорее, тем лучше! Ему казалось, что быстрее идти уже нельзя. А ноги не слушались. Из сумрака вынырнула чья-то фигура. Зигис. В полутьме Дрезинь успел заметить его расстроенное лицо. Зигис шел от Алисы.

Дрезинь заставил себя улыбнуться. Прибавил шаг. Надо пройти через это! Так же, как перешагнул он в ту ночь порог каюты Алисы. Так же?

Дрезинь перешагнул порог каюты Алисы.

— Отец ждет тебя в шлюпке,— сказал он.

Ответа не последовало.

Он оторвал взгляд от пола. В каюте беспорядок. На крючке висит платье. Совсем как в тот раз. На столе раскрытый, уложенный второпях чемодан.

Алиса сидела в халате на койке. Так же, как тогда. Тогда он видел ее в первый раз. Сейчас — в последний.

— Шлюпка ожидает,— тупо повторил Дрезинь.

Алиса по-прежнему молчала. Через открытый иллюминатор влетел ветерок. Платье на крючке колыхнулось. Платье, которое Алиса не надела.

— Ты остаешься? — спросил он, не веря своим глазам.

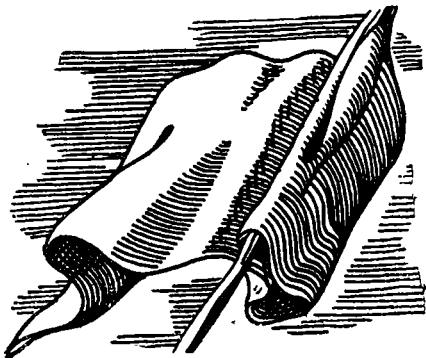
— Помнишь, Павел, ты говорил мне, что каждый корабль когда-нибудь должен прийти в свою гавань. Я свою нашла. С отцом мне больше не по пути. Но...

— Но что, Алиса?

— Ничего. Только пугает меня мой путь.

— Не бойся. На путь до Риги горячего хватит.

Алиса не улыбнулась. Она понимала, что в новой жизни все придется начинать сначала. Но там она найдет счастье. Свое счастье! Возможно, это счастье будет нелегким, быть может, даже трудным. Но это будет настоящее, честное счастье. Оно не будет счастьем за счет лишений других. Только хватило бы сил! Алиса улыбнулась. Сказал же Павел, что на дорогу горячего хватит.

ТРИ ДНЯ
В КРИСПОРТЕ

1

Скалистый, изрезанный фьордами берег. Как знаком он второму штурману «Советской Латвии» Аугусту Тайминю! Ничто не изменилось за эти десять лет.

Тайминь вспоминает... Начало войны застало советский теплоход «Гайя» в Любеке. На следующий же день всю команду арестовали и перевели в городскую тюрьму. Никто не выяснил, кто из них офицер, кто практикант мореходки, кто русский, кто латыш. Вот только комиссара Абелита и электрика Гуревича увезли через месяц в неизвестном направлении. Если принять во внимание то, что судовые документы успели сжечь до прихода полиции, то, значит, среди своих оказался подлец. Тем не менее решили держаться вместе, какие бы испытания ни ждали их впереди. Получив арестантскую одежду с номером на груди, моряки слились в несметную армию узников...

Весной 1943 года в гитлеровские лагеря военнопленных и обычные концлагери были направлены вербовщики. Именем фюрера они милостиво разрешали латышам вернуться на родину и напялить форму с черепом на петлицах. Таким образом появилась возможность вырваться из концлагеря и связаться с партизанским подпольем.

И вот в кармане у Тайминя лежит предписание: убить

в город Ригу и в день приезда явиться на мобилизационный пункт.

Тайминь представлял себе оккупированную Ригу иной. Разрушенной, парализованной, в трауре. А на улицах мирно позванивали трамваи, рычали синие довоенные автобусы, к которым были приделаны дымящие газогенераторы. Машин стало даже больше, правда разъезжали в них почти исключительно военные. И они ничуть не были похожи на битых вояк. Горожане тоже имели весьма заурядный облик, и невозможно было угадать, кто из них принадлежит к антифашистскому подполью. А надежных друзей, если не считать Нору, в Риге у Тайминя не было.

Итак, первым делом надо разыскать Нору, через нее, через ее друзей по консерватории, может, удастся нащупать нужные связи, найти безопасное убежище — паспорт, разумеется, в концлагере ему не выдали.

С такими мыслями Тайминь отправился к большому дому на улице Виландес, где в роскошной шестикомнатной квартире самая маленькая — чуланчик для кухарки — принадлежала Норе.

Знакомая лестница показалась чужой. Лишь когда под ногами заскрипели давно не метенные паркетные ступени, до Тайминя дошло, что с лестницы исчезла красная ковровая дорожка, некогда придававшая особый уют этому дому. Дверь в первый миг тоже показалась незнакомой, и он чуть не прошел мимо: на самом видном месте красовался орел вермахта. Тайминь вспомнил, что до войны тут жил с семейством преуспевающий коммерсант-еврей. Теперь квартира, по всей вероятности, перешла в ведение какого-нибудь учреждения оккупантов. А может, все-таки лучше не рисковать? Тайминь выругал себя за трусость — в конце-то концов он ведь не бежал из лагеря, а приехал на законном основании. До поры до времени фашисты ни в чем обвинить его не могут.

Он позвонил. Еще не стихло дребезжание звонка, когда в коридоре послышался стук кованых сапог. Увидев перед собой форму эсэсовца, Тайминь невольно сделал шаг назад.

— Я разыскиваю фрейлейн Элеонору Крелле, — проговорил Тайминь и лишь теперь по виду эсэсовца понял, что тот собрался уходить.

Солдат, очевидно денщик хозяина квартиры, выгля-

дел растерянно. Потом в его глазах вспыхнуло злорадство.

— Это будет мой предфронтной привет старику,— насмешливо проговорил он, но спохватился и натянул на лицо любезную улыбку: — Извольте, извольте, это будет приятная неожиданность для фрейлейн! Входите смелей.

Впустив Тайминя в прихожую, он подхватил роскошный саквояж из свиной кожи, никак не гармонировавший с ефрейторскими погонами, и быстро вышел на лестницу. Дверь захлопнулась.

Некоторое время Тайминь, ошавев от радости, стоял без движения. Надо же, чтобы так повезло! Нора не в эвакуации, не в деревне, а здесь. Вот тут, в нескольких шагах от него! Мгновенно забылось странноватое поведение денщика, забылась вся эта пакостная обстановка, даже элементарная осторожность и та была забыта. Не обращая внимания на висающий на вешалке мундир со знаками различия штурмбанфюрера, он прошел через темную кухню и распахнул дверь Норинной комнатухи.

Ослепленный ярким светом, Тайминь не сразу осознал то, что предстало его взору. Зато в барабанные перепонки, словно раскаленные гвозди, вонзились слова:

— Вот мы и одни, фрейлейн Нора! Иоганна я отправил на фронт...

Лишь сейчас Тайминь увидел Нору, свою Нору, отчаянно отбивавшуюся в углу комнаты от какого-то мужчины. Его лица Тайминю видно не было, но достаточно было заметить ненавистную черную форму, чтобы схватить увесистый дубовый стул и трахнуть им эсэсовца по блестящему затылку.

...То, что было после, Тайминю никогда не удавалось толком восстановить в памяти. Были поцелуи и слезы, были объятия, которым нависшая смертельная опасность придавала лишь остроту и неповторимость. И была неизбежность близкой разлуки.

На рассвете они попытались поговорить о серьезных вещах. И Тайминю стало ясно, что Нора, просидевшая все это время взаперти наедине со своей музыкой и мечтами о любимом, вряд ли могла быть полезна в решении его дальнейшей судьбы своими советами. Надо попытаться скрыть следы преступления и бежать. Бежать из Риги, где его появление пока никем не замечено. Ходят разговоры о том, что в лесах Латгалии действуют пар-

тизаны, но Тайминь моряк, и потому более подходящим ему казался путь в Швецию. Да и более легким — в худшем случае его ожидала смерть в морской пучине, а не пытки в застенках гестапо...

Минуло шесть дней. На волнах Балтики качается никем не управляемая моторка, украденная на курляндском побережье. Горючее давно кончилось. Обессилевший от голода и жажды человек уже не в состоянии дотянуться до румпеля. Да и что толку, если неизвестно куда держать курс. Только вечером, когда огнедышащий диск солнца скатился наконец к горизонту, Тайминь подполз к борту, чтобы попытаться сориентироваться. Поднял голову и невдалеке увидел берег...

Тайминь высовывает голову в иллюминатор. Свежий утренний ветер ласкает его худощавое лицо, треплет светлые волосы. Охваченный воспоминаниями, он не обращает внимания на корабли, словно бы для парада выстроившиеся вдоль сверкающей дорожки от восходящего солнца.

Однако это необычное зрелище не на шутку беспокоит капитана теплохода Карла Акмена. Он помоложе тридцатилетнего Тайминя. Пышные черные усы не бог весть как идут к совсем еще мальчишескому лицу. Фуражка надета строго в соответствии с корабельными правилами, и середина козырька расположена точно на одной линии с прямым носом. Под ним топорщатся несколько пучков черных волос. Глядя в бинокль, капитан ворчит:

— Ни черта не пойму. Взгляните вы, Кирилл Андреич.

Несмотря на свои шестьдесят и седину, первый помощник капитана Дубов прям, будто стенгу проглотил. Его ноги в лакированных туфлях, наверно, приросли к мостику. В зубах потухшая прямая трубка с шестигранным чубуком, из нагрудного кармана торчит вторая, точно такая же, про запас.

Дубов мастерски раскуривает на ветру почерневшую трубку и лишь после этого берет из рук капитана бинокль. Смотрит, недоуменно мотает головой, протирает линзы и еще раз подносит бинокль к глазам.

Через сильные стекла видны стоящие на якоре в открытом море суда. Над трубами едва курятся жидкие дымки. Вдали, за судами, из воды вздымаются утесы, образующие проход в устье реки. На обоих берегах подмигивают маяки.

— Как покупатели перед закрытым магазином,— говорит Дубов, возвращая капитану бинокль.

— Может, лоцманов ждут? — предполагает Акмен.

— Какого же лешего они не идут? — злится Дубов.— В море три часа выгадали, а теперь вся экономия на-
смарку.

— И груз у нас, как назло, скоропортящийся,— вздыхает Акмен.

Капитан еще раз глядит на стоящие на рейде суда, качает головой и отправляется в радиорубку. Пока радист устанавливает связь с портовыми властями Криспорта, Акмен, стараясь ничего не опрокинуть, нервно прохаживается по тесному помещению рубки. Наконец ответ получен. Карандаш в руке радиста быстро бежит по бумаге.

Капитан читает текст, комкает бумажку и выбрасывает в иллюминатор.

— Вызывайте еще раз! Мы не можем ждать. Объясните им, что в трюмах продовольствие! — приказывает капитан.

Капитан Акмен возвращается на мостик, сплевывает в сердцах. Считая, что этим все сказано, он устремляет угрюмый взгляд на близкий и в то же время недостижимый берег.

— Какие новости? — спрашивает Дубов, хотя и сам может догадаться, каков будет ответ.

— Велят ждать. О причине молчат.

На палубе появляется Тайминь. Позади четыре часа утомительной вахты, но радость предстоящей встречи со старыми друзьями заставляет забыть усталость. Тогда в суровую военную пору Криспорт стал для него надежным убежищем, второй родиной, началом нового пути.

— Сбавить ход... Так... Стоп, машина! — отдает команду капитан.

Тайминь удивленно оборачивается.

— Пока можете на боковую,— перегнувшись через поручень, говорит капитан Тайминю.

— А в чем дело? — недоумевает второй штурман.

Капитан пожимает плечами.

— Велят ждать.

— Подводят мои приятели,— вздыхает Тайминь.

— Э, да ты чуть ли не местный житель,— вспоминает Дубов рассказы Тайминя.

— Вроде бы. Два года проработал здесь с лоцманами. Не бывало случая, чтоб запаздывали.

— А вот сегодня, как видите, опаздывают,— бросает капитан резко.— Отдать якорь!

* * *

Над древними улицами Криспорта восходит солнце. Сперва оно золотит башню ратуши с часами двенадцатого века, четыре циферблата которых видны из любого конца города. Затем высвечивает черную, кое-где подернутую зеленой пленкой воду в каналах. Рассыпает золотые блески по тенистым, украшенным фонтанами площадям. Блеснув в узкой щели меж островерхих крыш, переползает через кривые улочки. Покрывает золотистой порошей почерневшие от копоти и морской соли дома. Поджигает скрипучие вывески над лавчонками.

Солнце подымается все выше. Потоки света захлестывают старинные портовые склады, обезлюдевшие, словно покинутые корабли, недвижные, похожие на скелеты, краны, что маячат на берегу.

Да, в порту сегодня пусто, и это накладывает мрачный отпечаток на жизнь всего города. Убедившись, что работы сегодня нет и не предвидится, докеры неохотно возвращаются назад, к центру города, который здесь, кажется, не более, чем придаток порта. Возможно, в былые времена Криспорт имел некоторое промышленное значение, но после войны, когда за обновление экономики деятельно взялись американцы, многие заводы были ликвидированы. Так Криспорт постепенно превратился в организм, в котором циркуляция крови стала регулироваться пульсом приходящих и уходящих судов. Сегодня кровяное давление упало почти до нуля.

Внезапно эту тишину нарушает громкий стук колес. Весело насвистывая, катит по неровному булыжнику мостовой свою тележку молочник. То и дело он останавливается, наливает молоко в приготовленные на крылечках бидончики и, дернув за ручку старинный дверной звонок, направляется дальше. Дело идет споро, даже слишком— ведь старому Томасу некуда спешить. Ему бы поболтать с хозяйками, обменяться новостями, посплетничать к случаю. Как назло, ни души. Лишь в дальнем конце кривой улочки, где в подвале торгуют давно никому не нужны-

ми блоками, таями да фонарями, навстречу ему вышел хозяин лавки.

— Сегодня обойдусь литром,— говорит он.— Зайдите к старику Серенсу— просил, чтобы обязательно заглянули к нему. Сегодня с утра не вставал.

— Что с ним?

Торговец корабельной рухлядью пожал плечами.

— Да, видать, все то же... Голодает.

Домик старого Серенса словно перенесен из детской сказки. Острроверхая черепичная крыша, непомерно большая труба, бросающая вызов даже соседним двухэтажным домам, два окна и дверь, затейливая нарядная табличка с номером извещает, что сей дом принадлежит Серенсу. Почему, спрашивается, не похвастать единственным, что осталось от лучших времен?..

— Дверь отперта,— слышен изнутри слабый голос, как только смолкает тарахтение тележки молочника.

Томас толкает дверь. В передней темно. Он ощупью находит изъеденную жучком старую дубовую дверь. Теперь он в комнате, все убранство которой составляет некрашенный стол, железная кровать и книжная полка. В кровати лежит старик лет семидесяти. Заслышав шаги, он приподымается на локтях и сквозь пенсне смотрит на вошедшего.

— Доброе утро, господин Серенс! Молочка вам принес.— Старый Томас берет со стола литровую бутылку и хочет налить молока.

— Не надо, господин Томас!— слабо машет рукой Серенс.

— Пустяки, сочтемся в другой раз.— Томас, налив молока, присаживается на край кровати. Затем окидывает невеселым взглядом книжную полку. На ней штук двадцать книг...— Опять?— спрашивает он со вздохом.

— Что поделать?— отвечает Серенс, пытаясь придать голосу бодрость.— Единственный источник моих доходов— это распродажа собственных книг и открывание дверец чужих автомобилей. Но мне-то что! Если кому и приходится туго, так это жителям Бергхольма.

— О да!.. Второго такого наводнения никто не помнит. По радио говорят, там люди буквально мрут от голода... А если к тому еще...— Он не осмелился высказать до конца свое мрачное предположение.— Тогда Бергхольм вообще будет отрезан от мира...

— Вы тоже слышали?

— Еще бы! Весь город только и говорит, что о забастовке лоцманов... Уже сегодня молока берут меньше, чем всегда...

— Что остается людям делать? Жизнь день ото дня дорожает, я тоже забастовал бы, да где уж...

— Правда ваша. В последнее время корабли заходят все реже... Хоть бы скорей подписали торговое соглашение с русскими! Тогда оживем малость...

— Дай-то бог,— шепчет Серенс,— боюсь только, ничего из этого не выйдет. Борк поклялся, что правительство сломает себе шею на этом договоре.

— Тот самый Борк, что недавно вернулся из Вашингтона?

— А то какой же. Неспроста он там гостил... В случае смены правительства, наверняка станет министром внутренних дел. Тогда узнаем почем фунт лиха...

— Дядюшка Томас! — нетерпеливо зовут с улицы.

— Ну, мне пора.— Томас прощается.— Поправляйтесь! Вот тут лекарство... — Томас кладет на стол серебряную монету и, не обращая внимания на протесты Серенса, быстро уходит.

* * *

«Корона» — лучшая гостиница Криспорта. Здесь имеют обыкновение останавливаться столичные коммерсанты, капитаны заграничных пароходов, желающие после долгого рейса покутить ночь-другую.

Бар гостиницы «Корона» с темными дубовыми панелями и зеркалами в позолоченных рамах, освещенный пестрыми лампочками, по ночам обычно становится тем местом, где скрепляются шампанским кое-какие сделки. Днем же в бар любят заглянуть местные торговцы с тем, чтобы посудачить за бокалом коктейля о последних новостях и, если повезет, повернуть выгодное дело.

Сейчас в баре пусто. Лишь за одним столиком сидят двое мужчин. Это президент местного отделения союза судовладельцев Фрекса — жилистый, пятидесятилетний человек в золотых очках, в черном костюме и белом жилете; второй — Керзен, крупнейший судовладелец Криспорта. Он значительно старше Фрексы, но впечатление такое, будто годы, не оставляя следа, шли мимо его мо-

гучей статной фигуры. Даже когда сидит, он кажется выше бармена, суетящегося за стойкой. Бутылки с разноцветными жидкостями бросают с витрины пестрые отблески на продолговатое лицо бармена.

Консул Фрекса — а он вот уже двадцать лет как почетный консул Сальвадора — театральным жестом кладет сигару на пепельницу и, взяв поданный барменом бокал, подымает его.

— Так за что же мы выпьем? — спрашивает он в раздумье.

— За то, чтобы не бастовали лоцманы! — чокается с консулом Керзен.

Тот недовольно кривит лицо.

— Теперь морщиться поздно, — продолжает Керзен, залпом выпивая свой бокал. — Незачем было снижать им зарплату.

Консул надменно молчит.

— Не следовало этого делать, — твердит свое Керзен. — Притом еще в самый разгар навигации. Каждый день приносит огромные убытки.

Консул молчит.

— Что вы молчите! Вы же наш президент! — начинает горячиться Керзен. — Вы должны попытаться прийти к соглашению!

— Теперь поздно об этом думать, — холодно отвечает консул и, сделав глубокую затяжку, выпускает перед собой серию ровных, одно в одно, колец дыма. — А где вы изволили пребывать во время голосования?

— Как это — где? Там же, где и все! Мы ведь надеялись, что они уступят... Даже вы не ожидали...

— Не стоит волноваться, Керзен. Я, как и вы, хотел бы надеяться, что они не объявят забастовку... А если даже и объявят... есть способы заставить их капитулировать... Такие, что навсегда отобьют охоту.

— Какие там способы! Разве что господь сотворит чудо. — Керзен так возбужден, что подносит к губам пустой бокал. Спохватившись, окликает бармена: — Еще один!

— Есть! — Консул наклоняется над столом и многозначительно произносит: — Борк!

— Борк?! — Морщинистое лицо Керзена светлеет. — Если Борк, тогда, конечно... Тогда есть надежда... Но согласится ли?

— Положитесь на меня! — Консул кладет мускулистую руку Керзену на плечо. — Все будет в порядке.

Дверь бара с шумом распаивается, в витрине даже звякают бутылки.

— Лоцманы объявили забастовку! — с порога говорит вошедший. Это мелкий судовладелец Зуммер, сутулый, неряшливо одетый старичок. Сейчас он кажется более согбенным, чем обычно.

— Что?! — поперхнулся Керзен коктейлем.

— Итак, военные действия начались, — спокойно заключает консул. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— С кем же мы воюем? — Голос Зуммера похож на стон. — С самими собой! Я и без того не знаю, где искать спасения от векселей, а теперь мне и вовсе грозит банкротство.

— Бросьте ныть! У меня в пять раз больше судов, тем не менее я спокоен, — утешает его консул.

— В том-то и дело! — Зуммер тяжело опускается в кресло, которое ему придвинул Керзен. — После войны у меня было десять пароходов. Два года назад оставалось еще шесть, теперь — всего три... Попробуй развернись-ка. Разве это порт? Это же морг с плавучими гробами!

— Вы, случайно, не вошли компаньоном в погребальную контору Швика? — не без иронии поинтересовался консул.

— Ничего, еще настанет время, когда и вы забеспокоитесь, — цедит сквозь зубы Керзен.

— Еще несколько дней, и я с сумой пойду по миру, — ужасается Зуммер.

— Без паники, господа! — твердо произносит консул. — У меня заказан разговор с Борком.

— О-о! — Это все, что может произнести Зуммер. Однако в это восклицание он вкладывает столько благоговения, что сразу делается ясно: Зуммер тоже считает Борка чем-то вроде Христа-спасителя.

— Господам не скучно? — В бар, покачивая бедрами, входит рыжеволосая красотка.

Ее кокетливый вопрос и задорный взгляд падают в пустоту. Рыжая пожимает голыми, густо припудренными пудрой цвета загара плечами и, взгромоздясь на высокий табурет, заказывает себе мартини.

Молчание становится затяжным. Консул Фрекса невозмутимо курит сигару, не забывая время от времени

стряхивать пепел. Керзен тупо уставился в пустой бокал. Зуммер нервно барабанит подагрическими пальцами по стеклу стола. Может, в его представлении это должно звучать веселым маршем, но смахивает, скорее, на похоронный.

Отворяется дверь бара.

— Господин консул, доктор Борк у телефона,— докладывает швейцар.

— О! — шепчет Зуммер, переставая барабанить по столу.

Керзен отрывает взгляд от пустого бокала и переводит его на Фрексу: смотрит с нетерпением, точно подгоняет. А консул и сейчас подчеркнуто спокоен: встает медленно, за швейцаром следует не торопясь. Также бесстрастен и его голос:

— Консул Фрекса слушает.

Но уже через минуту выражение его лица меняется. На висках взбухают жилы.

— Но ведь вы же дали слово, доктор!.. В конце концов, вы — юрисконсульт союза!.. Я полагаюсь на вас.

— Ничего не могу поделать, консул,— отвечает Борк на другом конце провода.— Минуточку!..— Он говорит со своим секретарем: — Кто? Депутат Фемарн от крестьянской партии? Пусть подождет, я сейчас закончу разговор... Алло, вы слушаете, дорогой консул?.. На этот раз действительно ничего нельзя предпринять... У меня сейчас более важные дела. Это ваша собственная вина, в первую очередь надо было проконсультироваться со мной... Позвоните через три дня, когда произойдет смена кабинета...

Фрекса хочет что-то возразить, но поздно: Борк уже положил трубку. Он достает платок и вытирает со лба капли пота. Направляется в бар, но, представив, какими попреками его встретят Керзен и Зуммер машет рукой и, словно спасаясь бегством, энергично выходит на улицу.

* * *

Прибытие в порт — пусть даже чужой — всегда праздник для моряка. А команда «Советской Латвии» вынуждена вот уже несколько часов отсиживаться на внешнем рейде на якоре. Настроение у всех упало. Опершись спиной на поручень, моторист вытягивает из баяна зауныв-

ную песню. Моряки расселись кто где, томятся от скуки и угрюмо молчат.

— Хватит тоску нагонять! — сердито говорит немолодой электрик.

— По обстановке и песня, — отвечает баянист.

— Вот же народ, — сетует матрос Чайкин.

— На кой ляд строить порт у черта за пазухой? Строили бы на побережье!..

— Что и говорить — нашли местечко. — Баянист всю растянул баян.

— На побережье? — подхватывает кто-то из матросов. — А ты не видишь, какие тут скалы?

И вновь нудное молчание. Чайкин с отвращением отпивает глоток.

— До чего ж ехидное питье этот чай! Цвет как у пива, а вкуса нет. Штурман не говорил — как там, в Криспорте, с этим делом?

— Пиво везде хорошее... если до него доберешься, — поддразнивает Чайкина электрик.

— Поди знай, сколько еще дожидаться лоцмана, — говорит баянист.

— А там еще по реке шесть часов ходу, — морщится Чайкин. — За это время все забегаловки позакрывают.

— А сами не пройдем? — думает вслух баянист. — В Риге ведь обходимся без лоцмана.

— «В Риге»!.. — передразнивает электрик. — Не понять — всамделишный ты дурак или только прикидываешься? Точно не знает, какой здесь фарватер. Один из самых трудных во всей Европе. Это по плечу только лоцману, который знает реку как свои пять пальцев...

— Наш Тайминь тоже смог бы, — задумчиво говорит Чайкин. — Он тут служил в лоцманах.

Почти одновременно эта идея осеняет и капитана. Посоветовавшись с Дубовым, он отправляется вниз, к Тайминю. Бросив небрежный взгляд на фотокарточку Элеоноры Крелле, прикопленную к стенке каюты, капитан Акмен тормозит за плечо второго штурмана.

Как и положено моряку, Тайминь спит чутко. Он мигом срывается с койки и, протирая глаза, спрашивает:

— Что случилось?

— Сможете провести судно в Криспорт?

Сон мигом как рукой сняло. И все же Тайминь колеблется.

— Не знаю... Столько лет прошло... Попробую...

Никогда еще капитан Акмен в штурманской будке не чувствовал себя таким лишним, как сейчас. Дубов, так тот может хоть свои трубки прочищать. Он старается не мешать колдующему над картой Тайминю. Наконец терпение у Дубова лопається.

— Ну как?

— Да вот вспоминаю вход... Пожалуй, можно будет...

— Так чего же еще ждать?! — встает Дубов.

— Нет, вы действительно беретесь за проводку? — не без волнения спрашивает капитан. — Все взвесили?

Тайминь после минутного раздумья говорит:

— Философствовать не люблю. Если прикажут, судно в Криспорт проведу!

Капитан выбегает на мостик:

— Поднять якоря!

* * *

Излюбленный уголок Фрексы в его просторном особняке — комната в башне, откуда открывается вид на гавань. Обычно Фрексе доставляет удовольствие смотреть на окутанные дымкой корпуса пароходов со стройными мачтами, по вечерам любоваться сигнальными огнями, слышать гудки приплывающих или уходящих кораблей. Однако сегодня консул держится от окна подальше — чего ради растравлять себя? И без того настроение дурное. Консул весьма недоволен собой. С забастовкой были связаны большие надежды, так сказать частного порядка, но для этого она должна была длиться ровно столько, сколько это было выгодно консулу. Теперь же, когда выяснилось, что доктор Борк занят подкупом депутатов, которым предстоит голосовать против торгового соглашения с Советским Союзом, забастовка может затянуться и причинить убытки судоходной компании Фрексы. Сейчас можно было весьма недурно заработать на транспортировании продовольствия в Бергхольм. Фрекса наливает себе рюмку виски, которое, в общем, недолго любил, и, морщась, выпивает.

Стук в дверь. Это может быть только слуга, и консул бросает, не поворачивая головы:

— Ну что там еще?

— Какой-то господин желает вас видеть.

— Разве я не сказал вам, что никого больше не приму?

— Виноват, но он приходит уже третий раз... Говорит, вопрос жизни и смерти... Потому я и осмелился вас потревожить.

Консул хмурит брови. Но раньше чем он успевает что-либо решить, в дверь нервно и торопливо даже не входит, а вбегает человечек в визитке, черном котелке и черных перчатках.

— Третий раз прихожу к вам сегодня, консул Фрекса! — кричит он обиженным, визгливым голосом. — Третий раз! А вы себе попиваете виски! Пьете, когда все висит на волоске.

— Может, зайдете в другой раз, господин Швик, — говорит консул. — Сейчас я занят.

В осуждающем жесте рука Швика протягивается по направлению к бокалу.

— Чем?! Вы пьете, а в это время погибают жители Бергхольма!

Консул кивает лакею, тот угрожающе движется на Швика. В этот момент в комнату входит Дикрозис. Мanners его непринужденны и самоуверенны. Он себе позволяет даже некоторую вольность в одежде — вместо галстука на шее повязана красно-бело-красная ленточка.

— Сенсационное сообщение, консул! — громко возмущает он. — В Криспорт идет судно! Оно уже миновало первый маяк.

— Быть того не может... — шепчет Швик. — Неужели и впрямь господь бог услышал мои молитвы? Почему же сразу не сказали, — обращается он к Фрексе, — о том, что пришли к соглашению с лоцманами? Вы перепугали меня до смерти.

— Ошибаетесь, — смеется Дикрозис. — Лоцманы бастуют. Я, как редактор «Курьера Криспорта», должно быть, знаю об этом лучше...

— Редактор? О-о! — Швик приподымает котелок. — Разрешите представиться: Швик, хороним оптом и в розницу. Всегда к вашим услугам!

— Умирать не намерен, — трясет головой Дикрозис.

— Но есть же люди и помимо вас! Ваш долг — думать о других. В Бергхольме ежедневно мрут десятки. Вашей газете следовало бы встать на борьбу с этой безумной забастовкой!..

— Попрошу повременить со своими претензиями, господин Швик,— высокомерно перебивает его консул.— Что еще за судно? — Фрекса поворачивается к Дикрозису:— А может, это одна из ваших уток?

— Мне о нем сообщили из управления порта, не трудно проверить...

— Правильно! — подхватывает Швик.— Проверить и прекратить забастовку! Она же парализует всю деловую жизнь! Если забастовка будет продолжаться, весь Криспорт превратится в кладбище!.. Не говоря уж о злосчастном Бергхольме! Десять тысяч христиан во власти водной стихии. Голод! Эпидемии! Исключительные возможности! А из-за забастовки они не могут быть преданы земле по христианским обычаям.

— Да какое мне дело до ваших гробов?! — взрывается консул.— У меня есть заботы и поважней... Немедленно узнайте, что это за судно,— отдает он распоряжение Дикрозису.

— А мне какое дело до того, что ваши лощманы бастуют? — Швик задет за живое.— Может, правда на их стороне?

— Я только что получил эту информацию,— тоном оправдания говорит Дикрозис.— Сию же минуту выйду навстречу кораблю. Через полчаса вы будете знать все доподлинно.— Дикрозис быстро идет к двери.

— Пойдите, и я с вами! — кидается за ним вдогонку Швик.— Я тоже!

Оставшись один, Фрекса допивает рюмку и после минутного раздумья спускается вниз. Беспокойно ходит взад-вперед по просторной гостиной. Взгляд его рассеянно останавливается то на тяжелой мебели, доставшейся в наследство от отца, то на картинах, большая часть которых увековечила представителей династии судовладельцев Фрекса или принадлежащие им корабли. Но где бы его взгляд ни блуждал, он все чаще возвращается к телефону. И вот звонок. Позабыв о солидности, консул чуть ли не вприпрыжку бросается к аппарату. Сообщение Дикрозиса столь ошеломляюще, что умеющий владеть собой консул нервно вскакивает. Бросив трубку, он делает несколько шагов по комнате, затем останавливается как вкопанный. Идея! Фрекса заказывает срочный разговор со столицей. Сообщение о том, что в Криспорт входит советское судно, преодолевшее без помощи лощма-

на сложнейший фарватер, производит сногшибательное впечатление и на Борка тоже. Пауза. Можно почти физически ощутить напряжение, с которым работает мысль доктора. Затем консул слышит, как Борг бросает секретарю:

— Приготовьте мой саквояж!

2

Кнут, гостиничный мальчик на побегушках, спит и видит себя лоцманом. Правда, его дед и отец тоже были служащими гостиниц, и на скопленные ими деньги Кнуту — если только он овладеет всеми «тонкостями» ремесла — предстоит когда-нибудь открыть свой собственный небольшой пансионат. Зато дядя у Кнута лоцман, и мальчишка мечтает о том времени, когда в промасленном плаще, широко расставив ноги, встанет к штурвалу и поведет корабли меж скалистых берегов Кристы. Всякий раз, когда пареньку случается бывать близ гавани, он, размечтавшись, забывает, что под ногами у него булыжная мостовая, а не омытая морской пеной зыбкая палуба. Но сегодня ему некогда предаваться мечтам. На древнем каменном мосту, украшенном старинными фонарями, он оглядывается. Часы на городской ратуше показывают двенадцать. Надо спешить. Еще немного попетлять по узким кривым улочкам, куда не заглядывает солнце, пройти несколько кварталов высоких, давно утративших свой первоначальный цвет кирпичных зданий с пыльными окнами и скрипучими флюгерами, и он будет у цели своего пути.

Ступени ведут вниз. Над сводчатым входом в кабачок покачивается большой спасательный круг с изображением краснощекого морячка. Свитые из каната буквы образуют название трактира «Спасение моряка».

Кнут открывает дверь. В нос ударяет пивной и винный дух. Под сводами закопченного потолка висит модель старинного парусника. На стенах — спасательные круги и изображения кораблей. Почерневшие от времени непокрытые столы, такие же темные, до блеска отполированные посетителями скамьи. В другой раз Кнут задержался бы здесь немного дольше, чтобы досыта наглядеться на имеющуюся тут всякую всячину из морского обихода. Нынче же он без задержки направляется в

заднюю комнату, где за большим круглым столом сидят лоцманы — члены забастовочного комитета. Истым морским волком выглядит старый Хеллер. У него седые бакенбарды, фуражка с золотым якорем. Грузную фигуру, свидетельствующую о чрезмерной страсти к пиву, обтягивает вязаная кофта. Синяя тужурка с золотыми пуговицами брошена на спинку стула. Перед ним стоит массивная пивная кружка. С противоположной стороны за столом сидит Эрик Берлинг, пожилой человек с коротко стриженными волосами, задубелым на солнце и ветру, энергичным и жестким лицом. Его крупные, узловатые руки, словно отдыхая после нелегкого, только что завершенного труда, недвижно дремлют на столе. Подле окна стоит Густав, самый молодой лоцман в Криспорте — голубоглазый юноша в свитере цвета морской волны.

Видно, что принятое решение начать забастовку потребовало от них тяжелой внутренней борьбы. Что ни говори, забастовка в какой-то мере парализует жизнь города. От этого решения зависит судьба многих людей, и все же оно было принято. Безрассудному упрямству судовладельцев была противопоставлена железная воля Берлинга и подкрепленная расчетами вера в скорую победу.

Кнут неловко мнется у двери, стараясь привлечь к себе внимание Берлинга.

— Говори смелее, малый, — подбадривает Берлинг. — Не видишь разве, здесь собрались все свои.

— Дядю нигде не могу найти, — сам не знаю почему, оправдывается мальчуган. — Только, думаю, вам это тоже будет интересно. Консул только что заказал номер для доктора Борка. Самый шикарный. Он приезжает через несколько часов.

— Ну, что ж, — Берлинг старается говорить невозмутимо, — это большая честь для нас.

Густав согласно кивает.

— Большая неприятность, товарищ Берлинг! — озабоченно качает головой Хеллер. — И давай не делай вид, будто не понимаешь, чем пахнет приезд такого человека. К тому же теперь, когда у него в парламенте дел невпоровот.

— Знаю, — кивает Берлинг. — Потому и утверждаю — большая честь! Наша забастовка только началась, а противник уже бросает в бой артиллерию главного калибра.

— Боюсь, хватит одного выстрела, — мрачно пророче-

ствует Хеллер.— Наши позиции не так крепки, как надо бы.

— Никак, душа ушла в пятки? — трунит Густав.

— Я сколотил наш профсоюз, когда тебя еще на свете не было, молокосос ты эдакий! И с Борком я уже имел дело.— Хеллер выпивает залпом свое пиво.— Он проглотит нас всех, как я—это сусло, и даже не поперхнется... Говорят, Борка со дня на день должны ввести в правительство...

— Не стоит продолжать,— улыбается Берлинг.— Все зависит от того, через какие очки глядеть. Тебе кажется, что приезд Борка — доказательство силы судовладельцев, а на мой взгляд — слабости. Консул не стал бы вызывать его, будь он уверен в своих силах.

— А ты в своих уверен? — резко спрашивает Хеллер.

Берлинг не успевает ответить, так как дверь кабачка распахивается, и, одним прыжком преодолев всю лесенку, влетает его дочь Нора — блондиночка лет восемнадцати; на лице ее тревога.

Задыхаясь, она с разбегу бухается на скамью и, нисколько не стесняясь, отпивает несколько глотков пива из кружки, которую Хеллер успел уже наполнить.

— Ну и манеры у твоей дочки! Суший извозчик! — возмущается Хеллер.

— Что стряслось, кузнечик? — с трудом подавляет улыбку Берлинг.

— Да ну вас с вашими манерами! — восклицает Нора.— Только что слышала потрясающую новость! В устье реки вошел торговый пароход. Через несколько часов он будет в Криспорте.

— Вот-вот! — трахает кулаком по столу Хеллер.— Получай! Борк еще не успел явиться, а забастовка уже срывается! Этот стервец найдет штрейкбрехеров!

— Весь город только и говорит об этом,— торопливо поддакивает Кнут.— А есть, которые болтают, будто это русские.

— Чего суешь нос не в свое дело,— вскидывается на него Нора, не желаящая уступать первенства.— Пароход называется «Советская Латвия»!

— Советская?! Тем хуже! Видали, даже ваши Советы используют штрейкбрехеров! Узнаю руку Борка.— И пораженный Хеллер продолжает: — Одновременно два удара. В нокауте сразу и забастовка и наши левые, ко-

торые готовы костями лечь за эти Советы... Ну, Берлинг, что ты теперь скажешь про свою красную помощь?

— Скажу, что тебе давно пора бы снять черные очки,— спокойно отвечает ему Берлинг.— Если ты допускаешь, что советское судно пошло на сделку с Борком и союзом судовладельцев, то с тем же успехом можешь допустить, что Борк будет голосовать за торговый договор с Россией.

— А откуда у них лоцман? — спрашивает Густав.— Из наших никто не выходил на рейд.

— Да, здесь какая-то загадка,— вынужден согласиться Хеллер.

— Как, ты сказала, называется этот пароход? «Советская Латвия»? — переспрашивает у дочери Берлинг.— Чудеса, да и только...

— Что-то не верится, чтобы эту «Советскую Латвию» провел покровитель мореплавателей святой Николай,— язвит Хеллер.— Красные, они ведь безбожники.

— Неужели это название ничего тебе не говорит, дочка? — Берлинг радостно возбужден.

— Мне?! — Нора порывисто вскакивает со скамьи.— Ну конечно, папа, как это я сразу не сообразила. Это же наверняка наш Аугуст!

— Аугуст Тайминь.— И Берлинг убежденно продолжает: — Только он более или менее знает местный фарватер, чтобы пойти на такой риск. Моя школа! Не зря два года таскал его матросом на своем катере...

— Какой Аугуст? — недоумевает Густав.

— Моряк-латыш. Бежал из оккупированной Риги в Швецию, а шторм прибил его лодку к нам...

— Он убил эсэсовца, который напал на его девушку,— перебив отца, принялась рассказывать Нора.— Он ее очень любил. Она, можно сказать, была ему женой, через две недели они поженились бы... Я же рассказывала тебе, Густав,— напоминает Нора.— Когда Аугуста выбросило на наш берег, мы еще раздобыли ему документы на твое имя.

— Вот будет номер, когда встретятся два Густа! Он ушел до того, как ты вернулся из Англии. Подался навстречу советскому десанту, высадившемуся в Бергхольме.

— Тогда почему он ни разу не написал нам?.. — раздумывает вслух Нора.— Когда уезжал, подарил мне эту

чаечку на память,— ласково прикасается она к миниатюрной янтарной чайке, приколотой к платю,— а потом как в воду канул.

— Наверно, ревнивая жена запретила переписываться с заграничными зазнобами,— поддевает дочь Берлинг.

— Интересно, встретил он свою Элеонору или нет...— мечтательно произносит Нора.

* * *

Казалось бы, что тут трудного — вести судно по фарватеру, который обозначен на навигационной карте? Когда отмечены на ней буями и вехами каждая мель и подводный камень, когда створные знаки на берегах направляют судно от поворота к повороту? Тем не менее всякий опытный моряк знает, что тут требуется умение не только разобраться в путанице всевозможных сигналов. Самое главное — это знать опасности, о которых нельзя предупредить штурмана, которые не оградить знаками: зависящие от времени года и суток течения, блуждающие отмели и прочие неожиданные препятствия, угрожающие безопасности плавания.

Тайминь напряженно вспоминает все, что знал о причудах коварной реки, пока корабль плывет по сравнительно широкому и глубокому руслу устья. Знакомый пейзаж напоминает о прошлом, напоминает про Элеонору, от которой он сейчас так же далек, как и десять лет тому назад. И не так же, а неизмеримо дальше. Тогда хоть была надежда, что скоро кончится война и он вернется к своей милой. Потому-то он и не желал терять ни часа и, пренебрегая советами друзей, отправился через оккупированную территорию навстречу Красной Армии. Однако в Риге встретиться с Норой ему не довелось. Одна из ее однокурсниц рассказала, что Нора уехала из Риги на поиски его, Аугуста. Так что упрекнуть девушку было не в чем. По-видимому, единственное письмо из Криспорта и надоумило Нору пойти вместе с немцами. Вот и все, что он знал об участии Норы. Слишком мало, чтобы на протяжении десяти лет поддерживать огонек надежды.

И все же Тайминь даже в минуты самых мрачных раздумий не допускал мысли о том, что Норы больше нет в живых. Всегда казалось, стоит лишь по-настояще-

му взяться за поиски, и он обязательно разыщет ее. К сожалению, до сих пор не представлялось такой возможности. Даже с дипломом штурмана дальнего плавания Тайминь плавал только на каботажных судах; визу на заграничные рейсы ему не давали.

Слава богу, времена меняются. Месяц назад его вызвал к себе начальник пароходства и высказал сожаление, что такой опытный моряк ходит только в рейсы малого каботажа, после чего сообщил, что на Тайминя получена иностранная виза. Предложили должность, о которой можно было только мечтать,— старшего штурмана на новейшее судно в пароходстве «Ян Рудзутак», направлявшееся в Шанхай. Однако, узнав, что на «Советской Латвии» есть вакансия второго штурмана, Тайминь изъявил желание занять ее. «Советская Латвия» шла в Криппорт, а там можно было повидаться со старыми друзьями военного времени. Тайминем руководила смутная надежда что-либо узнать об Элеоноре Крелле, о ее судьбе. Не исключено, что по окончании войны девушка разыскивала его в Криппорте, поскольку пришло письмо оттуда.

Эти раздумья не мешают Тайминю изучать внимательным взглядом зажатое скалами русло реки, по которому теплоход идет медленно, точно ощупью. Несведущему человеку спокойная гладь реки покажется вполне безопасной и миролюбивой. А Тайминь знает, что едва заметные струйки местами наводящие рябь на зеркало воды сигнализируют о подводном камне; там же, где вода словно в дремоте остановилась,— скрыта опасная банка. Управление кораблем в этих условиях требуют колоссального напряжения, и Тайминь видит не дальше, чем на ближайшие пятьдесят саженей, которые предстоит пройти в следующую минуту. Чайкин, чьи мускулистые руки поворачивают штурвал, вообще старается не глядеть вперед—сейчас ничто не должно отвлекать его внимания.

На лице Тайминя не заметно ни малейших признаков волнения; вполголоса он подает команды рулевому. Точно также спокойны капитан и его первый помощник, словно приросший к поручням мостика. Однако достаточно проследить за его взглядами, которые поочередно устремляются то на скалистые извивы пустынного берега, то на подавшуюся вперед фигуру Тайминя, чтобы почувствовать, сколько тревоги и волнения кроется за внеш-

ним хладнокровием. Свободные от вахты матросы и мотористы стоят у фальшборта. Как правило, приближение к порту сопровождается веселым гомоном на палубе, смехом и прибаутками. Сегодня же — тишина, все понимают, что значит идти без настоящего лоцмана по труднейшему фарватеру. Малейшая невнимательность, крохотный просчет — и судно налетит на скалу.

Стоящие у борта моряки крепче вцепляются в стальную поручень. Течение сносит корабль к берегу. Все ближе, ближе. Волны с грохотом и ревом разбиваются о каменные утесы, закручиваются воронками у отвесных скал.

Чайкин вопросительно поглядывает на Тайминя. Ему кажется, что давно пора бы увалить вправо. А в памяти Тайминя воскресает не раз слышанное предупреждение Берлинга: «Это самое опасное место на фарватере; кто здесь поддастся страху, тот никогда не станет настоящим лоцманом». Только под самым берегом достаточная глубина для судов такого тоннажа. И потому Тайминь не реагирует на взгляд Чайкина. Берег быстро надвигается. Отвесной черной стеной вырастает он прямо на носу. Уже ясно видны обросшие мхом камни и чайки, с криками покидающие свои гнезда по мере приближения корабля. Еще немного — и форштевень «Советской Латвии» врежется в утесы. Но тут-то, словно время, необходимое для маневра, рассчитано по хронометражу до десятых долей секунды, Тайминь отдает долгожданную команду:

— Право на борт! — Приказ звучит так же спокойно, как и все предыдущие, Тайминь даже не повышает голоса.

Чайкин бешено вращает штурвал, наваливается всем весом на рукоятки, но, кажется, усилия его запоздалы. Вот-вот штевень судна соприкоснется со скалой. Реакция Тайминя молниеносна. Чайкин отлетает в сторону. Поняв, что матросу не справиться, Тайминь отталкивает его, перебрасывает рычаг хода и всем телом наваливается на штурвал; неуловимо резким и точным движением ставит судно против течения. Послушное его могучим рукам судно уходит из-под нависших скал. Лишь теперь видно, в какой опасной близости прошли они от обозначенного буруном и белой пеной рифа. Команда облегченно вздыхает. Капитан поправляет фуражку. Дубов раскуривает потухшую трубку. Тайминь вытирает ладонью потный лоб и, передавая штурвал Чайкину, говорит:

— Ты извини! Я тебя, часом, не зашиб?

— Самую малость.— Чайкин виновато почесывает затылок.— Аж искры посыпались! Сперва даже не понял, подумал, вмазались в берег.

— Еще бы чуть,— улыбается Тайминь.— Полсекунды все решило... Теперь можно будет немного перевести дух... Держи на третий буй!

— Есть держать на третий буй! — повторяет Чайкин и с восхищением смотрит на Тайминя.— Вот это моряк!

* * *

По Кристе мчится моторка. Сверху кажется, будто меж двух высоченных стен ползет заблудший жук и в поисках выхода мечется из стороны в сторону. Уткнув нос в поднятый воротник забрызганного пеной плаща, Дикрозис, сидящий рядом с рулевым, предается раздумьям. Ведь предстоит его первая встреча с соотечественниками, живущими по ту сторону «железного занавеса». С той поры как он удрал вместе с немцами, которым служил во время оккупации не бог весть какой верой и правдой, но и далеко не без пользы для них, Дикрозис старался как можно реже вспоминать Латвию. В его представлении она была не страной, населенной латышами, а краем, где правят большевики. Добравшись до Криспорта, Дикрозис решил поселиться здесь навсегда. Прибыл он сюда отнюдь не как нищий эмигрант, а как человек, подыскивающий возможность приложить свои журналистские способности и небольшой капитал. Быстро овладев языком и не без успеха разыгрывая из себя демократа и жертву террора, Дикрозис сравнительно скоро стал совладельцем и заместителем главного редактора «Курьера Криспорта». Поначалу жизнь на чужбине со всеми ее непривычными проявлениями и отсутствие добрых знакомых еще вызвали в нем элегическую тоску по Риге, где под крылышком у состоятельного отца пролетела беспечная молодость. Вот почему он был искренне обрадован, узнав, что в Криспорте появилась его землячка — певица Элеонора Крелле. Серьезных видов на нее Дикрозис не имел и потому не слишком любопытствовал узнать, что привело ее в Крипорт. Прослышав же о том, что Элеонора намерена возвратиться в Латвию к своему другу и будущему мужу, Дикрозис, дабы не утратить

последней связи с родиной, убедил девушку в том, что ее Аугуст давно сослан в Сибирь. Впоследствии, когда Дикрозис прижился в местном обществе и благодаря некоторым услугам, оказанным влиятельным лицам, приобрел известный вес в городе, он заглаживал все реже и реже к Элеоноре, которая постепенно докатилась до того, что была вынуждена петь в дешевом портовом кабаке. Не виделись они уже более года... И вот через каких-то десять, пятнадцать минут у Дикрозиса вновь будет возможность поговорить на родном языке с людьми, которым выпала незавидная судьба быть жителями Латвии.

— Да сидите же вы спокойно! — прикрикнул Дикрозис на Швика.

Увидав появившийся из-за поворота корпус корабля, Швик от возбуждения вскочил на ноги и едва не опрокинул лодку.

— Как могу я оставаться спокойным, когда вижу приближение моей последней надежды!

Пошатнувшись, он ухватился за Дикрозиса и плюхнулся на банку рядом с ним. Положение Швика и в самом деле, можно сказать, безнадежное. Жители Криспорта хоть и жаловались постоянно на трудные времена, однако умирали в совершенно неудовлетворительном количестве. В ужасе перед грозящим ему крахом, он мечтал о великой катастрофе, которая позволила бы сразу пустить в дело все запасы его продукции. Наводнение в Бергхольме было для Швика прямо-таки манной небесной. В надежде на то, что местные погребальные конторы своевременно не подготовились к такому непредвиденному случаю и охотно приобретут дефицитный товар, Швик сгоряча зафрахтовал два парохода и нагрузил их гробами. И вот как гром среди ясного неба разразилась эта проклятая забастовка, которую Швик считал результатом интриг консула Фрексы. Известие о том, что команда русского корабля располагает собственным лоцманом, который сможет вывести суда из Криспорта, заставило бы Швика не то что выехать на моторной лодке, но пуститься вплавь навстречу своим спасителям.

Едва лодка успела пришвартоваться к борту «Советской Латвии», как Швик, поймавший конец штурмтрапа, оттолкнул Дикрозиса и с проворством обезьяны вскарабкался на палубу. Не обращая внимания на усмешки мо-

ряков, вызванные его черным пасторским нарядом, он сходу задал вопрос на ломаном английском языке:

— Где ваш лоцман?

И вот Швик уже стоит перед вторым штурманом. Его трость почти касается носа Тайминя.

— Вы лоцман? О! Вы ведете корабль? О! — Не давая Тайминю ответить, он протягивает свою визитную карточку. — Швик! Погребение оптом и в розницу — Швик! Всегда к вашим услугам!

— Надеюсь, обойдемся без ваших услуг. — Тайминь не в силах сдержать улыбку — так смешон этот забавный человечек, взволнованно размахивающий своей тростью. — Или вы полагаете, что живым нам в Криспорт не прийти?

— О! Вы неправильно меня поняли! Совсем наоборот! Такого великолепного лоцмана я еще не встречал на своем веку! Я охотно вверил бы вам не только будущее своей фирмы, но и свою жизнь. Но сейчас речь не обо мне, а о других, о несчастных бергхольмцах... Наводнение! Голод! Эпидемии! Я погрузил два парохода, чтобы оказать им помощь. Выведите их из Криспорта, и господь вознаградит вас за это. Я хорошо заплачу. И поговорю с капитаном, не сомневаюсь, что он поймет меня.

— Зато я вас что-то никак не пойму... Вы хотите доставить потерпевшим от наводнения продовольствие?

— О нет! Вы опять неправильно меня поняли. Совсем наоборот! Два парохода первостатейного товара! И нет никакой возможности вывезти гробы из порта! Сжальтесь над людьми, которые не могут быть преданы земле по христианскому обычаю! Дайте им возможность предстать перед богом так, как это надлежит верующим, и вы будете вознаграждены! — Швик лезет в карман за чековой книжкой.

— У вас есть свои лоцманы. Обратитесь к их христианской совести. Или они стали безбожниками?

— О! Да разве вы не знаете? — Трость в трясущихся от волнения руках Швика выделяет такие пируэты, что Чайкин едва успевает отстранить лицо. — Хуже того! Они только что объявили забастовку. Нашли время! Такие возможности! Теперь все зависит от вас! Если не сжалились, буду вынужден...

— Забастовку? — почти одновременно восклицают Чайкин и Тайминь.

— А отчего же администрация порта ничего нам не сообщила? — спрашивает ошеломленный Тайминь.

— Могу пояснить.— В штурманской рубке появляется Дикрозис.— Но сперва попрошу о небольшом интервью. Наших читателей интересует.

— Кто вы такой?

— Постойте же! — Швик в отчаянии потрясает тростью.— Не перебивайте! Вопрос жизни и смерти! Дайте мне поговорить с господином лоцманом...

— Господин Швик, вы понапрасну тратите время. Это советское судно.— Дикрозису ясно, что Швик не даст ему рта раскрыть.— У них все решают высшие инстанции, в данном случае капитан... Рекомендую...

Дикрозис так и не успевает договорить, потому что в следующий миг Швик пулей вылетает из рубки.

— Теперь можем познакомиться. Я редактор газеты «Курьер Криспорта».— Все это время Дикрозис говорил по-английски. Вдруг, после того как он взгляделся в лицо Тайминя пристальней, у него вырвалось по-латышски:— Черт подери, вот это номер!

У Дикрозиса почти нет сомнения в том, что перед ним — друг Элеоноры, чей портрет, словно икона висел в комнатке певицы и всегда действовал ему на нервы. Он еще не знает, какую извлечет из этого открытия пользу, но его тонкий нос уже учуял возможности.

— Вы латыш? — полюбопытствовал Тайминь.

— Ну еще бы!.. Попрошу секундочку не шевелиться! Так! Благодарю вас! — Сфотографировав Тайминя, Дикрозис снизил голос до шепота: — Этот, — глазами он указал на Чайкина, — надеюсь, не понимает по-латышски?

— Нет. Вы, наверно, хотите поделиться со мной важным секретом? — ухмыльнулся Тайминь.

— Отнюдь. Просто хочу сказать, что в моем лице, а возможно, и не только в моем вы найдете в Криспорте друзей. Мы прекрасно понимаем, что не по доброй воле вы напалили на себя эту форму...

— Не следует по себе судить и о других.— Тайминю уже ясно, с кем он имеет дело.— Вам, должно быть, и в самом деле не остается ничего иного, как носить эту отлично сшитую лакейскую ливрею... Обо мне не беспокойтесь. Если б я даже и не прожил в Криспорте два года и не обзавелся добрыми друзьями среди лоцманов...

— Вот как? Среди лоцманов? Очень занятно. Рекомендую не показываться им на глаза. Сами знаете, как сознательные пролетарии поступают со штрейкбрехерами.

— Полагаю, они все-таки будут рады повидаться со мной.

— Рады? Звучит многозначительно. Может, советское судно приходит одновременно с объявлением забастовки вовсе не случайно?

— Проваливайте ко всем чертям!

— Наконец-то вы заговорили на мужском языке, достойном коммуниста. Я с вами говорю как человек с человеком, как с земляком и, наконец, как журналист, интересующийся непостижимым для его ума фактом, а ваш единственный аргумент — оказывается черт... И на том спасибо. Недурной заголовок для репортажа: «Советский моряк посылает нашего корреспондента к черту»... До свидания!

— Что это был за тип? — спрашивает Чайкин, глядя вслед Дикрозису.

Тайминь пожимает плечами.

— Обыкновенный... Бывший латыш...

В лодке Дикрозис сталкивается с еще не остывшим Швиком.

— Ну и публика! — задыхается от злобы Швик. — Этот народ не имеет понятия о том, что такое гуманность! Ничего не смыслит в коммерции! Разве это люди? — И он грозит кораблю тросточкой.

* * *

По соседству с пароходами Фрексы стоит у причала единственное иностранное судно — француз «Шербур», которому забастовка помешала выйти в море. Как раз напротив — будто французские моряки выбрали это место для стоянки специально — кабачок «Веселый дельфин».

Вероятно, по вечерам, когда горят светильники и под самым потолком вращается облепленный зеркальными осколками шар, разбрасывающий по просторному залу веселые зайчики, посетители чувствуют себя здесь уютно. Но в эту пору неосвещенное, сумрачное помещение похоже на большой сарай, подобный тем, в которых устраиваются деревенские празднества. Пол, за исключением

стеклянной площадки для танцев, из простых некрашенных досок, окна и двери скрыты дешевыми портьерами. Столики расставлены таким образом, чтобы за ними уселось как можно больше посетителей.

Свет горит лишь над двумя, сдвинутыми вместе, столиками, за которыми сидят человек десять французских матросов. Однако застольная беседа не вяжется. Может, в этом виноват гулкий резонанс пустого зала, придающий излишнюю значительность каждому, сказанному вполголоса слову, а может, давно уже выпитая бутылка вина, которую хозяин ни под каким видом не желает обменять на полную «в кредит». Уже в который раз втолковывая матросам, что он не может сам себя разорять, хозяин кабака возвращается к стойке, где его поджидает Элеонора Крелле.

Даже при этом скудном освещении видно, как резко отличается ее внешность от портрета, который вот уже десяток лет путешествует с Тайминем с судна на судно. Правда, по-прежнему пышны и кудрявы ее белокурые волосы, однако нужда и пережитые разочарования положили не одну глубокую складку под глазами и возле плотно сжатых губ. При звуке шагов хозяина Крелле пытается оживить несколько увядшее лицо улыбкой.

— Что, разве я плохо пою? — кокетливо спрашивает она.

— Хорошо поете, — бесстрастно кивает головой кабатчик.

— Быть может, публике больше не нравятся мои песни?

— Публики нет и не будет, — не меняя тона, равнодушно говорит кабатчик. — Сколько раз мне повторять: бастуют лощманы. А когда пуста гавань, пуст и мой ресторан.

— Долго ведь им не выдержать, верно? — В голосе Крелле звучит струнка надежды.

— Без еды никто долго не продержится — ни лощманы, ни вы, ни я, можете быть уверены. — Хозяин кабака начинает терять терпение. — Но одно могу вам обещать твердо: как бы мне это ни было трудно, в тот день, когда прекратится забастовка, я вам заплачу за выступление столько же, сколько платят иностранным примадоннам в кабаре «Хрусталь». — И, считая разговор оконченным, он подает Крелле руку.

Тихонько, будто остерегаясь спугнуть свою судьбу, Крелле притворяет за собой дверь кабачка и устало плетется к центру города. Усталостью и унынием веет от ее поникшей головы и обвисших плечей, даже от ее узкой спины. Мимо торопливо идут люди, автомобиль, сворачивая в переулок, чуть не сбивает ее, но Крелле не отпрянула — мозг ее занят сейчас лишь одним — думами о завтрашнем дне, о том, что она скажет хозяйке квартиры. Около здания, из окон которого глухой гул ротационных машин, она останавливается; долго, будто по складам, читает вывеску «Курьер Криспорта». Наконец Крелле решается — остатки самолюбия давно утрачены.

Но дальше вестибюля ей пройти не удастся.

— Господина Дикрозиса нет, — преграждает ей путь к лифту швейцар, затем оглядывает поношенные, забрызганные грязью туфли и добавляет неожиданно потеплевшим, почти дружелюбным тоном: — В самом деле, барышня, его нет. Дикрозис вышел в море.

— В море? — восторженно вскрикнула Крелле. — Значит, забастовка кончилась?

— В том-то и весь фокус, что нет. Какое-то советское судно пытается войти в Криспорт без лоцмана... Между прочим, слышал кое-что, когда Дикрозис диктовал по телефону стенографистке... Корабль с вашей родины, — рассказывает швейцар. — Из Риги, если не ошибаюсь.

«Из Риги» — эти слова вновь звучат в ушах Крелле, когда она выходит из редакции и идет по улице. Долгие годы она ожидала этой вести и наконец дождалась — в ту самую минуту, когда уже была готова поддаться отчаянию, несмотря на весь свой богатый опыт преодоления житейских бурь. Нет, она не наивная девочка, чтобы вообразить, будто этот корабль, как в сказке, ведет ее Аугуст. И все же не исключено, что на нем есть люди, знающие Тайминя, которые смогут поведать о его участи.

Заметив в витрине свое отражение, Крелле замедляет шаг и, быть может, впервые за последние годы рассматривает не только грим для сцены, но всю себя — с ног до головы. Нет, в таком виде она не смеет появиться на корабле. Этот визит может быть поважнее любой премьеры, к нему необходимо подготовиться тщательно и продуманно. Раскрыв сумочку и пересчитав в ней мелочь, она направляется к автобусной остановке.

В вестибюле гостиницы «Корона» на креслах восседают трое: консул Фрекса, Керзен и Зуммер. Они собрались здесь для встречи столичного гостя. С улицы слышен вой автомобильного клаксона и скрип тормозов. Консул неторопливо встает.

— Если не ошибаюсь, помощь прибыла,— говорит он.

Быстро поворачивается вращающаяся дверь гостиницы. С небольшим саквояжем в руках вбегает Кнут.

— Комнату для доктора Борка! — кричит он.

Портье вскакивает со стула и услужливо сдергивает с доски ключ.

— Доктор Борк? — подымается со своего кресла и Керзен.— Так скоро?

— Вы что, меня не знаете? — улыбается консул с нескрываемой гордостью.— Если уж действовать, то быстро и решительно.

— Сам доктор Борк! — шепчет в подобострастном восхищении Зуммер.

Прибытие знаменитого Борка столь ошарашило Зуммера, что он не в силах подняться с места. Лишь с появлением в вестибюле самого Борка, он поспешно вскакивает, опрокидывая пепельницу. На какое-то мгновение Борк задерживается у порога, словно для продления эффекта неожиданности. На адвокате пиджак из серого твида, серые фланелевые брюки: его серые седеющие волосы кажутся припудренными. У Борка типичное лицо политика, так и просящееся на страницы иллюстрированных журналов. Небрежно кинув плащ Курту, он направляется к судовладельцам.

— Узнаю старый Криспорт,— улыбается он.— Вы прекрасно выглядите, консул.— Борк дружелюбно пожимает руку Фрексе.— Вам, Керзен, не плохо бы согнать излишний вес.— Борк отечески похлопывает предпринимателя по могучему плечу.— Ба, да здесь и Зуммер,— небрежно замечает он.— Почему так хмуры? Неприятности?

— Да, весьма крупные! — раздается в ответ рык Керзена.— Не откажете ли с нами выпить, доктор Борк?

— Абсолютно исключено,— категорически возражает Борк.— Прежде всего дела... У вас не найдется времени побеседовать со мной, консул?... До свидания, господа!— Тем самым Борк дает понять Керзену и Зуммеру, что

их присутствие нежелательно.— Надеюсь, завтра смогу порадовать вас приятным известием.

Оставшись в номере вдвоем с Фрексой, Борк без обиняков спрашивает:

— Как называется судно?

— «Советская Латвия».

— Превосходно. Надо полагать, на борту найдутся также и латыши?

— Какое это имеет отношение к забастовке?

— А вы подумайте!.. С латышом, я полагаю, мы быстрее найдем общий язык... Кстати, позвоните-ка господину Дикрозису! Он в свое время помог мне утрясти один весьма щекотливый вопрос...

Консул звонит в редакцию.

— Сейчас он будет здесь,— сообщает Фрекса и закуливает сигару.— Я все еще не возьму в толк, что вы задумали?

— Неужели провинциальная атмосфера Криспорта так подавляет мыслительные способности?.. Посмотрите сами: лоцманы объявляют забастовку. Когда? Именно в тот момент, когда в Криспорт прибывает советский пароход со своим лоцманом на борту. Неужели даже это не наводит вас на подозрения?

— Это может быть совпадение.

— Вы, мой друг, старомодны.— Преисполненным презрения жестом Борк показывает на мебель в стиле ампир—тяжеловесные вазы, хрустальную люстру.—Так же, как обстановка в этом номере... Вам не вредно бы попутешествовать, прокатиться, скажем, в Америку, проветрить мозги... Там никто не держится за античную мебель и не придерживается архаичных взглядов. Среди лоцманов у вас есть свой человек?

— Мы, конечно, старомодны, но не до такой степени,— улыбается консул.— Есть, и притом в забастовочном комитете.

— Это уже кое-что... Вы говорите — совпадение? Так вот, мы докажем, что это не совпадение...

— Каким образом? Велите Дикрозису напечатать в своей газете соответствующую статью? Или самолично выступите в парламенте с громовой речью? Прошли времена, когда у нас верили в подобные небылицы.

— Небылица? — С хорошо разыгранным изумлением Борк перестает выгружать из саквояжа туалетные при-

надлежности.— Наша задача — превратить ее в действительность... с помощью свидетелей!

— Где же вы возьмете таких свидетелей?

— Если русские сумели найти человека, который может провести судно в Криспорт, то они же не откажут мне в любезности и снабдят нужным свидетелем...

— Теперь уразумел...— улыбается консул.

— Что именно?

— То, что со временем вы станете не только министром внутренних дел, но и премьер-министром.

— Благодарю! — Борк польщен. Он приступает к бритью.— Пока удовольствуюсь министерским постом. Ваше счастье, что я смог приехать. Без меня вы, чего доброго, поперли бы напролом. Истинный полководец сам творит наиболее выгодные условия битвы с врагом. Можете не сомневаться — ваши лоцманы в самое ближайшее время возобновят работу. Полагаю, у них навсегда пропадет охота бастовать.

Фрекса выпускает струю дыма. Углубляясь в раздумья, он забывает стряхнуть пепел. Борк, с удовлетворением оглядев гладкую щеку в зеркале, оборачивается.

— Не вижу радости на вашем лице,— замечает он.

— Отчего же!.. Как скоро вы рассчитываете добиться результата, доктор?

— Не знаю,— пожимает плечами Борк.— За два дня, за три... Во всяком случае до начала дебатов в парламенте по торговому договору с Россией.

— Ах, вот откуда дует ветер! Если вам удалось бы доказать, что русские прибегают к подрывной деятельности...

— Это провалило бы торговый договор! Совершенно верно! Наконец вы сообразили, что по меньшему поводу я, в столь ответственный момент, не помчался бы сюда сломя голову из столицы?..

В дверь постучали.

— Должно быть, Дикрозис! — Фрекса открывает, но тут же хочет ее захлопнуть.

Однако Швик расторопнее. Он отпихивает консула и вбегает в комнату.

— Зайдете в другой раз,— пробует выдворить его Фрекса.— Неужели не понимаете, что у меня серьезный разговор с доктором Борком?

— О! Доктор Борк! О! Как только мне Зуммер ска-

зал, я тут же бросился сюда. Моя последняя надежда на вас! Ах, прошу прощения, впопыхах забыл представить-ся.— Швик подает визитную карточку.— Швик! Погребение оптом и в розницу... Всегда рад стараться...

— Потом, потом! — Фрекса пытается вытолкнуть его за дверь.

— Десять тысяч несчастных в Бергхольме!.. Голод!.. Нехватка медикаментов! — скороговоркой выпаливает Швик, в страхе, что ему не дадут выговориться до конца.— Два парохота гробов!.. Необходимо прекратить эту забастовку!.. Христианское погребение...

— Не извольте беспокоиться! — самодовольно улыбается Борк.— Забастовку мы скоро похороним.

— О! — Слезы радости наворачиваются на глаза Швика.— Вы даруете мне жизнь! Но когда? Когда? Это вопрос жизни и смерти!

Вместо Борка отвечает Фрекса:

— Трудно сказать... Возможно, через месяц... Возможно, через пару недель.. Не так ли, доктор? — Фрекса многозначительно смотрит на Борка.

Когда дверь за стонущим Швиком закрывается, Борк глядит на консула и подмигивает.

— Ну да,— неохотно признается консул.— У каждого свои частные интересы. Вы заинтересованы в провале торгового договора с Россией...

— А вы с помощью забастовки жаждете прижать к стенке конкурентов.

Консул довольно потирает руки.

— Мы друг друга понимаем... Не впервой сотрудничаем, верно ведь, Борк?

Появление Дикрозиса прерывает их разговор.

— А, господин Дикрозис, приветствую вас! — Борк гостеприимно усаживает его.— Давненько не видались. Криспорт еще не стал для вас маловат?.. Я подумываю, не предложить ли вам место в столице... Когда ко мне перейдет министерство внутренних дел...

— Мы все на это надеемся, господин Борк.— Дикрозис морщит лицо в подобострастной улыбке.— Чем могу служить?

— Консул сказал, вы выходили навстречу советскому пароходу? Команда на нем — ваши соотечественники, латыши? И главное: кто проводит судно в Криспорт?

Внимательно послушав рассказ Дикрозиса, Борк за-

казывает телефонный разговор со столицей. Затем обращается к Фрексе:

— Так видите, я был прав! Полководец сам создает выгодные условия боя. Могу поздравить вас с победой!

— Не понимаю...— бормочет консул.

— Я же сказал, вам пора проветрить мозги. Вот, этот советский штурман... Как его там?

— Если не ошибаюсь, Тайминь,— подсказывает Дикрозис.

— Не имеет значения... Трудно даже придумать что-либо лучше... Жил в Криспорте, работал и водил дружбу с лодманами... Понимаете, что это нам дает?

— Но вы же еще с ним не разговаривали,— возражает Фрекса.

— Нет никакой необходимости... Сами подумайте... Этот человек латыш. Ему тридцать пять лет. Из них десять он прожил при советском режиме...

— Это очень плохо.

— Нет, это очень хорошо. Элементарная арифметика подсказывает, что остальные двадцать пять он жил в нормальных условиях. Как раз в том возрасте, когда формируется характер человека. Привычки, впечатления детства, мечты, надежды... Соскоблите тонкий слой красной краски, и под ней найдете человека, подобного нам. Человека, мечтающего о положении в обществе, о материальной независимости, о деньгах. Он еще в детстве усвоил, что деньги всемогущи!

— Боюсь, что вы заблуждаетесь,— осмеливается возразить Дикрозис.

— Это мы еще увидим!

— Я уже видел его... Деньгами вы ничего не добьетесь.— Дикрозис умолкает, дабы слова его возымели действие.

— Вы в этом убеждены? — спрашивает Борк.

— Вот они ваши выгодные условия, которые творит истинный полководец.— Консул в сердцах тычет сигару в пепельницу.— Что будем делать?

— Я мог бы вам подсказать,— ухмыляется Дикрозис,— что сработает надежней всех арифметических выкладок.

— Говорите! — в один голос восклицают Борк и Фрекса.

— Это обойдется вам в круглую сумму.— И Дикро-

зис, погасив свою лакейскую улыбочку, называет такую цифру, от которой у консула волосы встают дыбом на голове.

— Я же обещаю вам выгодный пост,— говорит Борк, улыбаясь Дикрозису.

— Не отказываюсь,— усмехается Дикрозис.— А если вы вдруг не станете министром внутренних дел?

— Что же, консул подпишет вам чек,— пожимает плечами Борк.— Конечно, если рекомендация того стоит.

— Я?! — восклицает застигнутый врасплох Фрекса.— Я не миллионер.

— Ничего, ничего,— успокаивающе кладет ему руку на плечо Борк.— Я согласен покрыть половину.

Сразу же после ухода Дикрозиса звонят с междугородней станции. Борк подходит к телефону.

— Это вы, Венстрат?.. Так вот, слушайте! Надеюсь, в Криспорте вас знают не слишком хорошо?.. Превосходно. Катите сюда с вашими ребятами. Как можно скорей!.. Стрелять?.. Вы что! Ничего подобного. Как раз наоборот, деликатная работа... Вам предстоит действовать в белых перчатках.

* * *

Из гостиницы Дикрозис идет к себе в редакцию, диктует машинистке заметку в экстренный выпуск, затем отправляется в типографию «Курьера». Из типографии в театр-варьете «Хрусталь».

Криспорт совсем небольшой город. Здесь нет ночных клубов со стриптизом, как в столице, нету ни театра, ни цирка. Вместо этих заведений один театр-варьете, где состоятельные граждане могут пропустить стаканчик настоящего шотландского виски или рюмку французского коньяка, потанцевать с дамой, а заодно посмотреть эстрадное выступление. Это единственное место в городе, которое охотно посещается комсоставом иностранных кораблей и приезжими из столицы. Владелец «Хрусталья» никогда не жаловался на дела — заведение процветает, посетителей полно. Теперь, однако, в связи с забастовкой, дает себя знать отсутствие иностранцев. Поэтому предложение Дикрозиса принимается более или менее благожелательно. Хотя поначалу, для проформы, хозяин вроде бы и запротестовал.

— Это подорвет репутацию моего театра,— говорит он, показывая на афиши и портреты артистов на стенах кабинета.— Какие имена! Я никогда не жалел средств, лишь бы потратить самым утонченным вкусам посетителей! Приглашал вплоть до Луизы Делакруа из Парижа! А теперь вы хотите, чтобы я...

— Знаю, знаю,— пренебрежительно машет рукой Дикрозис.— Свои восторги я уже изложил в рецензии. Эта Луиза из Парижа, но петь она не умела!

— Зато какая фигура! Иностранцы моряки были восхищены и пили одно шампанское.

— Ладно, ладно, не будем торговаться... Сколько вы зарабатываете за вечер?

— По-разному... Теперь, когда у меня выступают такие знаменитости.— И хозяин «Хрустала» называет сумму, которая вдвое превышает его истинные доходы.

— Хорошо, откупаю у вас зал на три вечера... Возможно, конечно, хватит и одного. Главное, что от вас требуется,— подписать вот этот контракт.— Он бросает на стол заполненный бланк договора.

Прочитав в договоре фамилию, хозяин вновь готов запротестовать. Но быстро успокаивается, увидев в руке Дикрозиса банкноты.

Когда Дикрозис возвращается на площадь Ратуши, навстречу ему бежит мальчишка-газетчик с экстренным выпуском «Курьера Криспорта».

— Депутат Борк в Криспорте!.. Лоцманы объявили забастовку!.. Двойное самоубийство на Золотой улице!.. Таинственный проход советского корабля в Криспорт!.. Что привез он бастующим лоцманам?

Окрестные улицы отвечают громким эхом на выкрики газетчика.

Дикрозис довольно улыбается.

* * *

Элеонора Крелле живет на той самой Золотой улице, что обрела на несколько часов известность благодаря сенсационному двойному самоубийству. Завтра о нем позабудут, и она снова будет одной из беднейших улиц Криспорта, улицей полуразвалившихся деревянных хибар, бакалейных лавчонок, где редко покупают товар за наличные, а все больше в кредит, улицей, утопающей в

зловонных испарениях помоек. Даже если бы Золотая улица не была бы так узка, что на ней едва могут разминуться два пешехода, в нее все равно никогда не заехал бы автомобиль. Такси для обитателей Золотой улицы роскошь, о которой они не смеют мечтать.

В доме № 20, отличающемся от соседних зданий разве что своим крайним убожеством, в окне второго этажа стоит вывеска: «Меблированные комнаты. С пансионом и без. Все удобства». Поднявшись наверх, Элеонора тихонько отпирает входную дверь и на цыпочках идет по длинному, темному коридору. Вот уже несколько дней она норовит избежать неприятной встречи с хозяйкой квартиры. Заперевшись в своей комнатухе, Элеонора окидывает взором ее жалкое убранство. Продранный диван, хромые, источенные жучком стулья, засиженное мухами зеркало, чемодан, накрытый куском дешевой ткани, заменяющий ей комод, — все это удручает. С потолка висит паутина, краска на полу облезла, окна давно уже не мыты. Элеонора настолько со всем этим свыклась, что до сих пор ей в голову не приходило узреть здесь какие-либо особые признаки запустения. Но теперь у нее зародилась фантастическая мысль, что в ее мансарду может не сегодня-завтра войти Аугуст. Элеонора даже вздрогнула. Какая нарядная и прибранная была у нее комнатка в Риге — та самая, где Тайминь провел последнюю ночь перед бегством в Криспорт. Но в конце концов разве Элеонора повинна в том, что докатилась до такой жизни? Сколько ей пришлось скитаться по лагерям для перемещенных лиц, по разным городам, пока осела в Криспорте. Аугуст Тайминь все поймет, все простит. В этом у Элеоноры нет ни малейших сомнений. Сомневается она в ином. Прошло столько лет безнадежного ожидания хоть какой-то возможности вырваться из грязи, которая все глубже засасывала ее. Первое время она в своих злоключениях неизменно думала об Аугусте, терпела все лишения ради того дня, когда они встретятся вновь. Так шли недели за неделей, месяц за месяцем, год за годом. Мало-помалу в сознании все крепче укоренялась мысль о том, что увидеться им больше не суждено. И настала неизбежная минута, когда карточка Тайминя была снята со стены и спрятана в чемодан, с полинялыми туалетами для сцены. В тот момент ей казалось, что она больше не любит Аугуста.

Весть о прибытии советского корабля разворошила старые воспоминания, наполовину отмершие чувства. Достав из чемодана самое приличное из своих платьев — еще с доброй памяти рижских времен, которое береглось для особых случаев, — Элеонора стояла в нерешительности: надеть или не стоит. Собственно говоря, чего ради? Для чего возобновлять то, что уже впрах рассыпалось? Да и нужна ли она такая, какой стала за эти годы, Тайминю? Из рассказов Дикрозиса, из того, что писали местные газеты, она знала, что там, в новой и чужой Советской Латвии, никто ее не примет с распростертыми объятиями. То, что она за эти десять лет сперва не могла, а потом и не хотела возвращаться, будут рассматривать, как измену родине, как преступление...

Раздумья Элеоноры прервал резкий стук в дверь. Оперев, она испуганно отступила перед вошедшей хозяйкой, нечистоплотной старухой в замызганном переднике, со связкой ключей на поясе.

— Понятно! — Хозяйка змеиным взглядом обшаривает ее с ног до головы. — Опять ничего!

— В порту забастовка, мадам, — оправдывается Крелле. — Вся жизнь замерла.

— А мне разве не надо жить? Я, что ли, не человек?! — быстро переходит она на крик. — Вы мне задолжали за две недели!

— Потерпите еще немного!

— Я и без того слишком долго терпела. На что вы надеетесь? На американского дядюшку? На богатого жениха?

Подавленная Крелле молчит. Еще чуть, и она разрыдается. Вдруг она раскрывает чемодан, хватая обеими руками свои жалкие, чиненые-перечиненные, платья и бросает на стул.

— Это! — брезгливо усмехается старуха. — В счет платы?

— Больше у меня нет ничего.

Тяжелое молчание. Его нарушают грузные и самоуверенные шаги в коридоре. Без стука в комнату входит Дикрозис.

— Началась распродажа? — кивает Дикрозис на пеструю груды тряпья. — Неужто так плохи дела?

— Зачем ты пришел? Уходи вон! — почти в истерике кричит Элеонора.

Хозяйка при виде хорошо одетого Дикрозиса сразу меняет тон и с притворной улыбкой говорит:

— Ради бога, милая, не беспокойтесь, я могу и подождать.— Она уже хочет выйти, но Дикрозис жестом велит ей остаться.

— Зачем ты пришел? Что тебе надо?

— Мне? Ничего! — улыбается Дикрозис, доставая сигарету.

— Дай! — Крелле выхватывает у него из рук пачку, жадно закуривает.— Но ведь что-то тебе надо же...

— Хочу предложить тебе свою помощь,— пожимая плечами, говорит Дикрозис.

— Ты — мне? — горько усмехается Крелле.— Удивительно, как еще не забыл адрес... Все вы помогаете женщине, пока спите в ее постели.

— Ну, ну, откуда такой цинизм? — Дикрозис хочет погладить ее по щеке; Элеонора отстраняется. Дикрозис, не обращая на это внимания, обращается к хозяйке: — Сколько?

— За две недели... Но я могу и подождать...

— Сколько?

Хозяйка извиняющимся тоном называет сумму.

— Получите! — Дикрозис широким жестом кладет ей в руку бумажку.

— Я сказала, за две недели...— удивленно бормочет женщина.— А тут...

— Все правильно! За месяц вперед! В том случае, если Нора еще захочет у вас жить...

Хозяйка поспешно убирается из комнаты.

Крелле в глубоком недоумении садится на стул.

— Что все это значит? Объясни же, наконец!

— Мне удалось заключить на твое имя выгодный контракт.

— Лжешь! Не может этого быть! Больше года ты не показывал носа и вдруг...

— Не хотелось приходить с пустыми руками... Думаешь, я начисто лишен сердца?.. И вот едва подвернулась возможность тебе помочь, и я тут как тут... У тебя еще целая фотография, что раньше висела на стенке?

— Можно подумать, ты приревновал меня к призраку.— Она неестественно засмеялась.— Да, еще не выбросила... Но какое это имеет значение? Все это было так давно... Сон какой-то...

— Покажи!

— Хочешь порвать? В уплату за щедрость... Изволь! — Крелле опять раскрывает чемодан.

— Напротив... Хочу тебе помочь найти его... В Криспорт идет советское судно... Беседовал кое с кем из команды. Насколько понял, многие из тех, кого выслали в Сибирь, помилованы после смерти Сталина и вернулись на родину... Покажем фотографию, может, кто из моряков-латышей узнает его.

Крелле медленно выпрямляется. В глазах мелькает то недоверие, то проблеск надежды, наконец, затуманенный взор вспыхивает внезапной радостью. Вспомнив, о чем просил Дикрозис, она опускается на колени перед чемоданом, находит пожелтевшую фотографию и показывает ее Дикрозису. Она не замечает выражения удовольствия на лице Дикрозиса. Почти забыв о его присутствии, Элеонора вспоминает повесть своей любви. Первый день, когда, после успешно сданного вступительного экзамена в консерваторию, у друзей она впервые увидела мужественного юношу в форме мореходного училища... Встречи... Разлуки... Два года в оккупированной Риге, невыносимая тяжесть, которая несколько облегчалась мыслью о том, что Аугусту на чужбине живется еще трудней. И последняя встреча — безжизненное тело эсэсовца, лужа крови, устрашающий топот кованых сапог патруля... Поцелуи и клятвы последней ночи... никогда не забывать друг друга!.. Погруженная в воспоминания, Элеонора не замечает, как Дикрозис исподволь выпытывает у нее подробности происшествия с эсэсовцем, выпрашивает о характере Тайминя, то и дело с удовлетворением кивает головой.

— Ну, не плачь, не надо. — Дикрозис гладит ее по растрепавшимся волосам. — Все будет хорошо... Доверься мне... Мы его разыщем.

— Корабль уже в порту? Я сейчас... — Крелле берет приготовленное платье.

Дикрозис отеческим движением берет у нее из рук платье.

— Не будь душой... Ты что, не понимаешь... Десять лет — не пустяк... Тебе надо реабилитироваться... Не ты побежишь к латышам, а они придут к тебе... И увидят, что ты достойна своего друга... Я сам подберу для тебя репертуар...

— Ты что — шутишь? — горько усмехается Крелле. — Как они могут прийти ко мне, если хозяин «Веселого дельфина» выбросил меня на улицу?

— Никто про «Веселый дельфин» и не говорит, — ухмыляется Дикрозис. — С сегодняшнего вечера ты выступишь в «Хрустале».

— Перестань! Это уже не шутки. Это издевательство!

— Не веришь?.. Вот контракт!

Дикрозис подает Крелле сложенную вчетверо бумагу. Осторожно и неуверенно берет она контракт. Медленно разворачивает. Из контракта выпадают несколько банкнот. Крелле не видит их. Взгляд прикован к документу, на котором отчетливо значится ее имя. На лице женщины недоумение. Ведь это и в самом деле контракт. Дикрозис не лжет.

— Благодарю... Но чего же ты потребуешь за это? — спрашивает она шепотом, а у самой сердце замирает от неудержимой радости с примесью страха. — Ты же чего-то потребуешь взамен?

Дикрозис встает.

— Пока ничего... Я это делаю только ради тебя... И ради него... Ради вас двоих... Все остальное будет зависеть от тебя!

* * *

В кабачке «Спасение моряка» шумное оживление. Здесь собрались не только лоцманы, но и другие моряки.

Все живо обсуждают последнюю новость — прибытие советского судна. Это первый русский корабль, пришедший в Криспорт в послевоенные годы. К тому же успела разнестись весть, что у штурвала корабля стоял давний друг Эрика Берлинга, латыш Аугуст Тайминь, которого многие хорошо помнят. Вокруг стола, за которым сидят Берлинг, Хеллер и Густав, собрался кружок их друзей, и все наперебой засыпают Берлинга вопросами.

С шумом распахивается дверь кабачка, влетает Нора. В руке у нее громадный букет огненных гвоздик. Под-

бежав, она лохматит Густаву волосы, целует отца в щеку, хватая со стола кружку Хеллера и, заглянув в нее, с наигранным сожалением восклицает:

— Ах вы старый пьянчуга! Мне не могли оставить?

— Отдай мне цветы, тогда получишь,— шутит Хеллер.

— Не про вашу честь, дядюшка, эти цветочки! Для советских моряков! Нигде больше не было красных гвоздик!

— Почему обязательно красные? Вместо красного флага? — усмехается Хеллер.

Вдали слышна корабельная сирена.

— Слышите?! Это «Советская Латвия»! — радуется Нора.— Бежим в порт!

Лоцманы встают. Когда все они выходят на улицу, навстречу бежит мальчишка-газетчик.

— Покупайте «Курьер Криспорта»! Экстренный выпуск! Тайнственный проход советского судна в Криспорт! Что привезло оно бастующим лоцманам? — выкрикивает мальчишка.

Берлинг покупает газету, читает и мрачнеет.

— Товарищи, никуда мы не пойдем,— заявляет он твердо.

— Тебе разве не хочется увидеть Аугуста Тайминя? — Нора не понимает, чем вызвано решение отца.

— Наконец-то ты одумался, Берлинг,— говорит Хеллер.— С этими русскими еще попадешь в беду.

— Нет, беды надо ждать вот от этих.— Берлинг смеется в руке газету.— Нету дыма без огня.

— Кто тебе может запретить приветствовать старого товарища? — возмущается Нора.

— Для нас он друг и товарищ, а для Борка и судовладельцев — красный.— Густаву понятны сомнения Берлинга.

— В том-то и дело! — говорит Берлинг.— Пахнет провокацией... А тогда нечего им давать лишний ход для клеветы.

— Ну и пусть! — не унывает Нора.— Хочу идти и пойду!

— Ты в ответе только за себя, а я за исход всей забастовки... Тайминь меня поймет... И прошу тебя — будь осторожна. Было бы лучше тебе с ним даже не встретиться. Как-никак ты моя дочь... Можно истолковать по-всякому.

— Хорошо. Я только брошу эти цветы советским морякам! — уже издали кричит Нора. — Пусть кто попробует мне помешать.

У моста через Большой канал она перебегает мимо большой темно-серой машины, которая только что остановилась. Один из пассажиров высунул в окно голову. У него пышные усы, большой красный нос и редкие белесые волосы.

— Эй, красотка! — окликает он хриплым голосом пьяницы. — Где тут у вас гостиница «Корона»?

Нора показывает рукой направление и бежит. Вслед несется тот же хриплый голос:

— Эй, ты! В ней буфет есть?

Машина рывком устремляется дальше. Водитель в черных очках глядит на усатого.

— Смэш, когда я тебе наконец привью приличные манеры? — бросает он гадливо.

От этих произнесенных вполголоса слов Смэш съеживается и, отведя взор, бормочет виновато:

— Приму к сведению, шеф.

— Видел вывеску с надписью «Криспорт»?

— Я ведь не пьян.

— Тем более. Еще раз напоминаю, что с этой минуты и до того момента, когда надпись «Криспорт» снова останется позади нас, я для тебя никакой не шеф, а господин Венстрат. Понял?

— Да, шеф!

У гостиницы «Корона» серая машина останавливается. Венстрат выходит. Поправив галстук и сняв соринку со своего модного костюма в полоску, он замечает, что и Смэш намерен выйти из машины.

— А тебя куда несет? — негодуя спрашивает Венстрат.

— Я... — заикается Смэш, — да так... ноги размять, шеф... то есть господин Венстрат.

— Впервые вижу человека, у которого ноги находятся между плечами и головой. — Венстрат произносит это словно бы без иронии.

Из машины ему отвечает булькающий смешок. Венстрат, не снимая своих черных очков, оглядывает всех по порядку — полного, добродушного на вид, мужчину со шрамом на левой щеке, другого мужчину с руками, похожими на звериные лапы, молодого парня в брюках

гольф и клетчатом пиджаке, мужчину в надвинутой на лоб шляпе. Смех, как по команде, обрывается.

— Анекдотами займемся позднее,— тихо говорит Венстрат.— Чтобы никто из вас не посмел двинуться с места до моего возвращения.

Самоуверенной походкой делового человека Венстрат направляется ко вращающейся двери парадного.

— Господину угодно номер? — спрашивает Кнут.

— Номер? Нет, спасибо. Я здесь проездом... Возможно, на обратном пути. В каком номере остановился доктор Борк?

Борк развалился в кресле. Напротив него сидит Дикрозис.

Венстрат сперва приоткрывает дверь, затем, вспомнив о хорошем тоне, стучится. Дождавшись ответа «Войдите!», он с порога вежливо интересуется:

— Здравствуйте, господа! Не помешал вам?

— Быстрее закрывайте дверь! — прикрикивает Борк.

Венстрат подходит к Дикрозису, слегка кланяется и подает руку:

— Венстрат, коммерсант... проезжая через Криспорт, узнал, что тут остановился мой старый знакомый доктор Борк и...

— Дикрозис, редактор.

— Очень приятно.— Венстрат сердечно трясет руку Дикрозису.

— Будет прикидываться,— ворчит Борк.— Здесь все свои.

Венстрат со вздохом облегчения присаживается, кладет ноги на стол, достает сигареты, закуривает и многозначительно хлопает себя по боку — слышно, как рука ударяется о что-то твердое.

— Ну так что тут у вас? Инструменты в боевой готовности, команда тоже.

— Разве я не сказал, что сегодня, в порядке разнообразия, предстоит работа в белых перчатках? — напоминает ему Борк.— Покажите ему фотоснимок,— обращается он к Дикрозису.

Венстрат вертит в руках карточку Тайминя, потом засовывает в карман.

— Симпатичный человек,— довольным тоном замечает он.— Мне всегда приятно иметь дело с таким человеком.

Улички, ведущие к порту, заполнены людьми. Много народу вышло встретить советское судно. Одни из чувства симпатии к стране, которую представляет этот корабль, другие просто из любопытства. Между ними протискивается расклейщик афиш — сгорбленный старичок с ведерком клея и большим рулоном афиш. У рекламной тумбы он останавливается. Замедляет шаг и кое-кто из прохожих. И вот почти во всю тумбу раскатывается большой плакат в черно-бело-красном цвете. Черная, несколько угрюмая уличка, напоминающая старую Ригу. Под фонарем стоит женщина в белом плаще. Художник изобразил лицо Крелле довольно удачно. Падают осенние листья. Жирная красная надпись возвещает:

ВАРЬЕТЕ «ХРУСТАЛЬ».
ПОЕТ И ТАНЦУЕТ ЭЛЕОНОРА КРЕЛЛЕ.

Расклейщик афиш направляется дальше. И вскоре на каждом углу появляются плакаты, приглашающие публику сегодня побывать на выступлении Элеоноры Крелле.

3

На набережной, подле стародавних, в стиле северного барокко, складов, у современного железобетонного элеватора толпится народ. Тут и старые моряки и молодежь, женщины и детвора. В портовом городе приход судна столь же обыденное событие, как прибытие поезда на любом железнодорожном узле. Так всегда, но не сегодня. Простые люди Криспорта пришли смотреть, как будет швартоваться к причалу редкий гость — русский корабль. Полицейские образовали цепь и оттесняют публику от того места, где через несколько минут станет на швартовы «Советская Латвия».

Зажатая между рабочим с трехлетней девчушкой на плечах и старым моряком с эмблемой пароходного общества Фрексы на фуражке, стоит Нора. Время от времени она приподымается на цыпочки, чтобы заглянуть поверх плотной стены людей. Несколько поодаль, в тени портовых складов стоят на расстоянии пятнадцати метров друг от друга трое молодчиков Венстрата.

Все взгляды прикованы к воротам порта, обозначен-

ным двумя небольшими молами. Через них продвигается стройный светло-серый корпус «Советской Латвии». Корабль быстро приближается к берегу. Несколько точных маневров, и мускулистые руки портовых рабочих перехватывают в полете проводник троса. Трос обвивается вокруг пала. «Советская Латвия» стоит у самой набережной. Рабочий подымает девочку и держит ее на вытянутых руках.

— Мастерски!—говорит старый моряк.—Не знаю, как там у них с политикой, но пришвартоваться они умеют.

— Да, настоящие мореходы,— подтверждает другой.

— Я в тросах и швартовке смыслю немного,— замечает рабочий с девочкой.— Зато насчет политики могу сказать: отлично!

Нора, проталкиваясь вперед, безуспешно высматривает среди команды Тайминя. Наконец терпение ее иссякает, букет огненных гвоздик взлетает в воздух и ярким дождем выпадает на палубу. Советские моряки смеются, подбирают цветы.

— Хорошо встретили,— чуть погода говорит капитан Акмен, прикалывая к тужурке гвоздику.— Посмотрите-ка, наши ребята похожи на влюбленных, отправляющихся на свидание.— Улыбаясь, он показывает на матросов, которые суетятся на палубе около люков и лебедек.

— Можно сказать, бурными овациями,— с ухмылочкой говорит Дубов.— Будем надеяться, что в Криспорте нам не подготовили тайком другую встречу.

— Ерунда! — отмахивается капитан.

— Не скажите! Правительство намерено заключить с нами торговый договор... Вы не слыхали по радио, какое яростное сопротивление оказывают этому делу проамериканские круги...

— Бойтесь, как бы не использовали наш приход для антисоветских провокаций?

— Откровенно говоря, не вижу ничего в этом невозможного... Получилось очень нескладно, что объявление лоцманами забастовки совпало с нашим прибытием.

— Не будьте таким пессимистом,— улыбается капитан и, заметив спускающегося с мостика Тайминя, спешит к нему.— Несправедливо! Человек привел большой пароход, а ему даже малого цветочка не дали.— И капитан прикрепляет свою гвоздику к отвороту Тайминовой тулупки.

Спустя полчаса Тайминь в своем лучшем темно-синем костюме с гвоздикой в петлице сходит на берег. Остальные, свободные от вахты, члены экипажа ушли в город еще раньше. Только несколько матросов, и Чайкин в их числе, дождались Тайминя, чтобы вместе с ним познакомиться с Криспортом. Чайкин делает это не без задней мысли — Тайминь единственный, кто знает, где торгуют самым лучшим пивом.

Стемнело. Вдали переливаются пестрые огоньки буюв, сигнальные огни на мачтах, мерцают лампочки на стрелах портовых кранов. Когда Тайминь со своими спутниками поравнялся со складом, из тени вышел полный, благообразного вида мужчина и попросил прикурить. При свете спички он узнает Тайминя и делает знак своим товарищам. Прикидываясь подвыпившими матросами, они незаметно следуют за группой советских моряков.

Тайминь неоднократно проходит мимо афиш с Элеонорой Крелле, но не замечает их. Виной тому не только темень. Прогулка по знакомым местам настолько взволновала Тайминя, что он не обращает внимания даже на реплики товарищей. Все те же улочки, освещенные тусклым светом старинных фонарей, все те же допоздна открытые магазинчики, все те же ярко накрашенные сомнительного вида женщины, чересчур весело улыбающиеся морякам.

Да, город не изменился. Что стало за эти годы с друзьями? Доведется ли ему повидать своего учителя лоцманского искусства Эрика Берлинга, который не только предоставил ему кров, но и приобщил к движению Сопротивления? И Берлингову малышку Нору — шуструю, отчаянную девчущку, из которой со временем должна была вырасти настоящая подруга моряка? И многих других, с кем Тайминя связывала крепкая, мужская дружба? Теперь он сожалеет о том, что быстро прервал переписку с друзьями. Но что было поделать — в те времена почтовая связь с заграницей почему-то считалась нежелательной. Как ты докажешь, что такой Берлинг вовсе не при-

служник капиталистов, а не менее честный человек, чем товарищ Озолин в Риге или товарищ Иванов в Москве.

— Скоро придем? — через несколько кварталов спрашивает нетерпеливый Чайкин.

— Куда? — Тайминь совсем позабыл о цели пути Чайкина.

— Да, сразу видно, что проводка корабля в Криспорт адова работа. Даже мозги отнимаются, — покачивает головой Чайкин с деланным сочувствием. — В пивное заведение, вот куда! Побывать в Криспорте и не узнать, каков вкус здешнего пивца, — этого я себе никогда не простил бы.

Впереди светился вход в кабачок «Веселый дельфин».

— Вот оно то самое местечко, — улыбается Тайминь. — За три кабельтова пивом тянет.

— А вы, штурман? — растерянно спрашивает Чайкин, видя, что Тайминь не намерен заходить в пивную.

Тайминь отрицательно качает головой.

— Заскочу узнать, как поживают старые приятели, и сразу домой, отсыпаться. Я и в самом деле чувствую себя так, будто своими руками толкал корабль.

Тайминь не имеет понятия, где теперь живут Берлинг и другие знакомые лоцманы. Разыскивать их по старым адресам спустя много лет — сущая бессмыслица. Однако он уверен, что «Спасение моряка», как и в давние времена, остался излюбленным местом их сборов. Там-то уж знают, что с ними случилось, где их отыскать.

Тайминь задумался и не замечает, что за ним наблюдают двое. Вот и «Спасение моряка». Сводчатый зал пуст. Только у стойки болтает с хозяином кабачка какая-то девчонка.

— Вы не могли бы мне сказать?.. — начинает Тайминь, но...

Две руки обвиваются вокруг его шеи, девчонка целует его в щеку. Несколько обескураженный Тайминь высвобождает себя из объятий.

— Не узнаешь меня! Нехорошо! У тебя в петлице моя гвоздика, а ты меня даже не поблагодаришь...

— Право, не помню... — растерянно бормочет Тайминь.

Тогда Нора шаловливо подражает голосом ребенка:

— Дядя Аугуст! А что ты мне привез из Риги?

— Норочка! — восклицает ошеломленный Тайминь. —
Никогда бы не подумал, что за десять лет человек может
стать таким взрослым.

— И таким озорным? — хохочет Нора. — А я тебя
узнала сразу... Насчет подарка я, конечно, пошутила...
С меня вполне достаточно вот этого. — Нора показывает
на янтарную чаечку, приколотую к блузке.

— А отец... — Тайминь не решается произнести свой
вопрос до конца.

Несмотря на свое легкомыслие, Нора понимает его
деликатность.

— Не печалься, с похоронным бюро Швика он еще
дела не имел. Жив и здоров...

— Отчего же не пришел нас встречать?

Нора становится серьезной.

— В газете появилась статья, в которой намекают на
связь между забастовкой и приходом вашего корабля.
Там и твое имя упоминают... Постой... Сейчас позову
отца...

И вот Тайминь с Берлингом стоят друг против друга.
Когда покончено с долгими рукопожатиями, дружеским
хлопаньем по плечу и радостными возгласами, Берлинг
мрачно кивает головой.

— Да, такие вот дела... По правде говоря, тебе не
следовало приходить сюда... По крайней мере, до тех
пор, пока не дадим отпор этой брехне.

— Да ладно, — машет рукой Тайминь. — Собака лает,
ветер носит.

— На этот раз, Аугуст, дела обстоят малость посерь-
езней. За собачонкой, которая лает, стоит другая, поболь-
ше. Та может укусить как следует! Помнишь Борка, во
времена оккупации он сотрудничал с немцами?.. Нынче
он депутат, кандидат в министры... Мастер на любые про-
вокации.

— Ну и что с того?

— Несколько часов назад он прикатил в Криспорт...
Я считаю, в прямой связи с нашей забастовкой и вашим
прибытием... Так что ты уж не сердись, не смогу тебя
даже в порт проводить... Нам надо держаться на рас-
стоянии, пока не докажем, что все это гнусная выдумка.
На-ка, почитай, что тут про тебя насочиняли. — И Бер-
линг достает из кармана экстренный выпуск «Курьера
Криспорта».

Прочитав статью, Тайминь только присвистнул.

— Да, выходит, даже эту красную гвоздику надо спрятать в карман. А вдруг кто заметил, что твоя дочка бросала цветы? — пробует шутить Тайминь.

Он уже хочет вернуть газету, как взгляд его вдруг задерживается на второй странице. Большое объявление извещает о том, что сегодня вечером в варьете «Хрусталь» состоится гастроль Элеонора Крелле.

— Элеонора! — восклицает Тайминь.

Газета падает у него из рук.

* * *

Над ярко освещенным порталом кабаре «Хрусталь» вспыхивают, гаснут и вновь вспыхивают буквы из неоновых трубок: «Поет и танцует Элеонора Крелле». Другие лампочки, вспыхивая и погасая, образуют на крыше контур танцующей женщины. Перемигивание лампочек создает иллюзию, будто светящийся образ и в самом деле взлетает и опускается в танце.

Пока что швейцару в раззолоченной ливрее делать нечего — явились лишь самые ранние посетители, среди них и хозяйка меблированных комнат, у которой живет Элеонора. Старуха хочет извлечь максимум удовольствия из своей контрамарки и подольше побыть в столь шикарном месте.

Перед кабаре — два человека. Один как будто ждет кого-то. Это подручный Венстрата — тип со шрамом на щеке.

Второй — старик Серенс. Ворот его потрепанного костюма поднят, старая облезлая шляпа надвинута на уши, сам он, спасаясь от вечернего холода, жметя к стенке. Он еще не вполне оправился после болезни, но голод не тетка — приходится вернуться на свой обычный пост. Как только Серенс замечает автомашину, тормозящую у театра, он перепрыгивает через лужу, чтобы не опоздать и почтительно распахнуть дверцу.

Снова впустую! Отковыляв к стене, Серенс к ней прислоняется в поисках опоры для ослабевшей спины. Рука машинальным движением ощупывает в кармане томик, поглаживает его. Это редкое издание «Божественной комедии» Данте — одно из главных сокровищ его библиотеки. Как ни жаль расставаться с книгой, Серенс все-та-

ки отнес ее сегодня к букинисту. Но и там ждала неудача — как раз такой экземпляр у букиниста уже имеется, а Криспорт слишком мал, чтобы нашлось два охотника на столь дорогое издание.

Автомобильный гудок. Преодолевая слабость, старый Серенс вновь отделяется от стены, подскакивает к машине и услужливо распахивает дверцу. Выходит Элеонора Крелле. На ней великолепное черное платье. Поверх накинут белый плащ, в котором ей сегодня предстоит выступать. Вообще Элеоноре надлежало бы подъехать к актерскому входу, но она не может отказать себе в удовольствии войти в парадные двери дома, о котором до сегодня могла лишь только мечтать.

Элеонора не узнает старика, с опущенной головой ждущего вознаграждения. Но она знакома с невзгодами и нищетой, надломившими его. В этом человеке она как бы видит свое прошлое, и если бы не сегодняшний внезапный поворот судьбы, то и еще более плачевное будущее. В приливе сочувствия Элеонора быстро раскрывает сумочку и сует старику крупную банкноту.

Опешивший Серенс уставился на лежащее в его руке немыслимое богатство. Придя в себя после минутного замешательства, бросается вслед за Крелле и, настигнув ее у самой двери, бессвязно лепечет слова благодарности и, в свою очередь, тоже что-то сует ей в руку — томик Данте.

— Не обессудьте. Другого у меня ничего нет. За доброту вашу... «Божественная комедия».

Швейцар не понимает, в чем дело. Решив, что старик кланчит у артистки деньги, он грубо отпихивает Серенса.

— Будьте любезны! — Перед Крелле вырастает галантный хозяин кабаре. — Рад вас приветствовать в своем театре!

Крелле оглядывается. Старика Серенса больше нигде не видеть. Зато с нее не спускает глаз полуприкрытый колонной человек со шрамом.

* * *

Теперь старый Серенс мог бы преспокойно отправляться домой — даже в пору самого пышного расцвета его дел ему не случалось держать в руке столько денег. Правда, нынче деньги не имеют той цены, что в доброе

мирное время, но все равно эту сумму можно растянуть на месяц, по крайней мере. Как станет уютно в его хижине, когда в камине снова затрещат поленья, разливая тепло.

Однако привычка удерживает его на месте. Привычка и неведомо откуда взявшаяся алчность. А вдруг сегодня его день, день сказочного везения, которое бывает в жизни только раз... Может, посчастливится получить еще одну такую щедрую подачку, и тогда можно будет прожить без забот не месяц, а два, три или даже целые полгода... Вот приближаются несколько моряков. Если они успели хватить вина, то очень может быть, не поскупятся на чаевые.

Советские моряки и в самом деле успели опрокинуть кружку-другую пива. Только, к сожалению, оно здесь не идет ни в какое сравнение с «рижским светлым» — ни по вкусу, ни по крепости, а уж о знаменитом пильзенском, изрядные запасы которого есть в буфете на «Советской Латвии», и говорить нечего. Поэтому Чайкин хотя нет-нет, но все-таки неуклонно рулит к порту. Остальные тоже ничего не имеют против — что можно предпринять в чужом городе, когда валюты в обрез?

— Как поближе пройти к порту? — на ломаном английском языке спросил моторист у Серенса, подошедшего явно с намерениями быть полезным.

Тот не успевает ответить, потому что Чайкин вдруг громко восклицает:

— Вот это здорово! — и показывает на афишу с изображением Элеоноры Крелле.

— Ты про что? — не понимает, в чем дело, моторист.

— Про певицу эту, вот про что. — И Чайкин поясняет свою догадку: — Видал ее карточку в каюте у штурмана. Очень даже похожа...

— Чепуха, — машет рукой моторист. — Понравилась человеку картинка, вот и таскает за собой по морям и океанам, глаз потешить. У Андрея над койкой целый гарем развешан. Оттого, наверно, и ворочается во сне, что все о них думает...

— Ты говори, да не заговаривайся! — беззлобно огрызается Андрей.

— Нет, Тайминь не из таких, — качает головой Чайкин. — У него невеста пропала без вести. А что, если это та самая?

— Думаешь, он из-за нее нас бросил? — мелькает у моториста догадка. — Мог бы сказать, как человек.

— Постой, он что-то насчет старых знакомых говорит... — вспоминает Чайкин.

Истолковав по-своему интерес моряков к афише, старый Серенс вмешивается в разговор:

— Очень советую сходить. Щедрый человек не может петь плохо. Не пожалеете.

В этот момент мимо проходит симпатичный толстяк и пристально разглядывает моряков.

* * *

Полукруглый раззолоченный зал варьете безвкусен, как безвкусны и бездарны выступления на его подмостках. Столиков здесь намного меньше, чем в «Веселом дельфине», зато цены значительно выше, в особенности на алкогольные напитки, которые каждый посетитель в обязательном порядке должен заказывать. Не зря хозяин в минуты откровенности любит похвастать, что достаточно, если его посетят три таких пьяницы, как судовладелец Керзен, и тогда все расходы вечера будут с лихвой окуплены.

Крелле уже шесть лет живет в Криспорте, но лишь однажды побывала в «Хрустале» — в тот давно забытый вечер, когда Дикрозис пригласил ее отпраздновать здесь только что полученное гражданство. Как много с тех пор утекло воды!..

Крелле печально улыбается — тогда еще не совсем была потеряна надежда выйти замуж за Дикрозиса, надежда на свой дом, семью и паспорт. Лишь позднее она поняла, что по сути дела это было прощание, — не мог же уважаемый гражданин Криспорта связать свою судьбу с сомнительной женщиной без подданства. Крелле ни в чем не упрекала Дикрозиса, в конце концов у каждого свой путь в жизни.

Кто бы мог подумать, что после минувших лет кто-то бросит ей вдруг веревочную лестницу, по которой можно снова начать карабкаться на поверхность? Неизвестно, куда этот путь еще заведет, но возможность надо использовать, что бы там ни было!.. Элеонора глядит в зал, чуть сдвинув бархатный занавес. Публики пока немного, но это все солидные люди, «сливки» Криспорта,

не какие-нибудь шумливые моряки, во всю глотку подпевающие припев.

Вот кельнер приближается к столу, за которым высится могучий торс Керзена. Его шея стянута крахмальным воротничком, но надо полагать, что багровый цвет лица происходит, скорее, от вкушенного коньяка. На его соседа Зуммера алкоголь действует совсем иначе — от рюмки к рюмке он делается все грустнее, пока не выпускает нюни от жалости к самому себе ввиду постигшей его беды. Третий собутыльник за этим столом — Швик, чье черное облачение здесь выглядит вполне уместно. Тросточку, взмахами которой он, по обыкновению, сопровождает каждое свое слово, пришлось сдать в гардероб, потому он не разговорчив.

Вон хозяйка меблированных комнат. По случаю «выхода в свет» старуха втиснула свои телеса в платье Элеоноры из синей тафты. Ничего, пусть мнется, рвется — завтра можно будет заказать модный туалет лучше этого...

И тут у Элеоноры замирает сердце — ближе всех к эстраде сидит актриса варьете, чьи портреты украшали последние несколько недель все витрины «Хрустала». Наверно, пришла поиздеваться над своей конкуренткой, потому и губы у нее сжаты в такой презрительной гримасе. Ничего хорошего не предвещает и вид спутника артистки, по моноклю, шрамам и военной выправке которого нетрудно узнать в нем бывшего офицера вермахта. Они разговаривают нарочито громко, будто знают, что каждое их слово лишает Элеснору уверенности в себе, столь необходимой для сегодняшнего дебюта.

— Что еще за Крелле? Судя по картинке — звезда далеко не первой молодости.

— Директор мне сказал, что она — протеже одного толстосума, — поясняет кавалер.

— Я не намерена оспаривать мужской вкус, — высокомерно замечает актриса, — но почему мы должны платить за то, что доставляет удовольствие ему одному?

Взгляд Крелле блуждает по залу. Обнаженные плечи дам, фраки мужчин... Моряков в советской форме нигде не заметно.

— Ты уверен, что они придут? — распахнув дверь кабинета, взволнованно спрашивает Крелле у разговаривающего по телефону Дикрозиса.

Стены завешаны афишами, но напрасно Элеонора ищет среди них свою, и это еще больше портит ей настроение.

Дикрозис, сделав ей знак молчать, продолжает разговор, который больше похож на повторение чьего-то приказания:

— Будет сделано, доктор... Есть, доктор... Все будет в порядке, доктор!.. — Положив трубку, он поворачивается к Элеоноре: — Что? Ты до сих пор не переодета? Забыла, о чем я тебя предупреждал? Ты должна выступать в ситцевом платье и старом дождевике. А где красный платок, о котором мы договорились?

— Но я подумала... — растерянно оправдывается она. — Простые платья они видят и в России. А у этого такое красивое декольте... и спина... Когда повернусь и сниму плащ...

— Типично женская психология, — усмехается Дикрозис. — Твой вид должен вызывать у них симпатию и сочувствие, а ты собираешься устраивать показ мод со стриптизом в придачу... Так вот, сестренка, у меня своих забот по горло. Если другого платья с собой нет, отрезай шлейф и застегивай плащ на все пуговицы! — Широким жестом он заранее отменяет все возможные возражения и победно говорит: — Делай, как тебе велят. В настоящее время это твой последний шанс всплыть на поверхность.

* * *

Разгоряченный быстрой ходьбой Тайминь — экое счастье! — не давая себе пускаться в рассуждения и домыслы, Тайминь открывает дверь в зал варьете. В военные годы это заведение было излюбленным ночным приютом офицера вермахта, и потому порядочные люди обходили театр стороной. Но и тогда шло много разговоров о шике «Хрусталья» — вот отчего Тайминь испытывает разочарование: не предполагал он, что сцена, на которой будет выступать его Элеонора, имеет такой безвкусный и мещанский вид. Но сейчас главное не это, куда важнее знать, не опоздал ли он.

Выждав, пока умолкнут жидкие аплодисменты после выступления фокусника, Тайминь обращается к официанту:

— Скажите, Элеонора Крелле уже выходила?

— Еще нет.— И он проводит Тайминя к свободному столику в самом переднем ряду.— Коньяк или шампанское?

— Коньяк! За мой счет!— отвечает подошедший к столику Венстрат. Бросив официанту бумажку, он раскланивается: — Разрешите представиться — Венстрат, коммерсант... То есть бывший коммерсант, теперь я им-прессарио Элеоноры Крелле. Мне льстит, что советский моряк интересуется искусством Норы... Большой талант! Карузо в юбке!

— Вот как?

В Таймине борются противоречивые чувства. Еще вчера он был бы безмерно счастлив встретить человека, который может ему рассказать о жизни Элеоноры. Теперь же ему хочется быть одному, хочется взглянуть на бывшую возлюбленную без свидетелей. Но Венстрат, как назло, не собирается уходить, и не остается ничего другого, как предложить ему стул.

— Благодарю.— И Венстрат садится.— Я всегда счастлив побеседовать с настоящим ценителем искусства.

— Видите ли,— Тайминь рассеянно наливает себе коньяку, который уже успел принести официант,— Элеонора Крелле, по-видимому, рассказывала вам... Одним словом, она из Риги... И я тоже оттуда... Очень хотелось бы с ней встретиться!

За черными стеклами очков Венстрата вспыхивает огонек радости. Сейчас он похож на удава, к разинутой пасти которого приближается загипнотизированная жертва. Вспомнив о своей роли, Венстрат растягивает лицо в любезной улыбке.

— Ни капли не сомневаюсь в том, что Элеонора будет рада. Она всегда стремится к встрече с соотечественниками, которые могут привезти привет с родной стороны. Там остался человек, которого она любила. Прошло десять лет! Очевидно, женщина никогда не теряет надежды, не примиряется с мыслью, что... Ну, да что я разболтался! С моей стороны было бы нескромно... Вы извините...— Он словно бы спохватывается, что подобная откровенность недопустима в разговоре с незнакомым человеком.— Напишите записочку, я отнесу в антракте.

Тайминь достает записную книжку. Но что ей написать? За минувшие годы накопилось столько, что немыс-

лимо вместить это в несколько сухих слов. Он вырывает листок, отвинчивает колпачок авторучки. И никак не собирается с мыслями.

На эстраде продолжают выступления, на которые никто не смотрит. Кувыркаются две полуголые акробатки, извиваются в причудливых движениях, но даже световые эффекты прожекторов не могут скрыть их неудобу. Единственно, кто с интересом глядит на эстраду, это Швик.

— Идеально сложены... для гроба! — наконец высказывает он свое заключение знатока.

— Не понимаю, почему доктору Борку понадобилось, чтобы мы посмотрели эту программу, — скрипит Зуммер. — Мне вовсе не до развлечений.

В зале меркнет свет. Оркестр начинает играть душещипательную мелодию, но занавес не подымается. Приглушенный плотным бархатом, в розовой полутьме слышится чуть хриловатый грудной голос Крелле:

Словно лист под ногами,
Гонимый ветрами,
Я от дома родного вдали
По чужбине скитаюсь...

Тайминь приподнимается со своего места, всем корпусом подается вперед. Это голос Элеоноры. Голос, который ему слышался в минуты отчаяния — а их случалось немало: в лодке, когда его воспаленный мозг каждый всплеск волны принимал за артиллерийский залп; в относительно безопасном Криспорте, когда воображение рисовало картины пыток Элеоноры в застенках гестапо; в фильтрационном лагере, когда он не мог втолковать представителю органов безопасности, что и за границей человек способен не замарать совесть и вернуться на родину без черных замыслов; да мало ли их было, таких минут, когда мысли о любимой помогли выстоять, не сломиться. И вот мечта о встрече с ней на грани воплощения!

Забыв обо всем на свете, Тайминь ничего не видит вокруг себя, не замечает, с каким удовольствием наблюдает за ним Венстрат. Тайминь слышит лишь песню Элеоноры Крелле.

Медленно раздвигается занавес, открывая темную

уличку, по которой ветер гонит желтые осенние листья. Прислонясь к фонарному столбу, стоит Элеонора Крелле в белом дождевике, слабый свет фонаря едва раздвигает над ней непроглядную темень. На плечах у нее красный платок, лица почти не видно, но Тайминь и без того знает каждую его черту, и ему кажется, что пролетевшие годы не оставили на этом лице никаких следов, что Элеонора Крелле стала еще прекрасней — на зло безжалостной судьбе, о которой поется в песне:

На чужой земле за гроши,
Слезы пряча, пою,
И тоску мою
Глушит джазовый вой.

Да, это его Элеонора! Все та же вера в вечную мечту и вечную любовь. Тайминь чувствует, что Элеонора, исполняя эту песню, всеми мыслями сейчас унеслась в Ригу, к нему. И, значит, нечего ломать голову над причинами, по которым она до сих пор не вернулась на родину и не давала о себе знать. В Таймине растет и крепнет убеждение: стоит им обменяться несколькими фразами, и все сызнова будет как десять лет назад.

Лишь тремя часами ранее Крелле репетировала эту песню, слова для которой придумал Дикрозис и подогнал под известный мотивчик. Тем не менее она уверена, что поет хорошо, с чувством; похоже, текст заставил вновь зазвучать некую давно умолкшую струну души, и та придала исполнению сердечность. Но уже после второго куплета артистка замечает холодное безразличие, которым дышит на нее полутемный зал.

Публике скучно.

— Я, конечно, не специалист по этой части,— говорит Зуммер,— но и мне хотелось бы знать, ради чего доктор Борк все это затеял.

Разочарована и хозяйка меблированных комнат. Она достаточно долго живет на свете и понимает, что с таким пением трудно добиться успеха. Правда, Дикрозис заплатил за месяц вперед, но что будет дальше...

От души рада одна лишь артистка варьете. Такая конкуренция действительно не страшна. Представив, какие она сама завтра сорвет аплодисменты, она улыбнулась Крелле, но тут же спохватилась и сделала гримасу возмущения.

Тайминю даже в голову не приходит воспользоваться небольшой паузой и подать Крелле какой-либо знак. И все же Элеонора замечает его. Видит, глубоко взволнованная, подходит к краю эстрады, хочет вслух выразить радость, счастье и... не в состоянии произнести ни звука.

Оркестр второй раз играет рефрен. Дирижер нервничает. Публика в недоумении. Только двое не замечают, что творится вокруг.

И тут вдруг голос Крелле обретает былую силу. Теперь она поет одному лишь Тайминю, теперь можно не думать о том, как потрафить вкусам посетителей, о завтрашнем дне, зависящем от успеха сегодня.

Словно идущий ко дну корабль,
Зову тебя: где же ты, друг?
Знаю сама — далеко ты,
И сердца моего напрасен клич,
И вновь, слезы пряча,
За гроши я пою.
И тоску мою глушит
Джазовый вой.

Элеонора стоит, низко опустив голову. Как легко сыграть отчаяние первой части песни! Достаточно вспомнить все несчастья и унижения, выпавшие на ее долю за последние годы. И когда аккомпанемент оркестра, перешедший в тихий плач скрипок, вновь начинает звучать в полную силу, она, почти забыв, что это всего лишь эстрадный номер, вдруг вкладывает в песню копившийся годами гнев:

Но знаю я: настанет час, из пепла возгорится пламя,
Когда переполнится чаша моего терпения,
Я запою красную песнь гнева,
Прольется с небес горящая сера
И спалит этот город огнем расплаты,
И захлебнется воющий джаз.
Словно красный флаг к синему небу,
Подыму я этот платок!

Элеонора срывает с плеч красный платок и подбрасывает его. В ярком луче внезапно вспыхнувшего прожектора он и в самом деле реет словно боевой стяг.

— Это красная пропаганда! — раздается вдруг чей-то крик.

Человек со шрамом на лице вскакивает со своего места и громким свистом выражает хорошо разыгранное возмущение. Его поддерживает еще кое-кто из посетителей.

Занавес опускается. Зал безмолвствует. Резким диссонансом в тишину падают слова конференсье, выкрикиваемые с наигранным оживлением:

— Теперь Элеонора Крелле споеет советскую песню «Марш демократической молодежи».

— Она совсем спятила! При такой напряженной политической ситуации выступать с подобными песнями! Боюсь, ее ожидают серьезные неприятности... — с деланным волнением говорит Венстрат.

— Неужели ее могут арестовать? — Как ни гонит от себя, но все же допускает подобную мысль Тайминь.

Вместо ответа Венстрат бросается к двери, ведущей из зала за кулисы.

Занавес медленно, как бы нехотя, раздвигается. Оркестр играет вступление, но Крелле все еще не выходит на сцену. Занавес неожиданно задвигается вновь, в зал дают свет.

Тайминь вскакивает. Рядом с ним оказывается Венстрат.

— Скорее! — торопит его Венстрат.

— Что случилось? Полиция?

— Полиция! — хрипло шепчет Венстрат.

Тайминь одним прыжком подскакивает к двери сцены. Смэш и человек со шрамом преграждают ему путь. Тайминь готов силой проложить себе путь.

— Здесь мы не пройдем, только время потеряем, — хватая Тайминя за руку и тащит за собой Венстрат. — Бежим кругом! Через актерский вход.

Опрокинув по пути стул, толкнув кельнера, который едва не уронил нагруженный рюмками поднос, Тайминь пробегает мимо швейцара. Не замечая, что Венстрата с ним уже нет, он обегает вокруг здания, направляясь к двери, освещенной одинокой лампочкой, — входу в театр для актеров.

— Разве представление уже кончилось? — кричит ему вслед старый Серенс.

...Дикрозис действовал по тонкому психологическому

расчету. Затеявая провокацию, он учел все. По рассказам Крелле и по собственным наблюдениям во время посещения «Советской Латвии» у Дикрозиса сложилось впечатление о Таймине, как о человеке горячего нрава, и он решил сыграть на этом свойстве характера штурмана. Конечно, можно было заранее предупредить Крелле и заставить ее принять участие в задуманной сценке, но Дикрозис, мнивший себя артистом, любил импровизации. Он считал, что все будет выглядеть намного натуральней, если певица поверит в реальность угрозы и с неподдельным ужасом в голосе будет звать на помощь. Инсценируя примерно ту же ситуацию, что имела место в оккупированной Риге, Дикрозис был уверен, что Тайминь, не задумываясь над последствиями, бросится на выручку. И уж наверняка выкинет какую-либо глупость, которой можно будет выгодно воспользоваться.

Действительно, все идет как по писаному. Тайминь издали замечает Элеонору. Двое Венстратовых верзил как раз затапливают ее в машину, номер которой зачехлен.

— Нора! Нора! — кричит он, бросаясь на помощь.

— Аугуст! Помоги! — звучит в ответ приглушенный зов.

Тайминь почти подрос, но тут его сзади хватает парень в брюках гольф. Тайминь вырывается. Удар в челюсть сбивает парня с ног, падая, тот ударяется головой о багажник автомобиля.

— Аугуст, берегись! — кричит Крелле из машины.

Но поздно. На Тайминя набрасываются подручные Венстрата, после короткой борьбы скручивают его и затапливают в машину. Серый автомобиль срывается с места и, едва не сбив старика Серенса, мчится в северном направлении. Красный фонарик, под которым виднеется номер 00-2941, быстро тает вдали.

В тихом темном переулке остаются лишь Серенс и чехол с номерного знака, свалившийся во время стычки.

Наконец рабочий день капитана окончен. Выпроважены последние почитатели черной икры и настоящей русской водки — работники управления порта, чиновники карантинной службы, таможенники и представители фирмы, стивидоры и деспетчера, норовящие по малейшему поводу прийти на судно, чтобы получить традиционное угощение и обменяться парой незначительных фраз о

прогнозе погоды. Откланялся и капитан французского корабля, который хотя и пил принесенный с собой коньяк, но зато рассыпался в двусмысленных комплиментах по поводу высокого навигационного мастерства, позволившего «Советской Латвии» обойтись без лоцманов. А им, французам, еще неизвестно, сколько придется торчать в этом богом забытом Криспорте, где даже приличного реву не посмотришь.

Итак, Акмен освобожден. Восстановив свойственный его каюте педантичный порядок, он смотрит на стенные часы. Уже перевалило за полночь — вот почему прекратили работу краны. Но днем грузчики вкалывали на совесть, и будет неудивительно, если через два дня трюмы опустеют. Надо уточнить, сколько сегодня выгружено, а там можно и на боковую.

На палубе он сразу улавливает, что случилось какое-то происшествие. И не потому, что команда не спешит разойтись по кубрикам и каютам — ребятам есть о чем поболтать после прогулки по незнакомому заграничному городу, — но по тому, что все чем-то подавлены, угнетены, и это сразу чувствуется. Моряки стоят у фальшборта и молча глядят на пустынную набережную. Даже Дубов молчит, а он-то уж не упустит возможности поговорить насчет событий в капиталистическом мире. Нервно посасывая потухшую трубку, первый помощник прохаживается взад-вперед по палубе. Завидев капитана, пробует бодро улыбнуться, но и улыбка не в силах согнать с его лица усталость и тревогу.

— Что стряслось?

— Пустяки. — Голос Дубова звучит чересчур беспечно, и не верится Акмену в его веселость. — Тайминь еще не вернулся, ребята хотят его дожидаться...

— Это — ребята. А вы сами просто дышите свежим воздухом, верно? Увольнение на берег у него кончается...

— Ровно в двадцать четыре, как и у всех остальных. Капитан смотрит на часы.

— Так пока волноваться еще не из-за чего. — Он пристально смотрит в глаза своему первому помощнику и вдруг понимает, что беспокоит Дубова. — В каком настроении он ушел? Может, заметили что-либо не то?

— Да нет, все, как обычно, — разводит руками Дубов. — Чайкин вот считает, что он мог задержаться по личному делу...

— Какие могут быть личные дела? — Капитана все это начинает понемногу злить.

— Когда-нибудь вы видели у него в каюте фотографию невесты?.. А теперь, братва говорит, весь город обклеен портретами какой-то певицы... Говорят, очень похожа! Чайкин клянется, что это она и есть.

Капитан хмурится. Это его третий самостоятельный рейс за границу, но Акмен чувствует, что настоящие испытания еще впереди. Разгадав, какие заботы занимают его ум, Дубов успокаивает:

— Сейчас придет и скажет, что захотелось перед сном пропустить кружечку пивца.

— Только не Тайминь,— качает головой капитан.— По всем характеристикам он — пример дисциплинированности. Визу ему не давали по другим причинам... — Он о чем-то задумывается. — Приехал!

По булыжной набережной мечутся лучи автомобильных фар, цепляются за палубу, на миг ослепляют Акмена и Дубова, соскальзывают и несутся дальше. Машина не останавливается у трапа «Советской Латвии».

— Подозрительно,— высказывает Дубов свое беспокойство.— Пахнет провокацией... Сперва эта статья про Тайминя в газете, а теперь и сам он пропал... Если до утра не объявится, надо будет сообщить в полицию.

— О чем ты сообщишь? А если и в самом деле тут замешана женщина? Тайминь как-то рассказывал, что до сих пор любит свою невесту. Сам знаешь — он не болтун, но и то проговорился. Если эта певица — бывшая невеста Аугуста, я ни за что не ручаюсь, провалиться мне на этом месте!

— Предположим, ты прав... В таком случае он же мог предупредить нас, прислать записку, что заночует в городе... — Дубов вдруг трахает кулаком по планширю. — А что, если это западня?

— Западня? — недоумевает Акмен.

— Вот именно! Возможно, этот журналист про Тайминя знает больше, чем мы с тобой. И на этом строит свою провокацию. Надо будет обратиться к властям. И чем скорее, тем лучше!

— Чтобы потом этот тип смог высмеять меня в своей газете. Не капитан, а перепуганная нянька. — Толком не представляя себе, что предпринять и как действовать, капитан злится на самого себя.

Дубов кладет ему руку на плечо.

— Ишь ты... Переживаешь?

— А ты нет?

— Нет, капитан, во всяком случае не так, как это тебе кажется,— твердо говорит Дубов.— Я не переживаю. Я знаю своих людей. А Тайминя в особенности. Я и сегодня готов головой за него поручиться. Никогда, слышишь, никогда не поверю, что он может... К черту! Даже произносить неохота это гнусное слово, которое несколько лет тому назад лепили где надо и где не надо!

— Хоть бы знать, где он находится!— Не желая выставлять напоказ свою тревогу, капитан круто поворачивается и уходит в свою каюту.— Только не будите меня, когда Тайминь появится.— Последние слова он нарочно произносит громко, чтобы все могли слышать.

* * *

Когда жива была мать Норы, в доме Берлингов не придерживались строго распорядка дня— члены семьи приходили и уходили кто когда, и даже по воскресеньям редко случалось посидеть за столом всем вместе.

Позднее, когда во второй комнате поселился Густав— а его дежурства не совпадали с рабочим временем Берлинга,— Нора давала им еду с собой, чтобы могли поесть в море. Теперь идти было некуда, можно посидеть и за семейным столом. Однако первый же совместный завтрак превратили в подобие военного совета.

Переставив на другое место лампу, искусно сделанную в виде маяка, Нора накрывает стол в большой комнате. В одном углу— владения Эрика Берлинга: этажерка с грудой книг, бинокль, клеенчатая накидка, старые морские карты. Другой угол в распоряжении Норы: столик для рукоделия, швейная машинка, ваза с цветами у зеркала. Цветущие ветви жасмина просовываются в открытое окно. Берлинг на диване листает «Курьер Криспорта». Вдруг газета вздрагивает у него в руках, и уже в следующий момент Эрик на ногах.

— Густав!— орет он так, что Нора чуть не роняет кофейник на пол.— Густав, ты читал?

Не успев смыть с лица мыльную пену после бритья, вбегает Густав.

— «Исчез советский штурман. Не для того ли, чтобы

из подполья руководить забастовкой лощманов?» — читает вслух Берлинг. — Послушай дальше: «Как нам сообщают из достоверного источника, латышский моряк Аугуст Тайминь до сих пор не возвратился из увольнения на берег. Вчера его видели беседующим с членами забастовочного комитета, после чего он пропал без вести. Если мы вспомним у кого этот самый Тайминь нашел убежище десять лет тому назад, нетрудно будет догадаться о его сегодняшнем местонахождении. Логическим продолжением этой мысли является единственно верный вывод: если бы штурман решил навсегда отвернуться от красного рая, он пришел бы в полицию и просил предоставления ему политического убежища. Однако он устанавливает связь со своими бывшими друзьями, которым именно сейчас позарез нужен матерый агитатор и советник, необходимы деньги, а может, и еще более опасное оружие для борьбы против судовладельцев и других столпов нашего государственного правопорядка. Разумеется, еще не настало время для окончательных выводов, ибо возможны всякие случайности, однако мы надеемся, что уже в ближайших номерах газеты сможем сообщить о развязке этой темной аферы...» Нора, ты куда?

— Узнать правду. На «Советскую Латвию».

— Этого еще не хватало.

— Отец прав, — загоразживает дорогу Норе Густав. — Теперь это было бы только лишним подтверждением наших «связей с Кремлем».

— Вы что, и впрямь намерены сидеть сложа руки? — Нора возмущена. — Оставить в беде старого товарища? Берлинг пропускает обвинение мимо ушей.

— Куда Аугуст вчера вечером так скоро удрал? — задумчиво спрашивает он. — Что он мог вычитать в газете? У нас еще цел вчерашний «Курьер»?

Немного погодя входит Нора с газетой.

— Ну, теперь мне все понятно! — возбужденно сообщает она. — Здесь же черным по белому: «Элеонора Крелле»!

— Что еще за Крелле?

— Певица, которая вчера начала свои гастроли в «Хрустале», — поясняет Густав. — Мне еще кажется...

Но Нора не дает ему закончить фразу:

— Элеонора Крелле. Неужели ты не помнишь, папа? Это же пропавшая невеста Аугуста!

— И, судя по фотоснимку, это та самая, что весь год выступает в «Веселом дельфине».

— Откуда ты так здорово знаешь дам из портовых кабаков?

— Нора! — прикрикивает Берлинг на дочь. — Нашла подходящее время закатывать сцены ревности... Лучше давайте подумаем, не могли ли ее использовать как приманку, чтобы заманить Аугуста в капкан.

— Да иначе просто и быть не может, — соглашается Густав. — С чего бы ее вдруг взяли в «Хрусталь»?

— Кузнечик, сбегай в театр-варьете и попробуй разузнать, не был ли там Тайминь. А Густаву надо бы официально заявить в полицию о том, что мы тоже разыскиваем штурмана. — Берлинг встает с дивана, подходит к окну и гладит ветку жасмина. — К дьяволу! — Он нахлобучивает фуражку. — Надо подправить настроение кружечкой светленького.

— Значит, тебя искать в «Спасении моряка»? — спрашивает Нора, открывая дверь.

— Нет, сегодня я себе позволю зайти в «Корону», — таинственно улыбается Берлинг.

* * *

Начальник полиции Криспорта всей своей выправкой стремится подчеркнуть, что он двадцать лет прослужил в армии полковником, но даже отлично сшитый мундир не в состоянии скрыть намечающееся брюшко. Справедливости ради следует сказать, что оно отнюдь не следствие сытой и беспечной жизни, а как раз наоборот — нажито в немецком лагере военнопленных, где те, кто умер с голоду, пухли от помоев, которыми их кормили. Выдвинутый на пост префекта города, он в первые послевоенные годы пытался беспощадно бороться с предателями родины и с теми, кто нажился за счет патриотов. Однако со временем пришел к выводу, что этак недолго и поста своего лишиться и на старости лет остаться без пенсии. Единственно, что в его власти, — это следить, чтобы в Криспорте царил порядок.

Именно в этом и состоят заботы начальника полиции в данную минуту. Причиняет беспокойство щекотливая ситуация, в которую он попал в связи с таинственным исчезновением советского штурмана. Многолетний опыт

подсказывает, что в этом деле замешаны весьма влиятельные лица. Стало быть, сейчас главное — не выдать своего беспокойства перед капитаном Акменом, явившимся при полном параде, и перед уравновешенным, ироническим Дубовым.

— Мы явились с официальным уведомлением, — говорит капитан. — Требуем немедленно освободить штурмана Аугуста Тайминя.

Вместо ответа начальник полиции нажимает кнопку.

— Подождите! — приказывает он вошедшему в кабинет офицеру. — Был сегодня ночью задержан кто-либо из советских моряков?

— Никак нет, господин начальник, — щелкает каблуками офицер.

— Так я и предполагал, — обращается к капитану начальник полиции. — Драки затевают англичане, американцы, финны, разные там турки, а с вашими русскими моряками в этом смысле никаких хлопот не бывает.

— В таком случае, он похищен, — спокойно говорит капитан.

Начальник полиции от неожиданности даже садится.

— Абсолютно исключено! Криспорт — тишайший город на всем земном шаре...

— И все-таки он исчез именно здесь, — отрезает Акмен. — Штурман Тайминь до сих пор не вернулся на корабль.

— Если б вся беда только в этом! Бывают случаи, когда моряки по трое суток проводят в дамском обществе... Я совершенно уверен, что к отходу судна господин Тайминь прибудет сам.

— Совершенно исключается! — стоит на своем капитан. — Советские моряки никогда не останутся на ночь в чужом городе.

— Видите ли, господа, — еще любезней говорит начальник полиции, — это, как говорится, ваше внутреннее дело, в которое я не желаю вмешиваться. У нас иностранные моряки имеют право быть в городе сколько угодно. Если хотите, чтобы я на законном основании мог предпринять энергичные действия, объявите его уголовным преступником или дезертиром, в таком случае...

— Так мы долго не договоримся, — вмешивается в разговор Дубов. — Вы читали сегодняшний «Курьер Криспорта»?

— Я газет вообще не читаю.

— Очень жаль. В ней есть статья, от которой за милую пахнет провокацией. Вам стоило бы познакомиться с ней.

— Помилуйте, господа, у нас в стране печать свободна. За газеты я ответственности не несу.

— Но вы несете ответственность за каждого человека, который исчезает в Криспорте,— возвращается к исходной точке разговора капитан.

— Сделаю все, что в моих силах! Можете спокойно отправляться к себе.— И префект встает в знак окончания аудиенции.

— Без Тайминя мы из Криспорта не уйдем! — заявляет капитан.

Префект снова садится.

— Но вы не имеете права находиться здесь бесконечно. Завтра заканчивается разгрузка вашего судна.

— Хорошо, мы уйдем,— неожиданно заговорил Дубов,— как только нам дадут лоцмана!

— Вы же пришли без лоцмана! — возражает начальник полиции.

— Судно привел Тайминь. Отыщите его, и мы сразу же выходим в море.

— И по возможности, поскорее,— добавляет капитан.— Через два дня в Криспорт прибудет наш дипломатический представитель.— Он подносит руку к козырьку фуражки: — До свидания!

Холодно раскланявшись, Акмен и Дубов уходят.

— Вот видите,— говорит капитан немного погодя,— все без толку.

— Не согласен,— качает головой Дубов.— Разговор с начальником полиции подкрепил мою уверенность в том, что имеет место поставленная на широкую ногу провокация. Более того, я предчувствую, что и начальник полиции признает это... Поди знай, какие сюрпризы еще ожидают нас в Криспорте. Пожалуй, было бы разумней всего запретить команде увольняться на берег.

4

Без малого девять, а Борк все еще нежится в постели — как ни восхищают его американские методы труда, привычку рано начинать свой день он так и не приобрел. Однако это не означает, что дорогое время упущено. Свя-

завшись по телефону со столицей, переговорив с консулом Фрексой, отдав кое-какие распоряжения, Борк теперь может спокойно познакомиться с утренними газетами. Перелистав очередную, он откладывает ее и тянется к стакану с молоком.

— Читали, Дикрозис? — спрашивает Борк у журналиста, примостившегося на краешке стула. — Дебаты по торговому договору с Советским Союзом начнутся через три дня. Мы должны поторапливаться.

— Что я могу ему обещать?

— Да что угодно! Судовладельцы, как ни скупы, на сей раз раскошелятся... Войдите! — громко произносит Борк, услышав стук.

Входят Керзен и Зуммер, оба очень взволнованы и явно спешили.

— Вы нам звонили, доктор Борк? — первым начинает Керзен.

— Быть может, мы слишком рано? — робко вставляет Зуммер.

— Я не девица, которая стыдится своей ночной сорочки, — шутит Борк. — Сейчас не время думать о хорошем тоне.

— Какие-нибудь осложнения? — интересуется Керзен.

Зуммер вцепляется в спинку стула.

— У вас тут нет чего-нибудь выпить?

— Прошу! — Борк гостеприимно угощает молоком.

— Нет, нет... — отмахивается Зуммер. — Может, есть что-либо покрепче? Я хоть и не пьяница, но выслушать дурное известие...

— Почему дурное? — говорит Борк медоточивым голосом. — Не будем преувеличивать. Надо только вооружиться терпением. Если читаете газеты, сами поймете. Забастовка может затянуться.

— Ждать?! — ужасается Зуммер. — Мне дорога каждая минута! Какой-то негодяй уже начал скупать мои векселя!..

Зазвонил телефон. Кивком головы заставив их замолчать, Борк снимает трубку. По-видимому, произошло что-то серьезное, так как Борк сразу отбрасывает всякую деликатность.

— Господа, прошу меня извинить. Важный разговор.

За пять минут Борк одет, и лишь небрежно завязанный галстук говорит об известной спешке и нервозности.

Как только входит начальник полиции, Борк видит, что предстоит разговор не из приятных.

— Пришли сказать, как вы рады и польщены моим визитом в Криспорт, не так ли? — незамедлительно переходит в наступление Борк. — Чем могу быть вам полезен, префект?

— У меня только что было весьма неприятное свидание с капитаном советского парохода. Исчез его штурман и...

— Для чего вы мне это рассказываете? — криво усмехается Борк. — Я же не министр внутренних дел. Пока не министр...

Начальник полиции решает не принимать во внимание эту откровенную угрозу.

— Бросьте прикидываться! Мне не нравится приезд в Криспорт хорошо известного в полиции Венстрата. Мне не нравится, что уже через несколько часов после его приезда исчезает советский штурман. А еще меньше мне нравится, что перед этим Венстрат побывал у вас. И мне очень не хотелось бы связывать эти три события вместе.

— Так не делайте этого. — Борк — само благодущие. — Да я вообще никому не рекомендовал бы делать то, что может повлечь за собой неприятности. Скоро я стану министром внутренних дел. Неужели же вам безразлично, кто будет сидеть в кресле префекта Криспорта?

— Меня интересует законность и порядок.

— Не валяйте дурака, префект. Если б вы не дрожали за свое теплое местечко, вы не пришли бы сейчас ко мне, а выложили свои соображения капитану «Советской Латвии»... — заметив, что его слова задели за живое начальника полиции, Борк смилостивился: — Ладно, облегчу ваше положение. Мне нужны два дня. Потом передадите этого штурмана капитану... Хотя я и не думаю, что ему захочется...

— Два дня?.. Это последний срок! — И начальник полиции встает. — В противном случае буду вынужден сам разыскать этого проклятого Тайминя.

* * *

Проходя через вестибюль гостиницы, начальник полиции замечает в баре Берлинга. Секунду колебавшись, он подходит и присаживается рядом.

— Охотничью горькую,— бросает он бармену, после чего с улыбкой глядит на лоцманову кружку с пивом.— В счет повышения зарплаты? Вы, Берлинг, оптимист.

— Или доверчивый простака,— также улыбаясь, отвечает ему Берлинг.— Прочитал статью в «Курьере Криспорта» и теперь надеюсь, что эти мои расходы покроет Москва... Между прочим, господин префект, если желаете разыскать Тайминя, могу кое-что посоветовать.

— Служебные разговоры — только в служебном помещении,— говорит начальник полиции официальным тоном.— А в частном порядке могу, в свою очередь, дать и вам дельный совет: остерегайтесь!

— Кого?

— Доктора Борка.

Как только ушел начальник полиции, в бар вбежала Нора. Осушив стакан начальника полиции, она поморщилась.

— Ну и гнусное же сусло!

— Соответственно настроению,— усмехается Берлинг.— У нашего префекта жизнь сейчас не больно-то приятная... Узнала что-нибудь?

— Да, он действительно был на выступлении Крелле,— рассказывает Нора.— Но как только началась вся эта заваруха, тут же выбежал... Что тебе сказал Кнут?

— Какая еще заваруха? — отвечает вопросом на вопрос Берлинг.

— Кое-кому песни Крелле показались революционными, и ее забрали.

— Сажать у нас, конечно, сажают... — качает головой Берлинг.— Но посадить певицу варьете... А ты уверена в этом?

— Ну дай же спокойно рассказать... Побежала к старику Серенсу, он вечно торчит у входа в «Хрусталь»... Описала ему внешность Тайминя. И что ты думаешь? Аугуст уехал в той же самой машине, что и Крелле. Старик говорит, что обоих туда затолкали силой.

— Что за машина?

— Большая, темно-серая, со столичным номером.

— Так я и предполагал.— Берлинг взволнованно наклоняется ближе.— В тот вечер приехали несколько подозрительных личностей. Один спрашивал у Кнута, в каком номере остановился Борк.

— А Кнут знает номер машины?

Берлинг отрицательно качает головой.

— Не запомнил. И эта машина больше тут не показывалась.

— Надо сообщить в полицию, пусть ищут.— Нора уже на ногах.

— Без толку,— придерживает ее Берлинг.— Начальник полиции достаточно ясно дал понять, что на его помощь нам рассчитывать нечего. Боятся потерять должность. Машину и Тайминя мы должны найти сами. Эх, если б знать номер!

— Я еще раз поговорю с Серенсом,— обещает Нора.

* * *

Старый Серенс ничуть не удивился повторному визиту Норы.

— Ты, детка, наверно, станешь смеяться,— он словно бы продолжает только что прерванный разговор,— но я должен тебе сказать: в мое время в Криспорте такое случиться не могло, чтобы в центре города похитили человека! Разве что в американском кинофильме! — Вдруг на его лбу возникает глубокая морщина.— Постой-ка, я ведь как раз подумал об Америке, когда глядел вслед машине...

— Господин Серенс,— Нора пытается запрудить поток его слов,— неужели вы не обратили внимания на номер? Без него наши шансы равны почти нулю.

— Нулю? Так, так, припоминаю.— Старый Серенс морщит лоб.— Номер машины начинался нулем, даже двумя. А дальше? — Какое-то время он напряженно думает, затем грустно вздыхает: — Склероз, что поделать... Помню только, подумал: как было бы хорошо, если б можно было пятьсот лет назад открытую Америку снова прикрыть... Хотя, впрочем,— глаза его загораются алчным блеском,— американцы иногда дают очень даже приличные чаевые.

— Господин Серенс,— Нора уже готова заплакать,— ну постарайтесь же вспомнить номер машины.

— Да я и так стараюсь. Но на цифры у меня всегда была плохая память,— безнадежно качает головой старик.— Попробуем применить логику. Почему я тогда вдруг подумал об открытии Америки? Не помнишь ли, в котором году ее открыли?

Он подходит к книжной полке и раскрывает толстый том энциклопедии, которую не снес к букинисту только лишь из-за ее непомерной тяжести.

— Тысяча четыреста девяносто два,— бормочет Серенс себе под нос.— Нет, это число мне, к сожалению, ничего не говорит...— Намереваясь поставить книгу на место, Серенс видит число в зеркале, висящем над полкой, и вдруг остолбеневаает. Потом торжествующе смеется:— Теперь знаю, почему с Америкой надо поступить наоборот— не открывать наново, а ликвидировать.

Всегда смекалистая Нора на сей раз ничего не может понять.

— Ладно, я пошла,— протягивает она руку Серенсу.— Если все же вспомните номер...

— Что, что? Да я уже его вспомнил... Только бы опять не забыть.— Он выводит на краешке газеты своими слегка трясущимися пальцами: 00-2941.— Как просто, верно? Год открытия Америки, только задом наперед.— Старый Серенс осуждающе подымает руку.— Похитить чело- века в нашем Криспорте, где это слыхано?!

* * *

Спустя полчаса Нора уже возле биржи труда, где в этот час обычно толпятся безработные. Но сегодня никому заработок не светит— чиновник биржи равнодушно вписывает нули во все графы вакансий.

— Опять ничего,— сокрушенно вздыхает седая тет-ка.— Как раз теперь, когда каждый грош так дорог.

— Потерпите,— говорит Нора.— Скоро заключат торговый договор с...— не кончив фразу, девушка быстро выбирается из толкучки. Мимо проехала темно-серая машина. Нора провожает ее взглядом и разочарованно отворачивается.

Номер не тот.

Она сейчас не единственная, кто разыскивает машину Венстрата. Густав проинструктировал многих своих знакомых и теперь наставляет седого лоцмана:

— Как только заметишь, запомни, кто и в какую сторону поехал.

Лоцман кивает:

— Серая, да?

— Серая... Два нуля двадцать девять сорок один.

Вскоре уже чуть ли не полгорода поднято на ноги. Записочки с номером машины розданы нянькам, прогуливающимся с детьми богачей, почтальонам, газетчикам, старьевщикам, всем, кто проводит день в парках и на улицах. Лишь под вечер старый молочник Томас сообщил, что видел, как машина подъезжала к радиомастерской. Нора и Густав без промедления отправляются в путь. Им посчастливилось — машина с номером 00-2941 все еще стоит около радиомастерской.

— Я сейчас вернусь, — шепотом говорит Густав, и, прежде чем девушка успевает возразить, Густав исчезает.

Притаившись в подворотне, Нора видит, как из мастерской выходит Смэш с большущим радиоприемником, влезает в машину и задергивает шторку заднего окна. Машина резко берет с места, и Норе остается лишь поглядеть ей вслед. Но как раз в этот момент, когда серая машина сворачивает в переулок, с другой стороны выныривает старый, потрепанный «форд», за рулем которого сидит Густав.

— Скорей! — торопит Нора, усаживаясь рядом с Густавом.

Фыркая и погромыхая, старый «фордик» гонится из последних сил за серым лимузином. Однако, выйдя на шоссе, тот прибавляет ходу и быстро скрывается из виду.

— Нам их в жизни не догнать, — сетует Нора.

Услышав паровозный свисток, Густав улыбается.

— Слышишь? Приближается поезд. Нагоним их у переезда. — И он так резко нажимает на акселератор, что Нора чуть не вываливается из машины.

Серая машина вынуждена остановиться перед спущенным шлагбаумом. Но дальше шоссе делает крутой подъем, который нелегко будет преодолеть старому «форду». Увидев, что шлагбаум уже подымается, Нора бежит за серой машиной, вскакивает на задний бампер, плюхается на багажник.

* * *

Машина подъезжает к двухэтажному особняку со щербатыми колоннами, стоящему посреди запущенного парка со столетними дубами и разросшимся кустарником. Впечатление такое, будто в течение многих лет здесь не

ступала нога человека. Судя по спущенным жалюзи на окнах, дом тоже выглядит необитаемым.

Однако впечатление это ложное. Как только Смэш звонит у деревянной калитки, из кустов выскакивает человек в брюках гольф. Сунув руку в подозрительно оттопыренный карман, смотрит в глазок и, лишь после того как узнает посетителя, открывает дверь.

— Тащи прямо наверх,— говорит он Смэшу.— Там сейчас никого, кроме этой старой ведьмы.

Смэш затаскивает приемник в комнату, которая некогда, возможно, и была светлой и уютной. Сейчас же мебель в ней покрыта толстым слоем пыли, обивка кресел кое-где продрана, и из дыр пучками торчит морская трава. Сквозь давно не мытые стекла пробивается палевый отсвет заката. Окна безрезультатно пытается отворить маленькая седая женщина в фартуке и косынке.

— Освободите место! — приказывает Смэш, подбородком указывая на столик рядом с дырявым диваном.

Старушка даже головы не поворачивает.

— Тьфу, черт! — в сердцах плюет Смэш.— Опять позабыл, что ведьма глуха как пень. Венстрат сведет меня в могилу своей конспирацией.

Поставив аппарат на диван, он вытирает носовым платком пот со лба, затем достает свою флягу.словно только того и ждала старуха! Она тотчас забыла про окно и уже достала из кармана передника стопку; радушно улыбаясь, протягивает ее Смэшу.

— Единственный человек, кто меня здесь понимает,— ворчит он, дополна наливая стопку.— За твое здоровье, девочка!

Старуха хочет что-то сказать, но, как все глухонемые, бубнит невнятное.

— Ладно, ладно,— подталкивает ее Смэш к двери.— А теперь давай, мотай... шабаш... гуд бай... — недвусмысленными жестами выпроваживает он уборщицу.

...Прикинувшись, будто собирает цветы по обочине шоссе, Нора вот уже целый час наблюдает за усадьбой. После того как серая машина уехала, за забором незаметно никаких признаков жизни, и девушка начинает сомневаться в целесообразности своего нудного занятия. Но без Густава она ни на что не может решиться.

Внезапно Нора замирает — отворяется калитка, и, сопровождаемая сторожем, выходит седая уборщица.

— Да это же...— шепчет ошеломленная Нора.— Ну конечно... Это Ансова бабушка! — Удостоверившись, что сторож вернулся восвояси, Нора подбегает к старушке.

5

Придя в сознание, Тайминь долго не может сообразить, где он. Через узкие щели в спущенных жалюзи пробивается тусклый свет раннего утра, и в первый момент кажется, будто он у себя на койке. Но почему каюта вдруг такая просторная, откуда в ней взялись эти прогрызенные мышами кожаные кресла, дубовые шкафы с толстыми фолиантами, олени рога на стенах?

Тайминь было приподнялся, чтобы сесть, но тут же с громким стоном повалился назад. Прошло порядочно времени, пока утихла резкая боль в затылке. Осторожно приоткрыв глаза, он озирается по сторонам. Надо полагать, эта комната некогда служила кабинетом хозяину дома, не менее ясно и то, что здесь давно уже никто не живет. И уж нет никакого сомнения в том, что это не арестантская в полицейском участке. А в таком случае...

Тайминь силится вспомнить события вчерашнего дня. Однако нить их рвется и ускользает. К тому же порожденные в вялом мозгу туманные картины столь фантастичны, что более подошли бы к сновидениям, чем к суровой действительности... Газета с афишей «Поет и танцует Элеонора Крелле»... И потом она сама... Какой-то импресарио, сообщивший, что Нора арестована... А дальше?.. Ах да, он же бросился на выручку Норе, бежал по темной улице, бесконечно длинной, какими бывают все дороги в ночных кошмарах... Но на этот раз он все же достиг машины, в которой сидела Нора, и тогда... Потом не было ничего... Ничего, кроме этого незнакомого помещения и дикой головной боли, будто накануне он самолично выпил целую бочку ямайского рома.

Медленно, избегая резких движений, Тайминь встает, подходит к двери, нажимает ручку. Дверь заперта на ключ и так массивна, что по крайней мере сейчас не придется даже помышлять о том, чтобы ее выломать.

Он приподнимает жалюзи и лишь теперь понимает, что находится на втором этаже. Внизу простирается обширный парк, заросший буйным кустарником. Похоже, там нет ни души. Но стоит Тайминю приоткрыть створку

окна, как из укрытия появляется человек в надвинутой на лоб шляпе и грозит револьвером. Несомненно, он будет стрелять без повторного предупреждения.

Стало быть, он все-таки под арестом. Но где? И за что? Что же, в таком случае, произошло с Норой? Все эти вопросы наваливаются скопом, на все разом не ответить. Надо попытаться сделать это по порядку.

В мучительном раздумье Тайминь ходит по комнате от стены к стене. Вот уже и появилась некоторая последовательность в мыслях. Но легче от нее не становится, ибо каждая догадка неизменно заканчивается одним и тем же проклятым «почему?». Очевидно, потому, что неведомому противнику что-то от него нужно. Нечто такое, из-за чего стало необходимым изолировать его от товарищей, заманить в ловушку, учинить всю эту провокацию. Нечто такое, что может предоставить один лишь он, единственный из всей команды, иначе не стоило бы впутывать в эту историю Элеонору...

Тайминь хмурится. На его лице залегают глубокие морщины. А что, если Элеонора вовсе не жертва, как он, но соучастница в афере? Нет, это немыслимо! Тайминь не допускает подобной мысли. Но голос разума настойчиво твердит: а много ли ты знаешь про эту женщину? Десять лет вы не виделись. Между вами были не только государственные рубежи и пограничники, но и непреодолимая пропасть, разделяющая два мировоззрения, два различных образа жизни. Откуда в тебе такая уверенность, что она сберегла незапятнанной вашу былую любовь, кто вообще она теперь — твоя прежняя Нора? К человеку, который все эти годы не отыскал дороги к тебе, и если не к тебе, то хотя бы к родине, по-видимому, надо подходить с иной меркой. С меркой Криспорта! Лишь она поможет тебе разобраться в том, что произошло и что еще ждет впереди, поможет благополучно выпутаться из этой переделки и добраться до своих...

Когда в двери слышится щелчок поворачиваемого ключа, у Тайминя уже полностью разработан план действий — в первую очередь установить соотношение сил, выяснить, предстоит ли ему спастись самому или еще надо выручать Элеонору.

Толкая перед собой столик на колесах, нагруженный закусками и разными бутылками и посудой, входит Смэш. Он даже не смотрит на пленника, поскольку его взгляд

прикован к переливающимся всеми цветами радуги бутылкам, стоящим на нижней полке этого передвижного бара.

— Привет, за ваше здоровье! — радостно провозглашает он, но тут же спохватывается: — Виноват, хотел спросить: как ваше здоровье?

Приглядевшись к Смэшу, Тайминь делает вывод, что человек этот всего лишь подчиненный. Но, возможно, как раз у такого пьянчуги и удастся что-либо выведать. Поэтому он быстро меняет свой замысел не притрагиваться к пище до того, как его освободят.

— А не позавтракать ли нам вместе? — радушно предлагает Тайминь и тянется к кофейнику.

— Не стану же я отравлять себя кофеином, — с неподдельным возмущением отклоняет угощение Смэш и, словно опасаясь, что никто не станет его упрасивать, наливает себе в чашку изрядную порцию спиртного. — Я всегда утверждал, что водочка с утра куда полезней, чем простокваша на ночь...

— Певица, наверно, тоже вас угостила? — отпивая понемногу горячий кофе, спрашивает Тайминь хрипловатым голосом.

— Да разве в наше время женщины на это способны? — морщится Смэш. — Все лишь бы себе! Потому и хожу в старых холостяках...

Большого из него не выудишь никакими хитрыми вопросами. Значит, Крелле тоже находится в этом доме. Но в каком качестве — пленницы или врага?

Смэша вызывает человека со шрамом на щеке. Вскоре после их ухода дверь снова открывается. Смэш впускает Венстрата.

— Вы? Каким образом? — Тайминю это кажется подозрительным.

— Примерно тем же, что и вы. Меня насильно втолкнули в машину, завязали глаза и привезли сюда. Они считают, что я самый подходящий человек для переговоров с вами. Вначале протестовал, но потом понял, что только так могу спасти Элеонору... Ей грозит страшная опасность! Какой талант! У меня были грандиозные замыслы!.. И теперь все рухнуло! — Продолжая разыгрывать из себя импрессарио Элеоноры Крелле, Венстрат возмущенно ходит по комнате. — Она совершенно потеряла голову, увидев вас! Разве можно петь такие песни?!

А тут еще вмешиваетесь вы, человек, прибывший из-за «железного занавеса». Одному вы так мастерски двинули по зубам, что он до сих пор не отойдет никак... — Венстрат не замечает, как с лексикона импрессарио уже перешел на привычный ему жаргон ресторанного вышибалы. — Одним словом, кое-какие круги считают это вмешательством во внутренние дела нашего государства.

— Я полагаю, этим должна заниматься полиция, — заявляет Тайминь.

— У нас полиция политикой не занимается. — Венстрат подготовлен к такому повороту. — Люди, занимающие более солидное положение, дали мне понять, что Крелле, как агенту Москвы, грозят очень крупные неприятности. — Венстрат опасливо поглядывает на часы. — Мне разрешили поговорить с вами всего пять минут. За это время мы должны с вами договориться.

— Какая глупость! Она такой же агент, как я!

— Ну, не скажите, господин Тайминь! — Венстрат достает из кармана сигару. Откусив и сплюнув кончик, он закуривает. — Давайте посмотрим, что получается. В Криспорт в один и тот же день прибываете и вы и Крелле. Более того, ни днем раньше, ни днем позже объявляют забастовку лоцманы. В тот же самый вечер она в публичном месте занимается подстрекательством зрителей, а вы пускаете в ход кулаки. Попробуйте-ка кого-нибудь уговорить, что все это — случайное совпадение!..

Конечно, обвинение — дело знатоков. Как бы оно ни было абсурдно, раздутое газетной шумихой, оно может заставить задуматься кого угодно. Достаточно вспомнить вчерашнюю статью в экстренном выпуске «Курьера Криспорта».

— Что же я должен делать?

— Во всем положиться на меня. — Венстрат радостно возбужден. — Я совершенно нейтральное лицо. Для меня важно одно — как можно скорее выручить Элеонору Крелле. Если она сегодня не выступит в театре, неустойка за нарушение контракта разорит меня в пух и прах.

— И как вы себе это представляете?

— Они требуют, чтобы вы во всем признались.

— Ясно! — цедит сквозь зубы Тайминь. — Текст, надо полагать, уже составлен, и мне остается лишь подписать его.

— Да, да,— достает из кармана бумагу Венстрат.— Они просили дать вам почитать. Как только подпишете, Элеонору сразу освободят. Конечно, и вас тоже. Вам будет предоставлена денежная сумма, достаточная вам обоим до гробовой доски. Там хватит и на то, чтобы организовать Элеоноре гастрольное турне. Она давно мечтает о том, чтобы выступить в Париже, Лондоне, Москве. Какой талант! В нашей стране не умеют ценить больших артистов.

Тайминь вырывает листок из рук Венстрата.

— Так, так,— бормочет он.— Я должен заявить, что прибыл в Криспорт для руководства забастовкой лодчанов и организации беспорядков...

— Конечно, не по своей воле,— бархатным голосом замечает Венстрат.— Там сказано, что вы взяли на себя эту миссию лишь затем, чтобы вырваться из красного рая.

— Это же гнусная ложь!

— Разумеется, ложь,— поспешно соглашается Венстрат.— Возмутительнейший шантаж! Но что мешает вам в борьбе воспользоваться тем же оружием? — Венстрат боязливо озирается и переходит на шепот: — Подпишите, прикарманите денежки, а потом, когда Элеонора и вы будете в безопасности, заявите, что эта подпись — результат насилия над вами, так сказать, вырвана под дулом пистолета. Я готов выступить в качестве свидетеля.

— Никогда!

Венстрат прикидывается глубоко огорченным человеком.

— Что ж, в таком случае больше не будем об этом говорить.— Он берет из рук Тайминя помятый листок и делает вид, будто намерен его порвать.— Но вы подумали, на какие страдания обрекаете Элеонору? Подумали, какой страшной ценой она заплатит за вашу принципиальность? — Голос Венстрата даже срывается от сочувствия.

В этом драматическом месте разговор прерывает Смэш. Просунув голову в дверь, он строго объявляет:

— Пять минут кончились!

Эту заученную фразу Смэш пытается прорычать как можно злее. Строгий страж как-никак. Недопитая бутылка на передвижном столике притягивает его как магнит. Заплетающимися ногами Смэш делает несколько ша-

гов вперед, но, встретясь глазами с Венстратом, пятится назад.

— Мы с господином Тайминым еще не закончили разговор.— Венстрат пытается придать голосу просительную интонацию.— Попрошу еще пять минут.

— Слушаюсь, шеф! — Смэш успел так налакаться, что уже потерял контроль над тем, что говорит. Зуботычина Венстрата помогает ему осознать величину допущенной ошибки.— Слушаюсь, господин Венстрат! — потирая подбородок, подымается Смэш и исчезает за дверью.

Тайминь горько усмехается.

— Разыграли представление хоть куда! Вы, значит, импрессарио, Элеонора — несчастная жертва террора. А я теперь должен изображать агента Кремля. Можете сказать режиссерам, что они дали промашку при выборе актеров. Интересно, сколько заплатили Элеоноре за то, что она помогла заманить меня в ловушку?

— Ей? — Венстрат обескуражен своим преждевременным разоблачением.— Неужели вы допускаете, что я мог довериться такой дуре? Достаточно было показать контракт, и она уже вообразила, что ей позволят каждый вечер выступать в «Хрустале»! Максимум, на что она, может, и способна, так это соблазнить матроса, заглянувшего к «Веселому дельфину». Певица третьеразрядного портового кабака — вот ее амплуа! — Венстрат в сердцах сплевывает.

Тайминь внимательно прислушивается ко всему, что говорит Венстрат. Нет, теперь Венстрат скинул маску и говорит то, что думает. На сердце отлегло — Нора, как и он, попала в хитросплетенные сети. Теперь Тайминь чувствует себя намного сильнее. Его поддерживает сознание, что предстоит бороться не только за себя. Только от него зависит, удастся ли им обоим благополучно выбраться из западни.

— Ты знаешь, что ей угрожает, если не подпишешь эту бумагу? — Венстрат счастлив, что отпала нужда разыгрывать из себя интеллигента.— Да и тебе тоже. Я вас обоих раздавлю как клопов.— Угрожающе шепчет Венстрат и похлопывает рукой по спрятанному под пиджаком револьверу.

— Я подпишу,— тупо говорит Тайминь.

— Вот это я понимаю. Сказали, надо работать в бе-

лых перчатках. Мура! Имеется только один язык, на котором можно говорить со всяким.—Венстрат сжимает кулак и прищелкивает языком.—Так, не будем тянуть резину, вот ручка, пиши...

— Полегче, господин импрессарио! — Тайминь берет предложенную ему авторучку и прячет в свой карман.— В гриме вы — третьеразрядный комедиант, а без грима — третьесортный живодер... Я подпишу, но на определенных условиях. Если продаваться, так за приличную цену.

— Не сомневался, что мы найдем общий язык,—хлопает по плечу Тайминя Венстрат. Он до того рад, что готов простить нанесенное оскорбление.— Можешь не волноваться. Будете с Элеонорой жить припеваючи.

— Ближе к делу. Сколько?

— Думаю, они не поскупятся.

— Кто такие они? Я должен знать, достаточно ли солидные у меня партнеры по сделке.

— Допустим, это анонимное акционерное общество. Название не имеет значения, главное, чтобы акции были надежные. Что ты скажешь насчет десяти тысяч?

— Это не так уж много. К тому же банк, куда я вложу свой капитал, может обанкротиться.

— Точно! — Венстрата вдруг осеняет блестящая идея.— Если ты не забудешь обо мне, помогу тебе поторговаться... А что бы ты сказал о корабле? Конечно, не океанский лайнер, но зато твой собственный.

— Корабли не растут на деревьях, а Криспорт не страна чудес. И кто мне даст этот корабль? — ухмыляется Тайминь.

— Не веришь? — Венстрат возмущен.— Союзу судовладельцев это раз плюнуть.— Он слишком поздно поймал себя на промахе.

— Спасибо за информацию! — улыбается Тайминь.— Так вот, передайте господам судовладельцам привет от меня и скажите...

— Что?!

— Пока лишь только то, что они здорово сглупили, поручив эту дипломатическую миссию вам. А теперь слушайте, господин импрессарио! Я не скажу ни «да», ни «нет» до тех пор, пока не увижу Элеонору!

Комната, в которой вот уже двадцать часов томится Элеонора, по-видимому, тоже была некогда красивой. Теперь о былой роскоши свидетельствуют лишь ободраный диван красного дерева, на котором лежит Элеонора, накрывшись своим белым плащом, и курит, стряхивая пепел прямо на пол.

Ей уже все безразлично. Когда в машину втащили полумертвого Тайминя, она пыталась вырваться, царапалась, кусалась, но крепкий тумак урезонил ее. Потом ее втолкнули в эту комнату и заперли. Вначале она пробовала протестовать. Но ее сторожа молчали и ухмылялись. Приученная ко всяческим ударам судьбы, Элеонора и на этот раз подчинилась ей. К чему понапрасну ломать голову, если ты все равно бессильна что-либо предпринять? Увидав на столике бутылку с коньяком, она налила себе рюмку. Потом еще одну и еще. Коньяк помогал не думать, делал ее отчаяние терпимым и даже приятным.

Утром дверь приоткрылась, и в щель просунулась ухмыляющаяся физиономия толстого охранника.

— Что ни говори, а золотое времечко пришло, — фамильярно говорит он хихикая. — Когда я сидел в каталажке, мне не давали видаться со своей старухой.

После этого в комнату входит Тайминь.

— Нора!.. Ты!.. Наконец-то!..

— Аугуст!

Тайминь бросается к Элеоноре. Забыто все вокруг, забыты вопросы, сомнения. Наружу вырывается копившаяся долгие годы нежность, которую сейчас ничем не сдержат, ласковое прикосновение говорит несравненно больше, чем самые красноречивые слова...

Тайминь мягко отстраняет голову Элеоноры от своего плеча, долгим взглядом смотрит на нее.

— Ты ни капельки не изменилась, Нора...

— Не лги! — восклицает Нора, но без тени недовольства. — Пережитое не могло пройти бесследно. Ты должен знать, кем я стала. Слушай же!..

Тайминь слушает. Ему хочется закрыть поцелуем поток горьких слов, но он этого не делает. Понимает, что рассказывать историю своей жизни Нору заставляет внутренняя необходимость; заставляет вновь вспоминать

свою тоску, мечты, разочарования — без этого она задохнется. И Элеонора рассказывает о своей жизни в последние месяцы оккупации; об одиноких прогулках по берегу моря, что отделяло ее от Криспорта и от любимого; о корабле, что плыл с потушенными ходовыми огнями мимо этого скалистого берега, и о матросе, который не дал ей броситься за борт; о рабском, изнурительном труде на каком-то подземном заводе и о переполненных теплушках, в которых увозили латышей все дальше на запад; про Гамбург, рушившийся под громовыми ударами союзной авиации и о вступлении английских войск; про два бесконечных года, проведенных в лагере для перемещенных лиц; про нужду и болезни, про муки и унижения, что пришлось испытать.

— Дважды приезжали к нам представители русской миссии по репатриации. Многие уехали. Но я-то рвалась к тебе!.. Когда же наконец добралась сюда, тебя в Криспорте уже не было... Ты не дождался меня, Аугуст.

— Я пошел навстречу советским войскам. Это была единственная возможность скорее вернуться на родину.

— А если б ты знал, что я приеду в Криспорт?

Вот он, вопрос, который Тайминь сегодня утром себе задавал. Раньше или позже, но на него надо дать ответ. Дать честный ответ, не думая о последствиях. Но он уже не в силах представить себе, как поступил бы десять лет тому назад; знает лишь то, как действовать сейчас, если б снова пришлось выбирать.

— Я все равно пошел бы навстречу нашим частям, — отвечает Тайминь, глядя Элеонору по голове. — А ты? Почему ты потом не вернулась в Ригу?

— Я?.. Ты думаешь, это так легко? А знаешь ли ты вообще, что здесь говорят о жизни в Латвии? Даже написать боялась, чтобы тебе не навредить, если еще жив... Мне ведь было неизвестно... Скажи, Аугуст, на что мне было надеяться?

Тайминь не нашелся с ответом — в свое время он ведь и сам не ждал, что его так скоро освободят из фильтрационного лагеря.

— Нет, Аугуст, не трудностей я убоялась! — продолжает Элеонора. — Здесь моя жизнь тоже была сплошным кошмаром...

— Не будем больше об этом, — перебивает ее Тайминь. — Теперь все будет хорошо! Теперь мы вместе!

Элеонора плачет, но уже через минуту на лице появляется улыбка.

— Как я счастлива, что ты все еще любишь меня! — Она запрокидывает голову Тайминя, смотрит ему в глаза. — Ты ведь больше никогда не оставишь меня, Аугуст? Что бы ни случилось?

— Что бы ни случилось! — Ответ Тайминя звучит клятвой. — Я могу простить все, Нора, кроме одного: я никогда не прощу лжи. — Тайминь долгим взором смотрит в глаза Элеоноре. — Как ты попала в «Хрусталь»?

— Я была без ангажемента. И вдруг мне предложили контракт. Я понятия не имела, что за всем этим крылось...

— Кто предложил?

— Дикрозис, редактор «Курьера Криспорта».

— Дикрозис? — Голос Тайминя становится резким. — Это же тот самый тип, что привязывался ко мне на корабле... Теперь начинаю понимать.

— Про тебя он не сказал мне ни слова, только дал текст песен... И там я увидела тебя! Это было как чудо!.. А теперь мы узники... Это дело рук Дикрозиса!.. Я боюсь... За тебя и еще больше за себя.

— Не плачь, Нора, — успокаивает ее Тайминь. — Скоро нас освободят, и ты позабудешь про все свои невзгоды. Вместе поедem на родину!

— Хоть бы все было, как ты говоришь!.. Но мне страшно, страшно.

— Нам нечего опасаться! — В голосе Тайминя слышится твердое убеждение. — Этим негодьям скорей надо бояться меня. Капитан будет меня искать, он добьется моего освобождения!

— А если твое судно уйдет до того, как нас разыщут?..

— Никогда! Товарищи меня бросят только в том случае, если поверят, что стал предателем...

Тайминь умолкает. Впервые за все эти часы он пробует взглянуть на происшедшее глазами команды корабля: ничего никому не сказал толком, в городе оторвался от товарищей и скрылся в неизвестном направлении. Что знают о нем ребята, кроме того, что он однажды бежал в этот самый Криспорт? Ведь это его первый рейс на «Советской Латвии», и нет у него оснований требовать к себе безоговорочного доверия.

Словно угадав мысли друга, Элеонора прильнула к Тайминю.

— Не думай больше об этом... Скажи лучше, что ты меня любишь...

Снаружи уже начинает смеркаться, но в комнате этого не замечают. Тайминь и Крелле сидят в обнимку на диване. Кажется, они отрешились от мира с его каждодневными заботами и невзгодами, кажется, они живут только для себя. Так много сказано друг другу, но невысказанного еще больше.

— Помнишь, в какой крохотной комнатухе ты тогда ютилась? — спрашивает Тайминь. — По вечерам приходила из консерватории, пела свои вокализы, и соседи барабанили в дверь...

— Будто это можно забыть, — мечтательно говорит Элеонора. — А ты уверен, что мне разрешат вернуться?

— Конечно! Ты же ничем себя не запятнала.

— Как хорошо посидеть с тобой на Бастионной горке! Рига, наверно, стала еще красивее... Теперь, наконец встретив тебя, сама не пойму, как могла жить на чужбине...

— Все-таки я не ошибся, — ликующе восклицает Тайминь, — ты нисколько не изменилась!

— Не знаю, не знаю, — задумчиво качает головой Элеонора. — Боюсь, состарилась я. Боюсь, не хватит сил зачеркнуть пережитое здесь.

— Со мной ты будешь сильной, Нора. Десять лет назад советская жизнь мне тоже казалась чуждой, непонятной. Но ты увидишь, как легко забывается все плохое...

— Да, главное то, что мы будем вместе, — целует Тайминя Элеонора. — Я еще не могу поверить в наше счастье.

— Мы его завоеваем, Нора. Положись на меня.

* * *

— Я, разумеется, целиком полагаюсь на вас, Дикрозис, — говорит Борк с подчеркнутым безразличием, затем кивает на Фрексу, нервно прохаживающегося по гостиничному номеру. — Но консул не прочь бы знать, какие плоды принесет вложенный им капитал.

— Он орешек покрепче, чем я думал. — На этот раз

Дикрозис отнюдь не намерен набивать себе цену.— Я отказываюсь понимать, что произошло с этими людьми. Даже Крелле, на которую я возлагал такие надежды, теперь предается идиллистическим мечтам о семейной жизни под крылышком Кремля.

— Вы что — серьезно? — Благодушие Борка быстро улетучивается.

— Можете спросить у Венстрата. Он еще раз все перепробовал, но с этим штурманом сам черт не сговорится. Не знаю даже, с какого конца теперь браться...

— Подумайте, за это вам платят деньги... Между прочим, консул, я только что беседовал с вашими конкурентами.

— Они были у вас? — оживляется Фрекса.

— Приходили посоветоваться, — усмехается Борк. — Это помогло. Керзен уже потерял в весе на несколько акций, а Зуммер выглядит... ни дать ни взять — из клинтуры Швика.

— Превосходное сравнение, честное слово! — хрипло смеется консул. — Так, может, действительно уже пора дать команду Венстратовым молодчикам браться за дело?

— Правильно! Пусть вышибут у него из головы всякую надежду на помощь товарищей, — поддерживает идею Дикрозис.

— Навряд ли это сильно воздействует на человека, которого столько мытарил жизнь, а он все еще верит в солидарность пролетариата, — возражает Борк. — У меня есть более тонкий план!

* * *

В это же самое время Керзен и Зуммер сидят двумя этажами ниже — в вестибюле гостиницы. Осушив очередной бокал, Зуммер собирается встать, чтобы сходить в бар еще за одним коктейлем.

— Вы слишком много пьете, — упрекает его Керзен.

— Я? — удивляется Зуммер. — Да обычно я вообще в рот не беру спиртного... Кнут, принеси еще один!.. Эта забастовка в конце концов отправит меня на тот свет!

— Это правда, что вы продадите свои пароходы консулу?

— Своему злейшему конкуренту?! Ни за что! Я веду переговоры вон с ним.

Он показывает на Швика, который в этот момент проходит через вращающуюся дверь в вестибюль.

— Наверно, решили похоронить свое предприятие, Зуммер,— недобро усмешается Керзен.

— Что еще остается? В любой момент кто-нибудь сможет опротестовать мои векселя, и все пойдет с молотка.

Зуммер здоровается со Швиком.

— Ох уж эта забастовка! — стонет Швик.— Эта забастовка — грех. По-прежнему нет ни одного лоцмана... Я разорен!

— Вы не купите? — Зуммер так расстроен, что рука его задевает стакан с коктейлем.— Теперь я банкрот... Суд... Долговая тюрьма...

— Этого я допустить не могу! — патетически возмущает Швик.— Мой долг христианина помочь ближнему почтить в бозе приличным образом... Простите, профессиональная привычка... Хотел сказать, пережить трудные времена... Я покупаю! Покупаю по соображениям чисто гуманным...

— Кнут, еще два коктейля! — кричит Зуммер.— Боже мой, я спиваюсь.

* * *

Услышав поворот ключа в дверном замке, Элеонора привстает в радостном возбуждении — она убеждена, что это пришел Тайминь. Но видит перед собой Дикрозиса и хмурится.

— Ах, это ты...— Вдруг она вспоминает все, что произошло.— И ты еще смеешь показываться мне на глаза!

Заметив в руках Крелле пустую бутылку, Дикрозис отступает к стене.

— Ты все еще никак не поймешь, что действую для твоего же блага.

Руки Крелле устало повисают. Она чувствует себя бессильной против такой наглости.

— Уходи вон! — говорит она.

— Никуда я не уйду. Даже если осчастливить тебя придется силой.

— О своем счастье я побеспокоюсь сама.

— Дура набитая! Ты, наверно, вообразила, что поедешь вместе с ним. Что ты там будешь делать? Петь в колхозном хоре?

— Все равно. Я больше не могу жить без него,— просто говорит Элеонора.

— Что ж, желаю тебе благополучно дожить до старости. Но здесь и только здесь! Ясно тебе? — И Дикрозис продолжает мягко: — Что ты скажешь насчет особнячка на морском берегу?.. С розарием?.. Где бы ты жила со своим Тайминем? А?

— Уходи вон! — почти беззвучно произносит Элеонора.

— Ты все это получишь, если уломаешь Тайминя остаться и подписать показания...

— Нет! — кричит Элеонора.

— Я уйду и больше не вернусь,— угрожает Дикрозис.— Но тебе от этого легче не станет. Тебя вышлют как нежелательную иностранку. Куда ты без меня денешься, без «Веселого дельфина» и без твоего Тайминя? Завтра в газете будет напечатана такая статья, что тебя даже Советская Россия не примет...

Элеонора подавленно молчит.

— Теперь ты понимаешь, что у нас общие интересы,— усмехается Дикрозис.

— Что я должна сделать? — едва шевеля губами, спрашивает Крелле.

— Сама найдешь способ, как переубедить мужчину,— грубо говорит Дикрозис.— Когда кончатся женские аргументы, можешь включить радио. Криспорт каждый час передает последние известия...

* * *

Тайминь прекрасно понимает, что часы, проведенные с Элеонорой, всего лишь передышка перед решающей схваткой. Правда, Венстрат еще раз пытался уговорить и застрашать, но, кажется, и он больше не надеется на успех. Теперь никто не пристает к нему, и как раз это и наводит на подозрения. Почему враг теряет время, которое работает теперь на Тайминя? Тайминь не сомневается, что капитану удалось поднять на ноги полицию, связаться с советским посольством. Быть может, в связи с его похищением подана нота протеста...

Увидев в комнате Элеоноры радиоприемник, Тайминь немедленно включает его, даже не поинтересовавшись, откуда взялся аппарат.

«Дебаты по торговому договору с Россией открываются послезавтра», — разогреваются лампы и постепенно голос диктора крепнет.

— Выключи, — просит Элеонора. — Я должна тебе кое-что рассказать.

— Сейчас... Хочется узнать, что творится на белом свете.

«Бергхольм по-прежнему отрезан от остального мира. Жертвой наводнения стали еще двадцать три человека. — После краткой паузы диктор продолжает: — Крипорт. Сегодня покинул порт советский теплоход «Советская Латвия». Капитан Акмен потребовал передачи дезертировавшего штурмана Аугуста Тайминя соответствующим советским учреждениям. В осведомленных кругах считают, что такое требование противоречит закону о гарантии политического убежища эмигрантам. Последние известия окончены. Через несколько минут слушайте...»

— Не может этого быть! Это ложь! — возмущается Тайминь.

Он лихорадочно крутит ручки приемника, но не может извлечь ни звука. Тайминь продолжает крутить. Он даже не замечает, что погас свет.

— Тока нет, — тихо говорит Элеонора. Она привстает и берет Тайминя за плечо: — Аугуст, что теперь будет? Неужели они тебя бросили?

— Сам во всем виноват! Надо было предупредить товарищей, куда иду, почему... Мелочь, а вон что случилось! — Он отстраняется от Элеоноры и тяжелыми шагами принимается ходить по комнате.

Открывается дверь. Входит парень в брюках гольф. Не произнося ни слова, он взмахом пистолета предлагает Тайминю следовать за ним. Но не успевают они удалиться, как в коридоре появляется Смэш.

Тайминь не слышит, что Смэш говорит на ухо парню, он даже толком не соображает, что его ведут назад, к Элеоноре. Они сидят в полутьме. Тайминь вспоминает десять минувших лет, которые невозможно вычеркнуть из жизни, о своих товарищах и о непреклонной решимости даже в одиночку продолжать борьбу.

Элеонора размышляла о том же самом. Однако пришла к прямо противоположному заключению. И теперь она его выскажет. Сейчас или никогда!

— Аугуст!

— Что? — Он продолжает ходить по комнате, которая лишь теперь по-настоящему стала для них клеткой.

— Сядь ко мне... Ну сядь же, Аугуст!

Он нехотя садится. Чиркает спичкой, дает Элеоноре прикурить.

Элеонора нервно курит. Как трудно подыскать подходящие слова, если чувствуешь, что от них зависит вся дальнейшая жизнь. Как трудно растолковать другому то, что тебе самой кажется элементарнейшей истиной... Но ведь Тайминь-то не чужой, это ее Аугуст, ее Густ. Он должен понять. Он поймет! И тогда все будет хорошо...

— Послушай, Аугуст! Ты же мужчина. Мужчины всегда заботятся только о своей чести. Но на этот раз ты не имеешь права на это. Слишком долго ждали мы этого часа. И разве не безразлично, где нам жить? Главное— быть вместе... погоди, дай договорить!.. Ради тебя я была готова поехать в Ригу, которая стала для меня такой же чужой, как какой-нибудь Сидней или Йокогама. Ради тебя! Но это теперь невозможно. И потому говорю тебе: останемся здесь! Подпиши эту бумагу, и забудем все... У нас будет домик на морском берегу, пароход, который ты будешь водить по всем морям и океанам. Я буду ждать твоего возвращения, ждать после каждого рейса, ждать с такой верой, с какой никто никогда не будет тебя ждать... Подумай о нас, Аугуст. Разве мы не имеем права на счастье?

— Именно об этом я и думал все время,— неторопливо отвечает Тайминь.— Никто и никогда не заставит меня ради нашей любви стать предателем! Ты можешь это понять?

— Понять? — истерически смеется она. — Всегда вы требуете этого от женщины... Так пойми же сам: ты мне нужен, и никуда я тебя больше не отпущу, никуда!.. Знаешь ли ты, что такое, когда последний трактирщик может тебя выбросить на улицу? Когда хочется есть и тебе нечего продать, кроме себя самой? Моряк любому утопающему подаст спасательный круг, верно ведь? Так не дай же мне утонуть в грязи! Ради тебя я готова на все, а тебе дорога лишь честь... Я еще не стара, Аугуст, я хочу жить! И ты моя последняя надежда! Надо остаться со мной. У тебя тоже нет другого выхода, путь в Советский Союз для тебя закрыт... Неужели тебя с такой силой тя-

нет туда, что даже ты готов пожертвовать нашей любовью?

Тайминь слабым движением поглаживает волосы Элеоноры.

— Это не твоя вина, милая... Но для меня родина не просто географическое понятие. Это — вся моя жизнь.

* * *

Нора стучит в ворота особняка. Она держит в руках тяжелую корзину. Сегодня обязанности сторожа исполняет Смэш. Пристально оглядев девушку, он спрашивает:

— А где старуха?

— Хворает. Я ее племянница.

— А как старая ведьма смогла сказать, что больна, если она глуха и нема как пень? Ну-ка объясни мне!

— Она тут все написала, — глядя прямо в глаза Смэшу, Нора подает записку.

Смэш читает, комкает бумажку, затем протягивает руку.

— Ладно, давай сюда.

Нора подает ему корзину.

— Там еще бутылка яблочного самогона. Как я поняла, в этом доме есть один человек, который всегда пьет за ее здоровье. А на этот раз будет очень даже кстати...

— Этот почтенный муж стоит перед тобой, — выпячивает грудь Смэш, откупоривает бутылку и нюхает. — Ну, что ж, доставлю ей такое удовольствие.

— А я пока разогрею супчик, приберу комнаты. А потом и прихвачу пустую бутылку. — И Нора ловко прошмыгивает в ворота, которые захлопываются за ней.

Немного погодя она уже оказывается в комнате, где держат Тайминя. Сейчас она пуста и потому кажется еще более мрачной.

— Сюда! — Смэш показывает ей, куда поставить поднос.

На письменном столе другой поднос, накрытый салфеткой. Убедившись, что к еде не притрагивались, Нора вздыхает.

— Ай, ай, это который же из них голодовку-то объявил?

— Старая ведьма не так болтлива и любопытна. Это ее единственная добродетель,— хмуро говорит Смэш.— Ладно, за ее здоровье! — Он выпивает.

— А здесь кто-нибудь живет или нет? — оправляя постель на диване, спрашивает Нора — простыни, как и еда на столе, тоже выглядят нетронутыми.

— Угадала! — смеется Смэш.— И живет и не живет.— Он прикладывает палец к губам: — Призрак!— Довольный своим остроумием, Смэш опять выпивает.

— Познакомили бы меня с призраком. С детства только об этом и мечтаю.

— Опасное дело,— отвечает Смэш.— Ему нравятся хорошенькие девочки, потому ничего другого и не ест... Между прочим, где мне попадалась твоя мордашка?

Нора настораживается.

— Это означает, что я вам нравлюсь? — разыгрывая из себя кокетку, Нора лукаво улыбается Смэшу.— Тогда выпейте и за мое здоровье.

— Вспомнил! — восклицает Смэш, освеживший память изрядным глотком самогона.— Теперь ты попала! — Он нарочно запугивает ее.— Ты та самая, что показала нам дорогу в гостиницу...

Нора облегченно вздыхает. Делая вид, будто стирает пыль, она еще раз изучает помещение: все говорит за то, что Тайминь содержится под арестом именно в этой комнате. И Нора решается. Отцепив от платья янтарную чаечку, она бросает ее на диван, где брошь почти сливается с желтоватым одеялом. Теперь Тайминь хоть узнает, что друзья не покинули его в беде.

— Все в порядке.— Нора покрывает еду салфеткой.— Можем идти.

* * *

Тайминь грузно ходит по комнате. Пять шагов до стены, пять шагов до двери. Погруженный в мрачные раздумья, он не замечает чайку, едва различимую на одеяле. Он ходит. От стены до двери и назад. Потом изменяет направление и подходит к окну.

— Прочь от окна! — раздается внизу злобный окрик.

Тайминь вынужден возобновить хождение по старому маршруту — такое же безнадежное, как и его думы, вновь и вновь возвращающиеся к наболевшему вопросу:

«Как могли они уйти без меня?.. Поверили, что сбежал, стал предателем. Как могли они в это поверить?..»

В комнату входит долговязый со шрамом на левой щеке, впускает Дикрозиса и сразу же уходит.

Сжав кулаки, Тайминь делает шаг вперед, но вдруг улыбается.

— Садитесь, Дикрозис, я как раз вас поджидаю!

— Ждете? Меня? — Дикрозис обескуражен.

— Конечно. Вы же сказали, что в Криспорте у меня есть друзья. Вот и настало время поговорить.

— Наконец слышу разумные речи! — радуется Дикрозис. — Я понимаю, что на корабле вы боялись. Да и здесь тоже, пока было неизвестно, как еще все обернется... А теперь судно ушло, и можно чувствовать себя по-свободней, не так ли, дорогой соотечественник?

— Да, очень свободно...

Он пошевелил створку окна. Снизу тотчас доносится угрожающий окрик:

— Не стоять у окна! Стрелять буду!

Дикрозису не по себе.

— Вы же сами понимаете, — оправдывается он, — что это делается, скорее, для вашей же безопасности... И как только вы подпишете заявление, мы, конечно, тут же снимем охрану.

— Ничего другого вы мне не предложите?

— Ну что вы, что вы! Как было сказано, вы получите пароход. И достаточную сумму денег, чтобы приобрести приличный домик с террасой на море, с розарием...

— И со множеством шипов, — усмехается Тайминь.

— Я вам гарантирую... — начинает Дикрозис, но Тайминь опять прерывает его на полуслове:

— Как раз насчет этого и хотелось поговорить. Где гарантия, что все эти посулы — не пустые слова? Пока что все должен делать я: должен остаться, должен подписать, должен заявить... Не обижайтесь, Дикрозис, но я тоже ведь не сегодня появился на свет. В вашей газете прочитал, что правительство собирается подписать договор с Советским Союзом. Выгодный договор! В такой ситуации штурман, вроде меня, выступающий с антисоветскими заявлениями, довольно нежелательный балласт. Кто поручится, что завтра меня не выбросят за борт?

— Ах вот какие гарантии вы требуете? — Дикрозис нисколько не удивлен упорством Тайминя. — Чек я мог бы

принести вам и сюда, но право убежища... Знаете что? Доктор Борк все равно собирается сегодня уезжать в столицу. Я поговорю, наверно, он возьмет вас с собой, и вы все уладите на месте.

Доктор Борк... Наконец Тайминю известно, куда тянутся нити! Но Борк коварен, надо быть с ним вдвойне осторожным. Тайминь садится на диван и случайно нащупывает рукой какой-то предмет. Янтарная чайка! Та самая, которую он давным-давно подарил Берлинговой дочурке Норе! Как эта чайка попала сюда, почему распластала свои крылья на этом диване, словно приглашает в дальний полет?

— Приду через час,— говорит Дикрозис.— А вы пока поспите.

— Да, выспаться не мешало бы,— соглашается Тайминь.— Честно говоря, не вижу ни малейшего удовольствия трястись всю ночь в машине. Если бы вы завтра принесли мне поручительство господина Борка, мне ничего другого не требуется.— Он ложится и закрывает глаза.— Да, и скажите там моим часовым, чтобы сегодня меня не беспокоили, спать охота...

* * *

В кабачке «Спасение моряка» на своем привычном месте, в конце стола, сидит Хеллер. Картонные подставки, скопившиеся подле него, говорят о том, что уже выпито семь больших кружек пива, однако настроение сегодня не воинственное. Наверно, потому, что не пришел его ершистый собеседник Берлинг, а Густав заметно нервничает— то подойдет к двери и выглянет наружу, то вернется и не сводит глаз с часов. А седого лоцмана, что помог выследить машину Венстрата, нельзя считать достойным противником в дискуссии...

Отерев с губ пивную пену, Хеллер миролюбиво говорит:

— Поверь моему профсоюзному опыту, мы должны уступить...

— Уступить? — недоумевает седой лоцман.

— Ну, не сразу... Через несколько дней... Пусть знают, что без борьбы мы не сдаемся... Сегодня Керзена встретил. Дал понять, что тоже готов пойти на компромисс.

— От него ничего не зависит.

Кукушка на старинных часах прокуковала семь раз. Словно дожидаясь именно этого, Густав направляется к стойке, наливает себе рюмку водки и залпом выпивает.

— Да, консул также неподатлив, как наш Берлинг,— вынужден согласиться Хеллер.

— Эрик говорит, от него сейчас тоже ничего уже не зависит,— замечает Густав с тяжким вздохом.— Уже семь... Что делать?

— Никуда твоя девчонка не денется,— отмахивается Хеллер.— Меня куда сильнее тревожит, почему на заседание забастовочного комитета не пришел Берлинг.

— Он отправился в полицию еще раз поговорить насчет исчезновения Тайминя,— нехотя поясняет Густав.— Ты что, все еще не понимаешь, что наша победа или провал теперь зависят только от Тайминя? Он — единственный козырь в руках Борка и судовладельцев.

— Ты так считаешь? — удивленно говорит седой лоцман.

— Берлинг окончательно убежден в этом. Если найдем Тайминя, судовладельцы капитулируют.

— А от Норы по-прежнему никаких вестей? — со своей стороны тоже выказывает волнение седой лоцман.

— Да, Густав,хватишь ты горя с этим чертенком, когда женишься,— усмехается Хеллер.— Уж и напляшешься ты с ней.

В этот миг распаивается дверь и в кабачок влетает Нора. Она так запыхалась, что слова не может вымолвить.

— Где ты была? — спрашивает Густав.— Я весь район обыскал.

— Мне удалось проникнуть в дом, где они его держат под арестом! — переводит наконец дух Нора.

— Ты видала Тайминя? — вскакивает на ноги седой лоцман.

— Давай рассказывай скорее! — гладит по руке девушку Густав.— А тогда бегом на судно!

* * *

Уже одно то, что сегодня консул пригласил Борка не в гостиную, а в кабинет, свидетельствует о серьезности предстоящего разговора. Важность встречи словно подчеркивает и изборожденное морщинами лицо основателя

династии Фрекса, с немym укором взирающего с портрета на своего потомка.

Но гнетущая атмосфера на Борка не действует. Удобно расположившись в глубоком кресле, он с удовольствием оглядывает все вокруг и говорит:

— От этой комнаты веет покоем. Здесь чувствуется, что бег времени ничего не изменяет.

— Я отнюдь не чувствую себя так спокойно, — возражает консул Фрекса. — Когда вы надеетесь уломать Тайминя?

— Скоро, уже совсем скоро... Послезавтра в парламенте приступают к дебатам, и это означает, что завтра мне надо быть в столице. С заявлением Тайминя в кармане.

— Стоило бы поторопиться.

— Что вдруг за спешка? — Борк отодвигает от себя пепельницу, в которой уже довольно давно тлеет забытая консулом сигара. — Разве акции Керзена уже совершили путешествие в ваш сейф? — ухмыляется Борк.

— Ничего, я его доконаю в другой раз. — Консул нервозно вылавливает из пепельницы сигару и рассеянно бросает: — Пока хватит с меня Зуммера. Главное — отделаться от этого проклятого штурмана. Мне все-таки кажется, мы затеяли игру с огнем.

— С огнем? Нет, консул, на сей раз я обыкновенными поджогами не ограничусь, — увлеченно говорит Борк. — В моих руках Тайминь превратится в динамит, который взорвет торговый договор и всех, кто его поддерживает!

Дверь неслышно отворяется. На серебряном подносе остановившегося в дверях слуги белеет визитная карточка.

— Гоните в шею этого Швика! — яростно орет консул, даже не глядя на визитную карточку.

— Господин редактор просит его принять по срочному делу, — поясняет слуга.

— Зовите! — распоряжается Борк.

Но хорошо вышколенный лакей впускает Дикрозиса лишь после того, как консул жестом подтверждает приглашение Борка.

— Победа, господа, полная победа! — Дикрозис даже не считает нужным поздороваться. — Он принимает наши условия!

— Моя идея! — удовлетворенно улыбается Борк.

— И мои деньги,— ворчит консул.— Покажите заявление.

— Он еще не подписал.— Дикрозис чувствует себя несколько неловко и потому становится агрессивным.— Нас, латышей, голыми руками не возьмешь. Он требует гарантий. Но я уговорил его обойтись поручительством доктора. В конце концов, если обещание дает будущий министр внутренних дел...

— И все это ему удалось из вас вытянуть? — хмурит брови Борк.— Мне вся эта затея начинает казаться сомнительной... Когда он обещал подписать показания?

— Завтра, как только принесу ему гарантийное обязательство за вашей собственноручной подписью. Зря вы морщитесь! Лучше приготовьте чек! Я считаю, что честно заработал свой гонорар. В тот момент, когда Тайминь поставит свою подпись, я смогу сказать: «Это наилучший материал, который когда-либо выходил под моей редакцией!»

Телефонный звонок. Консул снимает трубку.

— Да, я... Да, да...— Лицо его наливается кровью.— Этого еще не хватало... Ждите распоряжений!..— Он швыряет трубку на аппарат.— Дьявол!

— Какой еще дьявол? — привстает Борк.

— Забастовщики узнали местонахождение Тайминя.

— Не может быть! — Дикрозис чувствует, как почва уходит у него из-под ног.

— Так вот почему он норовит выиграть время...— Будучи опытным политиком, Борк привык принимать в расчет наихудший вариант возможного.— Наверняка уже и связь установлена, продуман и план действия. Не то он уже и сегодня подписал бы...

— Что вы тут философствуете! — выходит из себя консул.— Сказал же — звонил мой человек. Лоцманы знают все. Собираются поставить в известность советского капитана... Что теперь делать? Даже отделаться теперь не можем от вашего штурмана... Дьявол! Тысяча чертей!

— А даже если и сто тысяч? К чему эта брань? Лучше подумать.

Борк опускает голову и сосредоточенно взвешивает последствия неожиданного поворота событий.

Распахнув окно, консул жадно вдыхает ночной воздух. Он не видит, как меняется выражение лица Борка, не

слышит, что тот шепотом говорит Дикрозису. Фрекса возвращается к действительности, лишь когда Борк уже разговаривает по телефону с начальником полиции.

— Борк говорит... Вы можете заставить советское судно убратся из Криспорта? Выгрузка ведь окончена. Говорите, есть только одно средство?.. Хорошо! Через несколько часов они получают все, что хотят... Но пока что выгоните их на рейд, придумайте что-нибудь! Да, все будет в превосходнейшем порядке!.. В блестящем, поняли? Итак, пошевеливайтесь!.. Да, насчет лоцмана я еще позвоню.

— Что вы надумали? — хмуро спрашивает консул.

— Позовите сюда своего человека!.. Того, что в забастовочном комитете... А теперь слушайте! Необходимо удовлетворить требования лоцманов! Все! Забастовку необходимо прекратить. Немедленно!

— Что?! — взрывается консул. — Вы в своем уме?!

— В этом наш единственный шанс на победу, — спокойно говорит Борк. — Но на сей раз стопроцентный... Дикрозис, к Венстрату! На машине или на ракете — дело ваше. Но вы должны быть там через пятнадцать минут! Все зависит от того, удастся ли его людям отрезать судно от берега. Абсолютная блокада! Это вопрос жизни или смерти!

* * *

Закатное золото догорает на шиферных и черепичных крышах — древний Криспорт постепенно погружается в темноту. На набережной одна за другой загораются лампы. С капитанского мостика на них глядят капитан Акмен и Дубов.

Сегодня можно разговаривать хоть вполголоса — шумные портовые краны закончили работу, трюмы разгружены, люки задраены. Одни лишь вечно голодные чайки с криками вьются над «Советской Латвией».

— Что-то на душе у меня беспокойно. Не упустили ли какую возможность, все ли сделали?

Дубов выколачивает пепел из трубки:

— Что еще мы можем сделать? Три раза были у начальника полиции. Вызвали нашего консула... Ну что еще?

— Так-то оно так, как любит говорить Тайминь, — со-

глашается капитан.— Но невыносимо сидеть и ждать сложа руки!.. Может, все-таки следовало разрешить ребятам пошарить по этому Криспорту?..

— И дать повод для новых провокаций?.. Нет, мы поступили правильно, запретив команде сходить на берег.

— А если обратиться к нашим друзьям?

— Конечно, друзья у нас тут наверняка есть,— говорит Дубов.— Не скажу сколько, но есть много. Настоящие, верные друзья... Скажи им: необходима ваша помощь, товарищи! И будут тут как тут. Но нельзя! И не имеем права! Заграничный порт! — пожимает плечами Дубов и, в полном противоречии со своим характером, сплевывает.

— А может, и в самом деле нельзя плевать на всех? — Жест Дубова будит в капитане злость.

— А кто потом будет расхлебывать неприятности? Ты? Я? Готов за Тайминя умереть, да неприятности грозят вон тому товарищу, а не нам.— Дубов показывает на советский флаг на корме.— Мы имеем право только на выжидание... И в том, что ждем,— тоже помощь Тайминю.

— Кажется, дождались.— Капитан показывает на машину, затормозившую внизу у трапа.— Только чего?

— Начальник полиции? — Дубов даже не пытается скрыть свое удивление.

— Наверно, какие-то сведения о Таймине! — И капитан в радостном возбуждении спешит навстречу префекту.

— Боюсь, что они будут не из приятных,— бормочет Дубов, следуя за капитаном.

Да, выражение лица начальника полиции многообещающе. Толком не представляя себе, как выполнить щекотливое поручение, нет, не поручение, скорее, приказ Борка, он решил вообще не идти на словопрения с этими людьми, чьи вопросы странным образом всегда попадают не в бровь, а в глаз. Лучше уж разыгрывать из себя глуповатого чиновника и, пользуясь предоставленной властью и буквой закона, отдавать распоряжения. А если и придется в чем-то малость отступить от закона, то через несколько дней за это будет в ответе новый министр внутренних дел.

— Даю вам полчаса,— начальник полиции подает капитану скрепленный двумя печатями документ,— на то, чтобы ваше судно покинуло нашу территорию.

— С удовольствием,— улыбается Акмен.— Простой, хотя бы и оплаченный фирмой, не в наших интересах.

— Значит, забастовка окончена? — спрашивает Дубов.

— Еще нет,— говорит начальник полиции.— Но у меня есть основания обещать, что до полуночи у вас будет лоцман.

— Очень хорошо! — Спокойствие капитана несокрушимо.— Стало быть, у нас есть основания рассчитывать, что к тому времени Тайминь будет найден?

— Мои люди перерыли весь город. Очень надеюсь, что до полуночи они отыщут его. В таком случае мы немедленно доставим его на борт судна.— Начальник полиции смотрит на часы.— Не будем терять времени. В вашем распоряжении остается двадцать две минуты.

— Что это значит? — резко спрашивает капитан.

— Вы должны стать на якорь на рейде! — Вот и сказано самое трудное, и начальник полиции может поведать заранее заготовленную басню.— Поверьте мне, эта чрезвычайная мера предпринята в ваших же интересах. Стало известно, что в Криспорте ожидается антисоветская демонстрация. Не могу гарантировать вашу безопасность. Народ возмущен забастовкой и в своих материальных затруднениях обвиняет вас...

— Это что, означает, что сплетни, распространяемые грязным листком, теперь превратились в официальную точку зрения муниципалитета? — Дубов хочет в конце концов уяснить ситуацию.

— Полно, что вы! — энергично отмахивается префект.— Будь это моя точка зрения, не приехал бы предупреждать вас. Криспорт — городок тихий, я никаких беспорядков здесь не допущу. Вот почему вам и надлежит через пятнадцать минут стать на якорь по возможности дальше от набережной. В ваших собственных интересах! Это официальное предписание! Всего вам наилучшего, господа! — И начальник полиции берет под козырек.

— Прямо-таки не знаю, радоваться или горевать,— задумчиво говорит Акмен, глядя вслед начальнику полиции, который даже на зыбком трапе старается не утратить безукоризненную военную выправку.— Если прибудет лоцман, мы сегодня же ночью будем в открытом море.

— А я не верю ни единому его слову! — Дубов сердит-

то выпускает облако дыма.— Ни в демонстрацию, ни в то, что нам привезут Тайминя. Но как ты подступишься к такому прохожему? Мы ему грубим, а он скалится в улыбочке. Знает, негодяй, что нам ничего другого не остается — дадут лоцмана, придется уходить.

— Хорошо то, что завтра явится представитель консульства.

— Ничего, мы еще узнаем правду, — убежденно говорит Дубов.— Будь что будет, я полагаюсь на Тайминя. Он им еще покажет!

— Вашими устами да мед бы пить.— И капитан нажимает кнопку судовой сирены.— Все наверх!

* * *

Вестибюль гостиницы «Корона» сегодня вечером выглядит необычно. В середине поставлен стол для конференции, на нем разложен акт договора между судовладельцами и лоцманами. Вокруг расположились конфликтующие стороны.

Консул Фрекса, как президент объединения, сидит в кресле во главе стола. Рядом с ним взволнованный, красный как рак Керзен и официально любезный доктор Борк. По другую сторону стола — представители лоцманов: невозмутимый Берлинг, Густав, впервые попавший в такую торжественную и шикарную обстановку и потому теперь с любопытством глазающий по сторонам, седой лоцман и Хеллер, услужливо подающий консулу авторучку.

Зачитав статьи договора бесстрастным голосом юрисконсульта, Борк делает небольшую паузу, затем добавляет:

— Как видите, судовладельцы «гроссо модо» удовлетворяли все требования лоцманов. Договор должен вступить в силу как можно скорее, скажем, завтра в ноль часов... Нет возражений?

— Нет, нет! Мы очень рады, что можем немедленно приступить к работе, — спешит заверить Хеллер.

— Тогда прошу, господа, подписать! — торжественно говорит Борк и придвигает документы к консулу.

В этот момент в вестибюль врывается Швик, по пятам за которым следует Зуммер.

— Поздравляю! — подымает шляпу Швик.— Вас, гос-

пода судовладельцы! И вас, господа лоцманы! Господь наконец сжалился над Криспортом... и над несчастными жертвами Бергхольма! — молитвенно складывает он руки. — И это в самый последний момент! Положение катастрофическое!.. Господин Берлинг, во имя гуманности — суда с моим товаром необходимо вывести вне очереди! Необходимо!

Словно ставя точку после этой прочувственной речи, в вестибюль долетают громкие выкрики:

— Забастовка лоцманов окончилась!.. Поставки советского продовольствия Бергхольму!.. Кончилась забастовка лоцманов!..

— Что?! — вопит нечеловеческим голосом Швик. — Бергхольму?.. — И он выбегает на улицу.

— Прошу, господин Зуммер, мы как раз ждем вас, — подает ему ручку Борк.

Зуммер презрительно пожимает плечами.

— Я только пришел выяснить, для чего вы меня вызывали? У меня с вами больше нет ничего общего... во всяком случае, нет судов.

— Вы по-прежнему член правления союза судовладельцев, господин Зуммер, — подчеркнуто любезно говорит консул. — И без вашей подписи договор не имеет законной силы.

Зуммер берет ручку и подписывается гневным росчерком. Отбросив в сторону бумагу, он в отчаянии расстегивает ворот:

— Выпить тут нечего?

— Поздравляю вас с этим счастливым моментом! — нараспев произносит Борк, не желая ни на йоту отступать от традиции. — Эта договоренность лишний раз доказывает, что в нашей стране между предпринимателями и людьми труда царит полное согласие и единство... — Обращаясь к Швику, который вбежал бледный и расстроенный, он в таком же приподнятом тоне говорит: — Теперь ваши гробы могут отправиться в путь!

— Поздно! Слишком поздно! — стонет Швик, размахивая газетой. — Русские прислали продовольствие и медикаменты!.. Теперь в Бергхольме никто не захочет умирать!.. Продовольствие! И при этом еще задаром... Разве это люди?! Что они без конца вмешиваются во внутренние дела нашего государства? — Он обессиленно падает в кресло. — Я разорен!

— Что вы причитаєте? — морщится Зуммер. — У вас же еще остаются мои пароходы.

Швик опять вскакивает на ноги.

— У меня? О! — Он показывает тростью на консула: — Вот у кого! Бог свидетель, что господин консул еще не заплатил мне коммиссионные за эту сделку.

— Швик! — угрожающе говорит Зуммер и делает шаг вперед. — Кому теперь принадлежат мои пароходы?

— Видите ли, господин Зуммер, — пытается спасти ситуацию Борк, — это, разумеется, весьма печально, но бизнес остается бизнесом, и сантименты при этом, как вы сами понимаете, неуместны...

— Молчите! — во внезапном приступе злобы рычит Зуммер и с угрожающим видом приближается к консулу. — Вы! Это все вы! Вы скупили мои векселя! Вы меня разорили, мерзавец!

— Это заговор! — Теперь и Керзену ясно, что было за кулисами затянувшейся забастовки. — Вы хотите нажать на наших несчастьях!.. Вы, Фрекса! Сколько вы заработали, спекулируя моими акциями?!

— Пойдемте, товарищи! — Во внезапной тишине спокойно произнесенные слова Берлинга звучат как приговор суда. — Не будем нарушать семейную идиллию.

Пятнадцатью минутами позднее в баре консул срывает свою злость на Борке.

— Быть может, вы все-таки объясните, что нам дает эта комедия? Почему вдруг нам понадобилось пойти на уступки лоцманам? — Фрекса залпом выпивает ненавистный ему коньяк.

— Чтобы «Советская Латвия» убралась из Криспор-та, — отвечает Борк. — Порт — не тюрьма, его так зорко не укараулишь. Нам же необходима полная свобода действий. А без лоцмана как вы уведете судно?

— Но есть же Тайминь? Он привел без лоцмана и увел бы без лоцмана. — Консул пристально смотрит на Борка.

— Очевидно, этот холодный душ повлиял на ваши мыслительные способности, — нагло ухмыляется Борк. — Вся загвоздка в том и состоит, что Тайминь останется в Криспорте.

— Останется? Или опять новая тактика? — Консул настолько изумлен, что даже не парирует грубость. — Вы ведь сказали, что его освободят забастовщики.

- Именно поэтому он будет вынужден остаться.
— Я все еще ни черта не понимаю,— хватается за голову консул.
— А вы подумайте, консул, подумайте...

* * *

Нора спешит. Истрачено столько времени на бесплодные поиски отца. Ни в префектуре, ни дома его не оказалось. Когда наконец удалось напасть на след, оказалось, он занят переговорами с судовладельцами. И никто не мог сказать, как долго затянется церемония подписания нового договора. И девушка решила действовать самостоятельно. А кто ей запретит пойти на советское судно — в особенности теперь, когда забастовка подошла вроде бы к концу?! Жаль только, что она не отправилась туда сразу...

Она прибавляет шагу и, выйдя на набережную, не замечает человека в надвинутой на лоб шляпе, который сидит с удочкой в тени элеватора. На лодочных мостках стоит малый в брюках гольф и время от времени безразлично покидывает в воду камешки. Нора не смотрит по сторонам — чувство долга и надежда выручить Тайминя гонят ее вперед. Хоть бы поскорей успеть все рассказать капитану!

Вдруг Нора останавливается как вкопанная. В первый момент она даже не понимает, в чем дело, только ощущает пугающую пустоту. Постепенно до сознания доходит неоспоримый факт: «Советской Латвии» нет. И тотчас сам собой напрашивается горький вывод — товарищи Тайминя покинули его... Нора озирается по сторонам, словно в поисках опоры для своей рушащейся веры. Взгляд ее бесцельно блуждает по свинцово-серым водам, скользит по темному силуэту, уходит вдаль и возвращается опять к нему. Сомнений нет, на якоре стоит судно. И словно теплая волна перетапливает ледяное отчаяние в надежду, которая скоро превращается в уверенность: да, это «Советская Латвия». Вон светлая четырехэтажная надстройка с антенной радиолокатора, вздернутый форштевень. Советские моряки ждут своего штурмана или во всяком случае какой-то весточки от него. Весточки, которую Нора может доставить хоть сейчас.

Долго не раздумывая, девушка подбегает к мосткам,

где городские рыболовы держат свои лодки. Первая с краю принадлежит дядюшке Петеру, ею можно бы воспользоваться, но, как назло, нет весел. Следующая тоже отпадает — старый скряга Транзис наверняка запер ее на два замка. И тут Нора замечает парня в брюках гольф. Где-то она его видела, и совсем недавно. Это же тот сторож, который впустил тогда в усадьбу бандита с радиоприемником! Предчувствие опасности заставляет девушку отступить. Теперь несколько минут дела не решают, главное — вообще хоть каким-то образом попасть на корабль. Самой ей это сделать не удастся, надо позвать Густава, пусть подвезет на своем катере. Нора круто поворачивается и, прежде чем парень в гольфах успевает ее задержать, скрывается в узком проходе.

* * *

Давно не видал такого праздника кабачок «Спасение моряка». Тут собрались все лоцманы города — случай вообще невысказанный при нормальной работе. «Закрытый вечер» — написано на небольшой табличке, повешенной на дверь. И действительно, случайному посетителю не нашлось бы места, где сесть. Столы сдвинуты вместе, горят все лампы, но даже их яркий свет не в силах рассеять дымовую завесу, поднимающуюся от десятков трубок, сигар и сигарет.

Сдвигаются разом тяжелые пивные кружки, пенистое питье переливается через край.

— Нашему Берлингу — ура! — провозглашает Хеллер, дирижируя своей кружкой. — Упорство Берлинга победило.

Вздываются кружки.

Встает Берлинг.

— Берлинг в этом деле никаких особых заслуг не имеет. Выпьем, товарищи, за храбрость и выдержку, за лучшие качества моряков! И за всех, кто поддержал нас в этой борьбе!

— Ура! — подхватывает тост Хеллер.

Отчего не пошуметь, празднуя такую блестящую победу? Вновь дружно поднимаются кружки, лоцманы кричат «ура!».

— Вот, товарищи! — стучит кружкой по столу Хеллер, чтобы привлечь к себе внимание. — Послушайте же!

— Слушайте! Слушайте! — помогают ему лоцманы. — Пусть Хеллер говорит.

— Так вот, товарищи, — обращается ко всем Хеллер, — многие из нас знают штурмана с «Советской Латвии» Аугуста Тайминя.

— Того, что работал с Берлингом? Помним, — согласно кивает седой лоцман.

— Знаем, знаем Тайминя! — слышится со всех сторон. — Еще бы, как не знать!

Берлинг пристально изучает Хеллера. Пока он еще не догадывается, что у старика на уме, но чутье подсказывает: будь начеку!

— Он, конечно, не член нашего профессионального объединения, — продолжает Хеллер, когда устанавливается тишина. — Но все моряки всегда были и остаются братьями.

— Яснее давай, Хеллер! — теряет терпение Берлинг. — Чего резину тянешь?

— Сейчас все будет ясно как божий день! — кричит Хеллер. — Неизвестные негодяи похитили Тайминя. Это была провокация, направленная против нас, против нашей забастовки! Аугуст Тайминь пострадал из-за нас! Прав был товарищ Берлинг — мужество и выдержка Аугуста Тайминя помогли нам одержать эту блестящую победу. И будет только справедливо, если мы, в свою очередь, выручим Тайминя. Я, старый Хеллер, весь свой век стоял за правду. Вы меня знаете! И я вам говорю: мы должны выручить Тайминя!

— Неужто Хеллер и впрямь становится человеком? — наклонясь к уху Берлинга, спрашивает Густав.

Берлинг молчит. Слишком еще смутны его подозрения, чтобы их было можно обосновать. Тем более нельзя их высказывать вслух.

— Да говори же, как мы можем ему помочь?.. — шумят лоцманы.

— Очень просто! По матросскому обычаю! — говорит Хеллер. — Нора узнала, где они его прячут. Освободим его своими моряцкими кулаками и доставим на советский пароход!

— Стоящее предложение! — соглашается седой лоцман.

— Молодец, Хеллер!.. Здорово!.. Правильно!.. — поддерживают и другие.

— Ей-богу, стал человеком,— говорит Густав.— Ты что молчишь, Эрик?

Берлинг решается.

— Товарищи, предупреждаю вас! — Он подымается, чтобы придать словам еще большую силу.— Борьба еще не окончена. Теперь нам надо быть особенно осторожными.

В кабачок вбегает Нора. Ее вид явно не отвечает царящей здесь праздничной атмосфере.

— Ну, удалось? — спрашивает Густав.

— Ты была на судне? — Берлинг тоже встревожен.

— Никак не получается. Хорошо еще, удалось улизнуть от этих субчиков. Те самые, что караулят Тайминя.

— Вы слышите, друзья? — надрывается Хеллер.— Есть лишь один путь. Освободить самим! Меня удивляет позиция Берлинга. Разве международная солидарность трудящихся — пустой звук для него?

— Папа, ты забыл, что Аугуст твой друг? — горячо упрекает его Нора.— Если ни у кого больше не хватает смелости, я сама освобожу Тайминя! Дорогу небось знаю!

— Я с тобой! — говорит Густав.

— Золотые слова! — орет Хеллер.

* * *

Венстрат собрал своих молодчиков в большом зале на первом этаже особняка. После телефонного разговора с Борком он вновь чувствует себя как рыба в воде. Дипломатичное обхождение с Таймином, которого в два счета можно было бы сломить обычными методами, тонкая лавировка и бессмысленное торчание в этих неуютных комнатах — всем этим Венстрат уже сыт по горло. Теперь, по крайней мере, предстоит действовать, поставленная задача говорит об этом ясней ясного. И в голосе Венстрата проскальзывают хорошо знакомые его подручным интонации мурлыкающего кота. Они знают — чем тише он говорит, тем нетерпимей к возражениям.

— Здесь не должно остаться после нас ни малейшего следа,— отдает распоряжения Венстрат.— Ни намек на то, что мы тут были.

— Вылижем подчистую,— спешит заверить человек со шрамом.

— И чтоб ни одной пустой бутылки! Слышите, Смэш?

— А с певицей как быть? — интересуется полный мужчина.

«Ах, черт... Дикрозис в редакции... Дождаться его прихода рискованно...» Венстрат колеблется не более секунды:

— Тоже надо будет выкинуть вон отсюда. Смэш, вы матерый сердцеед, у вас богатый опыт; знаете, как отделаться от женщины.— Взблеск черных очков Венстрата мгновенно пресекает хриплый смех.— Кто тут ржет? Вы, может, полагаете, что я вас развлекаю анекдотами? Нет, я команду! Останетесь последним,— обращается Венстрат к человеку со шрамом.— Не забудьте инструкции! Вы ничего не должны делать. Пальцем о палец не ударить! Не должны чинить ни малейших препятствий! Как только убедитесь, что его вывезли, сразу же смывайтесь!

— Фу-ты,— тихо отдувается человек со шрамом.— Третий раз твердит одно и то же...

В комнату вбегает человек в гольфах.

— Шеф...— взволнованно начинает он.

Венстрат кидает на него уничтожающий взгляд.

— Операция еще не закончена. Как меня зовут?

— Виноват, господин Венстрат... Нора Берлинг приходила в порт. Хотела попасть на «Советскую Латвию».

— Ну, и вы что?

— Не допустил.

— Хорошо,— удовлетворенно кивает Венстрат.— И куда вы ее дели?

— Удрала! — Человек в гольфах пожимает плечами.

— Удрала?! — понижает голос Венстрат до еле слышного шепота. Неожиданный молниеносный удар кулака сшибает человека в гольфах наземь.— Я разве не сказал вам, что любого, кто попытается дать знать на корабль, надо пришить? Или вы хотите, чтобы из-за вас я отсидел те двадцать лет, что задолжал казенному месту?! Слушайте же вы, крысы! Я теперь сам отправлюсь в порт. Если здесь останется от нас хоть малейший след... полагаю, вам ясно, чем это пахнет. Думаете, законом? Нет, вот чем! — Коротким молниеносным жестом Венстрат выхватывает из-за пазухи спрятанный там в специальной кобуре револьвер и наставляет его на Смэша.— Ступай и скажи примадонне: если не удержит язык за зубами, обеспечу ее аплодисментами на том свете!

Задача Смэша легче, чем могла показаться в первый момент. По чистой случайности, он начинает разговор фразой, которая вызывает у неудачливой певицы условный рефлекс.

— Шеф велел сказать, гастроль окончилась.— И Смэш недвусмысленно указывает на дверь.

Ситуация не нова для Элеоноры. Не раз приходилось убедиться, что исправить ее не помогают ни просьбы, ни слезы, ни уговоры. Лучше не предоставлять им возможности унижить тебя лишний раз. И все же она не в состоянии удержаться от вопроса, хоть и заранее знает ответ:

— Где Тайминь?

— Не твое дело! Уехал кутить в столицу!

И вот она вновь шагает по улицам Криспорта. Рухнула еще одна иллюзия. Еще одно свидетельство того, что в этой части мира Элеоноре Крелле не видать счастливой жизни. Но она не отчаивается — ведь она нашла своего Аугуста! Рано или поздно пути их вновь пересекутся, чтобы никогда больше не разойтись... А до тех пор?

До тех пор надо где-то заработать себе кусок хлеба. К сожалению, ничто не говорит о том, что у хозяина «Веселого дельфина» дела пошли лучше. Ничего утешительного нет и в его словах:

— Вы что, смеетесь надо мной? А? — У хозяина кабачка не осталось сил даже для того, чтобы повысить голос. За эти дни зашел всего один русский, да и то в первый день. После того как команде запретили сходить на берег, он еще несколько раз присылал за пивом старика Серенса, а теперь... — Владелец кабачка беспомощно развел руками.

— Да, слыхала по радио, что «Советская Латвия» ушла...

— Что за ерунда?! Они бросили якорь на рейде.

На рейде?.. Услышав это, Крелле выбегает на набережную. И впрямь «Советская Латвия» не ушла. Тайминь не одинок. До товарищей, в которых он так верит, до помощи, спасения — рукой подать. До спасения для Аугуста и для нее!

Крелле уже забыла, что совсем недавно сама же уговаривала Тайминя отказаться от родины, подписаться

под клеветой и осесть в Криспорте. Какое ей дело до политики? Она только хотела пожить по-человечески: быть с любимым мужем, дома, в своей квартире, вырваться из нужды. Теперь, когда она видит совсем неподалеку пароход, она опять готова поехать вместе с Аугустом в Советский Союз, готова на все, лишь бы не остаться одинокой.

Уже довольно долго Элеонора ходит из конца в конец по темной набережной. Она замечает наблюдающего за ней мужчину, его лица не разглядеть в тени широкополой шляпы.

— Вы не скажете, как мне попасть на советский пароход?

— Очень просто.— Венстрат воплощение предупредительности.— Пойдемте! Я вас доставлю!

Элеонора Крелле идет вслед за ним — также как всю свою жизнь следовала советам сильных, энергичных людей. Довольная, что нет необходимости самой решать и действовать, она плывет по течению, которое смывает все лишнее, ненужное, нежизнеспособное. Следует, не догадываясь, что идет навстречу смерти.

Лодка отделяется от берега. Некоторое время еще слышен скрип уключин и тихие всплески весел. Затем лодка пропадает из виду, звуки стихают. И никто не слышит выстрела, внезапно рвущего вечернюю тишь, не слышит последнего крика Элеоноры Крелле, не слышит всплеска воды, которым ее безжизненное тело прощается с Криспортом.

6

Машинистка не может понять, что случилось с Дикрозисом. По обыкновению, он диктует так быстро, что за ним невозможно поспевать, и просто счастье, когда удастся не переспросить слово в конце фразы. Сегодня же, напротив, после каждого абзаца он делает паузы, словно не в силах выжать мысль из мозга, переутомленного событиями. Вот и сейчас уже долго не слышно треска клавиш, а редактор все молчит и молчит.

По правде говоря, отнюдь не содержание статьи затрудняет сейчас ум Дикрозиса. Даже будучи разбужен среди ночи, он без натуги сочинил бы такой репортажик. Мешает сосредоточиться умопомрачительная мысль о

том, что эта заметка, по всей видимости, последняя, которую он диктует в стенах редакции «Курьера Криспорта». Победа одержана, завтра надо отправляться вместе с Борком в столицу, где ждет работа иного, более широкого размаха, более значительное вознаграждение и, несомненно, более трудные и хлопотливые задания. Именно это сейчас занимает ум Дикрозиса. Справится ли, сможет ли удержаться на поверхности вод, где обитают акулы более хищных пород? Себе-то ведь можно признаться, что блестящий маневр Борка превосходит все доселе виданное Дикрозисом. Стоит ли садиться за партию с шахматистом, который видит игру не на три-четыре хода вперед, а умеет рассчитать все варианты и подготовить противнику ловушку, казалось бы, на ровном месте? Может, разумней остаться в Криспорте?

Дикрозис глядит по сторонам и понимает, что мысленно он уже распрощался со своим мрачноватым кабинетом, в котором навечно поселился запах дешевых сигарет и плохого кофе, с поблекшими литографиями на стенах и со стеклянной дверью, через которую хоть и можно видеть, чем заняты подчиненные, но которая и для него не исключает неприятного чувства пребывания у всех на виду. Второй раз возможность не представится, и потому надо рискнуть. А на прощание сочинить статью, которая заставит благонравных граждан Криспорта еще долгие годы вспоминать редактора Дикрозиса.

Он морщит лоб, пытаясь завернуть особо забористую фразу.

— С новой строки! — говорит Дикрозис. — Пишите!.. «Однако заблуждались те, кто считал, что это последний акт драмы». Точка. «За подписанием договора последовал сенсационный финал...» — Дикрозис снова морщит лоб. — Пишите! «В тот момент, когда торговый пароход «Советская Латвия» готовился покинуть наш порт, многие жители Криспорта, в том числе и ваш специальный корреспондент, были свидетелями постыдного происшествия...» Зачеркните последнее предложение! «Сенсационный финал, который разыграется в апелляционном суде...» Новый абзац... «Договор между судовладельцами и лоцманами будет аннулирован, ибо доказано, что бастующие действовали в соответствии с инструкциями иностранных агентов! Штурман с «Советской Латвии» Аугуст Тайминь, об исчезновении которого мы в свое время сооб-

щали нашим читателям, руководил забастовкой лоцманов. Попытка этих темных элементов тайком доставить Тайминя обратно на борт судна потерпела неудачу благодаря бдительности нашей полиции. Не помог и хитрый маневр русских моряков встать на якорь на рейде, где легко было бы воспользоваться покровом темноты в своих целях. Советского штурмана арестовали как раз в тот момент...»

— Как интересно! — не удержалась от восхищенного возгласа машинистка. — Когда это произошло?..

— Дуреха! — обрывает ее Дикрозис. — Это все еще произойдет. Через час.

* * *

Темень сгустилась в капитанской каюте, но Акмен не включает освещение. Тлеет, потрескивая, табак в трубке у Дубова. Почему-то кажется, что в темноте легче разговаривать по душам. А у капитана накопилось так много на сердце...

— Читали радиogramму из управления порта? — Не дождавшись ответа, Акмен продолжает: — Через час прибудет лоцман, и мы должны будем сняться с якоря.

— Может, он расскажет нам о Таймине, — говорит Дубов. — После ухода докеров мы окончательно отрезаны от города.

— Ничего хорошего не жду. У меня не выходит из головы визит начальника полиции. — Капитан большими шагами ходит по каюте. — Что за проклятое время, в которое мы живем! Помню, раньше не было латвийского парохода, с которого кто-нибудь не удрал бы в первом же заграничном порту. Надежда на лучшие заработки, поиски приключений да мало ли что... И никто из-за этого не подымал шума!.. Когда такой балбес через год, оборванный и голодный, заявлялся в консульство, ему давали денег на дорогу домой, и кончен бал. А нынче... — Он тяжело вздохнул.

— Проклятое не время наше, а эта холодная война, которая превращает всех нас, как партийных, так и беспартийных, во фронтовиков. — В голос Дубова, незаметно для него самого, закрадываются лекторские нотки. — Ты пойми, капитан, здесь мы больше не Акмен, Тайминь, Чайкин или Дубов со своими индивидуальными свойства-

ми характера, здесь мы даже не являемся представителями определенной национальности или государства, мы все здесь — носители марксистской идеологии: большевики, красные, агенты Кремля, кому как понравится нас обозвать. Дома ты вправе выругаться, напиться, подраться — это твое личное дело. Здесь же за тебя в ответе весь Советский Союз — пожалуйста, не смейся! — также местные коммунисты.

— Бедняга Тайминь, — горько улыбается Акмен. — Над чем только ему не приходится ломать голову!..

Без стука открывается дверь. Входит чем-то взволнованный вахтенный штурман.

— Товарищ капитан! Пошли на палубу. На набережной что-то непонятное. Если не ошибаюсь, неподалеку от причала лоцманского катера.

В первый момент трудно разобрать, что могла бы означать суета на берегу. В мощный бинокль видны два человека, устанавливающие на пологой крыше склада мощный прожектор. Одна за другой подъезжают легковые и грузовые машины. Из них выходят люди, собираются в группы, выгружают киноаппаратуру.

— Это совсем не похоже на демонстрацию, — качает головой Дубов.

— Скорее, на киносъемки, — замечает Акмен. — Вон камера, видишь?

— А что же они собираются снимать? — Лицо Дубова хмурится. — Уж не нас ли? Знаем их съемки. Мы-то не полуголые девицы, не бандиты. А впрочем... — Он лучше подстраивает бинокль. — Глянь-ка, вон и наш старый знакомый из желтой газетенки. — Дубов заметил Дикрозиса, который, растопырив руки, показывает на «Советскую Латвию». — Ясно, они что-то готовят нам на прощание. Держись, капитан!

* * *

Развалиясь в любимом кресле консула Фрексы, Борк слушает последние известия.

«Завтра в парламенте начинаются дебаты по торговому договору с СССР, — рассказывает диктор. — Результаты предварительного опроса говорят за то, что оппозиции навряд ли удастся поставить на голосование вопрос о до-

верии и сорвать планы правительства. Самые разные слои населения одобряют мирную политику сосуществования. Кулуарные слухи о якобы предстоящем сенсационном заявлении депутата Борка следует рассматривать как неуклюжую попытку посеять тревогу в умах некоторых депутатов».

— Может, и в этот приемник встроен магнитофон,— ехидно замечает консул,— чтобы отравить вам настроение... Да, это был трюк — первый сорт, а то, что вы проделали с Тайминем...

— Чепуха! — Борк чувствует себя польщенным.— По сравнению с сюрпризом, который ожидает завтра нашего министр-президента... — Звонит телефон, и Борк снимает трубку.— Алло!.. Да, хорошо. Благодарю! — Борк встает.— Теперь дело идет к концу. А знаете что, консул?.. Я рад, что доиграна эта партия! Пора уже, звонил ваш Хеллер, через полчаса все закончится... Вы тоже поедете?

— В порт? Для какого черта?

— Хочу видеть этого штурмана... Сами посудите, я сыграл с ним целую партию, но противника своего ни разу не видел. Теперь, когда победа над ним одержана, надо было бы взглянуть на него. Поедем!

* * *

Особняк, в котором заключен Тайминь, в этот поздний вечерний час выглядит еще более заброшенным и мрачным, нежели днем. Охают и стонут, тревожно шумят в парке столетние дубы. Контур здания неразличимы в темноте, светятся лишь два окна на втором этаже.

Завидев темный силуэт усадьбы, Густав загодя включает фары и сбавляет ход. Старый «форд» тихо подкатывает и останавливается. Теперь машина находится под укрытием высокой каменной стены, и потому из дома ее не видно. Из машины вылезают Нора, Густав и седой лощман, тоже решивший принять участие в этом рискованном деле, чтобы при надобности остудить пыл молодежи. В годы немецкой оккупации он неоднократно организовывал дерзкие побег союзных солдат из лагерей военнопленных и потому считает, что без его личного участия это предприятие обречено на неудачу.

Густав и Нора достают из машины моток каната и перебрасывают его через каменную ограду.

— В какой комнате его держат? — спрашивает Густав.

— На втором этаже. Вон то окно, — показывает Нора.

И, как бы подтверждая слова девушки, в черном квадрате, где смутно виднеется тень человека, вспыхивает и тотчас гаснет огонек спички.

— Пошел! — командует Густав и по канату ловко взбирается на ограду. — Давай за мной. Караульных не видно...

* * *

Норе и Густаву удается так тихо и незаметно подкрасться к зданию, что погруженный в свои мысли Тайминь ничего не слышит. В окно стукнулся камешек и заставил Тайминя отпрянуть. Вслед за камешком в комнату с шорохом влетает моток каната. Аугуст наклоняется, берет его в руки, дергает, подавая сигнал вниз. Затем со всей силой тянет. В окне появляется темная фигура. Тихо соскакивает с подоконника.

— Аугуст! — волнение сдавливает Норе горло.

— Свет! — тихо приказывает Тайминь и тут же сам зажигает спичку. — Малышка Нора?! Ты?! — Тайминь ошеломлен.

— Теперь не время уточнять, — шепчет Нора. — Мы приехали за тобой. Быстрей.

— Погоди... Где мой теплоход?

— Потом... надо торопиться... В парке как раз нет никого из стражи. — Не в силах понять причину его нерешительности, Нора тревожно спрашивает: — Что с тобой?

— Нора, где «Советская Латвия»?

— В порту. Именно туда мы и хотим тебя доставить.

Молчание. Затем Тайминь задумчиво, как бы про себя, произнес:

«Здесь... Значит, все же верят! Выходит, сообщение по радио — выдумка... Тогда все хорошо».

— Ясно! — Тайминь преодолел минутную слабость. Он выпрямляется и резко спрашивает: — В парке действительно нет ни одного часового?

— Да, да... Скорей! Дорога каждая секунда.

— Спасибо, — улыбается Тайминь. — Теперь иди. Я с вами не пойду!

— Что?! — Нора в недоумении даже пятится. — Так, значит, правда?.. Не может быть? Аугуст!.. Аугуст Тай-

минь! — Нора почти кричит, будто хочет докричаться до его совести.

Тайминь понимает, о чем думает Нора.

— Предатель? — коротко усмехается он. — Я предатель? — Тайминь трясет головой. — Нет, Нора! Раньше, когда еще не знал, что вы найдете меня, когда не знал, что мой корабль не ушел в море, когда ничего еще не знал... Мне было важно обмануть противника... Чтобы попасть в столицу... Там представилось бы больше возможностей бежать, добраться до советского представительства или до другого места, где я мог бы рассказать правду. Теперь это уже не нужно.

— Надо бежать! Не понимаешь разве? Через час «Советская Латвия» снимается с якоря и уходит.

— Пусть! Я должен остаться здесь! — твердо говорит Тайминь. — Пойми, Нора, речь идет не о моей личной судьбе, не о судьбе Элеоноры. Я не имею права бежать! Отсюда я должен выйти обвинителем. Обвинению необходимы доказательства. А если я сбегу, у меня их не останется. Даже на вас я не смогу сослаться.

Нора поражена:

— Это же безумие!..

— Это наша, советская тактика! В любых условиях бороться за победу... — После паузы Тайминь продолжает: — А теперь все зависит от тебя... Любым способом ты должна поставить в известность полицию о том, что я здесь... Именно полицию! Никого больше!

— Но полиция ведь с ними заодно...

— Разумеется... до тех пор, пока у моих противников есть шансы взять верх. В тот момент, когда начальник полиции почувствует, что его игра проиграна... Не будем терять времени! Надо поспешить! Пока «Советская Латвия» здесь, полиция не посмеет увильнуть...

— Возьми! — Нора сует Тайминю в руку «вальтер» старого лощмана, добытый им когда-то в перестрелке с немцами. — Возьми же хоть это. Все-таки безопасней. Если они пронюхают, что полиция на подходе...

— Нет! — отказывается Тайминь. — Я торговый моряк. Оружия мы не носим.

— Ты от всего отказываешься...

— Напротив, — улыбается Тайминь. — То, что я без оружия, самое надежное мое оружие...

— Пойдите, пойдите... Да, да... Я вам верю. Но мне необходимо эти факты еще уточнить.

Оставив Нору, Густава и старого лоцмана в приемной, начальник полиции вбегает в свой кабинет. Впопыхах за-
бывает выключить радио, бросается к телефону. Трясу-
щимися пальцами набирает номер Борка.

«Коротко повторяем последние новости,— слышен го-
лос диктора.— Завтра в парламенте начинаются дебаты
по торговому договору с Советским Союзом...»

Начальник полиции не слушает. На лбу у него высту-
пил пот. Борг не отвечает. Префект набирает номер адми-
нистратора гостиницы.

— Срочно! Разыщите во что бы то ни стало! Может,
он сидит в баре... Нету?.. Уехал?.. В порт? Проклятье!

Начальник полиции бросает трубку. Потом спохваты-
вается и хочет набрать номер консула Фрекса. В этот мо-
мент до его сознания доходят произнесенные диктором
слова:

«Лидер крестьянской партии сообщил, что ситуация в
корне изменилась. Учитывая высказанное избирателями
мнение, что торговый договор с СССР выгоден также и
земледельцам, на заседании фракции принято решение
поддержать правительство. Таким образом, рухнула по-
следняя опора возглавляемой доктором Борком оппози-
ции. Как нам только что сообщили, министр иностранных
дел господин Нордьюп посетил сегодня советского посла,
дабы засвидетельствовать, что для розыска исчезнувшего
советского штурмана будут предприняты самые реши-
тельные меры. Заодно он выразил благодарность Совет-
скому правительству за помощь, предоставленную по-
страдавшим жителям Бергхольма...»

Последние слова префекта полиции не слышит.

— Теперь я ему покажу! — произносит он сквозь зубы
и бросается к двери.

Большая серая машина с погашенными огнями резко
тормозит около усадьбы. Венстрат выходит и на миг при-
слушивается к тишине, в которой слышен лишь шелест
листвы. Он смотрит в сторону особняка. Все окна тем-

ные, кроме крайнего на втором этаже. Венстрат удовлетворенно кивает. Это условный знак. Значит, все шло по плану. Тайминь совершил «побег», караульщики покинули дом.

Однако Венстрат не таков, чтобы целиком полагаться на своих подручных. Все они жалкие дилетанты. Все они думают лишь о том, как бы поскорей отработать, получить деньги и задать стрекача. Вставляя ключ в замочную скважину ворот, Венстрат ухмыльнулся, вспомнив предупреждение Борка о том, что предстоит работа «в белых перчатках». А что? И в самом деле сработали так, что комар носу не подточит...

Венстрат проходит через парк и бесшумно отворяет дверь. Дом молчит. Вдруг на втором этаже он слышит подозрительный звук. Выхватив из-за пазухи револьвер, Венстрат на цыпочках идет по лестнице. Останавливается у двери, за которой слышны булькающие звуки.

Пинком распахнув дверь, Венстрат подымает револьвер, но рука тотчас опускается. Зрелище чересчур ошеломляюще, чтобы Венстрат мог отреагировать на него сразу.

На полу валяются несколько пустых бутылок. Посреди них сидит в стельку пьяный Смэш и досасывает из горлышка последнюю бутылку.

— Ты чем тут занимаешься, скотина?! — Венстрат взбешен, он буквально захлебывается от злости, и лишь шипение вырывается из его рта.

Однако смысл его слов до Смэша доходит.

— Я? А вы разве не видите? Все ушли, и я чуть не ушел, но гляжу, нельзя. Оставить столько добра! Вы же сказали, чтоб никаких следов, ни пылинки... Выбрасывать? Я, может, и преступник, но такого преступления совершить не могу... Ваше здоровье!

Венстрат не тратит слов попусту. По меньшей мере пять минут на Смэша сыплется град ударов. Всякий раз, как он падает на пол, Венстрат опять ставит его на ноги и колошматит дальше.

— Ну как? — спрашивает наконец Венстрат угрожающим шепотом.

Смэш встряхивается.

— Все в порядке, шеф... виноват, господин Венстрат... Весь хмель вылетел, жаль просто... Столько отменного питья, и все зря...

— Заткнись! Пошли!

Молча они вдвоем обходят помещение за помещением. Кое-где Венстрат обнаруживает мелкие упущения, но в целом ребята поработали хорошо. Осталась последняя комната — Тайминя.

— Проверил?

— Нет. Эту я должен был... Не успел еще. Думал, времени еще хватит, прежде надо вещественные доказательства ликвидировать.

— Пожалуй, ты и есть главное вещественное доказательство, которое надо бы ликвидировать,— негромко произносит Венстрат и отпирает дверь.

Венстрат включает свет. Комната пуста. Мебель стоит на местах.

Венстрат подходит к окну, смотрит вниз. Смэш идет за ним. Неожиданный резкий шум заставляет их мгновенно обернуться.

Притаившийся за дверью Тайминь, захлопнув ее, запер ключом и, прежде чем Венстрат успевает остановить его, выбрасывает ключ в окно.

Смэш бросается на Тайминя. Удар в челюсть отбрасывает Смэша в угол. Хныча от боли, он катается по полу. Как только Венстрат выхватывает револьвер, Тайминь подымает руки вверх.

— Ты здесь? — спрашивает Венстрат, не веря своим глазам. Мозг его работает с явной перегрузкой. Вопрос, почему Тайминь остался, кажется сейчас первостепенной важности.— Ты здесь? — повторяет он, как испорченный граммофон.— Разве тебя не освободили?

— Было такое намерение... Да мне понравилось ваше общество, решил остаться,— осклабилсся Тайминь.

— Послушай, ты! — Венстрат приближается к Тайминю.— Что все это значит?

— Ничего особенного! Хочу, чтобы вы немного побыли в моей шкуре,— спокойно отвечает Тайминь.

— Западня! — доходит наконец до Венстрата.— Встать к стенке! Лицом! Руки вверх! Пошевелишься — покойник!

Тайминь подчиняется.

— Взломать дверь! — приказывает Смэшу Венстрат.

Видя, что Смэшу не по силам обитая железом дверь, он сам приходит ему на помощь. Тайминь не теряется.

Прежде, чем Венстрат успел опомниться, оружие вырвано у него из рук.

— Так! Теперь поменяемся ролями,— улыбается Тайминь.— К стенке. Живей! И чтобы не шевелиться!

Венстрат вепрем бросается на Тайминя. Тайминь подымает револьвер. Смэш съезживается. А Тайминь, ногой отпихнув Венстрата, выстреливает весь барабан в окно. Звенит стекло. Гулко отдаются выстрелы в парке.

— Он спятил! — хрипит Смэш, наскакивая на Тайминя. Но Тайминь оказывается проворней. С последним выстрелом вылетает в окно и револьвер.

Схватка. Воспользовавшись моментом, когда Смэш придавил Тайминя к полу, Венстрат подбегает к окну и распахивает его. До земли не менее пяти метров.

За дверью шум, голоса. В пылу драки ни Венстрат, ни Смэш не слышат их. Шум приближается. Дверь сотрясают удары. Венстрат и Смэш из последних сил норовят высвободиться из железных рук Тайминя...

— Откройте! Полиция! — И тяжелая дверь заходила ходуном.

По полу катается клубок тел. С треском срывается с петель дверь. Врываються полицейские с префектом во главе...

В последнюю секунду вырвавшись из рук Тайминя, Венстрат добирается до окна. Изготавливается выпрыгнуть, но... внизу блуждают лучи от карманных фонарей полицейских. Дом оцеплен. Венстрат медленно поворачивается и также медленно подымает руки. У Смэша нет сил подняться. Он подымает руки, так и не вставая с пола.

Тайминь, шатаясь, подходит к начальнику полиции.

— Я штурман с «Советской Латвии»,— обращается он к префекту.

— Знаю, господин Тайминь. Мы вас давно ищем.

— И только теперь отыскиали?

— Лучше поздно, чем никогда! — шуткой пытается сгладить неловкость префект.— Арестовать! — указывая на Венстрата и Смэша, кивает он полицейским.

— Ну нет, это будет неучтиво! — улыбается Тайминь.— Разрешите прежде всего представить вам моих гостеприимных хозяев!.. Это господин Венстрат, его обычно величают шефом. А вон тот — господин Смэш!

— Знаю эту банду! — угрюмо бросает начальник по-

лиции.— Не беспокойтесь, господин Тайминь! Все получат по заслугам.

— Остальные тоже?

— Разумеется. Мой девиз — закон и порядок. Но в первую очередь нам надо выяснить, кто в действительности принимал участие в вашем похищении,— говорит префект.— Это потребует известного времени. Запаситесь терпением.

— Могу вас избавить от этих затруднений... Запишите: депутат Борк! Консул Фрекса! Редактор Дикрозис!

На набережной народу все прибывает.

— Мне это не нравится! — гневно говорит Берлинг, показывая широким жестом на автомобили репортеров, фотографов, радиокомментаторов, на установленные в нескольких местах прожекторы.— Как я сразу не сообразил! Готов себя убить за это...— продолжает он.— Поведение Хеллера и его предложение мне с самого начала показалось подозрительным, но...

— О чем ты говоришь? — недоуменно спрашивает кто-то из лоцманов.

— О провокации! Ты что, не видишь, для чего они собрались на набережной? Тайминя встречают! — В его голосе звучит отчаяние.

— Я их предупрежу! — предлагает кто-то из лоцманов.

— Поздно! Они с минуты на минуту должны подъехать, мы уже ничего не в силах предпринять.

Консул Фрекса сидит в своей машине и поглядывает на часы.

— Запаздывают,— говорит он сидящему рядом Борку.

— Ничего,— улыбается Борк.— Стоит потерпеть.

— Господа, еще немного терпения,— радушно улыбается журналистам Дикрозис.— Еще минуточку терпения, и вы станете свидетелями неслыханной в Криспорте сенсации. Можете мне поверить! На такие вещи я мастак.

Журналисты отвечают на это признательной улыбкой.

...С командного мостика «Советской Латвии» Акмен с Дубовым напряженно наблюдают за необычной суетой на набережной.

— Что же они решили там учинить? — как бы самого себя спрашивает Акмен.

— Понятия не имею.

— Новую провокацию? В таком случае они опоздали. Через пятнадцать минут к нам на борт подымется лоцман.

— Лоцмана можно задержать. Не знаю, какая роль отведена нам в спектакле, но одно ясно: без нас он потерял бы всякий смысл.

Берлинг поглядывает на огни, обозначающие место якорной стоянки «Советской Латвии».

— Через десять минут я должен быть на судне, — негромко говорит он. — Стало быть, все произойдет в эти десять минут.

— Или не произойдет, — впервые за это время кто-то из лоцманов решается высказать надежду. — Они давно должны были быть здесь.

Атмосфера в гавани все больше сгущается. Консул Фрекса поминутно глядит на часы. Борк спокоен, хранит молчание. Дикрозис пытается утихомирить репортеров.

Где-то вдалеке сигналист автомашина. Все замирают. Автомобильный сигнал уже совсем близко. На набережной появляется старенький «фордик».

— Зажечь прожектора! — командует Дикрозис.

Набережную заливает ослепительный свет. Начинается невообразимая кутерьма. Журналисты выхватывают из карманов блокноты. Фотографы налаживают свою аппаратуру. Радиокомментаторы проверяют микрофон. Кинооператоры приводят в готовность камеры.

Но «форд» обгоняет другая машина. И тут тишину разрывает голос Дикрозиса:

— Вот вам, господа, обещанная сенсация! — исполненным осуждения жестом он показывает на Тайминя, который вылезает из машины в сопровождении Норы и старого лоцмана.

Какое-то мгновение Тайминь стоит неподвижно, будто специально позирует фотографам и киносьемщикам, которые с великой поспешностью снимают его. Затем он поворачивается к машине, из которой уже вылез начальник полиции. Префект любезно берет Тайминя под руку и ве-

дет к причалу, куда, завывая сиреной, подруливает полицейский катер. На короткий миг наступает всеобщее замешательство. Затем раздаются ликующие крики лоцманов.

Консул Фрекса запускает мотор автомобиля.

— Эту кашу вы будете расхлебывать сами,— злобно говорит он Дикрозису.

— Идиот! Нашел время для упреков,— огрызается Борк.— Гони быстрее!

— Выключить прожекторы! — лишь теперь спохватывается Дикрозис.

Однако осветители не выполняют приказаний. Камера продолжает съемку.

— Проклятие! — орет взбешенный Дикрозис.— Погасить свет!

Префект поворачивается к толпе.

— Лоцмана, который поведет «Советскую Латвию», прошу сесть в полицейский катер. Что же касается остальных, господа, то наш гость, господин Тайминь, благодарит вас за торжественные проводы.

И вот Тайминь снова занимает свое место на командном мостике. Рядом стоит Берлинг. На палубе префект беседует с капитаном и его помощником Дубовым.

Тайминь вполголоса разговаривает с Берлингом.

— Спасибо,— говорит Тайминь.— Тебе, всем вам и в особенности малышке Норе...

— Нет, спасибо тебе.— Берлинг кладет руки ему на плечи.— Ты же сам знаешь — не было бы тебя, многое пошло бы у нас наперекосяк. Борк долго будет тебя вспоминать.

— Да, как бы ни было трудно, а все же провел судно туда, куда хотел... Жаль только одно... Эх, если б можно было задержаться здесь хоть на несколько часов... Зайти к Элеоноре, поблагодарить и сказать, что жду ее...

— Об этом я позабочусь!.. Мы все позаботимся о ней... Ручаюсь, не пройдет и трех месяцев, как встретишься с ней в Риге.

Усиленный мегафоном голос капитана Акмена командует:

— Поднять якорь!

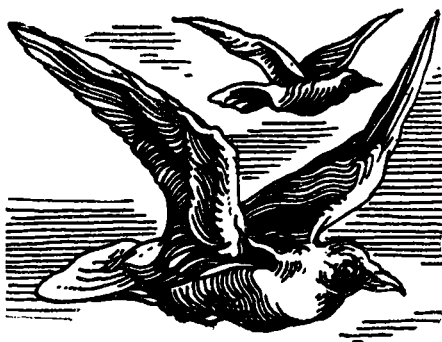
Настал момент, когда префект может сойти в свой катер и больше не видеть играющей на губах у Дубова ухмылки, которая хуже любого, высказанного вслух упрека. Якорная цепь, звено за звеном, подымается из воды. Вот из темных волн показывается и тяжелый якорь, все стоящие у борта смотрят на него.

Над палубой эхом проносится одновременный вскрик нескольких человек.

На лапе якоря, словно уцепившись за него в последней попытке попасть на корабль, который увезет ее на родину, висит бездыханное тело Элеоноры Крелле.

Префект в ужасе отшатнулся. Он узнал Элеонору Крелле, поскольку афиши с ее портретом последние три дня буквально наводнили город. Он понял все. И не только то, что повинен в смерти певицы, но и то, кому придется быть в ответе за ее смерть.

— Что, что? — бормотал он. — Это невозможно!.. Криспорт, он ведь самый мирный город на всем белом свете!

«24-25»
НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Город окутан туманом. Он поглотил все: здания, изгороди, фонарные столбы, редких прохожих. Из густой мглы возникают два тусклых глаза — такси. Лучи фар обрываются сразу перед радиатором машины. Человек на краю тротуара подымает руку, но таксомотор не останавливается, хотя и свободен. Мимо скользит панорама неузнаваемо преобразившейся улицы. Громадной светлой тенью со звоном проносится трамвайный вагон, где-то рядом трещат невидимые мотоциклы.

Впереди призрачно мерцает неоновая реклама. Такси сбавляет ход, останавливается у кафе. Из машины выходит шофер Леон Пурвит. Его рука в перчатке поворачивает ключ в замке дверцы. Машина заперта. Пурвит обходит машину кругом. Виден освещенный задним фонарем номер: 24-25 ЛАГ. Пурвит отворяет дверь кафе.

В такую непогоду кафе кажется особенно уютным. Видимо, поэтому здесь так много посетителей. В оркестре перерыв, никто не танцует, и видно, что лишь за двумя столиками есть свободные стулья. Столики — на них тепло светятся невысокие настольные лампы — разделены декоративной перегородкой и сразу привлекают к себе внимание входящих. За этими столиками сидят две молодые хорошенькие девушки: Ирена и Мара.

Ирена одета по последней моде. Ее внимание поглощено публикой в зале. Мара, напротив, словно не замечает окружающего. Время от времени она задумчиво

проводит рукой по вьющимся каштановым волосам, словно отгоняя неприятные воспоминания, и озабоченно хмурится.

Входит Пурвит. Это тридцатилетний мужчина, у него худощавое лицо, светлые усики, стройная спортивная фигура. Пурвит неторопливо снимает перчатки и сует их в карман куртки.

Он подходит к столику Ирены почти одновременно с мужчиной средних лет, приглашающим ее на танец.

— Моя девушка не танцует с незнакомыми мужчинами.— Тон Пурвита вежлив, но категоричен. Сев за столик, он бросает официантке: — Как всегда!

Его громкий голос выводит Мару из раздумья. Она протягивает руку к коньячной рюмке, что стоит рядом с чашкой кофе, но та пуста.

— Какое горе топишь?

Лишь сейчас Мара замечает, что возле столика стоит ее друг — врач Имант Эрберт. Он одет подчеркнуто элегантно: модный костюм в едва заметную полоску, белоснежная сорочка, безукоризненно завязанный галстук. Энергичное лицо дышит здоровьем и свежестью, лишь во взгляде синих глаз притаилась усталость.

— Имант! — обрадованно говорит Мара.— Ну, рассказывай, каковы твои успехи в Вене?

— А твои в Риге?

Мара кисло усмехается.

— Мне грозит повышение...

— Что ж, поздравляю.— Эрберт принимает таинственный вид и, развернув сверток, достает небольшую фигурку из слоновой кости. Это толстый улыбающийся Будда с пятью такими же улыбающимися младенцами на руках.— В жизни надо следовать хорошим примерам,— шутит он.

— Прелесть! — Щеки Мары вспыхивают. Стало быть, Имант и во время конгресса думал о ней. Она рассматривает подарок.— Слоновая кость! За границей это же стоит безумных денег! Мне вовсе не нравится, что ты так потратился на меня.

— Не расстраивайся,— улыбается Эрберт.— Могу себе позволить.— И, увидев, что Мара недовольно хмурится, добавляет: — После свадьбы я тебе все расскажу.

— Мне сегодня не до шуток! Из меня хотят сделать начальника архива.— Мара разглядывает фигурку и не-

чаянно отламывает головку.— По-видимому, это символично,— говорит она, вылавливая головку из кофейной чашки.— Пять лет меня учили вести следствие. Неужели моя голова годна лишь на то, чтобы я занималась стиранием пыли со старых папок?

Эрберт берет фигурку и отломленную головку, прячет в карман.

— В моей лаборатории склеят так, что и трещинки не заметишь. Не расстраивайся!

— Бывают несчастья, которым клей не поможет. Одна-единственная ошибка — и уже считают, что ты не годишься для работы в милиции.— Она грустно вертит в пальцах пустую рюмку.

— Два коньяка! — заказывает Эрберт официантке.— Когда сядешь за руль, это удовольствие станет для тебя запретным,— говорит он Маре.— Шоферские права получила?

— Если желаешь взглянуть на памятник моей глупости, приходи на Крастмалас, дом один. Наша «Волга» по-прежнему стоит во дворе под брезентом...

— Ничего, в свадебное путешествие поедem на моей. Если ничего не изменится, то на будущий год куплю обязательно...

Мара улыбается, она принимает это заявление, как очередную шутку.

— Ты наконец расскажешь о Вене или нет? О чем говорили на конгрессе?

— О том, что чарльстон вовсе не такой уж плохой танец.— И Эрберт приглашает Мару.

Чувствуется, что он совершенно не намерен говорить о серьезных вещах.

Музыканты вновь заняли свои места на эстраде. Проходя с Марой на площадку для танцев, Эрберт замечает Ирену и кивает ей за спиной Мары.

К столу Ирены и Пурвита подходит Межулис. Он молод, волосы его прилизаны, черты гладкие и неброские. В его костюме тоже ничего примечательного. При разговоре не выпускает из зубов папиросу с причудливо смятым мундштуком.

— Заметил у входа твою машину,— говорит Межулис,— дай, думаю, найду...

— А, Межулис! Как ты рискнул без жены? — усмехается Пурвит.

— Оставь жену в покое! — Межулис, раздавив в пепельнице недокуренную папиросу, тут же вынимает из пачки «Беломора» следующую и привычным движением сминает ее мундштук.

— Знаю, знаю, она самая хорошая, самая...

— Перестань, Леон,— перебивает его Ирена.— Его жена в больнице. Как она, Межулис?

— Сегодня еще не звонил...

Ирену опять приглашают танцевать — на этот раз молодой симпатичный парень. Она качает головой, но неожиданно вмешивается Пурвит:

— Да иди уж!

Ирена встает и уходит.

Межулис, словно только этого и ждавший, вынимает из кармана ключ и подает Пурвиту.

— Порядочек!

Пурвит неловким движением роняет сумочку Ирены под стол и довольно долго возится с ней, пока поднимает и кладет на место.

— А что доктор? — спрашивает Межулис.

— Доктор не дурак.

Музыка кончилась. Многие аплодируют, надеясь на повторение танца, но у Эрберта в этой веселой суতোлке вид безучастный. Мара ласково берет его за руку и ведет к столику.

— О чем ты задумался, милый?

— О том, что... Вышло так, что на карту поставлено...

Мара не хочет слушать дальше. Они не виделись почти целый месяц. Для чего портить чудесный вечер?

— Что у нас за характеры — даже повеселиться как следует не умеем!

— А что, если пойти в кино? — предлагает вдруг Эрберт.

За соседним столиком тоже собираются уходить. Взглянув на часы, Пурвит говорит:

— Пора!

Они чокаются. Но пьет одна Ирена. Мужчины даже не пригубили рюмок. Межулис закуривает папиросу и встает.

* * *

В блестящем черном плаще он стоит в телефонной будке и говорит в трубку:

— Доктора Эрберта, пожалуйста!

Швейцар кафе, подойдя к столику, что-то спрашивает у сидящих. Затем направляется к их соседям:

— Тут нет доктора Эрберта?

Ирена показывает ему Эрберта, танцующего с Марой.

Швейцар подходит к Эрберту, но не решается помешать им — так увлеченно они танцуют. Швейцар откашливается и касается рукой плеча Эрберта.

— Извините, вас просят к телефону.

...Эрберт возвращается к столику, уже надев плащ.

— Мара, дорогая, не сердись, — торопливо говорит он. — В кино пойдем завтра. Звонили из амбулатории, Срочный вызов.

Тем временем туман стал еще плотнее. Пурвит, выйдя с Иреной из кафе, безуспешно пытается найти на стоянке свою машину. Такси исчезло.

— Угнали! — Пурвит кидается обратно в кафе. — Где тут телефон? Моей машины нет!

Мара — она берет у гардеробщицы пальто — резко оборачивается. Вот возможность доказать и себе и всем на свете, что она, Мара, тоже кое-что смыслит в милицеской работе. Как ей повезло: машину украли чуть ли не при ней! Хорошо, что они с Имантом не пошли в кино. Теперь она самая первая допросит потерпевшего и свидетелей, первая осмотрит место происшествия, все козыри будут у нее в руках! Действовать надо немедленно, по горячему следу.

Мара подбегает к Пурвиту и, доставая из сумочки служебное удостоверение, чуть ли не торжествующе кричит:

— Покажите, покажите мне!

— Чего ж теперь показывать?! Пустое место? — угрюмо отрезает Пурвит.

— Я разыщу! — запальчиво говорит Мара.

Пурвит пожимает плечами и показывает на дверь.

Кинув пальто на барьер, Мара выбегает на улицу. Пурвит, Ирена, швейцар и даже гардеробщица — все бегут за ней.

На улице вокруг них тотчас собирается кучка зевак.

— Что случилось? — спрашивает кто-то таким тоном, будто он главный специалист по таким происшествиям.

— Машину украли! — Пурвит по-прежнему крайне взволнован.

Светя карманным фонариком, Мара изучает асфальт. В световой круг попадает до половины выкуренная папироса с характерно измятым мундштуком. Пурвит наступает на окурок ногой.

— У машины был номер 24-25 ЛАГ, — говорит он.

— Надо в милицию позвонить, — опять вмешивается все тот же «специалист», — пока не успели за город угнать.

— В такой туман далеко не угонят. — В голосе Мары слышится раздражение. — По-моему, надо проверить на ближайших улицах.

* * *

У железнодорожного переезда стоит таксомотор 24-25 ЛАГ и настойчиво сигнализирует. Под звон сигнального звонка шлагбаум медленно подымается. Машина срывается с места и мчит дальше.

Впереди в тумане неясные очертания высоких ворот, над которыми висит большой фонарь. Но свет в тумане так тускл, что можно прочесть лишь окончание: «...ПОРТ».

Такси затормаживает у ворот. Почти в тот же момент дверца открывается, Эрберт с небольшим чемоданчиком в руке выскакивает из машины. Предъявляет вахтеру пропуск и исчезает в тумане. Слышен вой судовой сирены.

Такси разворачивается и уезжает обратно в город.

* * *

Майор Григастр тщательно вытирает ноги перед тем, как переступить порог своего кабинета. Кабинет для майора — второй дом. Открыв дверь, он довольным взглядом окидывает помещение. Все вещи на своих обычных местах: и сейф, и письменный стол, и жесткое кресло за столом, и два стула для посетителей.

Майор снимает и вешает фуражку, потом замечает, что она висит косо, и поправляет ее. Повесив на плечики шинель, он для порядка застегивает ее. Теперь можно

сесть. Его массивная фигура заполняет все кресло. Некоторое время он сидит неподвижно, собираясь с мыслями, и как бы сливается с комнатой, вся обстановка которой как-то гармонирует с ним. Перелистывает газету. Затем снимает телефонную трубку.

— Почту.

Майор достает из кармана лупу и ножнички, кладет их перед собой и терпеливо ждет.

Почту приносит старший лейтенант Климов. Он недавно пришел из армии и немного щеголяет своей военной выправкой. Остановившись на положенном по уставу расстоянии, Климов громко докладывает:

— Товарищ майор, старший лейтенант Климов явился по вашему приказанию. Почта!

Григаст хмурит брови.

— Я и сам вижу... Спасибо, можете идти! — Григаст берет конверты.

— Товарищ майор, разрешите доложить. Начальник заготовил приказ о переводе лейтенанта Мары Лейя в архив министерства! — лихо докладывает Климов.

— Передайте ему... Ладно, я сам скажу... — Видя, что Климов вовсе не намерен уходить, он откладывает письма и нетерпеливо спрашивает: — Ну, что еще?

— Я насчет отбывшего срок Виктора Витола... Просит устроить его на работу маляром. — В голосе старшего лейтенанта уже нет прежней лихости.

— Ну и?.. — подбадривает Григаст.

— Три судимости... Просто не знаю... — мнется Климов.

Григаст показывает на газету.

— Читали?

— Так точно! В Америке собираются всех служащих проверять детектором лжи.

— Вот именно! — Григаст кивает. — Там в каждом человеке видят потенциального преступника. А у нас — дело другое... В наших условиях, Климов, преступность — это болезнь. Как вы полагаете: Витол уже среди выздоравливающих?

— В какой-то мере, пожалуй...

— Тогда оформляйте на работу. Это наш долг.

— Так точно! Оформить на работу! — отчеканивает Климов. Он рад, что начальник помог ему отделаться от сомнений.

— И принесите сюда машинку! — бросает вдогонку ему Григасть.

Оставшись один, Григасть вырезает из конвертов марки. После того как Климов вносит пишущую машинку и ставит ее на стол, майор начинает печатать двумя пальцами. Ничего путного из этого не выходит — буквенные рычаги сцепляются, каретка с лязгом проскакивает на целую строку.

— Не тот клавиш нажали, — говорит Климов.

— А вы умеете? — показывает на машинку Григасть.

— Никак нет, товарищ майор!

— Я так и знал.

Климов уходит. Григасть складывает вырезанные марки в специальную коробочку. Потом теми же ножницами перерезает сигарету, одну половинку кладет обратно в портсигар, другую вставляет в мундштук. Смотрит на часы и закуривает. Снова смотрит на часы, недовольно морщит лоб, бросает взгляд на дверь.

Дверь открывается. На пороге стоит Мара в форме лейтенанта милиции.

— Здравствуйте, — произносит она.

— Вы опоздали на две минуты.

— Извините, товарищ майор, вы ошибаетесь. На три минуты.

Григасть делает вид, будто не услышал. Он вообще не допускает для себя возможности ошибаться. Он сделал замечание, и на этом вопрос исчерпан.

— Садитесь...

Мара собирается сесть на стул, но Григасть еще не кончил фразу.

— ...за машинку, — продолжает он. — Готовы? Пишите: «Водителю Пурвиту. В связи с кражей автомашины 24-25 ЛАГ явиться к майору Григасту...» Почему вы не пишете? — спрашивает он, когда обрывается стук машинки.

— Товарищ майор, — просит Мара, — а нельзя это дело поручить мне? Я ведь, можно сказать, очевидец! Сама же сообщила дежурному по городу.

— Вот как? Рассказывайте! Только по порядку и со всеми подробностями.

— Я как раз сидела в кафе... — торопливо начинает рассказывать Мара, — с доктором Эрбертом. Он привез мне из Вены забавного Будду из слоновой кости.

Коридор управления милиции кажется бесконечно длинным. За всеми дверьми идет своя будничная жизнь: звонят телефоны, стучат пишущие машинки, слышатся голоса. По коридору проходят сотрудники с папками.

— Сейчас выедет опергруппа! — слышен энергичный голос за одной из дверей.

У открытого окна стоят и курят два работника милиции. Они горячо обсуждают какую-то шахматную партию. Арестованный, которого проводят два милиционера, кидает жадный взгляд на дымящиеся папиросы.

Возле третьей двери сидит на скамейке девушка и плачет. Громадная овчарка, которую ведет чернявый сержант, проходит мимо нее. Девушка даже не пошевелилась.

Вдруг дверь открывается.

— Тебя отпустили! — Девушка, не веря себе от счастья, вскакивает навстречу вышедшему.

Парень кивает головой. На его лице отражается и сознание своей виновности, и радость, и твердая решимость.

— Я сказал, что больше никогда в жизни... Они мне поверили...

Открывается другая дверь. Из нее выходит низенький подвижный старичок — профессор Ландовский, директор фармацевтического института. Его сопровождает полковник милиции.

— Пожалуйста, прошу сюда! — вежливо указывает он профессору, который уже засеменил в другую сторону.

— Нет, но вы понимаете!.. — возбужденно жестикулирует профессор.

— Можете не волноваться! — успокаивает его полковник. — Министр здравоохранения звонил мне.

— Нет, вы ничего не понимаете, — взволнованно продолжает профессор. — «Витафан»...

— Ну ладно, — говорит Григаст, когда Мара заканчивает свой рассказ. — Вы отломили голову Будде, но своя-то у вас, надеюсь, осталась на плечах?.. — Он протягивает руку. — Где папироса, которую вы там заметили?

— Ее сразу затоптали... Но это ведь был обыкновенный «Беломор» — совершенно точно!

— Вот видите,— разводит руками Григаст.— А вы хотите, чтобы вам доверили это дело. Не знай я вашего отца с тех пор, когда он был комиссаром моего батальона, и не будь я уверен, что из его дочки может выйти толк, сегодня же прогнал бы вас в архив... А пока что...— Он отворачивается, чтобы не видеть умоляющий взгляд Мары.— Одним словом, терпение! Когда я буду уверен, что подобные ошибки больше не повторятся...

Появляются полковник с профессором, и Григаст обрывает фразу на полуслове. Он встает.

— Майор Григаст, вашему отделу ответственное задание. Мобилизуйте все силы. Профессор Ландовский расскажет вам обстоятельства подробнее. Если возникнет необходимость, свяжитесь с Комитетом госбезопасности,— говорит полковник и уходит.

— Сегодня ночью у нас в институте украли лекарственный препарат витафан! — без всякого вступления начинает профессор.— Вы понимаете, что это значит!

— Рассказывайте! Только с самого начала и во всех подробностях.

— Вначале возникла проблема органической базы.— Профессор достает из кармана блокнот и почему-то принимается испещрять его формулами органической химии.

— Насколько я понимаю, это лекарство?

— Сейчас вам поясню. Как я уже сказал, это было лишь начало...

— Значит, это новинка? — снова перебивает его Григаст.

— Еще бы! Взгляните, что мне пишет по этому поводу Ланвен из Парижа! — Ландовский бросает на стол письмо.— Он считает, что радиоактивные изотопы...

Григаст вдруг становится рассеян — он увидел почтовую марку и машинально лезет в карман за ножничками.

— Ясно,— бормочет майор.— Простите, вы ведь не филателист? — Но тут он замечает, что из-за его плеча глядит Мара, и говорит: — Так что у нас там?

— «В связи с кражей автомашины 24-25 ЛАГ явиться к майору Григасту...» — читает Мара вслух.

Григаст бросает взгляд на покорно склоненную голову Мары, и на его лице проскальзывает некое подобие улыбки.

— Видите, опять ошибка! Майор Григаст теперь займется витафаном... Пишите: «К лейтенанту Маре Лейя». Точка. С начальником я этот вопрос согласую.

Ландовский вырывает из блокнота листок и показывает майору.

— Эта структура...

— Спасибо! — Обрадованная Мара встает и быстро выходит из кабинета.

...Более двух часов продолжается беседа в кабинете Григаста. Сам он уже окончательно выдохся, слушая научные комментарии и рассуждения профессора Ландовского. Майор вытирает лоб большим клетчатым платком и выпивает стакан воды.

— Товарищ профессор, одну секундочку! — В голосе Григаста мольба. — Время дорого. Позвольте мне зачитать протокол нашего разговора.

Профессор умолкает.

— «В ночь на восьмое октября через окно первого этажа неизвестные преступники проникли в фармацевтический институт и похитили две тысячи восьмьсот ампул витафана — экспериментального препарата, предназначенного для клинической проверки. Витафан изготавливается из редких растений и активируется в особой камере. Теперь испытание медикамента возобновится не ранее, чем через семь-восемь месяцев. Можно предполагать, что в этой краже заинтересована иностранная фармацевтическая фирма...» Скажите, а разве недостаточно нескольких ампул, чтобы определить состав? Или, скажем, одних формул?

— Абсолютно исключено! Видите ли... — Профессор снова тянется за блокнотом с авторучкой.

Майор дружеским движением останавливает руку профессора.

— Ясно. И потому украли все ампулы. Какова их стоимость?

— На медицинском конгрессе в Вене одна австрийская фирма предлагала за патент два миллиона.

— Скажите, товарищ профессор, а еще кто-нибудь знал об этом предложении?

Профессор встает, подходит к окну и с минуту задумчиво молчит. Наконец он оборачивается.

— Не припомню... то ли присутствовал при этом доктор Эрберт, то ли нет... Просто не могу вспомнить.

Разумеется, можно послать с дежурным милиционером повестку и спокойно ждать, когда Пурвит явится. Номер машины и внешние признаки известны, посты автоинспекции оповещены. Рано или поздно воры будут пойманы. Но Маре вовсе не хочется сидеть сложа руки.

Нет, нельзя терять ни минуты. Надо сейчас же идти в таксопарк, еще раз допросить шофера похищенной машины, собрать сведения о нем, лично познакомиться с обстановкой. Заранее обдумывая вопросы, которые она задаст Пурвиту и его товарищам, Мара спешит домой.

Прийти в таксопарк в форме нельзя — это ясно. Значит, надо что-то другое, более подходящее к случаю. Аккуратно прибранная матерью комната через несколько минут преобразается. Одно за другим на тахту летят «забракованные» платья, блузки, кофточки. Наконец этот шторм стихает — Мара остановила свой выбор на темной юбке и светлой блузке, вырез которой скромно прикрыли концы ярко-алой косынки. Мара осматривает себя в зеркале. Настроение у нее поднимается, она даже начинает насвистывать.

Что ж, можно идти!

Таксопарк расположен на тихой окраинной улочке. Небольшие деревянные домики разделены заборами, на которых сушится белье. Когда появляется Мара, электрические часы над воротами гаража показывают без четверти двенадцать. Стараясь запечатлеть в памяти каждую мелочь (не зря Григаст на каждом шагу напоминает, что личные наблюдения ценнее любой фотографии), Мара идет по забитому машинами двору. Транспаранты: «Осторожно, туман!», «Осторожно, гололед!» — не освещены. Сегодня чудесный, ясный денек ранней осени, солнечные лучи играют на лакированных боках таксомоторов, образуют маленькие яркие радуги в тучах брызг вокруг моечной эстакады. Словно переключаясь со сверкающими струями воды, в черном проеме открытой двери мастерской рассыпаются искры электросварки.

В ожидании начала смены шоферы разговаривают, балагурят, иные уже сели за руль и курят, дожевывают

бутерброды. В укромном уголке двора, который невидим из окна конторы, сидят четверо и режутся в карты на пустой бочке из-под горячего.

Появление Мары вызывает всеобщий интерес.

Луриньш — все на нем, включая и галстук, словно куплено в комиссионном магазине — прищелкивает языком.

— Ого!..

Другой шофер, высунув голову из-под капота мотора, восхищенно поднимает большой палец.

Луриньш уже нашел новую мишень для зубоскальства.

— Не так надо, Мурьян, грудью! — кричит он. — Разве не знаешь, как детей кормят?!

Это относится к молодому шоферу, который дает девочке лет пяти бутылку молока. У обоих белокурые волосы, одинаковые голубые глаза. Сразу видно, что дочка удалась в отца.

— Не глазей на дядю, Расма, — не смущается Мурьян. — Завтра пойдем с тобой в зоопарк, там я покажу тебе настоящую обезьяну.

Мара уже собралась было завернуть в контору, но неожиданно замирает на месте. В ворота въезжает таксомотор. Мара тотчас узнает человека за рулем — вчера он сидел в кафе вместе с Пурвитом и блондинкой. Стало быть, он тоже шофер такси и работает в этом парке! Интересно, интересно, как сказал бы Григаст...

Межулис вылезает из машины. Мара подходит к Доске почета и делает вид, будто внимательно изучает ее. Украдкой выглянув из-за столба, она видит, что Межулис прямоком направляется к Луриньшу.

— Ну, есть что-нибудь? — слышит она вопрос Межулиса.

Луриньш не спешит с ответом. Он с важностью достает из кармана пачку «Честерфилда» и щелкает по донышку большим пальцем. Из пачки выскакивает сигарета.

— Можно достать ананасы... На, закури!

Межулис презрительно смотрит на американскую сигарету и так же демонстративно вынимает смятую пачку «Беломора». Оба не видят Мару.

Зато Мара замечает, что Межулис, прежде чем прикурить, старательно сминает мундштук папиросы. Точно

так же был смят мундштук окурка, который она видела около кафе, на том месте, где стояло украденное у Пурвита такси. Теперь она прислушивается к разговору с удвоенным интересом. И уже следующие слова Межулиса кажутся более чем подозрительными.

— Можешь вечером приехать,— тихо говорит он Луриньшу.— Покрышки есть.

— Где достал?— спрашивает Луриньш, безуспешно щелкая зажигалкой в форме пистолетика.

— Не твое дело!— отрезает Межулис. Отведя в сторону руку Луриньша с зажигалкой, он зажигает спичку, затягивается и уже несколько дружелюбнее добавляет: — Я же не спрашиваю, где ты берешь ананасы.

Они уходят. Мара некоторое время еще стоит у Доски почета. Межулисом надо поинтересоваться — это ясно.

Собравшись отойти, Мара замечает еще одно знакомое лицо. На Доске почета, перед которой она все еще стоит, в самом центре красуется портрет Пурвита.

* * *

Собеседник Мары — директор таксомоторного парка — напоминает профессора Ландовского: он то и дело пускается в многословные рассуждения, которые, в общем-то, мало что объясняют Маре. Но обычно люди, которые любят свою работу, любят и поговорить о ней...

На директоре кожаная куртка, как и у большинства шоферов. В каждой фразе его чувствуется глубокое понимание дела, которым он руководит. Видно, что этот человек немало лет сам покрутил баранку.

— Вообще-то ангелов у нас нет. Но если б все работали, как Пурвит, выполнение плана меня не беспокоило бы. Сами посудите: без году неделя, как он перешел к нам из транспортной базы, а уже на Доску почета угодил. Не хотелось давать ему отпуск, но что поделаешь — остался без машины, а свободной не было. Я ведь не могу заставить его сидеть тут и дожидаться, пока кто-нибудь из товарищей заболит. При нашей бригадной системе не было возможности сразу предоставить ему другую машину. Пурвит это знает, потому сам и попросил дать ему теперь отгул. А знаете,— директор неожиданно приглушает голос,— если бы у меня было побольше свободного времени, я, наверно, засел бы писать роман. Особен-

но часто я об этом думал, когда сам работал на такси. Бывало, едешь и рассуждаешь про себя: вот счетчик крутится и крутится, он отмечает только рубли и километры. А ведь в машине сидят люди. Один смеется, другой плачет, один болтает без умолку, другой молчит. После смены иной раз сам себе кажешься таксомотором — нет, какой там! — целым автобусом, набитым разными людьми... А они переговариваются, рассказывают анекдоты, жалуются на судьбу, радуются успехам, целуются, рассуждают, где можно подработать, мечтают о чем-нибудь красивом. Знаете, люди, они вроде дорог: на каждой свои рытвины, свои ухабы. Но большинство — хорошие, настоящие люди!

Мара его больше не слушает. Из открытого окна, у которого стоит ее стул, до нее донесся голос Межулиса.

— В Ленинград? С удовольствием! — говорит он. — А когда выезжать?

— Сегодня вечером.

— Вечером у меня есть дело поважнее, — говорит Межулис.

— Вы совсем не слушаете! — не на шутку обижается директор.

— А на каком счету у вас Межулис? — спрашивает Мара, казалось бы, ни с того ни с сего.

— Человек! — Директор разводит руками. — Воспитываем, делаем, что можем...

В кабинет без стука входит Мурьян.

— Ну, что у вас, товарищ Мурьян? — вежливо спрашивает директор.

— Да все то же, — недовольным тоном отвечает Мурьян. — Жена в роддоме, ребенка оставить не с кем, а вы все одними обещаниями кормите.

— Потом поговорим, Мурьян. У меня вот как раз товарищ из...

— ...из редакции, — опережает его Мара.

Мурьяну только того и надо.

— Вы из редакции? Так напишите, что ребенка не могу устроить в детсад.

— Без паники, Мурьян, — урезонивает его директор, а затем, как бы извиняясь, обращается к Маре: — Ничего, и эту трудность одолеем.

По дороге к воротам Мара оказывается свидетелем маленького эпизода, который придает ее подозрениям уже вполне определенное направление.

Диспетчерская. Стены увешаны плакатами автоинспекции, распоряжениями директора, сведениями о забытых в такси вещах и оставленных в залог документах. В диспетчерской никого нет.

— Шофер машины 54-45, сдайте кассу и путевку, — слышен неторопливый женский голос из репродуктора.

Межулис распределяет деньги на две пачки. Большую он сует в карман, меньшую вместе с путевкой подает в окошко.

— Разрешите, — говорит он и придвигает поближе к себе телефонный аппарат. — У кинотеатра «Пионерис»? Ладно, в шесть буду! — договаривается он с кем-то.

По вечернему бульвару идет погруженный в раздумье человек. Когда он входит в пространство, освещенное витриной кинотеатра, мы узнаем Эрберта. Он проходит мимо Мары. Она сидит на скамье, усеянной влажными листьями, и с видом школьницы записывает что-то в толстую общую тетрадь.

Эрберт останавливается у входа и смотрит на часы — без десяти шесть. Он оглядывается по сторонам, отыскивая кого-то глазами.

— Нет лишнего билетика? — обращаются к нему.

Эрберт даже не отвечает на вопрос.

Мара прилежно рисует. На странице появляется изображение такси с несуразно большим номером 24-25 ЛАГ, папироса с измятым мунштуком, лицо с чертами Межулиса. Рядом она вырисовывает большой вопросительный знак. Как раз на него опускается сорванный ветром листик. Мара смахивает его.

— Готовишься к экзамену в автоинспекции? — произносит Эрберт, незаметно подсевший к ней. — Добрый вечер!

Мара захлопывает тетрадь, на которой крупными буквами выведено: «КТО УКРАЛ ТАКСИ?»

— Может быть, я? — шутит Эрберт.

Мара подымает воротник и ежится.

— Продрогла я совсем.

Эрберт заглядывает в глаза девушки, прикасается рукой к ее лбу.

— Температуры у меня нет,— говорит Мара.— Знаешь, а Григаст все-таки сжалился надо мной.

— Поздравляю! Значит, повышение временно откладывается... А что, если б ты все-таки надела пальто? — Эрберт берет лежащее на скамье пальто и помогает Маре надеть его.— Пошли.

— Может, есть два лишних билета? — умоляюще просит у самых дверей шестнадцатилетний юнец.— Вопрос жизни и смерти! — добавляет он, оглядываясь на девушку рядом.

— А может, отдадим? — говорит Эрберт.— Честно говоря: сегодня мне...

Мара решительно ведет его в кинотеатр.

В вестибюле, отделенном от улицы стеной из сплошного стекла,— фотовыставка. Пейзажи, портреты, стройки, машины, космические ракеты и космонавты — документы эпохи. Их с интересом рассматривают посетители кино.

Мара с Эрбертом, занятые каждый своими мыслями, проходят мимо стенда.

— Подумаешь, великое дело,— говорит Мара,— попасть или не попасть в кино! Вот у меня действительно вопрос жизни и смерти...

— Не шути такими словами. Знала бы ты...

— Если я опять оскандаюсь, то даже Григаст не спасет меня от архива!

— Это тоже можно пережить.— Улыбка Эрберта вымучена.— А вот без витафана я как без рук.

— Ты насчет диссертации?

— Диссертация может и подождать. А больные? Для многих витафан был последней надеждой. Ты, Мара, не сердись, но сегодня мне и впрямь не до кино.

Мара смотрит на Эрберта и нежно касается его лба рукой.

— И это говорит знаменитый врач... Нет, тебе определенно надо сегодня развлечься. Увидишь, как это поможет!

— Помочь мне может только витафан,— упрямо говорит Эрберт.

Мара останавливается у стеклянной стены и рассеянно глядит на улицу.

— Какое дело тебе поручили? Кражу?

Мара не отвечает.

— Служебный секрет? — спрашивает Эрберт. — Извини.

— От тебя у меня нет секретов... Боюсь, Григаст опять будет смеяться надо мной... Начнет читать мораль: преступность — болезнь. И следователь борется с ней иногда скальпелем, а иногда и лекарственными средствами, — подражает голосу Григаста Мара.

— Так же, как и врач...

— Главное — поставить верный диагноз...

Мара умолкает на полуслове. По тротуару не спеша прохаживается Межулис в своем черном плаще. Он явно кого-то поджидает. В зубах у него папироса. Межулис смотрит в вестибюль, замечает Мару с Эрбертом, круто поворачивается и исчезает.

Эрберт смотрит в направлении взгляда Мары, но Межулиса уже не видно. Зато появляется Ирена. Она тоже кого-то ищет. Эрберт хотел было приветственно приподнять шляпу, но блондинка уже скрылась в том же направлении, что и Межулис.

— И каков же на сей раз твой диагноз? — спрашивает Эрберт.

Но Мары уже нет рядом с ним.

В полном недоумении Эрберт выходит из кинотеатра. Увидев юнца, стремившегося попасть на фильм, он отдает ему билеты.

* * *

Добежав до перекрестка, Мара замечает, как Межулис с блондинкой садятся в такси. Машина трогается... Так! В воображении Мары все отчетливей вырисовываются обстоятельства кражи: это дело рук Межулиса при соучастии блондинки, которая должна была задержать Пурвита в кафе. А сейчас преступники, по всей вероятности, направляются к спрятанной где-то машине, чтобы снять с нее шины. Надо проследить за ними! Как назло, поблизости нет ни одной машины. Завидев приближающийся к перекрестку большой автокран, Мара выходит на проезжую часть и, подняв руку, преграждает ему путь.

Пропустив такси, бородатый сержант-орудовец подымает жезл. Его жест останавливает у перекрестка автокран.

В кабине рядом с толстым, добродушного вида шофером сидит Мара. Она нервно барабанит пальцами по ветровому стеклу.

— Никуда твой парень не денется, — улыбается шофер. — Подцепим на крюк и прямым путем в загс!

Наконец громоздкая машина трогается.

— Вон! — восклицает Мара.

Такси, за которым следит Мара, останавливается у подъезда двухэтажного дома. Из него выходит Ирена и, на прощание помахав Межулису, отворяет освещенную парадную дверь.

«ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ» — написано на вывеске.

* * *

Комната Мары обставлена скромно и современно. Уйма книг — полки занимают целую стену. Тахта, словно клин, рассекает комнату надвое. Передняя часть служит гостиной. Тут стоят низкий столик, модные табуретки, торшер. В глубине комнаты, у окна, — рабочий кабинет. Тут находится письменный стол, кресло, полка с юридической литературой. На столе небольшая фотография Эрберта в стеклянной рамке.

Небрежно раскидана одежда — наверное, Мара очень спешила. На тахте лежит толстая тетрадь с рисунком: рядом с изображениями такси и Межулисы появилось лицо Ирены, знак вопроса жирно перечеркнут, а под ним возникла надпись: «ВИТАФАН».

В двери появляется мать Мары. В руках у нее пальто дочери и толстый шерстяной шарф.

— Мара, где ты?

Но Мара уже выбежала во двор, кинула привычный взгляд на брезент, под которым со дня покупки стоит «Волга» семейства Лейи, и, нырнув под арку ворот, принимается торопливо красить губы.

Этот дворик — своеобразный, романтический уголок старой части города. Он значительно ниже уровня уличной панели. Слева возвышается жилой дом, справа — церквушка. Высокая, искрошенная каменная стена отде-

ляет этот двор от соседнего дома, пятиэтажного, с балконами.

Из открытого окна квартиры слышен голос радиодиктора:

«...ожидается понижение температуры, кратковременные дожди».

Тут же в окне появляется лысина старого Лейи. Он машет рукой.

— Мара, мать зовет!

Мара стирает помаду, с сожалением смотрит на остаток губного карандаша и послушно возвращается.

Немного погодя она вновь появляется во дворе — теперь уже в пальто и шерстяном шарфе. Сверху раздается голос матери:

— Мара! Мара!

Мара спасается бегством.

* * *

В кабинете Григаста сидит женщина в форме бойца военизированной охраны.

— Вы говорите, Эрберт? — задумчиво повторяет Григаст. — И как раз в ту ночь... Интересно!

— Он приехал на такси...

Майор сопоставляет рассказ Мары с только что услышанным, и в его воображении возникает картина.

...Туманный вечер и ворота порта, перед которыми тормозит такси. Из машины выходит Эрберт и, предъявив дежурной пропуск, исчезает в темноте, где воеет корабельная сирена.

Григаст собирается закурить, но вовремя замечает, что вложил в мундштук целую сигарету. Режет ее пополам и спрашивает:

— На каком судне он был?

— На западногерманском. На «Марии-Терезии». Перед этим позвонил из бюро пропусков капитан. У него заболел матрос.

— Как выглядел?

— Корабль? Серый, с белой надстройкой. Такой же, как все...

— Нет, Имант Эрберт!

— Да ничего в нем такого не было, — пожимает плечами женщина. — Плащ, в руке чемодан.

— Быстро он ушел?
— Через полчаса....
— Пароход?
— Ну да, пароход! Через полчаса после того, как доктор сошел на берег.

— Чемодан проверяли?

— Чей? Доктора Эрберта? Да это же золото, а не человек! Я каждый вечер мужу твержу: «Болей, покамест доктор в портовой амбулатории работает!» Говорят, когда он кончит свою диссертацию...

Вдруг Григаст удивительно легко поднимается с кресла — в кабинет входит Мара.

— Спасибо, достаточно! — перебивает он женщину.

— ...его в академию переведут, — продолжает она.

Григаст берет ее под руки и ведет к двери.

— Хорошо, хорошо. От души благодарю за марки. — И он бесцеремонно выпроваживает за дверь обескураженную женщину.

Закрыв дверь, Григаст пытливо смотрит на Мару: не заподозрила ли она чего-нибудь? Не слышала ли имени своего возлюбленного? Но его беспокойство напрасно — у Мары куча новостей.

— Чувствую, что сейчас вы затребуете санкцию прокурора на арест, — улыбается Григаст.

— Дело сложнее, чем вы думали...

— Что ж, это уже шаг вперед. Рассказывайте!

— Такси угнал водитель Межулис. После чего он...

— По порядку, с подробностями! — перебивает ее Григаст.

— Все? И про шофера Мурьяна, который возит с собой в такси пятилетнюю дочку из-за того, что детсады переполнены?

— В такси? Где, бывает, ездят пьяные, всякие там папочки и черт знает кто! — Майор тянется к телефону.

— Пойдите, товарищ майор! Надо немедленно арестовать Межулиса, пока он не успел распродать витафан!

— Интересно... Чем вы можете доказать его вину?

— Тут все ясно и без доказательств. Вы же сами всегда проповедуете, что из одного озорства никто не станет угонять такси. Когда я узнала, где работает его сообщница Ирена...

— Ирена Залите? Лаборантка фармацевтического института? Продолжайте.

— Она работает в лаборатории, где изготавливают витафан! Она задержала в кафе Пурвита, чтобы Межулис успел на краденном такси доехать до института и забрать витафан, который был уже...

— Послушайте, товарищ Лейя,— сухо говорит Григаст,— вы никогда не пробовали писать детективные романы? Жаль. Фантазия у вас есть, а вот кропотливости в уточнении обстоятельств недостает. У института замечено не такси, а светлая «Волга», номер которой оканчивается на два нуля.— И, не обращая внимания на недоумение Мары, Григаст крутит диск телефона.— Детский сад?

* * *

Тормозя около старинного дома, таксомотор заезжает в лужу и окатывает грязью старого Ценципера. Ценципер готов разразиться бранью, но видит, что из такси выходит его соседка Мара, и тогда он, человек воспитанный, аристократическим жестом приподнимает шляпу. С нее падает комок грязи. Ценципер качает головой, белоснежным платком вытирает шляпу и направляется к парадному.

«Этот дом находится в ведении совета персональных пенсионеров» — сообщает табличка на стене. Поверх таблички мелом сделана другая надпись: «Памятники старины. Находятся под охраной государства». Ценципер снова укоризненно качает головой, снова достает из кармана платок и стирает выведенные детской рукой каракули. Озорная рожица мальчишки появляется в окне дома напротив.

Войдя во двор, Мара сердито смотрит на покрывающий машину брезент, затем так же сердито — на небо, которое вот уже несколько часов одаряет город никому не нужным дождем. И вдруг — чудо! Дождь унимается, между двух корабельных мачт поблескивает солнце. На балконе пятого этажа тотчас появляется женщина в мужском махровом халате и начинает выбивать ковер.

Мимоходом Мара дергает за край брезента, чтобы стряхнуть с него накопившуюся в складках воду. Результат неожиданный: голуби, укрывшиеся под брезентом от дождя, выпархивают и падают под водопад. Брызги летят на Мару.

Перескакивая через несколько ступенек, Мара мчится вверх по лестнице, на ходу надевая плащ и шляпку, связывая шею платком. Вот она уже стоит у кухонной двери своей квартиры. Мара уже достала ключ, но тут вспоминает о чем-то. Вынимает из сумочки платок и стирает с губ помаду.

В гостиной, радостно скуля, девушку приветствует Флоксик — маленькая белая собачонка. Но своего места в кресле перед радиоприемником Флоксик не покидает, потому что слушает любимую музыку — джаз. Родители Мары — за своими любимыми вечерними занятиями: отец пишет мемуары, мать пришивает пуговицы к толстой вязаной кофте дочери. Пришивание пуговиц доставляет ей всегда такое удовольствие, что Мара старается терять их хотя бы по штуке в день.

Из обстановки комнаты заслуживают упоминания лишь два громадных доисторических кресла — для удобства Флоксика одно из них придвинуто к радиоприемнику — и стол. Это самый обычный стол, но, по неписаной конвенции, он разделен строго пополам между отцом и матерью. Отец бдительно следит за тем, чтобы граница между зонами не нарушалась. Любой пришелец с чужой территории, будь то катушка ниток, пуговица или наперсток, незамедлительно водворяются восвояси. На половине матери находится швейная машина, коробка с рукоделием и несколько различной величины металлических корбочек с запасом пуговиц на целое столетие.

Граница между «сопредельными государствами» проходит по груде книг о 1905 годе. Отца, по-видимому, вдохновляет на творчество сам вид книжных переплетов — Мара ни разу не видела, чтобы он перелистывал какую-нибудь из этих книг. Георг Лейя целиком полагается на свою память, потому на титульной странице рукописи так и написано: «Георг Лейя. Воспоминания боевика». Судя по стопе чистых листков, которая значительно толще готовой рукописи, старый Лейя не сомневается в своем здоровье и намерен работать над книгой долгие годы.

Едва поздоровавшись с родителями, Мара направляется к приемнику и резко поворачивает ручку настройки.

— Опять это идиотское завывание! — возмущается она. — И все потому, что оно нравится Флоксiku. Я тоже человек!

Как только фокстрот сменяет тихая симфоническая музыка, Флоксик прижимает уши и недовольно урчит.

Отец даже не подымает головы. По-стариковски бор-моча себе под нос, он продолжает писать:

— «Вдруг Робчик крикнул: «Казаки!» Я выхватил из кармана маузер и прицелился...»

— Да засунь ты ради бога свой маузер обратно в карман! — подымается со стула мать и подходит к Маре. — Доченька, что с тобой? Нынче ведь грипп на каждом шагу! Долго ли...

— Я должна работать! — Мара уходит в свою комнату.

Мать вздыхает.

— Бедная девочка! Целыми ночами готовится к шоферскому экзамену, только и знает, что автомобили рисует... Георг! Я же с тобой разговариваю!

— «...И бросился бежать». Точка. Слушаю тебя?

— Незачем было покупать эту «Волгу». Нынче утром Ценципер рассказывал...

— Как он ездил контролером на автобусах?

— Нет, про автомобильные катастрофы! Каждый день люди разбиваются.

— Опять ты за старое! Чего говорить, когда машина уже на дворе, — оправдывается отец.

— Мог бы давать ей на такси. Но за рулем!.. Мара ведь совсем ребенок!

— А ты забыла, Берта, какая сама была в ее годы? — В голосе отца звучат юношеские удалые нотки.

— Что ты говоришь! Тогда было другое дело! — категорически возражает мать.

* * *

В своей комнате Мара, не раздеваясь, в туфлях валится на тахту и зарывается головой в подушку. Никого ей сейчас не хочется видеть, даже Иманта. Такой провал!.. Мара вдруг поднимается, хватает со стола общую тетрадь, выдирает листок с рисунком, гневно комкает его и хочет выбросить. Но замахнувшаяся рука замирает в воздухе. Значит, сдаться? Нет! Недаром Григаст сказал, что в ее жилах течет кровь старых революционеров. Мара разглаживает рисунок и вдумчиво глядит на него. Затем перечеркивает такси, Межулиса и опять думает. На-

до искать новый подход, новые версии, но ведь к некоторым правильным выводам она все же пришла! Наконец рядом с Иреной и словом «витафан» Мара рисует «Волгу» с большим знаком ??00.

* * *

Большой гараж. Он поминутно освещается вспышками электросварки. В гараже штук двадцать машин. Старший лейтенант Климов с завгаром проходят по рядам машин и присматриваются к номерам. Наконец Климов останавливается около светлой «Волги» с номером 56-00.

— Нет, товарищ начальник,— говорит завгар,— эта машина вчера из гаража не выходила.

Он подымает крышку капота. Там зияет пустота, двигателя нет.

* * *

— Товарищ майор, разрешите доложить! — В кабинет Григаста входит старший лейтенант Климов.

Держа пинцетом почтовую марку, Григаст изучает ее через лупу. Он бросает вопросительный взгляд на Климова.

— Все светлые «Волги» с номерами, оканчивающимися на два нуля, проверены,— докладывает Климов.— Ни одна из них не имеет отношения к делу о краже витафана.

— Все проверены?

— Одна еще нет,— признается Климов.

— Почему?

В дверь стучат. Входит юноша в спецовке, вымазанной краской.

— Витол? — удивляется Григаст.— Я же распорядился оформить вас на работу.

— Потому и пришел, товарищ майор. Во вторник начинаем красить ваш кабинет.

Витол уходит.

— Что за машина? — продолжает прерванный разговор Григаст.

— Светло-серая «Волга», государственный номерной знак 75-00, еще не эксплуатируется и стоит под брезентом на улице Крастмалас, дом один. Владельцы вне подозрений.

— Проверить все-таки не мешало бы. Для полноты счета.

— Но она же принадлежит отцу нашей сотрудницы, бывшему комиссару вашего батальона подполковнику Лейе.

* * *

Двор полон людей. Тут и Мара со своими родителями, и Григаст с Климовым, и любопытные соседи: среди них старый Ценципер и маленький Густ — мальчуган, который, как подозревает Мара, делает «приписки» к табличке на доме.

— Да, нехорошо, Григаст, — говорит отец Мары. — Приходишь раз в десять лет. И если бы не моя «Волга», так вообще не зашел бы.

Григаст пожимает плечами.

— Что поделать — служба такая.

Григаст и старший лейтенант берутся за чехол. Но он не поддается — тяжелый и намокший брезент словно прирос к машине. Позвав на помощь Мару и Ценципера, Григаст командует:

— Раз, два — взяли!

Брезент сползает...

Вместо новой светлой машины стоит выдавшее виды дряхлое такси.

— Где же наша «Волга»?! — восклицает мать Мары.

Не веря своим глазам, Мара медленно обходит машину, пока не останавливается у номера 24-25 ЛАГ. Все растерянно переглядываются, смотрят на машину.

Не смущены только Флоксик и соседский мальчик Густ. Собачонка задирает ногу, выражая свое презрение к ветхому такси. Мальчик трогает руками машину — настоящее такси!

— Назад! — кричит Григаст.

Поздно. На дверце машины отчетливо виден след выпачканной мелом руки.

Григаст задумчиво глядит на машину, деловито открывает свой портфель и говорит:

— При осмотре должны присутствовать двое понятых.

— Когда я работал контролером на автобусе... — несмело заговаривает Ценципер.

— Спец по автомобилям? Очень хорошо, товарищ...

— Ценципер.— Он польщен и приподымает шляпу.

Отец Мары, оправившись от замешательства, тоже делает шаг вперед, но Григаст, приложив руку к козырьку, вежливо говорит:

— Извините, товарищ подполковник, вы являетесь заинтересованным лицом. Прошу вас... Да, да, вас!— Григаст отдает предпочтение одному из соседей.

Майор и Климов тщательно осматривают такси.

Обнаружив в пепельнице окурки папиросы с характерно смятым мундштуком, майор прячет его в конверт.

— Не понимаю, почему на переключателе таксомотора нет отпечатков пальцев?— бормочет старший лейтенант.

— Потому что перчатки можно купить в любом галантерейном магазине, а голову — нет,— угрюмо роняет Григаст.

— Извиняюсь, но когда я работал контролером...— начинает Ценципер.

— На автобусах... Знаю, знаю.

— Это было потом. А до этого в таксомоторном парке... Вы обратили внимание, что счетчик переключен на «каассу»?

Ценципер показывает на окошечко таксомотора, где видна плата за проезд: 1 рубль 60 копеек — и буква «К».

— Какое это имеет значение?— тотчас заинтересовы-

вается Григаст.— Объясните. И желательно со всеми подробностями.

— Видите ли, товарищ майор,— слушая Ценципера, можно подумать, что он декламирует любимое стихотворение,— счетчик может быть поставлен на любое из трех положений: «выключен», «включен» и «касса». Первое, по-видимому, не нуждается в комментариях. Будучи работником милиции, вы сами сделаете единственный и правильный вывод... Когда же счетчик включен, его механизм работает, отмечая не только пробег в километрах, но и стоимость проезда и стоянок. Когда пассажир

прибыл к месту назначения, шофер переключает счетчик на «каассу», фиксируя плату за поездку. Теперь счетчик не работает, но машина еще не свободна — иногда требуется несколько минут, чтобы рассчитаться с шофером.

— Интересно,— задумчиво произносит Григасть.— Значит, вы хотите сказать, что тут, несомненно, виден «почерк» профессионального таксиста?

— Имею честь!— Была бы возможность, Ценципер приложил бы руку к козырьку.— Осмелюсь даже пойти в своих выводах дальше: так поступил бы только водитель такси с большим стажем, для которого это движение стало автоматическим. Надо полагать, что он приехал сюда без пассажира и только по привычке, останавливая машину, переключил счетчик... В моей практике приходилось встречаться с шоферами, которые делают это нарочно, на каждой остановке, даже если пассажир не намерен выходить из машины,— таким образом они лишний раз взимают посадочную плату, план опять же...

Мара не слушает. Впечатление такое, будто она издали заметила нечто очень важное.

Мара подходит к таксомотору и открывает заднюю дверцу. Да, сомнений нет, на сиденье лежит маленькая улыбающаяся головка из слоновой кости. Та самая!..

Мара в замешательстве. Затем она хватается за головку. Григасть оборачивается.

— Что вы там делаете?

— Ничего.— Мара вымучивает улыбку и крепче сжимает в кулаке свою находку.

Григасть хочет что-то сказать, но передумывает. Ведь это дело — своего рода проверка и Мары тоже.

* * *

«Внимание! Внимание! К городу приближается ураган! Граждане, не выпускайте детей из дома! Тщательно закрывайте двери и окна!»— слышится в соседней комнате голос диктора.

Ветер распахивает притворенное окно и врывается в комнату Мары. Опрокидывает портрет доктора Эрберта, листает тетрадку и открывает страницу с рисунками.

Рядом со смятым мундштуком папиросы Межулиса нарисована головка Будды. Страницы тетради отчаянно трепещут — совсем как крылья напуганной птицы.

Летят взметанные ветром листья, полощут брезентовые чехлы на лошадаках и колясках карусели. В парке нет ни души, только два перепуганных мальчугана лежат за каруселью и держатся друг за друга.

В парк въезжает милицейская машина. Из нее выскакивает лейтенант, хватает ребятишек, несет в машину. Она тотчас едет дальше.

Ветер срывает со стены кинотеатра афишу, гонит к опрокинутой скамейке. Это та самая скамейка, на которой однажды сидели доктор Эрберт и Мара. Борясь со встречным ветром, мимо проходит Мара. Погода, очевидно, соответствует ее настроению — на душе у Мары тоже буря. Ведь не может быть, чтобы Имант оказался причастен к этой краже! Мара не допускает этого и сама во что бы то ни стало хочет выяснить все обстоятельства, которые привели к недоразумению.

* * *

Ветер рвет лозы дикого винограда, вьющиеся у больничного окна. Окно закрыто, но белая занавеска колеблется.

В небольшой палате все бело: стены, тумбочки, кровати. Бледны и усталы лица женщин на койках.

— Буря-то какая! — говорит одна из них, постарше, глядя в окно.

Вторая, помоложе, кивает.

— Хотите? — Она протягивает соседке апельсин и поправляет ленту, которой перехвачены ее длинные черные волосы.

— Спасибо, — говорит пожилая женщина. — Какой красивый! Теперь я опять научилась радоваться. Какая красивая буря!.. С тех пор, как знаю, что буду жить...

— Если бы не витафан... — говорит молодая. — Я ведь одной ногой была уже в могиле. Муж не пережил бы!

В палату входит медсестра с корзинкой. В корзине ананасы.

— Муж вам кланяется, — говорит она молодой женщине, глядя, куда поместить корзинку.

В конце концов сестра ставит ее на пол — тумбочка завалена апельсинами и другими фруктами. Даже на подоконнике, у вазы с яркими цветами, лежат всякие лакомства.

— Я бы ничего не имела против, чтобы и мой работал шофером,— говорит пожилая.— Если б, конечно, еще и любил, как ваш.

— Какая буря!— Сестра проверяет, хорошо ли закрыто окно.— Мой муж — в море...

— Сестричка, почему нам сегодня не кололи витамин?— спрашивает молодая.

Медсестра смущена. Сделав вид, будто не расслышала вопроса, выходит из палаты.

Комната врачей. На стене висит большая таблица, в которой расписаны ежедневные дозы инъекции витамина. Графа «7-й день» пуста.

Профессор Ландовский смотрит на таблицу с таким видом, словно перед ним портрет его личного врага, потом принимается нервно шагать по комнате. Эрберт стоит у окна и неподвижным взглядом смотрит на гнущиеся под бурей деревья.

— Главное, чтобы среди больных не поднялась паника,— говорит профессор.

— А что я им скажу?— Эрберт не оборачивается, закатывает рукава.— Что собираюсь еще отплясывать на их золотой свадьбе? Я не из породы старорежимных домашних врачей.

Он подходит к умывальнику и намыливает обнаженные по локоть руки. Профессор не без тревоги наблюдает за его движениями.

— Значит, все-таки решили оперировать?

— А как бы вы поступили на моем месте?— Контрвопрос Эрберта звучит почти с упреком.

— Дал бы двойную дозу витамина,— горько усмехается Ландовский.

— Вот именно!— Эрберт берет щетку и энергично трет ею руки.

— Эрберт,— после паузы говорит профессор,— мы не можем рассчитывать на успех операции.

Эрберт молча продолжает мыть руки.

— Эрберт,— в голосе профессора раздражение,— вы же сами понимаете: процесс распространился на весь организм. И нелепо надеяться...

— Так что же прикажете теперь делать? Ожидать, пока милиция доставит нам витафан?

— Боюсь, что это столь же безнадежно,— упавшим голосом говорит профессор.— Между прочим, майор Григаст опасается, что витафан переправлен на иностранное судно.

Эрберт резко оборачивается, но ответить не успевает — в комнату входит медсестра.

— Больная в операционной,— докладывает она.

Эрберт выходит.

Профессор провожает его взглядом, вздыхает и обращается к медсестре:

— Халат! Я буду ассистировать.

В коридоре медсестра сталкивается с Марой.

— Где Имант? — взволнованно спрашивает Мара и тут же быстро поправляется: — Заведующий отделением.

— Доктор Эрберт на операции.— И, уходя, сестра негромко добавляет: — Надо же, сам профессор отказался, а он пытается спасти беднягу! И что за человек!..

Невыносимо медленно тянется время. Ожидающая в коридоре Мара успевает передумать о многом. Теперь она сознает, как глупо было идти сюда. Неужели она могла допустить, что Имант похитил витафан и теперь вынужден бороться за жизнь своих больных с помощью хирургического ножа?

Чего же она хотела? Узнать, как попала в такси головка Будды? Да мало ли на свете случайностей. Надо узнать, конечно. Но даже сам вопрос об этом Эрберту она задать не может! Человеку надо верить или не верить совсем — тут половинчатости быть не должно. Не верить Иманту даже в мелочах означало бы не верить в свое чувство, не верить самой себе. Так думает Мара.

Мара уже собралась уходить, но тут открывается дверь операционной. Выходит Эрберт. Усталым движением снимает маску и смахивает со лба крупные капли пота. Утомление и какая-то безнадежность чувствуются сейчас даже в его походке.

Эрберта догоняет профессор.

— Возьмите себя в руки, Эрберт! Ее могло спасти только чудо.

— Или витафан,— говорит Эрберт.

Невидящими глазами посмотрев на Мару, он направляется в свой кабинет.

— Имант!— Мара, сжимая в кулаке какой-то предмет, хочет пойти за Эрбертом.

— Оставьте его,— берет Мару за локоть профессор. Но Эрберт уже обернулся.

— Мара?! В такую погоду? Что-нибудь важное?

— Я насчет Будды, но теперь это уже не имеет значения...— Мара пристально смотрит в глаза друга и вполголоса добавляет:— Хотя для меня на свете нет ничего важнее.

* * *

Ветер стих. Солнце отражается в канале, по воде плывут листья и обломанные ветки. На мостике стоит Мара. Сжатые в кулак пальцы распрямляются, виден предмет, который она все время прятала в руке. Это отломанная головка. Мара хочет бросить ее в воду, но в последний момент передумывает.

— Вы нашли что-нибудь?— слышен голос Григаста.

— Нашла.— Мара разжимает пальцы и показывает майору головку.— Веру в человека.

— Это тоже шаг вперед. Вы заслужили поощрение. Что скажете насчет шоколадного пломбира с орехами?

В киоске, где торгуют мороженым, всего три столика. За одним— два школьника. Отодвинув пустые вазочки, они листают альбом с марками. Беседуя с Марой, Григаст время от времени с любопытством поглядывает на ребят.

— И все же я права,— говорит Мара.

— Скажите, Мара, вы очень любите Эрберта?

— Какое это имеет отношение к витафану?

— И потому очень верите ему, правда? Понимаете, когда-то недоверие было основным мерилom в отношении к людям. Но слепое недоверие так же плохо, как и слепая...

— Моя вера не слепая. Все надежды Иманта связаны с этим препаратом. Для чего человек станет сам себя обкрадывать? Для этого надо быть сумасшедшим.

— Допустим. Но тогда вы должны располагать иной версией.

— Конечно!— поставленное в упор требование не застало Мару врасплох.— Витафан украл Межулис. Окурок, найденный в такси...

— Что ж, будем пока считать, что головка не обнаружена,— уточняет Григасть.— Отчего вы не едите? Разве не вкусно?

— Мою версию подтверждает и то, что счетчик был переключен на «каассу». Так поступил бы только профессиональный таксист.

— Межулис?

— Да. На ворованном такси он далеко не уехал бы. Поэтому витафан увезли на нашей «Волге», которую никто не искал.

— А откуда ему было знать, что ваша машина стоит под брезентом?

— Он же сидел рядом со мной в кафе, когда я рассказывала...

— Иманту Эрберту?

Григасть неожиданно встает и подходит к мальчикам.

— Отдам за две авиа,— говорит старший.

— Покажи,— требует Григасть.

Оробевший мальчуган подает ему марку.

— Так и думал, с дефектом. А то я три авиапочты дал бы за нее.

Григасть идет к прилавку и заказывает:

— Еще две порции!

Вернувшись к столику, он дружески кладет руку Маре на локоть.

— Допустим, что «Волга» действительно была нужна, чтобы отвезти витафан подальше — куда, мы не знаем. А ваш Межулис выезжал из Риги?

Мара встает.

— Куда вы?— спрашивает Григасть.

— В таксопарк. Проверю...

— Опоздали. В первый день после кражи Межулис работал с двенадцати до двадцати одного тридцати. На следующий...

К столику подходит официантка и хочет поставить две вазочки с мороженым.

— В чем дело?— недоумевает Григасть, потом вспоминает:— Ах да, отнесите ребятам!— Он подмигивает Маре.— Может, и мы еще по одной?

— Спасибо. Теперь я понимаю...— шепчет Мара.— Может, мне все же лучше перейти в архив?

— Не ожидал от дочери комиссара!.. У вас в руках надежная нить — в краже замешан профессиональный

таксист. В одном месте нить порвана. Но зачем же из-за этого вешать нос? Разматывайте дальше, терпеливо, вдумчиво, проверяя все версии. Я верю в вас, Мара!

— А это не слепая вера?

Григаст улыбается.

* * *

Мара идет по улице. Загораются первые неоновые надписи. Из открытых дверей радиомагазина слышен голос радиорепортера:

«Пожелаем же нашим ребятам и впредь таких блестящих успехов, как в Ужгороде!»

Перед витриной стоят несколько человек. Мара проходит мимо, но тут замечает на экране телевизора толпу встречающих около самолета и Ирену, на плечах которой чьи-то руки в перчатках. Мара останавливается, но на экране уже другие лица.

Она вбегает в магазин. В этот момент на нескольких разного размера экранах появляется эмблема телестудии.

* * *

Шофер такси стоит спиной к Маре и через забор смотрит на площадку для игр в детском саду. По площадке вприпрыжку бежит девочка. Она оборачивается, машет отцу рукой.

— В телестудию! Быстрее!— говорит Мара.

— Не могу,— показывая на табличку с надписью «В гараж», холодно отвечает Мурьян, но, узнав Мару, радостно распахивает дверцу:— Садитесь! Ведь это вы помогли определить дочку в детсад!

Из-за домов показывается мачта телевизионной антенны, увеличивается в размерах.

* * *

Мара в пустом зале телестудии просматривает кинорепортаж.

«Сотни любителей спорта пришли в аэропорт встречать нашу сборную команду, добившуюся блестящих успехов в Ужгороде»,— рассказывает диктор.

На экране появляется белокурая подруга Пурвита. С большим букетом цветов Ирена стоит неподалеку от духового оркестра. Мимо проезжает самоходный трап, останавливается у самолета. Мара напряженно вглядывается в каждого пассажира, словно сама присутствует на летном поле. Вот Ирена заметила человека, которого ждет. Она пробегает мимо толпы встречающих к подножию трапа. Один за другим спускаются пассажиры. Ирена счастливо улыбается — из самолета выходит Пурвит.

— Стоп! — кричит Мара механику.

Изображение неподвижно. Мара поднимает руку.

Вновь замелькали кадры. Вот на плечи Ирены ложатся две руки в перчатках.

Мара встает и в темноте идет к двери. Натывается на стену, выходит наконец в коридор.

— Где тут телефон? — спрашивает Мара.

Актер в костюме средневекового испанского гранда оборачивается и величественным жестом указывает на телефонный аппарат на стене.

— Майора Григаста! — говорит Мара, но передумывает и вешает трубку. Рано еще ликовать. Она ведь едва ухватила за кончик нити, и неизвестно, как теперь будет разматывать клубок. Мара не забыла урок и делиться своими подозрениями будет лишь тогда, когда сможет подкрепить их фактами!

* * *

Вереница машин на стоянке такси. В ожидании пассажиров шоферы собрались в кучу. Четвертой в ряду стоит машина с номером 24-25 ЛАГ. Шофер читает «Ригас балс». Лицо скрыто за газетой, видны лишь руки в перчатках.

Один за другим отъезжают такси с пассажирами. Подходит очередь машины 24-25. Мара — она сидела в открытом кафе напротив стоянки — порывисто встает и перебегает улицу. Довольно нахально опередив другого пассажира — тот не успевает даже запротестовать, — она распахивает дверцу и садится рядом с водителем. Это Пурвит.

— Вы! — разыгрывает удивление Мара.

— Какая приятная неожиданность! — Пурвит любез-

но улыбается и запускает мотор.— Собирался сегодня заехать к вам...

— Что-нибудь новенькое в связи с кражей? Кстати, кто был с вами в тот раз, когда вы подъехали к кафе?

Вот вопрос, который в настоящую минуту волнует Мару. Если окажется, что счетчик был поставлен на «кассу» уже у кафе, то рухнет и новая гипотеза.

— Я же не убийца. Возить в такой туман пассажиров... Нет, просто хотел поблагодарить за то, что быстро нашли мою машину.

Однако Мара не дает увести себя в сторону. Она уже приготовила Пурвиту новую ловушку.

— Наверно, я испортила вам отпуск?

— Да ну, что вы! Без работы я не могу. Погостил несколько дней в деревне, и хватит.— Заметив телефон-автомат, Пурвит хочет остановить машину.— Одну секундочку, только позвоню девушке, чтобы не ждала меня.

— Но вы, наверное, еще не виделись,— удерживает его Мара.— Прихватим ее по пути.

Такси останавливается. Мара отрывает взгляд от затянутых в перчатки рук Пурвита, которые небрежно лежат на баранке, и смотрит в окно. Они подъехали к парикмахерской.

Мара достает из сумочки зеркало и поправляет прическу. Она наклоняется, чтобы поднять соскользнувшую на пол сумочку, но Пурвит успевает сделать это первым. Тем временем в машину садится подруга Пурвита. Видно, что девушка счастлива, но присутствие Мары вынуждает ее сдерживаться.

— Здравствуй, Леон! Поздравляю тебя с днем рождения. Хотела сделать это вовремя, но ты забыл оставить свой адрес...

— Спасибо,— сухо благодарит Пурвит.

— Леон, когда ты отдашь мне журнал с осенними модами?

— Какой еще журнал?

— Ну, тот, в котором написано про наш витафан...

— Об этом мы еще успеем поговорить!— обрывает ее Пурвит.

Ирена обиженно кривит губы.

— Если я должна заткнуть рот, то уж сигаретой... У вас найдется закурить?— Она поворачивается к Маре,

Мара подает лежащий на сиденье портсигар Пурвита.

Пурвит улыбается.

— Старая форма с новым содержанием. Вот уже два месяца.

Он раскрывает портсигар. В нем не сигареты, а водительское удостоверение.

Машина останавливается. Ирена открывает дверцу. В тот же миг Пурвит машинальным движением поворачивает переключатель счетчика. В окошке выскакивает буква «К».

— Простите, переключил на «каассу»,— извиняется он.— Совсем забыл, что вы поедете дальше.

* * *

Ночь. Комната Мары. Свет рекламы через окно падает на пол. В рекламе попеременно вспыхивают надпись и рисунок.

Мара лежит на тахте, рассеянно крутит ручку настройки портативного радиоприемника, который тут же, на подушке, и не сводит глаз с причудливых световых бликов. В ее воображении эти пятна принимают иные очертания.

— Когда Пурвит подъехал к кафе...— думает Мара вслух и представляет себе, как Пурвит подъезжает на такси к кафе. Даже при таком тумане видно, что в машине нет пассажиров.

На полу возникает таксометр, в его окошке видны нули.

— Когда под нашим брезентом обнаружили такси...— продолжает Мара развивать свою мысль вслух, и воображение снова переносит ее во двор, где Григаст и Ценципер, осматривая такси, глядят на счетчик, на котором зафиксирована стоимость проезда.— Как это могло случиться?

Возникает рука в перчатке и поворачивает переключатель. Счетчик с нулями гаснет, рядом вырисовывается другой счетчик, с показанием «1 рубль 60 копеек» и буквой «К».

«Простите, переключил на «каассу»,— звучит в темноте голос Пурвита.

И вновь счетчик с нулями, движение руки в перчат-

ке, счетчик с суммой и буквой «К». Снова и снова в той же последовательности.

Игра бликов убыстряется, закручивается в сплошной вихрь.

Мара закрывает глаза и пытается в своем воображении воссоздать картину событий.

Туман. К дому номер один на Крастмалас подъезжает едва различимая в мгlistой темени машина. Шофер выключает фары, контуры машины сливаются с темнотой. Возникает тень человека. Спустя некоторое время открываются ворота, машина осторожно заезжает во двор. Свет виден только в нескольких окнах, но он растворяется в тумане и не достигает земли. Водитель привычным движением переключает счетчик на «кассу». Четыре руки приподымают за углы брезент. Машины поменялись местами — такси остается под брезентом. Ворота закрываются. «Волга» медленно удаляется.

«Черт побери, кажется, переключил на «кассу» счетчик!...— говорит шофер голосом Пурвита.— Надо бы вернуться»,— неуверенно добавляет он после паузы.

«Из-за такого пустяка?— иронически отвечает ему другой голос.— Не воображай, что в милиции сидят гениальные сыщики. Эта девчонка с лейтенантскими погонями...»

Шофер делает неопределенный жест рукой — была не была!— включает фары и прибавляет газу. В свете прожекторов вырисовывается большое здание фармацевтического института.

В тумане слышится собачий лай.

...Мара просыпается от громкого лая. Флоксик разъярен будильником. Завод уже кончается, и звонок едва дребезжит. За окном день.

— Доброе утро, Флоксик.— Мара потягивается и выключает приемник.— А знаешь, что мне твердит мой начальник? «Кончайте фантазировать! Выкладывайте все сначала и со всеми подробностями!» А следовательно без фантазии — это счетчик без машины.

Флоксик одобрительно виляет хвостом.

— Дурачок ты! Счетчик тоже нужен... Выясним, проверим, еще раз проверим!

Семейство Лейи за завтраком. Мать отбирает у Мэри ломтик хлеба и сама намазывает на него толстый слой масла.

— Когда я работал контролером на автобусах...— начинает Ценципер, который сидит на краешке стула.

— Может, вам чашечку кофе?— перебивает его мать Мэри.— Не беспокойтесь, оно не натуральное.

— Благодарю вас, я по служебному делу... Видите ли,—с гордостью говорит Ценципер Мэри,—тщательно ознакомившись с обстоятельствами,—Ценципер невольно подражает в речи майору Григасту,—я обнаружил личность, которая систематически надругается над вывеской на нашем доме.

— У вас талант криминалиста!—говорит Мэри с полным ртом.

Ценципер польщен, лицо его расплывается в улыбке.

— Ваш начальник придерживается того же мнения и даже рекомендовал меня в общественные автоинспекторы... Так вот, этой личностью оказался не кто иной, как соседский мальчик Густ!

— Неужели?—Мэри очень не хочется, чтобы у мальчишки были неприятности.—А вы не обратили внимания на тот факт, что уже два дня его правая рука перевязана?

— Вот именно!—Ценципер многозначительно поднимает указательный палец.—Это и есть главная улика! Уже два дня никто не пачкает нашу вывеску.

— Возможно, преступник хочет направить следствие по ложному пути. Обычный прием,—не сдается Мэри.

Однако Ценципер не признает никаких доводов.

— Так вот, я хотел бы проконсультироваться у вас насчет того, какие законные шаги следует... Вы, как оперативный работник угрозыска...—Ценципер осекается.—Тысяча извинений, вы же предупреждали!

Мэри тащит Ценципера в свою комнату, но уже поздно.

— Георг, ты слышишь?—ужасается мать.—Мэри в угрозыске! С бандитами!.. Много ли надо, чтобы убили... Георг, почему ты молчишь?

У отца от неожиданности вывалилась из рук газета.

— Почему же она сказала нам, что в архиве?—удивляется он. И вдруг подбрасывает в воздух газету.—

Вот это я понимаю! На боевом посту! В нашей семье все...

— Но, Георг, подумай, она же еще ребенок!

— Постыдись, Берта! Вспомни себя... Да, да, сейчас я тебе прочитаю.— Он подходит к столу и быстро отыскивает в рукописи нужную страницу. Надевает очки и декламирует: — «Я уже было простился с жизнью. В этот миг Берта — тогда ей было всего восемнадцать лет — достала из корзины спрятанный там револьвер и, прежде чем белогвардейцы успели опомниться...»

При этих словах лицо матери светлеет, по нему шаловливо пробегает солнечный зайчик.

— Вечно ты выдумываешь,— протестует она.— Во-первых, револьвер был спрятан в моей муфте; во-вторых, мне тогда было только семнадцать с половиной...

Из соседней комнаты выходят Ценципер и Мара. Старика словно подменили: появилась молодцеватость, он сияет.

— Будет исполнено!

Попрощавшись с Мариными родителями, он направляется к двери, на полпути оборачивается и подтверждает еще раз:

— О результатах извещу во второй половине дня!

— Что еще такое?— тревожится мать.

— Служебный секрет,— многозначительно говорит Ценципер.

* * *

Мара расположилась за тем же столиком, где сидела с Григастом. Киоск пуст, солнечные лучи обозначили светлые дорожки между столиками. Буфетчица читает сборник стихов и время от времени бросает укоризненные взгляды на посетительницу — давно пора закрывать киоск.

Мара даже не притронулась к мороженому, медленно тающему в металлической вазочке. Нетерпеливо поглядывая на дверь, она рассеянно листает свою тетрадь.

Рисунки заполняют уже две страницы. На них изображены Межулис, Ирена, Пурвит, такси и рядом с ним «Волга» 75-00, едущая по дороге, в конце которой надпись: «Ужгород». Тут же разбросано несколько вопросительных знаков, выражающих сомнения Мары.

Наконец приходит Ценципер. Еще издали по выражению его лица видно, что задание выполнено с честью.

— Вы были правы! Когда я работал...

— Товарищ Ценципер!— взмаливается Мара.

— Извольте! Ваше предположение я проверил в присутствии свидетеля. Правда, на суде он вряд ли сможет дать показания, так как не подходит ни по возрасту, ни по репутации, однако в данном случае он очень подошел...

— Ничего не понимаю!— Мара чуть ли не в отчаянии, она уже раскаивается, что поручила такое важное дело этому неорганизованному человеку.

— К нашей операции я привлек...— Ценципер запинаясь.— Ну, в общем, взял с собой Густа. Дождались таксомотора Пурвита и поехали. В одном месте я говорю ему: «Остановитесь на минутку, я высажу мальчика!» И Пурвит сразу же переключил на «каассу», хотя было совершенно ясно, что я поеду дальше.

Ценципер победно смотрит на Мару.

Мара обрадованно кивает и тут же вновь озабоченно хмурится. Наблюдение Ценципера еще ничего не доказывает! Надо убедиться, что это не простое совпадение.

— А как поступил Межулис?

— Дал Густу вылезти и поехал дальше. Мы этот следственный эксперимент проделали еще на трех такси, истрачено на поездки пять двадцать, но ни один из водителей не переключал на «каассу».

— Спасибо вам!— растроганно говорит Мара и тянется за сумочкой.

— Что вы, что вы!..— Ценципер встает, гордо выпрямляется.— Бороться с преступностью— моя почетная обязанность!.. И, прощу извинить, я должен теперь ехать за Густом, которого в последний раз высадил из машины в Задвинье. Скоро стемнеет, как бы мальчик не испугался.

Мара улыбается: кто-кто, а Густ не из трусливого десятка! И тут ей приходит мысль отблагодарить мальчика за помощь.

Расплатившись, Мара спешит домой. Но в подъезд она не заходит. Убедившись, что поблизости никого нет, достает из кармана кусочек мела и, стараясь подделать детский почерк Густа, выводит на вывеске у парадного

каракули. Затем быстро уходит — не хватает еще, чтобы застали за таким озорством работника милиции!

Потом Мара долго сидит на сквере у набережной. Мимо течет нескончаемый поток людей, катит свои воды к морю Даугава, в темноте мерцают ходовые огни кораблей, вспыхивают сигналы на бакенах, переключаются судовые сирены. Мара безучастна ко всему окружающему. Она снова и снова перебирает все факты, связывает их в логическую цепь аргументов. Наконец кажется, что даже Григасту, с его аналитическим умом, ни к чему не подкопаться. Теперь она не хочет терять ни минуты — находит в сумочке двухкопеечную монету и бежит к телефону позвонить начальнику прямо домой.

— Товарища Григаста срочно вызвали два часа тому назад, — отвечает Маре женский голос. — Он сказал, что, наверно, на всю ночь задержится в управлении.

* * *

Майор Григаст стоит на лесной вырубке и смотрит на причудливое сплетение пенных струй. Когда пожарники отбрасывают использованные огнетушители, взгляду предстает обгорелый остов машины. Чудом в какой-то мере уцелел от огня багажник, по которому можно судить, что сгорела «Волга».

Григаст обтирает коготь. На номерном знаке становятся различимы цифры и буквы: 24-25 ЛАГ. Григаст долго не сводит с них взгляда. Вспышка блицламп снова и снова вырывает из темноты застывшее в задумчивости лицо майора. Григаст нагибается и моет руки в ручейке, который журчит у его ног.

* * *

Мара отворяет дверь кабинета и удивленно останавливается на пороге. В кабинете орудуют маляры. Сквозняк треплет обрывки обоев, хлопает заляпанным известкой окном. Витол, стоя на стремянке, белит потолок; заведев Мару, отдает ей честь, поднося кисть к своей газетной треуголке.

— Вкалываем в две смены, чтобы укоротить ссылку товарища майора.

Своего начальника Мара находит в библиотеке. Туда

же переставлен письменный стол с любимым креслом Григаста и сейф.

Григаст под выцветшим лозунгом «ВСЕ ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА» старается не обращать внимания ни на возгласы шахматистов, ни на шумливую суету у книжных шкафов.

Мара торопливо подходит к нему. Прежде чем она успевает раскрыть рот, майор говорит:

— Садитесь и рассказывайте!

— По порядку и со всеми подробностями...— улыбается Мара.— Так вот, когда Пурвит встретился с Межулисом в кафе, о краже витафана они уже условились. Вначале было решено вывезти коробки с ампулами на такси, но потом они слышали, как я рассказывала про нашу «Волгу», и передумали. Для отвода глаз такси угнал Межулис. Но когда они въезжали в наш двор, за рулем уже сидел Пурвит и, когда Межулис вылез, машинально переключил счетчик на «кассу». Они поставили под брезент такси и на нашей «Волге» поехали в институт. На следующий день Пурвит взял отпуск и увез витафан...

Мара достает из сумочки и не без гордости показывает Григасту фотоснимок телевизионного кадра с Пурвитом, стоящим в двери самолета.

— Пурвит утверждает, что был в деревне. А в телевизионном журнале я видела, как он выходит из самолета, который прилетел из Ужгорода...

— Вы видели Пурвита?

— И Ирену Залите.

— Шах!— слышен возглас шахматиста.

— Возможно, на этот раз вы были на верном пути. Но мы опоздали...

— Он уже арестован?

— Еще три хода и мат!— слышен тот же голос.

Григаст кладет перед Марой обгоревший портсигар. Мара открывает его и видит шоферское удостоверение Пурвита.

— Вот все, что осталось от вашего Пурвита, да еще несколько килограммов обугленных костей,— говорит Григаст.— Плюс сгоревшее дотла такси. Убийца не пожалел бензина.

— Сдаюсь,— говорит один из шахматистов и отодвигает стул.

В библиотеке остались только Григаст и Мара.

Она задремала в кресле. Поминутно глядя на часы, показывающие время за полночь, майор разглядывает почтовые марки. Но на этот раз любимое занятие не доставляет ему радости — слишком велико нервное напряжение. Майор встает, укрывает Мару своей шинелью и подходит к шахматному столику.

— Да, положение безнадежное,— тихо произносит он, глядя на фигуры.

К счастью, этого нельзя сказать о ходе следствия. Таксомотор 24-25 ЛАГ видели автоинспекторы и кое-кто из шоферов таксопарка, и теперь установлено, что в машине рядом с Пурвитом сидел Межулис. Водитель Мурьян видел, как машина Пурвита остановилась перед домом Межулиса, рассказал, что из машины вышел Пурвит и некая блондинка, по приметам Григаст тотчас узнал Ирену Залите. На ее показания майор возлагает большие надежды...

Открывается дверь. Это старший лейтенант Климов.
— Товарищ майор!..

Григаст подносит палец к губам и кивает на Мару.

— ...Ваше приказание выполнено.— Климов понижает голос почти до шепота.

Но Ирена, не дожидаясь приглашения, распахивает дверь. В глазах блестят слезы. Она смотрит на Григаста.

— Что случилось? Что-нибудь с Пурвитом?!— Голос ее срывается от волнения.

Григасту и Маре с трудом удается успокоить Ирену.

— Не знаю, что им взбрело в голову,— дает показания Ирена.— Пурвит приехал за мной в институт. Он это часто делает, когда работает во вторую смену. Потом мы поехали к Межулису за журналом с осенними модами — я давно обещала его подруге. Да, что я хотела сказать... Сперва Межулис был в настроении, коньяком угощал.— Ирена спохватывается, что говорит с работниками милиции, и поспешно добавляет:— Нет, нет, Пурвит не пил, он ведь был с машиной... А тогда Межулис позвонил по телефону... Я как раз искала журнал, у него такой беспорядок! Ведь скоро месяц, как жена в больнице...

Григаст не имеет привычки перебивать свидетеля. В непринужденном рассказе иногда проскользывают детали, которые потом приобретают большое значение. Но Ирена говорит так сбивчиво, что он пытается помочь ей наводящими вопросами.

— Куда звонил Межулис?

— Да, наверно, в больницу... Да, да, он еще спросил: «Больница? Мне доктора Эрберта!»

— Что он сказал? Вы не слышали?

— Все слышала до последнего слова. С этого разговора все и началось...

У Мары перехватывает дыхание, она не смеет поднять глаза на Ирену. Что такого мог сказать Имант, какие его слова вызвали зверское убийство? Не в силах ждать, Мара поднимает лицо.

— Как вы могли слышать, что именно говорил Эрберт?

— А я и не слышала. Он не подошел к телефону. Межулис говорил с кем-то еще. Сперва он даже радовался. «Ты у телефона?»— кричит. А потом ему сказали что-то, наверно, страшное, потому что он даже в лице изменился и ничего сказать не мог—только повторял все: «Что?.. Что ты говоришь!» Потом выронил трубку и даже не повесил. К столу подошел—шатается, чуть не падает. Я его спрашиваю: «В чем дело?»— а он и не глядит на меня, только на Пурвита исподлобья смотрит... У самого глаза красные-красные, как у убийцы какого...— Ирена плачет.

— И он потом все время молчал?

— Да нет... Говорил много, только я ничего не поняла. Кричал на Леона: «Ты понимаешь, что ты надеялся?! Теперь конец всему!» Леон хотел его успокоить, но Межулис прямо невменяемый сделался какой-то. А потом встряхнулся, взял себя в руки и сказал, что ему там по какому-то счету надо расплатиться. В столе чего-то долго рылся. И тогда говорит Пурвиту: «Поехали! Все будет в порядке». Я тоже хотела сесть в машину, но они не взяли...

Григаст уже надевает шинель.

— Поехали!—зовет он Мару и Климова.— На квартиру к Межулису.

На лестничной клетке лампочки еще горят, но в окнах уже забрезжил свет утра.

«Э. Межулис» — значится на дверной табличке. Мара в который раз нажимает кнопку звонка. Звук его гулко разносится по пустой квартире. В конце концов отворяется соседняя дверь.

— Межулиса нету дома, — говорит мужчина в пижаме.

Придерживаясь за штаны отца, заспанный малыш с любопытством глазеет на майора Григаста.

— А вы не видели, когда он ушел? — спрашивает Мара.

— Слышал... Под вечер к нему пришли гости, — рассказывает сосед. — Но вскоре все ушли. Через час или полтора Межулис вернулся, немного побыл дома и снова ушел. Дверью хлопнул так, что у нас штукатурка посыпалась. Есть у него эта привычка. С тех пор не приходил.

— Позовите дворника! — приказывает Маре Григаст.

* * *

В квартире Межулиса все свидетельствует о поспешном бегстве хозяина. Дверца шкафа распахнута, ящики выдвинуты, содержимое их раскидано по стульям, валяется на столе. На письменном столе — расписание поездов; оно раскрыто на страничке «Рига — Симферополь». Рядом непомытая бритва — по-видимому, ею недавно пользовались.

Старший лейтенант Климов вытряхивает содержимое корзины для бумаг. Руки у него, так же как и у Григаста с Марой, в резиновых перчатках. Среди прочих бумажек находится скомканная, перемазанная засохшей мыльной пеной журнальная страница и обрывок конверта с адресом отправителя.

— «Улица Захарова, семь, квартира тридцать один», — читает вслух майор Григаст.

Мара записывает адрес в свою тетрадь.

Майор Григаст расправляет смятый листок. Это страница из «Недели». Под обзором осенних мод дыра — какая-то заметка аккуратно вырезана.

Тонкий слой пыли на нижней доске в гардеробе. Ясно виден чистый прямоугольник на том месте, где стоял большой чемодан. Майор Григаст осматривает одежду, потом выносит ближе к свету старое зимнее пальто, показывает на распоротый шов воротника.

— Все те же избитые приемы,— говорит он.— Картина более или менее ясна. Убив Пурвита, Межулис впопыхах собрал чемодан, вспорол воротник, достал зашитую там сберкнижку, которая наверняка выписана на предъявителя, и, судя по раскрытому расписанию поездов...

— ...уехал в Симферополь?— заканчивает Климов.

— Никуда не уехал. Если верить Ирене Залите, он никогда не бросит жену. Полагаю, что он скрывается у...

Произнося эти слова, майор листает настольный календарь.

«71-457, доктор Эрберт» — записано на листке недельной давности.

— Именно этого я и ожидал,— тихо бормочет майор и оглядывается на Мару.

Но Мара не слышит, остановившимися глазами смотрит в ящик письменного стола. Там — улыбающийся Будда с пятью младенцами. У одного отломана голова.

— А может, вы и мне покажете?— раздается голос Григаста.

Он берет Будду и качает головой.

— Припоминаю... Это вам привез Имант Эрберт из Вены... Очень интересно!— и смотрит на Мару, которая все ещё стоит неподвижно.— Мара, послушайте дружеского совета: ступайте домой и ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

* * *

У работников уголовного розыска рабочее время не нормировано. Бывает, для успеха следствия приходится работать сутками напролет, а иногда случаются свободные минуты даже днем. Потому в библиотеке всегдалюдно.

Вот и сейчас здесь собралось порядочно народу. Два сержанта самоотверженно сражаются в шахматы. Забаррикадивав стол толстыми фолиантами, студент-за-

очник старательно записывает что-то в тетрадь. Он хочет закурить, но, чиркнув спичку, замечает надпись: «Не курить!» Тогда студент подходит к стене, снимает картонную табличку и, загнув ее в виде пепельницы, спокойно закуривает.

Молоденькая библиотекарьша не замечает нарушения порядка. Оседлав носик роговыми очками, она знакомится с новыми поступлениями книг. Высоко поднимает книжицу в пестрой обложке и выкрикивает, как на аукционе:

— Новый приключенческий роман!

Присутствующие встречают это сообщение без особого энтузиазма. Кто-то презрительно усмехается, другой морщится, а бородатый старшина-орудовец — гроза всех шоферов города, — подмигивая, говорит:

— Мне бы что-нибудь про любовь. А эту муру прибереги для любителей.

Когда входит Мара, старшина расплывается в улыбке и идет ей навстречу.

— А-а, Мара, вот кстати! Мы должны сыграть турнирную партию.

Мара не отвечает. Она до сих пор не пришла в себя. Найденный в письменном столе Будда, конечно, убедит Григаста, что Эрберт замешан в краже витафана. Конечно! Разве ей самой не показалось бы это серьезной уликой — не знай она Эрберта, не верь ему? И головка в машине...

Заняв кресло майора, Мара кладет перед собой маленькую головку из слоновой кости — невинно улыбающееся личико младенца. Мару эта улыбка не веселит. Помрачнев еще больше, она прячет головку в карман, открывает свою тетрадь и видит последнюю запись: «Ул. Захарова, 7, кв. 31».

— Где находится эта улица Захарова?!

Возможно, Мара задавала этот вопрос самой себе, но невзначай он вырвался вслух, и все головы повернулись к ней.

Шахматисты пожали плечами и вновь углубились в игру.

— Впервые слышу, — отозвался заочник.

Покопавшись в планшете, старшина достал справочную книгу по Риге и подходит к Маре.

— Я так и думал, что вы что-то спутали. — В его го-

лосе звучит сознание своей непогрешимости.— В Риге такой улицы нет!

— Нигде, нигде нет...— бормочет Мара, встает, прижимается лбом к оконному стеклу. За окном бурлит городская улица.— Но ведь где-то она должна же быть! И на ней живет человек, который переписывается с Межулисом. Улица Захарова, улица Захарова...— В воображении Мары возникают планы нескольких городов. Улиц бесконечное множество, и вместо названий — сплошные вопросительные знаки. Она энергично встряхивает головой, оборачивается.— Кто такой Захаров? Нина, дай мне энциклопедию! Большую, на букву «З».

Библиотекарша прислоняет лесенку к стеллажу, лезет к самой верхней полке и там листает толстый том.

— На что тебе надворный советник Николая Первого? — спрашивает она.

— Как, а другого Захарова разве нет?

— Целых три. Могу предложить архангельского художника Ипполита Захарова, комиссара закарпатских партизан Петро Захарова, сибирского путешественника Семена Захарова...

* * *

В семье Лейя смятение: больше суток Мары нет дома. Накануне днем пообедала, сказала, что зайдет на работу, и исчезла. Потом поздно вечером позвонила, что задержится. И с тех пор ни слуху ни духу.

Сначала Георг Лейя старался успокоить жену: наверное, Маре пришлось выехать за город, а там телефона нет. Вот и все. Но под утро он сам забеспокоился. В конце концов не на войне ведь, где со связью может случиться всякое!

За завтраком молчали. Жена ничего не ела, сам он после бессонной ночи выпил две чашки крепкого кофе. В другой раз Берта обрушилась бы на него, доказывая, что непозволительно губить старого Лейю. Он решил действовать.

Георг Лейя стоит у телефонного аппарата. В кресле полулежит мать Мары. Лицо ее осунулось, глаза прикрыты, на лбу мокрое полотенце. Об ее ноги, жалобно скуля, трется Флоксик. Поминутно оглядываясь на жену, Георг Лейя строго говорит в трубку:

— Григаст, звоню по поручению жены, мы обеспокоены... Куда делась наша Мара?

Удивление майора Григаста не наигранно. Услышав, что Мара не приходила домой ни вчера, ни сегодня утром, он в первый момент растерялся. Где она? Можно было бы предположить, что у Эрберта, но доктор — вот он, сидит напротив Григаста. Допрос тянется с самого утра, Эрберт ни на минуту не отлучался из кабинета и — Григаст уже твердо решил — так скоро отсюда не уйдет.

— Алло, алло! — кричит Георг Лейя на другом конце провода. — Что вы там замолчали, черт подери? Григаст, где Мара?

Эрберт сидит напротив, поэтому майор говорит первое, что приходит на ум:

— Успокойте супругу, ничего страшного. Она вышла.

— В командировку? — не унимается Георг Лейя.

— Не совсем. Я вам попозже позвоню и все расскажу.

Это не пустая отговорка. Отвечая, Григаст смотрит на Эрберта, и майору начинает казаться, что он понял, почему исчезла девушка и где она сейчас.

Положив трубку, Григаст начинает листать личное дело Эрберта.

— Товарищ майор... Что случилось с Марой?

— Самое худшее, что может случиться с работником милиции, — отвечает Григаст с едва заметной улыбкой. — Она влюбилась и начала заниматься самодеятельностью... А теперь, — он снова принимает официальный тон, — попрошу подождать в приемной. Через час я вас вызову.

— За это время я успел бы съездить в больницу и вернуться. — Эрберт встает.

— Я сказал: подождать в приемной!

После ухода Эрберта майор звонит Климову:

— Давайте ко мне эксперта!

...Григаст нервничает. Будда из слоновой кости — лишь звено в цепи, которая, возможно, связывает Межулиса с Эрбертом. И что этот эксперт так долго изучает? Чтобы побороть нетерпение, майор большими печатными буквами пишет на листке бумаги: **ДОПРОС. ВХОД ВОСПРЕЩЕН!**

И опять глядит на эксперта. Тот, вооружившись лупой,

ощупывает тонкими быстрыми пальцами статуэтку из слоновой кости. Затем встает и подходит с ней к окну.

Встает со своего кресла и Григаст. Открывает дверь и над табличкой «Библиотека» прикалывает свое произведение. Возвращается. Седой эксперт все еще изучает Будду.

— Ну? — торопит его Григаст.

— Та самая! — изрекает эксперт. — Готов подписаться и присягнуть перед судом. Не каждый день попадают такие диковины!

— Пойдите! — Григаст берет фигурку у него из рук. — Вы хотите сказать, что видели этого Будду раньше? Нам известно, что неделю назад фигурку привезли из Вены.

— Из Вены? Возможно. Но по меньшей мере год тому назад. С прошлого октября она стояла у нас в комиссионном магазине. Я три повестки послал владельцу, чтобы забрал или снизил цену. Хотя и с дефектом, но оценили в тридцать рублей.

— Выходит, Будду купили в Риге, — задумчиво произносит Григаст и рассматривает безделушку через лупу.

Добродушная улыбка сквозь увеличительное стекло кажется насмешливой гримасой, словно Будда издевается над майором. Григаст зло морщится и прячет лупу в карман.

— Ни малейшего сомнения! Я еще сам предупреждал покупателя, что головка плохо приклеена и, того гляди, отвалится.

— А вы узнали бы покупателя?

— Доктора Эрберта? Конечно! Может, врач он и хороший, но в искусстве... — Эксперт многозначительно умолкает.

— Благодарю вас, — пожимает руку эксперта Григаст и, после того как эксперт уходит, приказывает милиционеру: — Введите Иманта Эрберта.

Эрберт отнюдь не напоминает припертого к стенке преступника. Садясь напротив Григаста, он держится, как человек, недовольный тем, что его оторвали от дела, — ему не терпится поскорее покончить с бюрократическими формальностями.

— Почему вы солгали, будто бы привезли подарок из-за границы?

Эрберт теребит в пальцах Будду и пожимает плечами.

— Я только в Риге вспомнил, что надо что-то привезти. В Вене у меня не было времени бегать по магазинам. Хотел признаться Маре, что купил это в Риге... потом. Но где она? Почему вы мне не говорите?

Григаст не успевает ответить. Входит Климов и кладет перед ним только что полученную телеграмму. Прочитав короткий текст, майор улыбается: он не ошибся. Это красноречиво подтверждают последние слова: «ДОКТОР ЭРБЕРТ НЕ ВИНОВЕН — ЛЕЙТЕНАНТ МАРА ЛЕЙЯ». Григасту хочется показать телеграмму Эрберту, но он прячет телеграмму в ящик стола и с треском задвигает его.

— Кому вы отдали этого Будду? — Тон майора холоден и беспристрастен.

— Я сказал ведь — потерял, не помню где, у меня есть заботы и поважнее: больные три дня не получают витафан... — Эрберт встает и смотрит на дверь.

— Помогу вам вспомнить. Узнаете? — Григаст показывает Эрберту три фотоснимка.

Эрберт бросает небрежный взгляд на фотографии.

— Не узнаю, — безразлично отвечает он, потом смотрит еще раз. — Вот этого вроде бы видел. — Он берет карточку Межулиса и хлопает себя по лбу. — Но где, где? В тот вечер в кафе? Не только... Ага, конечно, теперь припоминаю... Когда мне позвонили из амбулатории в кафе и вызвали к больному немецкому матросу... Я выбежал на улицу, хотел ждать трамвай, но услышал звук мотора. Такси! Подбежал, сел, а шофер — вот этот самый — говорит: «Вылезайте, я — в гараж». — Эрберт показывает на фотографию Межулиса. — Причем таким хамским тоном... Ну, я разозлился, пригрозил позвать милиционера, если он не повезет меня к больному в порт. Он и повез. Со зла мчал, как на пожар, за пять минут доехали. Наверно, Будда там, в машине, и выпал у меня из кармана.

— В таком случае мы нашли бы и отломанную головку...

Григаст хочет разрезать пополам сигарету, потом безнадёжно машет рукой и вставляет ее в мундштук целиком. Рассеянно предлагает закурить и Эрберту. Тот отказывается.

Выпустив клуб дыма, Григаст продолжает допрос:

— Значит, вы утверждаете, что больше нигде не

встречались с этим человеком и даже не знаете его имени?

Эрберт кивает. Ему надоело повторять одно и то же.

— Тогда объясните, почему у Межулиса нашли не только эту фигурку, но и ваш телефонный номер.

— Как вы его назвали? Межулис? — Эрберт пытается что-то вспомнить; вспомнив, облегченно вздыхает. — Ну, теперь я все понимаю! Вероятно, он муж моей пациентки. Звонит каждый день и спрашивает о состоянии жены. Но видеть я его ни разу не видел. Полагаю, что и он не представляет, как я выгляжу. Да, Илона Межулис... Ее доставили в больницу в безнадежном состоянии. Спасти может только витафан, а если его не найдем... — Он выразительно разводит руками.

* * *

Григаст не ошибся — Мара действительно в Ужгороде. Хорошо зная своего начальника, она понимает, что нужны только факты. И только они могут заставить поверить в невиновность Иманта. Значит, надо найти витафан! Гибель Пурвита не опрокидывала ее версии. Скорее, напротив, позволяла допустить, что после убийства Межулис направится в Ужгород, чтобы установить связь с сообщниками и получить свою долю добычи. Иначе для чего ему было списываться с человеком, проживающим в Ужгороде на улице Захарова?..

Мара помчалась сюда прямо с аэродрома и теперь идет вверх по крутой улочке.

На булыжной мостовой происходит отчаянная футбольная схватка между командами двух дворов. Напрасно Мара пытается получить у вратаря нужную ей справку. Он только небрежным жестом показывает на высокий деревянный забор и кричит во все горло:

— Пендаль! Пендаль!

Мара подходит к калитке. Адрес точный: «Улица Петро Захарова, 7». И в доме, по-видимому, не менее пятидесяти квартир.

Мара берется за ручку входной двери, но не открывает ее. Нет, поспешность ни к чему! Она вновь обращается к маленькому вратарю:

— Где милиция?

Вопрос имеет потрясающий эффект. Подхватив свою

курточку и кепку, которыми обозначены «футбольные ворота», мальчуган бросается наутек.

— Ребя, сматывайся!!! — орет он истошным голосом. — Опять милицию вызывают!

В мгновение ока улица пустеет.

Мара улыбается и спрашивает то же самое у проходящей мимо пожилой женщины. Пятью минутами позже она уже подходит к красивому особняку, на двери которого вывеска: «Управление милиции г. Ужгорода».

За живой изгородью видна светлая «Волга». Не глядя на нее, Мара входит в здание.

Вот она уже сидит в кабинете начальника оперативно-го отдела.

Капитан Братунь ничем не напоминает майора Григаста — он молод и строен. С улыбкой возвращая Маре ее служебное удостоверение, капитан говорит:

— Вот это оперативность! Телеграмму насчет «Волги» мы дали только сегодня утром.

— Какой «Волги»? — недоумевает Мара.

Капитан молча подводит Мару к окну.

— Вот она! Вчера нашли в лесу. — Братунь показывает на светлую «Волгу» с номером 75-00 ЛАГ. — Приятное зрелище, не так ли?

— Еще бы! Если бы вы знали, как оно приятно для меня! — Мара не глядит в окно: она успела уже освоиться с этой сногшибательной новостью, которая — самое главное! — отлично увязывается с ее версией о краже витафана. — Теперь я не сомневаюсь, что все будет в порядке!

— Итак, все в порядке, можете хоть сейчас садиться за руль и катить домой.

— Как раз наоборот, я остаюсь... Можно заказать разговор с Ригой? — Она снимает трубку. — Ригу, 71-457, к телефону Иманта Эрберта. Спасибо.

Мара кладет трубку и раскрывает свою тетрадь. В последнем рисунке почти ничего не изменилось. Это все те же Пурвит, Межулис, Ирена, «Волга», везущая в Ужгород витафан. Под словом «Ужгород» написано: «Ул. Захарова, 7, кв. 31».

— Мне необходимо узнать, кто там живет.

Капитан с любопытством смотрит на Мару, хочет спросить что-то, но воздерживается.

— Могу вам посодействовать. — Он приносит картоте-

ку: — Селаго, врач... Вернее, бывший врач. В свое время мне вкатили из-за него выговор... Два года назад пришлось положить в больницу несколько человек с тяжелым нервным шоком. Они употребляли контрабандное снотворное, которым приторговывал этот врач.

— Врач?! Наверняка он! — Мара с трудом сдерживает волнение. — За что же вы получили выговор?

— Врача посадили, а контрабандиста, доставлявшего из Австрии лекарство, разыскать так и не удалось.

— Стало быть, сейчас врач за решеткой? — разочарованно спрашивает Мара.

Телефонный звонок прерывает разговор. Мара, опередив капитана, хватается трубку.

— Арестован... — вполголоса произносит она, положив трубку. — Теперь все зависит от меня!

— Нет, он на свободе, — говорит капитан. — Уже полгода, как не спускаю с него глаз, но... не пойман — не вор!

* * *

Имант арестован — значит, Григаст не мешкал ни минуты. Теперь все зависит от нее. Это заставляет Мару немедленно отправиться к Селаго. На ее стук в дверь квартиры «доктора» никто не отозвался, и тогда Мара звонит в соседнюю.

В полуоткрытой двери, из которой валят клубы пара, вытирая о передник мыльные руки, стоит соседка доктора Селаго, вдова Ковальчук.

— Говорю же вам, нету, — раздраженно повторяет она. — Доктор уехал во Львов. То во Львов, то в Ригу, а я за него объясняй каждому. Вчера какой-то с чемоданом искал его. Сперва я даже не поняла, что ему надо, — он с заграничным акцентом говорил... — Женщина вдруг замолкает, внимательно оглядывая Мару. — А вы, случайно, не одной ли нации будете? У него акцент, как у вас.

— А как он выглядел? — Мара возбуждена, она невольно делает шаг вперед, но женщина не пускает ее через порог.

— Откуда я знаю... Всякого встречного-поперечного ведь не пустишь в дом. А в этой темнотище много ли увидишь... Бороды не было, усов тоже, лысину под кепкой не разглядеть.

— А на нем не было черного плаща?— Мара чувствует себя охотником, напавшим на верный след.

— И верно ведь! Фасонистый такой, с кожаными пуговицами, наверно заграничный. У нас в Ужгороде таких не видала.

Теперь Мара не сомневается в том, что победа близка.

Она едет на почту.

Бежит лента из телетайпа!

МЕЖУЛИС В УЖГОРОДЕ ТЧК ПРИШЛИТЕ ФОТО ТЧК ПОД-
ТВЕРДИТЕ ПОЛНОМОЧИЯ ТЧК ДОКТОР ЭРБЕРТ НЕ ВИНОВЕН—
ЛЕЙТЕНАНТ ЛЕЙЯ.

Мара наконец направляется в гостиницу.

— Вам показать комнату?— спрашивает администратор, протягивая руку за ключом.

— Читальню, если у вас имеется.

Недоумевающий администратор провожает Мару в читальню.

Потребовав подшивку «Недели», Мара садится за столик и быстро находит то, что ей нужно,— номер с обзором осенних мод. Под обзором помещена заметка, которую так старательно вырезал Межулис: «Новый успех советской медицины». Не задумываясь, Мара вырывает страницу с «вещественным доказательством» и идет в ресторан — теперь можно и перекусить, ведь она уже сутки ничего не ела.

Зал ресторана гостиницы наполовину пуст. Маре тут нравится. Рядом, за двумя сдвинутыми столиками, сидят веселые ребята под присмотром двух пожилых женщин. Перед бойкой черноволосой девчушкой стоит ваза с цветами. Не понять, то ли здесь принято отмечать в ресторане детские дни рождения, то ли это коллективное посещение вызвано ремонтом кухни в детском саду.

Столы вдоль стен разделены невысокими расписанными национальным орнаментом барьерчиками. На эстраде под сенью пальмы три музыканта в национальных костюмах разучивают танго, варьируя на все лады мелодию.

Мара кладет на стол головку улыбающегося Буддического младенца, ставшую теперь чем-то вроде талисмана, и, отодвинув пустую тарелку, еще раз перечитывает за-

метку «Новый успех советской медицины». Прочитав, поднимается, идет к двери, ведущей в вестибюль гостиницы. Заметив ее, администратор издали кричит:

— Вам телеграммы нет!

Мара удрученно возвращается на свое место.

— Еще порцию жареного сыра,— говорит она официанту и опять смотрит на головку Буддиного младенца.

Трио снова и снова разыгрывает одну и ту же мелодию.

— Витафан... Врач, осужденный за спекуляцию заграничными медикаментами... Лазейка контрабандистов через границу не найдена... Межулис... Витафан... Значит...— размышляет Мара вполголоса, и кажется, что головка из слоновой кости своей доброжелательной улыбкой подтверждает все соображения Мары.

Наконец скрипач находит свою интерпретацию мелодии, инструменты теперь звучат в полную силу. Музыкант спускается в зал и идет среди столиков, словно неся мелодию на кончике смычка.

На минутку он задерживается подле ребятишек, потом останавливается у столика Мары.

Мара не видит и не слышит его. Из оцепенения она выходит, лишь когда называют ее имя.

— Товарищ Лейя!— вызывает милиционер, стоящий в двери.

— Наконец-то!— Мара кидается к нему и нетерпеливо разворачивает телеграмму.

НАЧАЛЬНИКУ МИЛИЦИИ УЖГОРОДА РАЗЫСКАТЬ ЛЕЙТЕНАНТА МАРУ ЛЕЙЮ ИЗ РИГИ И ВРУЧИТЬ ТЧК ПОЧЕМУ ОТ ТЕБЯ НЕТ СВЕДЕНИЙ ЗПТ НЕМЕДЛЕННО ТЕЛЕГРАФИРУЙ НЕ ПРОСТУДИЛАСЬ ЛИ ТЧК ТЕПЛЫЕ ВЕЩИ ВЫСЛАНЫ САМОЛЕТОМ ТЧК ОТВЕТ ОПЛАЧЕН ТЧК МАТЬ ВОЛНУЕТСЯ ТЧК ЖЕЛАЮ УСПЕХА ОТЕЦ

Выждав, пока Мара дочитала, милиционер откашливается.

— Капитан ждет вас. Важная служебная телеграмма из Риги!

...Григаст действует оперативно— прислал фотографию Межулиса и свое благословение на производство обыска. Однако у двери квартиры доктора Селаго капитан Братунь обращается к Маре:

— Санкция прокурора у меня в кармане. Только давайте подумаем еще раз, пока не поздно. Вы убеждены, что мы найдем витафан?

— Абсолютно!— Мара хочет постучать в дверь.

Капитан берет ее за руку.

— Это ведь все одни догадки. А доказательства?

— Поймите!— горячо возражает Мара.— От этого лекарства зависит жизнь десяти и... свобода одного человека.— Ее голосу возвращается твердость.— Поэтому я готова пойти на любой риск, а не искать дополнительные доказательства.

Капитан сам стучится к соседке Селаго, вдове Ковальчук.

— Будьте понятой,— говорит он, предъявляя документы.— Придется взломать дверь.

— Зачем еще взламывать?— бурчит вдова.— Доктору прятать нечего, ключи от квартиры он всегда оставляет мне.

...Обыск заканчивается. Лишь громоздкий письменный стол остался на месте — он вплотную придвинут к подоконнику.

Мара кладет на него три фотокарточки.

— Вам не знакомы эти лица?— Она обращается к вдове Ковальчук.

— Нет.

— Один из них — не тот, в черном плаще, что искал доктора?

— Возможно... Сами видите, какая темнота у нас на лестнице, домоуправу давно пора бы...

В комнату входит Братунь.

— Ничем не могу порадовать,— говорит он.— Пока что витафан не обнаружили.

— А что я сказала?— Ковальчук не скрывает своего торжества.

Взгляд Мары блуждает по комнате. Все перевернуто, выворочено наизнанку. Она опускает глаза и смотрит на письменный стол. Под стекло, покрывающее полированную доску, подсунуты вырезанные из иностранных журналов портреты киноактрис вперемежку с газетными вырезками о новых медицинских препаратах. Что-то останавливает внимание Мары — под одной из фотографий торчит краешек другой вырезки, но фраза бессмысленна, так как строчки обрезаны.

Мара приподнимает стекло, вынимает и переворачивает бумажку. Это записка о витафане, та самая, что вырезана из «Недели».

— «Витафан произвел сенсацию на Международном конгрессе врачей в Вене,— негромко читает она.— Представитель японской делегации высказал мнение, что этот медикамент спасет столько же человеческих жизней, сколько уничтожила атомная бомба. Благодаря воздействию гамма-лучей радиоактивность препарата...»

Мара вдруг замолкает. И немного погодя, до конца обдумав возникшую идею, громко произносит:

— Должен быть! Капитан Братунь, я знаю, как искать витафан!..

Через полчаса прибывают вызванные Братунем сотрудники. Теперь в кабинете доктора Селаго слышится равномерное пощелкивание. Это прибор, которым работает младший лейтенант милиции. Он обследует комнату счетчиком Гейгера — водит им по стенам, по поверхности мебели. Щелчки не меняют ни ритма, ни громкости, стрелка на шкале прибора неподвижна.

Перехватив озабоченный взгляд Мары, лейтенант успокаивает:

— Если препарат действительно содержит радиоактивное вещество, мы его обнаружим.

— Здорово вы догадались!— говорит капитан Братунь.

Лейтенант приближается к окну. Стрелка дрогнула, метнулась вперед. Так же порывисто вскакивает со стула Мара.

Почти одновременно нарастает темп щелчков. Он становится угрожающим, неотвратимым.

— Здесь!— спокойно говорит лейтенант, указывая на подоконник.

И вот письменный стол отодвинут, выдернуты гвозди, которыми закреплен подоконник. Виден узкий, но глубокий тайник. Мара первая нетерпеливо запускает туда руку и извлекает... тюбики с зубной пастой.

— Но счетчик же отметил радиоактивность!— растерянно говорит Мара.

Капитан Братунь не смущен — ему известны уловки контрабандистов. Взяв у Мары тюбик, он открывает задний, завальцованный конец и жестом ловкого фокусника вынимает ампулу.

— Никаких чудес. Только ловкость пальцев,— улыбаясь, говорит капитан.

— И вера!..— вполголоса добавляет Мара.

Взвывая сиреной, на летное поле аэродрома въезжает милицейская машина, тормозит около военного реактивного самолета.

Два милиционера погружают в самолет коробки с ампулами.

Самолет разбегается по бетонной полосе, отрывается от земли.

* * *

По больничному коридору бежит медицинская сестра.

— Витафан нашли!— ликующе кричит она.

Почти одновременно распахиваются двери палат.

Профессор Ландовский стоит у графика, в котором отмечает введение больным дозы витафана. Графы «7-й день, 8-й день, 9-й день» пусты. Клетку «10-й день» он заполняет собственноручно.

* * *

В белом халате, который так и не удалось застегнуть поверх кителя, массивная фигура майора Григаста выглядит довольно комично. Он сидит в палате у койки жены Межулиса Илоны и старается говорить тихо, ласково:

— Как вы себя чувствуете?

— Теперь очень хорошо,— отвечает она, поправляя ленту на волосах.— А когда пустили слух, что пропал витафан, я уж думала, конец...

— И вы рассказали об этом своему мужу?

Григаст наконец догадался, каков был мотив убийства.

Илона порывисто садится в постели.

— Откуда вы знаете?

— Это неважно, но лучше вы сами расскажите.

Голова Илоны бессильно падает на подушку. Закрыв глаза, она тихо рассказывает:

— Я в тот вечер была, наверно, как ненормальная. Врач на обходе заикнулся насчет операции, а я ведь

знаю... В больнице ничего нельзя скрыть — одна у нас уже умерла. Ну, тут я поняла, что подошла и моя очередь... Вскочила и выбежала в коридор. И заревела. А потом слышу — рядом телефон звонит, и никто не подходит. Я зашла в пустую комнату сестер и сняла трубку. Кто-то просил доктора Эрберта. Я говорю: «Нет его» — и тут узнала голос мужа... Он всегда звонил, справлялся, не надо ли мне чего, он меня очень любит... Ну, не выдержала я и выложила ему все: «Украли витафан какие-то негодяи, украли последнюю мою надежду!» Уж не знаю, чего я там еще наговорила, он даже ответить мне не может. А я одно прошу у него: «Приезжай, заberi меня отсюда — не хочу умирать в больнице». А он не приехал и больше не позвонил: наверно, дальняя поездка... — Во взгляде Илоны вспыхивает тревога. — Скажите, с ним ничего не случилось?

Григаст молчит.

Вернувшись в управление, он приказывает вызвать Ирену Залите. В цепи доказательства теперь отсутствуют лишь некоторые несущественные звенья. Майор не сомневается, что он на правильном пути.

Милиционер вводит в кабинет Ирену. В ней трудно узнать ту Ирену, что танцевала в кафе, беспечно болтала о пустяках в такси. У нее заплаканные глаза, ресницы и губы не накрашены, а роскошные волосы скрыты под косынкой. Даже голос лишился звучности — какой-то надтреснутый.

— Я арестована, да?

— Это я вам сообщу после нашего разговора.

Григаст сух и официален. Дав милиционеру знак уйти, говорит:

— Рассказывайте, я слушаю.

— Я не хотела этого... Товарищ майор, если б я знала!..

— Кому вы рассказывали про витафан, Пурвиту или Межулису?

На этот раз Ирена рассказывает по-деловому, не сбиваясь и без прикрас. И перед Григастом возникает картина событий того дня.

...Коридор в фармацевтическом институте. Пурвит стучится в окованную железом дверь. Открывается окошко, в нем голова Ирены. Узнав приятеля, она радостно улыбается.

Пурвит раздражен.

— Чего ты тут чикаешься? Не могу же я часами простаивать, надо план выполнять!

— Ой, знаешь, сегодня у нас все с ног сбились, даже новые замки поставили. Директор наказал запереть как следует... А Мария отпросилась пораньше, ей надо успеть в парикмахерскую. И теперь я должна одна принимать витафан...

— Что еще за витафан?— Пурвит ничего не понимает.

— Да про то же я тебе все время толкую! Новый препарат, прогремел на весь мир.— Она показывает Пурвиту журнал.— Я сейчас тут закончу, ты почитай пока. Здесь все написано. Только не забудь отдать, там очень интересная статья про осенние моды...

Пурвит дальше не слушает. Читая заметку о витафане, он настораживается. В лице его сразу проглядываются новые черточки— злые, жестокие. Это хищник, почувывший добычу.

— Если не возражаешь, я пока оставлю журнал у себя.— Его мягкий тон никак не вяжется с выражением глаз.

Он ни на миг не отводит взгляда от Ирены, которая запирает дверь и прячет ключ в сумочку...

— И вы ни разу не давали ему ключа?— спрашивает Григаст, когда Ирена заканчивает свой рассказ.

— Ни разу!— подтверждает Ирена.— Директор сказал же, чтоб из рук не выпускала. Если б вы знали, как я перепугалась, когда подумала, что потеряла его...

— Когда это было?

— Да в тот же день, перед тем, как мы пошли в кафе. А потом гляжу— лежит там же в сумочке, просто за подкладку запал. Совсем новая сумка, а уже дыра в подкладке. Ну и работают теперь галантерейщики!..

— А мне как раз кажется, что сработано было неплохо,— говорит Григаст.— И виноваты тут вовсе не галантерейщики, а ваши друзья-приятели!

Вид у Ирены совершенно убитый.

— Я даже не предполагала, что Межулис такой негодяй,— говорит она,— а то разве позволила бы ему возить себя на работу и зубы заговаривать? Он, наверно, хотел разнюхать, не заподозрила ли я чего неладного. Теперь вы, конечно, арестуете меня?..

— Нет, но это не снимает с вас ответственности.

Ирена жадно смотрит на сигарету Григаста.

— Товарищ майор, можно?

Григаст протягивает ей открытый портсигар и встает, давая понять, что разговор окончен.

Вечером он продолжает его с Климовым — теперь уже в своем кабинете, который после ремонта трудно узнать. Кажется, Витол хотел всем показать, как он рад начатой заново жизни, — стены покрашены в яркие летние цвета, гипестрены веселым орнаментом.

— Только что был у врача Эрберта, — сообщает Климов. — У него в больнице столько дел, что обижаться на нас некогда.

Григаст гасит в пепельнице сигарету и задумчиво глядит на старшего лейтенанта.

— Теперь понимаете, как развивались события?

— Так точно, товарищ майор! Поняв, что на витафане можно хорошо заработать, Пурвит предложил угнать такси, поменять его на «Волгу», проникнуть в институт и отвезти препарат в Ужгород. Мне только одно не ясно: за что убил его Межулис?

Григаст вздыхает.

— Это же вытекает из фактов. Когда Межулис впутался в эту аферу, он не имел понятия, что витафан — единственное спасение его жены. Когда же до него дошло, что он невольно стал убийцей жены...

— Виноват, товарищ майор, значит, в нем совесть заговорила? Но тогда Межулис должен был бы прийти в милицию с повинной. Почему же он пошел еще на одно преступление, на умышленное убийство?

— Да, этот вопрос и мне не дает покоя, — вынужден признаться Григаст. — Боюсь, что ответ на него можно найти только в Ужгороде, когда убийца будет арестован.

* * *

Капитан Братунь угощает Мару сигаретой. Мара делает первую затяжку, кашляет.

— Давно курите? — спрашивает капитан.

— Давно, — напропалую лжет Мара.

— И в милиции давно?

— Давно, — машинально отвечает Мара. — Мне даже

предлагали повышение...— Но тут же честно признается:— Три месяца.— И с вызовом.— А что?

Пепел с сигареты Братуня осыпается на фотографию Межулиса. Он смахивает его ладонью.

— Тогда все понятно. Повторяю, перевернули весь Ужгород и окрестности вверх дном, фотографию Межулиса показывали по меньшей мере тысяче человек, а вы все упираетесь...

— Он убийца. У него спасение одно... Из-за чего он здесь? Он...

— ...был здесь,— договаривает за нее капитан.— Возможно, для того, чтобы дополучить остальные деньги за проданный витафан.

— А как долго работаете в милиции вы?

— Три года.

— И не знаете, что человек в его положении готов на все, чтобы спасти свою жизнь?.. Он явился сюда в надежде, что у доктора Селаго есть возможность переправить его через границу. Зачем ему ехать навстречу доктору во Львов? Граница же здесь! За Венгрией— Австрия и...

— Вы очень симпатичная, но очень упрямая девушка. А факты остаются фактами, тут не поможет никакая фантазия. Не знаю, где ваш Межулис — во Львове или в Риге у жены, но в Ужгороде его нет.

В дверь кто-то стучит.

— Войдите!— недовольным голосом говорит капитан.

Входит соседка доктора Селаго вдова Ковальчук.

— Этот мужчина, которым вы интересовались, только что опять был у меня.

— Ради бога, вы хоть не выболтали ему, что мы...— Мару охватывает ужас при мысли, что это могло произойти.

Вдова Ковальчук гордо выпрямляется. Сейчас она кажется на голову выше той сгорбившейся прачки, которую до сих пор видела перед собой Мара.

— Вы верите в бога?— спрашивает она у Мары высокомерно.

— Ну, как вы можете спрашивать такие вещи? Только потому, что я сказала «ради бога»?

— А почему вы можете спрашивать такие вещи? Только потому, что я стираю белье?

— Не сердитесь,— говорит Мара.— И давно он ушел?

— Да нет, сидит ждет. Тут как раз приходил почтальон. Я не успела развернуть телеграмму, как опять постучали. Я сразу узнала этого человека по черному плащу и впустила в переднюю, а внутреннюю ручку незаметно вынула из двери — и в карман. «Присядьте, говорю, у меня белье осталось на дворе». Он оглянуться не успел, как я выбежала, захлопнула за собою дверь. Потом, чуть погодя, вернулась и стучу, говорю, дверь сама захлопнулась, прошу отпереть ее ключом изнутри, а ключ, мол, на кухонном столе. Ключа он, конечно, не нашел, его там и не было никогда. «Ах, говорю, растяпа я такая! Наверно, сама на дворе оставила. Не волнуйтесь, сейчас сбегая, найду». И побежала к вам.

И вот она стоит в кабинете капитана. Стоит и даже не представляет, какую услугу оказала людям.

— Теперь вы верите, что он в Ужгороде?— торжествует Мара.— Кто был прав?

— Дзержинский,— улыбается капитан, кивая на плакат над письменным столом:

«Наше мощнейшее оружие в борьбе с преступностью — это широкая поддержка народных масс. Ф. Дзержинский».

* * *

Стараясь не шуметь, Ковальчук отпирает дверь своей квартиры. Капитан вынимает пистолет. То же самое делает Мара. Чувствуется, что с пистолетом она не привыкла обращаться.

В комнате все сразу становится ясным — окно настежь. Межулис сбежал.

Мара подавлена, молчит.

— Телеграмма!— кричит соседка.

— Исчезла?— спрашивает Мара.

— Нет, распечатана. Это его работа!

Мара и капитан склоняются над телеграммой:

ПРИЕЗЖАЮ ВЕЧЕРОМ ЛЬВОВСКИМ ПОЕЗДОМ — СЕЛАГО:

Мара и капитан переглядываются.

На перроне Ужгородского вокзала обычная встречающая публика. Мужчины, которые почему-то стыдятся своих букетов и норовят спрятать их за спину. Радостные женщины. Дети, приводящие в ужас родителей тем, что то и дело порываются подбежать к краю платформы, поглядеть, не показался ли вдали поезд.

Мара выходит на привокзальную площадь, где стоит черная «Волга» с эмблемой такси. Шофер, завидев Мару, как бы невзначай подымает руку.

Мара возвращается на свой наблюдательный пункт за киоск с мороженым. Поезд Львов — Ужгород подкатывает к вокзалу. Из-под колес паровоза вырываются клубы пара, окутывая ближайшие вагоны. Поезд останавливается. С подножек прыгают проводники, соскакивают первые пассажиры.

Один за другим выходят гуцулы в ярких народных одеждах — наверно, это участники смотра самодеятельности.

В телефонной будке стоит человек в черном плаще. Делая вид, будто разговаривает, он прикрывает трубкой лицо. Вот он пошевелился. Рукой в перчатке он достает из кармана газету и, притворившись, будто увлечен чтением, направляется к одному из вагонов.

Нервы Мары не выдерживают. Она бросается вперед, на мгновение опередив Братуня с его людьми.

Мара уже рядом с человеком в черном плаще, вырывает у него из рук газету.

Газета падает наземь.

Это не Межулис. Это Пурвит! Без усов, в черном плаще Межулиса, но, конечно же, Пурвит, а не его призрак!

— Пурвит! — восклицает опешившая от неожиданности Мара. Человек, встречающий доктора Селаго, не убийца, которого разыскивает Мара, а убитый. Надо бить тревогу, но Мара не может выговорить ни слова.

Пурвит узнает Мару, поворачивается и ныряет в толпу. Милиционеры не знают Пурвита — они получили фотографию Межулиса, и арестовать им приказано его, и никого другого. А Мара сразу не может отделаться от охватившего ее оцепенения.

Лишь в тот момент, когда Пурвит исчезает в дверях здания, она бросается за ним вдогонку.

На привокзальной площади Пурвит торопливо озирается по сторонам. Единственное такси, черная «Волга», занято. С шофером разговаривает капитан Братунь, но он тоже не знает Пурвита в лицо. Зато кабина пригородного автобуса пуста. В нем уже сидят пассажиры: шофер и кондуктор все еще мешкают у кассы.

Пурвит даже не оглядывается. Он вскакивает в кабину, заводит мотор.

Пассажиров еще мало: человек десять, в основном пожилые женщины с покупками.

Пурвит увеличивает скорость. Распугивая пешеходов, он мчит по узким улицам.

Пока что никто не волнуется — совершенно случайно Пурвит едет обычным для этого автобуса маршрутом.

Но вот приближается остановка. Кое-кто берет свои сумки, иные проходят ближе к выходу. Пурвит снижает скорость, но, увидев среди ожидающих милиционера, прибавляет газ и чуть не сбивает человека, который лишь в последний момент отскакивает в сторону.

— Он пьяный! Остановите!— кричит женщина в автобусе.

— Так можно и людей угробить!— басит мужчина.

Около рынка на окраине города Пурвит снова тормозит — здесь легче всего бросить автобус, замести следы — но снова помеха: навстречу шагает взвод солдат с белыми свертками под мышкой.

Дорога разветвляется. Слева приближается колонна грузовиков с кукурузой. Пурвит решает ехать вправо, в горы. Мужчина в рабочем комбинезоне вскакивает со своего места и барабанит в стеклянную переборку кабины. Пурвит даже не оборачивается. Другие пассажиры тоже колотят по толстому автомобильному стеклу, но оно выдерживает. Выскочить на ходу в незакрытую дверь никто не решает.

Горная дорога сужается, повороты все круче. Какая-то девушка, спотыкаясь, добирается до переборки кабины.

В зеркальце Пурвит видит Мару. Пока он на вокзальной площади заводил мотор, она успела вскочить в автобус.

Взгляд Мары впился в остановившиеся глаза убийцы. Она видит их в зеркальце водителя.

Теперь она догадалась, что произошло. Поняв, что

Межулис намерен его выдать, Пурвит убил сообщника, инсценировал свою смерть, чтобы отвести подозрения на Межулиса. И этот сатанинский план почти удался.

Мара опускает руку в карман, нащупывает пистолет, но в создавшейся ситуации оружие бесполезно. Если выстрелить в Пурвита, потерявший управление автобус сорвется в пропасть.

Пурвит по-прежнему не спускает глаз с Мары. В его взгляде проскальзывает новое выражение. Она, только она узнала его! Пурвит поворачивает кран, и в следующий момент с негромким зловещим шипением закрываются пневматические двери. Теперь она в западне.

Мара оглядывается и чуть не вскрикивает от радости. На изрядном расстоянии ниже автобуса по виткам серпантина мчатся два мотоцикла. Милиция! Скоро они нагонят автобус.

Пурвит тоже заметил погоню, но скорость не прибавляет.

Как раз наоборот — ход машины постепенно замедляется.

Автобус достиг перевала. Отсюда дорога снова идет вниз. Пурвит распаивает дверцу кабины. Выпрыгивает.

Автобус теперь идет прямо на скалу, а Пурвит прыгает в кустарник, растущий по краю обрыва.

В автобусе — крики.

Спасти всех может только чудо. Чудо или тормоза.

Мара как загипнотизированная впиалась взглядом в тормозную педаль. Но их разделяет не поддающаяся ударам стенка.

В ту минуту, когда от скалы их отделяет всего несколько десятков метров, Мара вспоминает про пистолет. Выхватив оружие, она несколько раз подряд стреляет в окно. Вокруг пробитых пулями дырок образуются сеточки мелких трещин, они молниеносно распространяются по всему стеклу. Мара ударяет по нему рукояткой пистолета, стекло рассыпается крошечками.

Мара влезает в кабину и изо всех сил жмет на тормозную педаль. Силы не хватает. Мара отчаянно крутит рулевое колесо, стараясь вывести автобус на дорогу. Наконец автобус останавливается.

Мара протягивает руку, чтобы повернуть кран пневматического управления дверцами, но рука ее застывает. Она заметила Пурвита.

Пурвит бежит по крутому склону, скользит, падает, опять бежит. Мотоциклисты еще не выехали на перевал и не видят Пурвита... Неужели ему удастся бежать?

Внизу на шоссе показывается «Волга» с эмблемой такси. Шофер услужливо сбавляет ход и останавливается. Пурвит открывает переднюю дверь.

— Вперед!— Он откидывается на спинку сиденья.

Позади вырастает фигура капитана Братуня, прятавшегося за спинкой переднего сиденья. В затылок наведено дуло пистолета. Пурвит подымает руки.

* * *

И вот мы снова на том же месте, откуда начинается рассказ, в кафе. Как и тогда, играет оркестр.

— Ты мог бы заказать шампанское,— говорит Мара.

— Что же мы празднуем?

— Мое повышение не состоится. Григаст решил оставить меня в опергруппе.

— Тогда сейчас самый подходящий случай вручить наконец мой подарок.— Эрберт кладет перед ней Будду из слоновой кости.— Только, к сожалению, головки так и нет...

— У меня тоже есть для тебя подарок.— Мара улыбается и достает из сумочки отломанную головку.

СОДЕРЖАНИЕ

«ТОБАГО» МЕНЯЕТ КУРС	5
ТРИ ДНЯ В КРИСПОРТЕ	153
«24-25» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ	281

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Анатолий Адольфович Имерманис
Гавриил Ефимович Цирулис

«ТОБАГО» МЕНЯЕТ КУРС
ТРИ ДНЯ В КРИСПОРТЕ
«24-25» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Ответственный редактор В. С. Мальт. Художественный редактор И. Г. Найденова. Технический редактор И. Я. Колодная. Корректоры В. И. Дод и Э. Л. Лофенфельд. Сдано в набор 26/IV 1973 г. Подписано к печати 21/IX 1973 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 18,85. Тираж 100 000 экз. А12746. Заказ № 647. Цена 70 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, Сушеvский вал, 49.

70 von.